

сергей

кара-мурза

манипуляция
продолжается

стратегия разрухи

политические
тайны
XIX
века

сергей
кара-мурза

манипуляция
продолжается

стратегия разрухи

Москва
алгоритм
2011

УДК 327
ББК 66
К 21

Кара-Мурза С.Г.
К 21 Манипуляция продолжается. Стратегия разрухи. – М.: Алгоритм, Издательство ЭКСМО, 2011. – 352 с.

ISBN 978-5-4320-0058-3

В своей новой книге известный публицист и политолог С. Г. Кара-Мурза посмотрел на современную российскую экономику с точки зрения здравого смысла и не обнаружил его ни в чем: ни в «новациях», ни в «структуризациях», ни в бесконечных «модернизациях». Анализируя все происходящее в экономике, писатель определяет его одним словом – разруха.

**УДК 323
ББК 63.3**

ISBN 978-5-4320-0058-3

**© Кара-Мурза С.Г., 2011
© ООО «Алгоритм-Издат», 2011
ООО «Издательство Эксмо», 2011**

ВВЕДЕНИЕ

Разумный человек получил мощные познавательные средства, которые скачкообразно выделили его из животного мира. С помощью языка он стал накапливать и передавать коллективный опыт, с помощью разума устанавливать корреляции между явлениями, а затем и причинно-следственные связи. Он стал *предвидеть* угрозы. Более того, воображение дало ему возможность планировать свои действия при возникновении опасности, а нравственность дала ему духовную силу для преодоления страха.

Мир втянулся в кризис индустриальной цивилизации. В каждой стране он наложился на свои проблемы. Россия переживает наложение нескольких кризисных волн, и совокупный глубокий кризис придется еще долго переживать, то подслащивая его нефтедолларами, то подтягивая пояса. Доктрина реформ 90-х годов предполагала высокую степень риска для всех систем страны. Делалось это осознанно или как печальная необходимость при разрушении «империи зла» — задача для историков. Нас же интересует суть дела.

Любой кризис поражает важные блоки общественного сознания. Но вследствие взаимодействия нескольких кризисов нынешний выделяется в российской истории неспособностью общества выработать внятный проект его преодоления. Ведь кризис — особый тип бытия, его можно уподобить болезни человека. Как и болезнь, его надо изучить, поставить диагноз, выбрать лекарства — и лечить. Лечить осторожно, стараясь не навредить, регулярно корректируя ход лечения.

Наш кризис порожден сменой общественного строя. Но почему она стала возможной? Еще Аристотель писал, что воз-

можны два типа жизнеустройства: в одном исходят из принципа «сокращения страданий», а в другом — из принципа «увеличения наслаждений». Советский строй исходил из первого принципа, был создан поколениями, пережившими несколько волн массовых бедствий. Он весь был нацелен на предотвращение угроз. В этом СССР достиг больших успехов и даже сделал ряд важных открытий в социальной и технической сфере. Но важен баланс принципов, и городское население 80-х годов, уже забыв о бедствиях, страдало от нехватки «наслаждений». Вместо осторожного сдвига в эту сторону активная часть общества соблазнилась радикально перейти ко второму принципу жизнеустройства.

Философ А.С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании как «*бунт юноши Эдипа*», бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода. Начавшийся «праздник жизни», хотя бы для меньшинства, не предвещал катастрофы, пока худо-бедно действовали старые системы защиты от угроз, но этот праздник затянулся сверх меры. Сейчас старые изношенные системы хозяйства начали рассыпаться, но наше сознание — и у элиты, и у массы — уже утратило навыки предвидения угроз.

Не желая слышать неприятных сигналов, мы стали отключать системы сигнализации об угрозах — одну за другой. Уже с начала перестройки специалисты фиксировали это странное изменение в сознании людей — на время в обиход вошел даже термин «синдром самоубийцы». Операторы больших технических систем совершали целую цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устроить катастрофу. Вот, на шахте в Донбассе произошел взрыв метана, погибли люди. Был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Вместо того чтобы устранить неисправность, его просто отключили. Не помогло, сигналы беспокоили — и последовательно отключили, если память не изменяет, 23 анализирующих и сигнализирующих устройства.

В конце 80-х годов положение ухудшилось, пренебрежение опасностями стало принимать патологический характер. Так, на трубопроводах — транспортной системе повышенной опасности — были повсеместно устранены *обходчики*. Между тем присутствие хотя бы по одному обходчику даже на больших

участках трассы предотвратило бы тяжелую аварию лета 1989 г. в Башкирии. То же происходило и на железной дороге — резкое сокращение работ по осмотру пути и подвижного состава привело к росту числа крушений и аварий, включая катастрофические, в том числе при перевозке особо опасных грузов.

Но признаком *общей* беды это стало потому, что так вели себя люди в самых разных делах. Среди бела дня, при полной видимости, немыслимым образом сталкивались два корабля, которые вели опытные капитаны. Водители на шоссе вдруг разворачивались из правого ряда, даже не подав сигнала, и приводили к тяжелой аварии. От «неестественных причин» (травм, убийств, случайных отравлений и несчастных случаев) в Российской Федерации стало гибнуть очень много людей — до 400 тысяч человек в год.

На высших уровнях управления это выражалось в планомерной ликвидации («перестройке») структур, которые и были созданы для обнаружения угроз и их предотвращения. Общество заболело чем-то вроде СПИДа. Ведь иммунодефицит и выражается прежде всего в отключении первого контура системы иммунитета — механизма *распознавания* проникших в кровь веществ, угрожающих организму.

Вот, властями и строительными фирмами Москвы и Петербурга овладела великая идея построить несколько десятков небоскребов — чтобы было «как в Нью-Йорке». В Петербурге уже решили строить 40-этажные дома, хотя такие дома можно строить только на прочных скальных выходах или на твердых отложениях, а под Питером залегает чехол слабых отложений (торф, пески, глины). Как же так? Очень просто — интересы «дикого капитализма» заставили ликвидировать важный институт индустриальной цивилизации — *Госстандарт*. Его выстраивали у нас весь XX век — и вот, устранили, стали «приватизировать». Вместе с техническим надзором. Символом этой реформы стало невероятное событие — прямо над туннелем метро около станции «Сокол» строители вбили 11 свай. Три из них провалились в туннель, а одна даже пробила поезд. В это надо вдуматься, это важный симптом.

Раздел I

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Глава I

УГРОЗА ДЛЯ ХОЗЯЙСТВА: УТРАТА СПОСОБНОСТИ ПРЕДВИДЕТЬ УГРОЗЫ

В России уже в течение двадцати лет делается попытка вместить ее жизнеустройство в структуры либеральной экономики и государственности западного типа («вернуть в лоно цивилизации»).

Речь идет о радикальной смене общественного строя («ликвидация», а не реформирование). В основу нового общества предлагается положить конкуренцию, а не сотрудничество — то есть имеется в виду вовсе не «социализм с человеческим лицом», не «конвергенция» и даже не социал-демократия шведского типа, а именно «дикий капитализм». Меры по смягчению его дикости, предпринятые после 2000 г. с помощью нефтедолларов, свертываются вследствие нового витка кризиса с конца 2008 г.

Проект этот по глубине несопоставим с революцией Октября 1917 года. В Советской революции претензии ограничивались изменением социально-экономического уклада и идеологии — на траектории развития исторической России. Сейчас речь идет о смене траектории, смене *типа цивилизации*. Авторы доктрины реформ российского хозяйства и государственные политики, которые руководили реализацией этой доктрины, превратили реформу в операцию войны против России. «Целились в коммунизм, а стреляли в Россию» — иначе никак не получалось. Под обстрелом оказались все сферы советского жизнеустройства — они же были и устоями российской ци-

визации, достроенными в советское время. По мере иссякания запаса жизненных сил изуродованных советских структур нарастает тяжесть травм, полученных цивилизацией *исторической России*.

Группа экономистов, которая составляла «экономический блок» режима Ельцина, выводила свою доктрину из мифа, согласно которому Запад выражает некий универсальный закон развития в его чистом виде. Американские эксперты, работавшие в Москве (включая известных экономистов), писали в 1996 г.: «Анализ экономической ситуации и разработка экономической стратегии для России на переходный период происходили под влиянием англо-американского представления о развитии. Вера в самоорганизующую способность рынка отчасти наивна, но она несет определенную идеологическую нагрузку — это политическая тактика, которая игнорирует и обходит стороной экономическую логику и экономическую историю России» [1].

Эта политическая тактика, к которой подталкивали Гайдара западные советники из числа радикальных неолибералов, противоречила знанию, накопленному даже в рамках *либерализма*! Один из виднейших английских либеральных философов, Дж. Грей, пишет: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, чего им следует опасаться; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях» [2].

В 1991 году к М.С. Горбачеву обратилась с «Открытым письмом» группа из 30 американских экономистов (включая трех лауреатов Нобелевской премии по экономике — Ф. Модильяни, Дж. Тобина и Р. Солоу; еще один, У. Викри, стал лауреатом в 1995 году.). Они предупреждали, что для успеха реформ надо сохранить землю и другие природные ресурсы в общественной собственности. Виднейшие западные экономисты видели разрушительный характер доктрины российских реформ и пытались предотвратить тяжелые последствия. На их письмо просто не обратили внимания.

Наше общество, в массе своей, утратило навык предвидения опасностей. Даже предчувствия исчезли. Это было признаком назревания большого кризиса, а потом стало причиной его углубления и затягивания. Не чувствуешь опасности — и попадаешь в беду.

Отметим еще одно обстоятельство, которое усугубило нашу общую слабость в предвидении рисков — у нас как раз к началу кризиса «отказало» обществоведение, общественные науки. Отказало в целом, как особая система знания (об отдельных блестящих талантах не говорим, не они определяют общий фон).

Как малые дети, ожидающие от жизни только подарков, мы извратили сам смысл науки, в том числе общественной. Она была представлена силой, смысл которой — улучшение нашей жизни, увеличение благ и свобод. На деле главная ценность науки — накладывать запреты, указывать на то, *чего делать нельзя*. Обществоведение обязано *предупреждать* о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей — указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу.

Перестройка и хаос 90-х годов привели к поражению основ знания об обществе. Важная часть массового сознания была отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов — Просвещение отступило. Что значит «мы не знаем общества, в котором живем»? Это как если бы капитан при начинающемся шторме, в зоне рифов, вдруг обнаружил, что на корабле пропали лоции и испорчен компас. Уже к 1988 г. стало видно, что перестройка толкает общество к катастрофе — но гуманитарная интеллигенция этого не видела.

Конечно, сильное давление оказал политический интерес. Чтобы сломать такую махину, как государство и хозяйство, надо было сначала испортить инструменты рационального мышления. В рамках нормальной логики и расчета невозможно было оправдать тех разрушительных изменений, которые были навязаны стране со ссылкой на «науку». Сегодня чтение солидных, академических трудов обществоведов перестроеч-

ного периода оставляет тяжелое чувство. В них нарушены самые элементарные нормы логического мышления и утрачена способность «взвешивать» явления.

Это выразилось в уходе от осмысления *фундаментальных* вопросов. Их как будто и не существовало, не было никакой возможности поставить их на обсуждение. Из рассуждений была исключена категория *выбора*. Говорили не о том, «куда и зачем двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью».

Безумным был уже сам лозунг перестройки — *«Иного не дано!»* Как это не дано? С каждого перекрестка идут несколько путей.

Никто не удивляется, а ведь вещь поразительная: ни один из видных экономистов никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть* переделано в рыночную экономику — но тут же требовал его немедленно переделать. Не слушали реформаторы и видных представителей отечественной экономической науки, которые предупреждали, что доктрина радикальной переделки советской экономики в рыночную кончится крахом. Академик Ю.В. Яременко писал об авторах доктрины: «Проблема адекватности реформы живой экономике для них не стояла».

Строго говоря, игнорировались и современные взгляды западной науки, из которых следовало, что к успеху могло привести только надстраивание рыночных прелестей на имеющийся фундамент (как в Японии или Китае). Нет, первым делом взорвали фундамент.

Поражали метафоры перестройки. Вспомним, как обществоведы зывали: «Пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка!» — и все аплодировали этому сравнению, хотя были уверены, что в один прыжок эту пропасть перепрыгнуть не удастся. Не дали даже спросить, а зачем вообще нам прыгать в пропасть. Разве где-нибудь кто-то так делает, кроме самоубийц? Предложения «консерваторов» — не прыгать вообще, а построить мост — отвергались с возмущением.

Летом 1991 г. несколько групп экспертов провели расчет последствий «либерализации цен», которую позже осуществил Гайдар (и расчет полностью подтвердился). Результаты расчетов были сведены в докладе Госкомцен СССР, это был сигнал об угрозе тяжелого социального потрясения и спада производства. Но «ведущие экономисты» успокоили людей. Так, «Огонек» дал такой прогноз: «Если все цены на все мясо сделать свободными, то оно будет стоить 4—5 руб. за кг, но появится на всех прилавках и во всех районах. Масло будет стоить также рублей 5, яйца — не выше полутора. Молоко будет парным, без химии, во всех молочных, в течение дня и по полтиннику», — и так далее по всему спектру товаров.

Сейчас это кажется курьезом, но дело очень серьезно. Трагедия в том, что дело было не в злонамеренности экономистов, их прогнозы отражали общую структуру мышления, которая мало в чем изменилась. Академики, экономисты и социологи, предлагали меры, которые были бедствием для миллионов людей и уничтожали огромное национальное богатство, — и не видели опасности.

Академики-экономисты призывали к *деиндустриализации*, к ликвидации до 2/3 всей промышленной системы страны. Это значит, главные интеллектуальные инструменты для предвидения угроз в стране действительно отключены. Точно так же была исключена проблема угроз и рисков из обсуждения программы приватизации промышленности. Навык их предвидения сумели изъять и из массового сознания. Да, подавляющее большинство граждан с самого начала не верило, что приватизация будет благом для страны и для них лично. Но 64% опрошенных ответили: «Эта мера ничего не изменит в положении людей».

Это — признак глубокого повреждения в сознании. Как может приватизация всей промышленности и, прежде всего, практически *всех рабочих мест* ничего не изменить в положении людей! Как может ничего не изменить в положении людей массовая безработица, которую те же опрошенные предвидели как следствие приватизации! Реальность такова: приватизация

(вместе со всеми идущими «в одном пакете» мерами) почти моментально привела к спаду производства вдвое и вытеснила с заводов и фабрик России 9 млн. рабочих и инженеров.

Приватизация промышленности означала важный исторический выбор, кардинальное изменение жизнеустройства всего народа — а люди воспринимали ее как бесполезное (но и безвредное) техническое решение. Мысленная операция прогнозирования угроз была исключена из мышления граждан. Но эта операция совершенно необходима для успешного ведения хозяйственной деятельности в быстро меняющемся мире. Деградация этого инструмента мышления — важная угроза для российской экономики.

Подорван и другой важный инструмент мышления — рефлексия. Прошло двадцать лет реформ, но внятного анализа их результатов нет. Дж. Стиглиц пишет: «Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем «проведения приватизации любой ценой»... Приватизация, сопровождаемая открытием рынка капитала, вела не к созданию богатства, а к обдиранию активов. И это было вполне логичным» [3, с. 81, 176].

Но как раз интереса к «изучению опустошительного ущерба, нанесенного стране» в среде обществоведов нет.

В целом, мины, заложенные в 90-е годы, созревают до того, чтобы начать рваться, только сейчас, уже в XXI веке. Главный вал отказов, аварий и катастроф придется на то поколение, что сегодня входит в активную жизнь. Большинство опасностей, предсказанных специалистами при обсуждении доктрины реформ в начале 90-х годов, *проявились*. Однако их развитие оказалось более медленным, чем предполагалось. Большие системы, сложившиеся в советское время, обладают аномально высоким запасом «прочности». Природа этой устойчивости не выявлена и ресурсы ее не определены. Это создает опасную неопределенность, поскольку исчерпание запаса прочности может быть лавинообразным и момент его предсказать трудно.

Природа и источники рисков и угроз в условиях нашего кризиса не стали предметом ни научных исследований, ни общественного диалога. Ячейки таких исследований «ушли в ка-
такомбы».

Глава 2

ХОЗЯЙСТВО КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Хозяйственная деятельность — один из главных механизмов, собирающих людей и их малые общности в народ (нацию). Под видимыми хозяйственными укладами, приемами и нормами лежат мировоззренческие и нравственные основания, корнями уходящие в религиозные представления о мире и человеке.

Хозяйство имеет национальный (даже этнический) и цивилизационный характер. Будучи порождением национальной культуры или самобытной цивилизации, оно, в свою очередь, выполняет важнейшую роль в их *воспроизводстве*. Реформаторы в лучшем случае игнорировали национальный и цивилизационный аспект, ограничивая смысл реформы чисто экономическими показателями, но иногда открыто говорили о намерении изменить тип цивилизации России.

Вот уже 18 лет правительства президента Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, а теперь Д.А. Медведева проводят программу перевода всех сторон нашей жизни на рыночные отношения. Множество ученых показали, что эта утопия недостижима *нигде в мире*, однако на Западе по законам рынка может действовать относительно большая часть человеческих взаимодействий. В России же тотальное подчинение рынку было бы убийственным и повлекло бы гибель большей части населения.

На эти вполне корректные, академические указания ни президенты, ни правительства не отвечают — они делают вид, будто всех этих трудов русских экономистов, географов, социологов, начиная с XIX века, просто не существует. Вся док-

трина реформ в России игнорировала культурные различия как несущественный фактор. Ударом по ядру ценностей России как цивилизации стала попытка придать **конкуренции** статус высшей ценности. Временами эта попытка выходила за разумные рамки. При этом интеллектуалы, которых власть привлекала для этой миссии, затруднялись даже определить, о чем идет речь.

Пресса сообщала, не без сарказма: «Накануне выборов Президента Российской Федерации (в 2004 г.) два десятка видных экспертов и экономистов пытались ответить на вопрос: сможет ли воплотиться в жизнь предложение Владимира Путина — придать теме конкурентоспособности страны статус российской национальной идеи? Высказанные в ходе дискуссии позиции поразили разнообразием, а иногда наводили на мысль: а все ли хорошо понимают сам предмет разговора?»

Вера в то, что западная модель экономики является единственно правильной, доходила до идолопоклонства (если только она была искренней). Экономист В. Найшуль, который участвовал в разработке доктрины, даже опубликовал в «Огоньке» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Это нелепое утверждение. Православные страны есть, иные существуют по полторы тысячи лет — почему же их экономику нельзя считать нормальной?

Странно как раз то, что российские экономисты вдруг стали считать нормальной экономику Запада — недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части человечества. Если США, где проживает 5% населения Земли, потребляют 40% минеральных ресурсов, то любому овладевшему арифметикой человеку должно быть очевидно, что хозяйство США никак не может служить нормой для человечества.

Иногда пафос реформаторов доходил до гротеска, и в «Вопросах философии» можно было прочитать: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию... В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес... Сегодня, пожалуй,

единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)».

Мысль о том, что хозяйство надо отдать в управление иностранному капиталу, также исходила из того, что само экономическое мышление российских аборигенов никуда не годится. А.Н. Яковлев сразу поставил вопрос жестко: «Без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жилье» [4].

Реформаторы приняли к исполнению программу МВФ, которая была разработана, чтобы вышибать долги из слаборазвитых стран за счет приватизации, сокращения социальных расходов и государственных инвестиций. Дж. Грей уже перед началом неолиберальной реформы в России писал: «Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными» [2, с. 89].

Тезис о том, что «стержневая идея» неолиберальной доктрины МВФ «на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ», подтверждена большим массивом исследований американских ученых. Замалчивание их результатов экспертами «команды Ельцина» является одним из тяжелых нарушений профессиональной этики.

До начала российской реформы опыт проведения неолиберальной «программы структурной стабилизации» в *каждой* стране внимательно изучался учеными США. Ежегодно в США защищалось 10—15 докторских диссертаций на эту тему. За 80-е годы в компьютерной базе «Dissertation Abstracts» появился целый том авторефератов более чем ста исследований, в основном в странах Латинской Америки и Африки. В выводах *всех до одной* диссертаций одним из пунктов было при-

знание разрушительного характера этой программы МВФ для национальной экономики. В ходе этой программы в метрополию поступило в пять раз больше денег, чем было дано в долг. Уже к концу 80-х годов было точно известно, что применение программы МВФ привело к экономической катастрофе в Латинской Америке и Африке (кроме тех стран, вроде Чили, Коста-Рики и Египта, которым по политическим причинам условия программы ослабили).

Этого избежали только страны Юго-Восточной Азии (Тайвань, Южная Корея и др.), которые не приняли программу МВФ. В обзоре положения в Африке было сказано, что если страны к югу от Сахары будут и дальше точно выполнять план МВФ, то они лишь через 100 лет восстановят уровень экономики, который имели в середине 70-х годов. Пытаться с помощью этой программы построить в России рыночную экономику было неразумно (если только не было других целей).

Страны-должники не могли от программы МВФ отказаться. Власти России приняли ее из политических соображений. Приглашенный правительством России как советник по социальным проблемам реформы известный американский экономист Мануэль Кастельс писал: «К тяжелым последствиям привел тот факт, что в России МВФ применил свою старую тактику, хорошо известную в третьем мире: «оздоровить» экономику и подготовить ее для иностранных капиталовложений даже ценой разрушения общества».

Неизвестно, насколько можно верить откровениям Б.Н. Ельцина, но он писал следующее: «Наверное, по-другому было просто нельзя. Кроме сталинской промышленности, сталинской экономики, адаптированной под сегодняшний день, практически не существовало никакой другой. А она генетически диктовала именно такой слом — через колено. Как она создавалась, так и была разрушена» [5].

Даже если он кривил душой с какой-то скрытой политической целью, его рассуждение безумно. Как может промышленность «генетически диктовать» ее слом через колено? Как он расслышал голос промышленности? Разве разумно разрушать имеющуюся промышленность по той причине, что «не суще-

ствовало никакой другой»? Зачем писатели «народного президента» издавали под его именем эти бредовые умозаключения? Ведь, все-таки, какой-то смысл в этом, наверное, был.

После ухода Ельцина язык власти стал более мягким и оппортунистическим, но и внутренне противоречивым. В программной статье В.В. Путина «Россия», опубликованной 31 декабря 1999 г., были сделаны два главных утверждения:

— «Мы вышли на магистральный путь, которым идет все человечество... Альтернативы ему нет».

— «Каждая страна, в том числе и Россия, должна искать свой путь обновления» [6].

Но обе эти мысли взаимно исключают друг друга! К тому же первое утверждение неверно фактически — «третий мир», то есть 80% человечества, в принципе не может повторить путь Запада. Все человечество никак не может идти одним и тем же «магистральным путем», эта универсалистская утопия Просвещения была исчерпана уже в XIX веке.

Принятие для России правил «рыночной экономики» означает включение либо в *ядро* мировой капиталистической системы (метрополию), либо в *периферию*, в число «придатков». Никакой «независимой рыночной России», не входящей ни в одну из этих подсистем, быть не может. Это стало ясно уже в начале XX века, когда была достаточно хорошо изучена система мирового капитализма, построенного как неразрывно связанные «центр — периферия». Перспектива стать частью периферии западного капитализма и толкнула Россию к советской революции как последнему шансу выскочить из этой ловушки.

Когда набрала обороты реформа в России, один из ведущих исследователей глобальной экономики И. Валлерстайн писал специально для российского журнала: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное «ядро» и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии» [7].

Вопрос был вполне ясен, и господствующее меньшинство, представлявшее союз очень разных социальных групп России, сделало в конце 80-х годов сознательный исторический выбор. Он состоял в том, чтобы демонтировать народное хозяйство,

которое обеспечивало России политическую и цивилизационную независимость, и стать частью периферии мировой капиталистической системы.

После 1991 г. в России была провозглашена программа замены институтов и систем, которые были созданы и построены в собственной культуре, на институты и системы чужой цивилизации, по шаблонам англосаксонской рыночной системы. Смена типа народного хозяйства ведет к изменениям во *всех* составляющих цивилизации как системы, это пересборка всех ее элементов и связей.

Силой, которая скрепляет Запад через хозяйство, является обмен, контракт *купли-продажи*, свободный от этических ценностей и выражаемый количественной мерой *цены*. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится **рынок**.

Напротив, в России акты обмена по большей части не приобретали характера свободной и эквивалентной купли-продажи — рынок регулировал лишь небольшую часть общественных отношений. Был велик вес отношений типа служения, выполнения долга, любви, заботы и принуждения. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится в таком обществе **семья**.

Признание или непризнание цивилизационных особенностей хозяйства России относительно рыночной экономики Запада периодически становится в России предметом острых дебатов. Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Следствием, как правило, были огромные издержки или провал реформ, острые идейные и социальные конфликты. Результатом нынешней реформы стала быстрая утрата населением России ряда признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него и в других сферах.

Здесь — важный урок. После сравнимых с нынешними разрушений от гитлеровского нашествия промышленность была восстановлена за два года, а хозяйство в целом — за 5

лет. В 1955 г. объем промышленного производства превзошел уровень 1945 г. почти в 6 раз, а сельского хозяйства — почти в 3 раза. Сейчас промышленность только-только выходит на уровень 1990 г. (это до кризиса конца 2008 г.), а сельское хозяйство в обозримом будущем вряд ли этот уровень достигнет. А реформа длится уже 20 лет. Эту разницу надо объяснить. Ведь дело явно не в мелочах, причины фундаментальны и речь идет об историческом вызове, от которого не уклониться.

Надо коротко отметить и еще одно принципиальное цивилизационное отличие хозяйства России (и царской, и советской, и нынешней) от западного капитализма. Оно состоит в длительном изъятии Западом огромных ресурсов из колоний, которое было необходимым условием для возникновения и развития современного Запада. Сделанные за счет этих средств инвестиции создали условия для рывка, благодаря которому Запад в XX веке получил возможность получать с остального мира «интеллектуальную ренту» научно-технического лидера и ренту от эмиссии мировых валют (доллара, а теперь и евро). Этих источников Россия не имела и, видимо, иметь не будет. Уже поэтому имитация западной системы хозяйства не позволит России сохранить статус цивилизации.

Вероятно, даже и такой выбор, который был сделан в 1991 г., можно было осуществлять или с большими, или с меньшими травмами. Как мы помним, был выбран самый радикальный вариант — *шоковой терапии*. Она привела к такому провалу в хозяйстве, который пришлось закрывать распродажей ресурсов и изъятием средств из всех стратегических систем России. Академик Ю.В. Яременко писал о недопустимости либерализации сложившейся в СССР системы цен без ее постепенной структурной перестройки: «Из-за колоссальных технологических перепадов изменение структуры цен при переходе к рынку сразу же приведет к разорению целых секторов экономики».

Так и произошло

Доминирующей тенденцией в хозяйстве стали *проедание капитальных фондов*, растрата созданных предыдущими поколениями унаследованных богатств, а также природных бо-

гатств, предназначенных для жизнеобеспечения *будущих* поколений. Такой хозяйственный порядок допустим для цивилизации только как *аварийная краткосрочная мера*, с целью пережить катастрофу. Этот допустимый интервал времени мы почти исчерпали или близки к этому порогу. Цивилизация в ее нынешних формах принимает черты *паразитической*, а значит, каким-то образом будет переформатирована.

Но сейчас мы подошли к новому перекрестку. Соображения, по которым российское правительство приняло неолиберальную доктрину, отпали, и теперь надо вырабатывать политику реформ, исходя из долгосрочных национальных интересов.

Глава 3

ПОДРЫВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Для земной жизни нужны инструменты рационального мышления — точный язык, логика, мера, навыки рефлексии и проектирования. Все они были сильно повреждены во время перестройки, а затем подрывались в ходе реформы. Сейчас сознание общества и особенно элиты хаотизировано и не справляется с задачами, которые ставит кризис. Резко снизилось качество решений и управления, возникли аномальные зоны, где принимаются наихудшие решения из всех возможных. Дальнейшая деградация рационального сознания — *всеобщая угроза*.

С этого факта и начнем. В своих рассуждениях 80-х годов влиятельная часть нашей интеллигенции допустила ряд фундаментальных ошибок. В результате этих ошибок были сделаны ложные выводы и приняты неверные (с точки зрения интересов большинства даже самой интеллигенции) решения. За интеллигенцией пошла масса людей — кому же верить, как не своим образованным близким. В результате страна оказалась на грани катастрофы и погрузилась в кризис, из которого не ясно, как выбраться. После 2000 г. этот кризис слегка заморозили — и то слава богу. Но подморозить — не значит выле-

чить. Когда «заморозка» перестанет действовать, каково нам придется?

Да и сами ошибки — лишь *симптом*. Причиной их было нарушение норм рациональности. Перестройка привела к ее тяжелому поражению. Вместо анализа ошибок и «починки» инструментов разумного мышления, как это принято делать при любых технических сбоях или авариях, произошел срыв — эти ошибки побудили к дальнейшему отходу от норм разумного мышления, в результате чего общество и сорвалось в тяжелейший кризис. Если бы наши либеральные реформаторы, исходя из своей веры и своих идеалов рассуждали согласно правилам здравого смысла и логики, сверяли бы свои выводы с реальностью, то мы могли бы избежать срыва и найти разумный компромисс между интересами разных частей общества. Большинство при этом все равно бы пострадало (за ошибки надо платить), но не так сильно.

В среде специалистов, которые разрабатывали доктрину реформ, методологическим принципом стала *безответственность*. Пафос реформы был открыто оглашен как *слом советской хозяйственной системы и создание необратимости*. Сама декларация о *необратимости как цели* показывает глубинную безответственность — как философский принцип¹.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2004 г. В.В. Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения «старого здания»... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Это важное утверждение. Ведь реформа 90-х годов представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики — а теперь оказывается, что это был ее *демонтаж*, причем грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это согла-

---

¹ Академик Ю.В. Яременко писал, что «необратимость реформ здесь оплачивается необратимостью потерь производственно-технологического потенциала».

сия общества не спрашивали, а разумные граждане никогда бы не дали такого согласия. Ни в одном документе 90-х годов не было сказано, что готовился **демонтаж экономической системы** России. Значит, власть следовала **тайному** плану. Где секретные протоколы к этому «*пакту*»?

В любом государстве уничтожение «половины экономического потенциала» страны было бы квалифицировано как измена Родине или вражеская диверсия в беспрецедентно крупном размере. И уж это никак не могло бы пройти без внятного объяснения власти с обществом. Надо дать оценку этой программе с точки зрения законов и канонов государственной безопасности. Ведь в 1999 г. новая власть приняла дела у Ельцина и его команды и их отчета не обнародовала. Да и сегодня имя Ельцина присваивается библиотекам и университетам, это явный знак одобрения его дел. Все уже по горло сыты недо молвками.

При выработке той программы наблюдалась поразительная вещь: ни один из ведущих экономистов не сказал, что советское хозяйство *может быть переделано* в рыночное хозяйство западного типа. Никто никогда не утверждал также, что в России можно *построить* экономическую систему западного типа. Ситуация в интеллектуальном плане аномальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились на предположении, которого никто не решался явно высказать. Никто не заявил, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Ведь если этого не будет, то уплаченную народом тяжелую цену за реформу уже никак нельзя будет оправдать. Однако, сколько ни изучаешь документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва в катастрофу. А вот предупреждений об очень высоком риске сорваться в катастрофу было достаточно.

Итак, главные обществоведы страны не утверждали, что жизнеустройство страны может быть переделано без катаст-

рофы — но тут же требовали его переделать. Тот факт, что общество принимало подобные катастрофические предложения без обоснования и критического анализа, говорит о том, что к концу 80-х годов в СССР и России имел место отход от рационального мышления.

Уже к середине 90-х годов мнение о том, что экономическая реформа в России «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало общепризнанным (пусть негласно) и среди российских, и среди западных специалистов. В 1996 г. видные экономисты Н. Петраков и В. Перламуров писали в академическом журнале «Вопросы экономики»: «Анализ политики правительства Гайдара — Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы» [8].

Председатель Совета экономических советников при президенте США Клинтоне Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц, дает такую оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества — колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [3, с. 188].

Вдумаемся в этот вывод: в результате реформ мы получили *самое худшее из всех возможных состояний общества*. Значит, речь идет не о частных ошибках, вызванных новизной задачи и неопределенностью условий, а о *системе ошибок*. Перед нами явление крупного масштаба: на огромном пространстве создана хозяйственная и социальная катастрофа, не имеющая прецедента в индустриальном обществе Нового времени. Украина — большая развитая европейская страна. В 2000 г. средняя реальная заработная плата здесь составляла 27% от уровня 1990 года (в Российской Федерации 42%, в Таджикистане 7%).

Известный американский советолог С. Коэн писал в 1998 г.: «Проблема России состоит в беспрецедентно всеобщей экономической катастрофе в экономике мирного времени, находящейся в процессе нескончаемого разрушения... Катастрофа настолько грандиозна, что ныне мы должны говорить о

не имеющем прецедента процессе — буквальной демодернизации живущей в XX веке страны» [9].

Таким образом, речь идет не о кризисе, а о *демодернизации* — утрате системных свойств современной цивилизации. Казалось бы, перед разумным человеком возник очень важный объект исследований, анализа, размышлений и диалога. Но за прошедшие 20 лет никакого стремления к рефлексии по отношению к методологическим основаниям программы реформ в среде экономистов не наблюдается — за исключением отдельных личностей, которые при настойчивой попытке гласной рефлексии становятся диссидентами профессионального сообщества. Американские эксперты А. Эмсен и др. пишут в своем докладе: «Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык скрытых сталинистов» [1, с. 67]. В те годы этот ярлык означал маргинализацию человека как профессионала. Понятно, что мало кто шел на конфликт, пытаясь открыть дискуссию. Часто такой поступок совершали люди как раз слишком эмоциональные, их выступление воспринималось как крик отчаяния, и рационального разговора не получалось.

Возьмем самые распространенные случаи нарушений, которые будем иллюстрировать известными примерами. Это отход от реалистического мышления; «порча языка» — отход от системы рациональных категорий и понятий; утрата меры.

Аутистическое мышление. Основу рационального представления о действительности создает реалистическое мышление. Его цель — создать *правильные* представления, цель аутистического мышления — создать *приятные* представления и вытеснить неприятные. Если каким-то способом удастся отключить реалистическое мышление, то аутистическое мышление доделывает за него работу, тормозя здравый смысл и получая абсолютный перевес.

Во время перестройки в среде гуманитарной интеллигенции сложилась компактная господствующая группа, объединяющей силой и ядром идейной основы которой являлся мессианский *антисоветизм*. Эти люди грезили наяву о разрушении «империи зла». Господство аутистического мышления

породило небывалый в истории проект демонтажа народного хозяйства собственной страны. Предпосылкой к нему стало типичное проявление аутистического мышления в сфере хозяйства — сдвиг внимания от производства к распределению. На первый план в сознании вышел рынок — механизм распределения. «Реальная экономика» была представлена как нечто презренное и антигуманное.

Первый удар по хозяйству реформа нанесла в 1991—1994 гг., когда промышленное производство сократилось более чем в два раза. Директор Аналитического центра Администрации Президента Российской Федерации по социально-экономической политике П.С. Филиппов дает большое интервью (4 января 1994 г.).

Его спрашивают, какова причина этого кризиса. Он отвечает: «В нашей экономике узкое место — это торговля: у нас в три раза меньше торговых площадей, чем, например, в Японии. Хотите хорошо жить — займитесь торговлей. Это общественно-полезная деятельность. И так будет до тех пор, пока будет существовать дефицит торговых площадей, а, еще вернее, мы испытываем дефицит коммерсантов» [10].

Под давлением таких доводов люди оправдывали катастрофические изменения — из промышленности выбыла почти половина рабочих. Они сначала превратились в «челноков» и мелочных торговцев, а затем значительная часть их опустилась на «дно».

Экономисты настойчиво советовали совершить поворот России к «жизни в долг». Видный экономист Н.П. Шмелев, ныне академик РАН, предлагал сделать большие внешние заимствования, а отдавать долги государственной собственностью. Он писал: «По-видимому, мы могли бы занять на мировых кредитных рынках в ближайшие годы несколько десятков миллиардов долларов и при этом остаться платежеспособными... Эти долгосрочные кредиты могли бы быть также (при должных усилиях с нашей стороны) в будущем превращены в акции и облигации совместных предприятий» [11].

Через год, когда страна уже втягивалась в кризис, он говорит в интервью: «Не исключено, что частный банковский мир

переведет нас в категорию политически ненадежных заемщиков, так что на солидные займы рассчитывать нам не придется... [Можно взять] под залог нашего золотого запаса, основательно, кстати, пощипанного. Зачем мы его храним? На случай войны? Но если разразится ядерная война, нам уже ничего не нужно будет» [12].

Это крайний аутизм. Зачем мы что-то храним? А если война? И Российская Федерация сразу стала втягиваться в долговую яму, брать займы «зависимого типа», но российскому обществу это представляли как «помощь Запада» или даже как иностранные инвестиции.

Одним из крайних проявлений аутистического сознания элиты был категорический отказ обсуждать и даже видеть *отрицательные* последствия реформы. Вот умозаключение академика Т.И. Заславской, сделанное в важном докладе (1995): «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т.д.» [13].

Итак, 93% работников не могут жить так, как жили до приватизации, — за счет честного труда. Они теперь вынуждены искать сомнительные, часто преступные источники дохода («спекуляцию, мошенничество и т.д.») — но социолог считает, что *приватизация не повлияла на экономическое поведение*.

Из того, что сказала сама Т.И. Заславская, прямо вытекает, что приватизация *повлияла* на экономическое поведение подавляющего большинства граждан, причем кардинальным образом. Нелогичность ее утверждения — следствие аутистического сознания. Идеологи реформы видят только *приятные* изменения, а если влияние приватизации «на поведение массовых социальных групп» им неприятно, то этого влияния просто не видят.

Аутистическое мышление отражается и в современных воспоминаниях разработчиков доктрины реформ. Вот, на лек-

ции 29 апреля 2004 г. один из таких разработчиков, Симон Кордонский, излагает свою версию работы над доктриной¹.

Он выделяет главную черту ее авторов: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства — то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов, начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени... Что нас может заставить принять то, что отечественная реальность — вполне полноценна, масштабна, очень развита, пока не знаю» [14].

Для человека с реалистическим сознанием это признание покажется чудовищным. Такая безответственность не укладывается в голову, но это говорится без всякого волнения, без попытки как-то объяснить такую интеллектуальную аномалию.

Да ведь даже и на Западе нет того, что устроили в России наши реформаторы. Дж. Гэлбрейт сказал об их планах: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» [15].

Психическое отклонение клинического характера — вот как воспринимался замысел реформы в России видными западными специалистами, не имеющими причин молчать! Аутистическое мышление питается мифами. Наше общество пережило небывалый всплеск *мифотворчества*. Один из важных мифов гласил о якобы *избыточном производстве ресурсов как фундаментальном дефекте плановой экономики*. Этот миф вошел в самое ядро всей доктрины подрыва хозяйства России. Ведь вслед за атаками на какую-то «избыточную» отрасль (производства стали, тракторов, энергии и т.п.) принимались политические решения по демонтажу этих отраслей.

---

¹ В тот момент С. Кордонский работал референтом президента В.В. Путина.

Иррациональное утверждение, будто хозяйство России «работает *на себя*, а не на человека», стало привычным и не вызывало у людей психологического отторжения. Так, были резко уменьшены капиталовложения в *энергетику*, хотя специалисты доказывали, что сокращение подачи энергии и тепла в города Севера и Сибири приведет к исчезновению «потребителей» — они покинут холодный край. Тот факт, что гуманитарная интеллигенция благосклонно приняла программу, в которой почти невозможно было не видеть большой опасности для хозяйства и даже для шкурных интересов каждого обывателя, настолько необычен, что должен был бы стать предметом большого исследования.

Только при господстве аутистического мышления могла быть так легко принята разрушительная доктрина *деиндустриализации*. Люди слышали (и слышат сегодня) обещания произвести модернизацию России посредством прыжка в постиндустриальное общество без восстановления промышленности — и верят.

Уже с начала «нулевых» годов эти утопии получали поддержку в Администрации Президента. Например, С.Ю. Сурков приглашает граждан России грезить наяву: «Хотим мы включения в так называемую цивилизацию Третьей волны или останемся ржаветь в индустриальной, на задворках глобальной экономики до скончания века и нефти? Хотим ли мы неуклонно стремиться к смягчению нравов в политике и в быту, или предпочтем ходить строем?» [16].

Допустим, граждане России не хотят ржаветь в индустриальной цивилизации, не хотят ходить строем, а наоборот, хотят смягчать нравы в быту. Что конкретно им предлагает сделать власть? В основном, мы получаем заряд *грез*. Они прекрасны, им все готовы аплодировать, но по своему характеру они таковы, что служат средством анестезии, а не мобилизации на тяжелый, даже изнурительный труд именно «на задворках глобальной экономики» — восстанавливая страну на пепелище.

Президент Д.А. Медведев сказал в Послании 2009 года: «Настало время нам, то есть сегодняшним поколениям российского народа, сказать свое слово, поднять Россию на новую, более высокую ступень развития цивилизации... Вместо при-

митивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям. Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей... Вместо прошлой построим ... современную, устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда» [17].

Чтобы эти слова сплотили людей на трудовые усилия с неминуемо *отложенным вознаграждением*, под них надо подвести рациональную базу, то есть сказать, каким образом «мы создадим умную экономику» *вместо* «примитивного сырьевого хозяйства»? Ведь страна живет именно за счет «сырьевого хозяйства» — нефти и газа. Зачем же строить все эти Северные и Южные потоки, если мы собираемся вместо сырья гнать на экспорт нанотехнологии?

Как ни странно, даже В.В. Путин включился в пропаганду постиндустриальной утопии. На конференции в Давосе (январь 2009 г.) он сказал: «Считаю, что экономика XXI века — это экономика людей, а не заводов. Интеллектуальная составляющая в глобальном экономическом развитии неизмеримо возросла» [18].

Как это понять — «экономика людей, а не заводов»? Понятно, что «завод» — это метафора материального производства. Его в XXI веке не будет? Не будет сырья, техники, средств производства и производственных отношений — одни люди (допустим, в легкой одежде)? Или вся эта индустриальная дрянь просто не включается в категории хозяйства?

И почему вдруг «интеллектуальная составляющая неизмеримо возросла»? Как это взвесить? Как измерить «интеллектуальную составляющую развития» в момент приручения лошади или выведения культурного риса в сравнении с изобретением науки и прецизионного винта, с созданием паровой машины или электромотора? Насколько «неизмеримо возросла» эта самая интеллектуальная составляющая мобильного телефона по сравнению с перечисленными достижениями прошлых веков? Как-то все это странно слышать, «сидя на плечах XX века». Постмодерн крепчает.

Непосредственно для нашей темы важен случай фетишизации *постиндустриального общества* («цивилизации Третьей волны»). Влиятельные круги реформаторской элиты России превратили это весьма расплывчатое понятие в обозначение реальной сущности, определенного жизнеустройства, в которое якобы втягивается мир по выходе из кризиса индустриальной цивилизации. Этой сущности приписываются черты, противоречащие реальному профилю того общества, которое и считается инкарнацией сущности постиндустриализма — общества США и Западной Европы. Следовать при проектировании модернизации России этому образу, созданному утопическим мышлением, было бы очень неосторожно.

Канонической работой, на которую принято ссылаться в рассуждениях о постиндустриальном обществе, стала статья В.Л. Иноземцева «Парадоксы постиндустриальной экономики» [19]. Поныне на нее принято ссылаться в рассуждениях о постиндустриальном обществе. Рассмотрим кратко ее главные тезисы, не пытаясь выявить в них какую-то систему. Речь идет действительно о парадоксах, но не постиндустриальной экономики, а ее фетишизации.

В.Л. Иноземцев пишет: «Постиндустриальное общество развивается на фундаменте всемерного использования потенциала, заключенного в прогрессе теоретического знания — этот важнейший тезис Д. Белла, основателя концепции постиндустриализма, сегодня фактически не подвергается сомнению».

Это утверждение не подтверждается ни логически, ни исторически. А уж здравому смыслу оно противоречит просто дерзко. Тезис о примате какого-то одного типа знания (конкретно, теоретического) можно принять лишь как крайнюю абстракцию. Но глупо утверждать, что на таком вырожденном фундаменте может развиваться какое бы то ни было общество. Если сформулированный Иноземцевым тезис «фактически не подвергается сомнению», то лишь потому, что разумные люди его всерьез и не рассматривают. Тезис очевидно неверен.

Очевидно, что система знания, на которой стоит постиндустриальное общество (как и любое другое), представляет со-

бой сложную целостную систему, обладающую большим разнообразием. Теоретическое знание является в этой системе важным элементом, но именно *элементом*, встроенным в контекст множества других типов знания — в большую *когнитивную структуру*. Доминирование теоретического знания с сегрегацией других видов знания невозможно. Если же говорить о проблемах модернизации российского хозяйства, то тем более важен настрой на создание большой динамичной системы с высокой способностью к адаптации.

Далее В.Л. Иноземцев пишет: «Если информация, как и любой другой производственный ресурс, может выступать и выступает в качестве объекта собственности (property), и в этом отношении информационная экономика имеет сходство с индустриальной, то знания, в отличие от любого другого производственного ресурса, могут быть и являются лишь объектом владения (possession) и образуют базу для качественно новой хозяйственной системы».

Как это понять? Разве *знания* появились только сегодня, в постиндустриальном обществе? Каким образом знания «образуют базу для качественно новой хозяйственной системы» — разве в «качественно *старой* хозяйственной системе» не было знаний? А в аграрном натуральном хозяйстве не было не только знаний, но и информации, поскольку она не была «объектом собственности (property)»? К чему вся эта схоластика? Они лишь дезориентируют людей.

В.Л. Иноземцев выдвигает странный тезис, истоки которого даже трудно себе представить: «Вовлечение в процесс массового материального [индустриального] производства все нарастающего объема сырьевых ресурсов, энергии и рабочей силы приводило к пропорциональному росту общественного богатства. Сегодня набирает силу *иной процесс*: использование знаний умножает результаты гораздо более эффективно, чем применение любого другого»

Что за парадоксальная логика! Ведь очевидно, что «вовлечение энергии и рабочей силы» было точно таким же «использованием знаний», как и сегодня. Переход к «вовлечению энергии» ископаемого топлива вместо энергии сокращения мускула

привело не просто к непропорциональному росту общественного богатства, а вызвало *индустриальную революцию*. Это был такой скачок в использовании знаний, с которым пока что постиндустриальная революция не может и сравниться. Неужели, по мнению В.Л. Иноземцева, создание паровой машины как средства «вовлечения энергии» менее значимо в движении, чем появление компьютера? И как можно оторвать «вовлечение нарастающего объема сырьевых ресурсов» от использования знания? Как вообще можно «умножать результаты» только с помощью использования знания, противопоставляя его всем «любим другим» ресурсам? Знание — без сырья, без энергии и без рабочей силы? Как автор представляет это себе в реальности? Какую сверхзадачу хочет решить автор при помощи таких необычных утверждений? Читатель имеет право знать, к чему хочет его подвинуть текст.

Вот тезис уже из сферы социологии знания: «Переход от индустриального общества к постиндустриальному снижает воздействие на человека обстоятельств, обусловливаемых социальной средой; в то же время особое значение приобретают внутренние силы самой личности, ... и в этом аспекте постиндустриальная социальная система радикально отличается и от аграрного, и от индустриального общества».

Это фантазия, которая увяла еще в 80-е годы. Какие там «внутренние силы самой личности»? Никогда отдельная личность не испытывала столь мощного «давления социальной среды», как в постиндустриальном обществе, которое наконец-то получило возжеленные средства господства над личностью без прямого насилия и открытого принуждения — при помощи средств «дистанционного управления».

Как пишет английский философ З. Бауман, именно постиндустриализм порождает новый тип бытия личности, от наступления которого невозможно укрыться никому: «Самые страшные бедствия приходят нынче неожиданно, выбирая жертвы по странной логике либо вовсе без нее, удары сыплются словно по чьему-то неведомому капризу, так что невозможно узнать, кто обречен, а кто спасается. Неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того, чтобы объединять, и поскольку не-

возможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея «общности интересов» оказывается все более туманной, а в конце концов — даже непостижимой. Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку. Они не добавляются к другим, не аккумулируются в «общее дело», не имеют «естественного адреса». Это лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики» [20].

Гипостазирование. Широко распространенный вид деформации сознания — *гипостазирование*. В словаре читаем: «Гипостазирование (греч. *hypostasis* — сущность, субстанция) — приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле — возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо».

Когда пробегаешь в уме историю нашей реформы, поражает эта склонность изобретать абстрактные, туманные термины, а затем создавать в воображении образ некоего явления и уже его считать реальностью и даже порой чем-то жизненно важным. Эти размытые образы становятся дороги человеку, их совокупность образует для него целый живой мир, в котором он легко и, главное, бездумно ориентируется. Образы эти не опираются на хорошо разработанные понятия, а обозначаются словом, которое приобретает магическую силу. Будучи на деле бессодержательными, такие слова как будто обладают большой объяснительной способностью.

В слово-заклинание превратилось ключевое понятие реформы, «рынок». Одни видели в нем доброго ангела, а другие — почти всесильное исчадие ада. Люди видели в нем разные сущности, но ничего определенного не было сказано. Воевали за рынок или против него, но это был *призрак*. Им людей отвлекли от реальных дел.

Г.Х. Попов запустил в обиход, как нечто сущее, туманный термин «административно-командная система». Смысла в нем нет, но слово было подхвачено, оно даже получило аббре-

виатуру — АКС. И стали его употреблять, как будто оно что-то объясняет и есть нечто уникальное и предопределяющее жизнь нашего общества. На деле любая общественная система имеет свой административно-командный «срез». И армия, и церковь, и Большой театр — все имеет свою административно-командную ипостась, наряду с другими.

Идеологи, глубокомысленно вещавшие: АКС, АКС... — намекали, что в «цивилизованных» странах, конечно, никакой АКС быть не может, там действуют только экономические рычаги. Но ведь это попросту глупо — на Западе любой банк, любая корпорация, не говоря уж о ведомствах, действуют внутри себя как иерархически построенная «административно-командная система», причем с контролем более жестким, чем был в СССР.

Достаточно было прилепить ярлык АКС к какой-то стороне реальности, и о ней можно было говорить самые нелепые вещи. Вот, Н.П. Шмелев утверждал: «Фундаментальный принцип всей нашей административной системы — распределять! Эту систему мы должны решительно сломать» [21].

Назвать распределение, одну из множества функций любой административной системы, *принципом* и даже фундаментальным, — значит лишиться всякой способности к системному видению. Но даже если так, почему же эту систему надо сломать, причем решительно? Разве в обществе нет необходимости *распределять*? Ломать надо любую систему распределения или только «нашу»? Надо ли сломать госбюджет России и финансирование Института Европы, директором которого является Н.П. Шмелев?

В данный момент плевки в сторону «администрации» прекратились. Административная система стала бесконтрольной вплоть до самодурства — и ничего.

Глубокая деформация сознания произошла в связи с интенсивным использованием идеологами понятия *экономическая свобода*. Этому абстрактному и многозначному понятию придавали значение реальной сущности — и ради нее ломали устойчивые, необходимые для жизни установления и отношения.

Этот образ стал такой всемогущей сущностью, что нельзя было не только сказать что-то против него, но даже усомниться, задать вопрос. Это понятие стало наполняться не только разнообразными, но прямо взаимоисключающими элементами. Идеологи избегали давать этому понятию связное определение, а люди и не спрашивали — хотя никакого молчаливого согласия относительно смысла этого слова в нашем обществе не было, а значит, его употребление как общеизвестного и однозначно понимаемого термина нарушало нормы рациональности.

И этим туманным понятием обозначалась «ключевая роль государства в экономике». Спросите человека на улице, в чем «ключевая роль государства в экономике». Почти каждый скажет: установление порядка и контроль за ним. Даже либералы любят повторять свой афоризм: «государство — ночной сторож». Да разве дело сторожа «защита свободы»? Совсем наоборот — защита порядка, ограничение свободы жуликов.

А если шире, то ключевая роль государства в экономике — так организовать производство и распределение материальных благ, чтобы была обеспечена безопасность страны, народа и личности, а также воспроизводство физически и духовно здорового населения. Ради этого государство обязано ограничивать «экономическую свободу» рамками общественного договора, выраженного в законах.

А вспомним, с какой страстью масса здравомыслящих людей уповала, как на манну небесную, на *инвестиции* в нашу экономику. Слова «инвестиции» и «инвестор» были наполнены магическим, спасительным смыслом. Эти надежды на инвестиции культивировались даже в отношении таких сфер, куда их не было никакой надежды заманить. В ЖКХ, например, реформаторы главные надежды возлагали на «частных инвесторов». Но всем было известно, что население не имеет финансовых возможностей заплатить за услуги ЖКХ такую цену, чтобы обеспечить инвесторам приемлемую для них прибыль. Какой же олигарх в здравом уме станет вкладывать сюда заработанные честным трудом миллиарды?

Важным объектом гипостазирования стало и понятие «частной инициативы». Как будто в ней кроется какая-то магическая сила, как у «невидимой руки рынка». Эта «рука» — постулат либеральной доктрины времен Адама Смита, который давно уже опровергнут историческим опытом. Мотором экономического роста, начиная с цивилизаций Тигра и Евфрата с их каналами и дамбами, являются большие организации людей, способные разрешать противоречия интересов, координировать усилия и мобилизовать ресурсы в масштабах, недоступных для частной инициативы. Наиболее высокие темпы и качество экономического роста были достигнуты в СССР в 30-е годы, во время Отечественной войны и в ходе восстановительной программы. Это — общепризнанный в мировой экономической науке факт.

Возьмем реальность наших дней — экономику США, светоч и маяк наших либеральных реформаторов. Из большого кризиса 30-х годов эта экономика вылезла благодаря вмешательству государства («Новый курс»), а главное, благодаря введению принципов административно-командной экономики времен войны. После окончания войны все были уверены, что США снова сползут в депрессию, если вернуться к примату частной инициативы.

Все большие достижения США — лазеры и транзисторы, компьютеры и Интернет — созданы благодаря научным и производственным возможностям государственного сектора экономики. Интернет в течение 30 лет разрабатывался и финансировался главным образом в госсекторе, в основном Пентагоном и Национальным научным фондом, и лишь затем был передан в частный сектор.

Другие примеры — экономический рост Японии, стран Юго-Восточной Азии, сегодня Китая. В этих случаях мотором была не «частная» инициатива, а большие государственные программы развития, в которых с высокой степенью координации соединялись предприятия разных типов и даже разные уклады.

Недавно в Японии опубликован многотомный обзор японской программы экономического развития начиная со Второй

мировой войны. В нем говорится: «Япония отклонила неолиберальные доктрины своих американских советников, избрав вместо этого форму индустриальной политики, отводившую преобладающую роль государству».

Примерно то же самое пишет председатель Комитета экономических советников при Клинтоне лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц об «уроках восточноазиатского чуда», где «правительство взяло на себя основную ответственность за осуществление экономического роста», отбросив «религию» рынка.

Склонность к гипостазированию несколько не изжита. Нас эта опасность подстерегает постоянно. Используя понятие, обозначающее явление, мы часто забываем, что **понятие** — инструмент, отсекающий от реального содержания явления множество черт.

Некогерентность. Рациональному мышлению присуща *связность*, внутренняя *непротиворечивость* умозаключений. Утверждения, высказанные на языке несоизмеримых понятий и с провалами в логике, *некогерентны (incoherent)*.

С 1990 г. меня неоднократно привлекали к экспертизе законопроектов. Ознакомление с ними нередко вызывало шок. Вот проект Закона о предпринимательстве (1990 г.). Он подготовлен научно-промышленной группой депутатов, стоят подписи академиков. И совершенно несовместимые с реальностью и друг с другом утверждения.

Вот одно из них: «*В нашем обществе отсутствует инновационная активность!*» Не может существовать такого общества! Инновационная активность — свойство каждого человека, его родовой признак. Человек, едва-едва выделившись из животного мира, стал изобретать и создавать новые вещи. Да и сами авторы законопроекта тут же утверждают, что советская экономика в основном работала на оборону, но всем известно, что в этой сфере инновационный потенциал «нашего общества» был безусловно исключительно высок. На создание и производство систем оружия работала практически вся советская экономика. Значит, она была высоко инновационной.

Если сравнить ресурсы, которыми располагала инновационная система СССР и Запада, то есть, измерить показатель «инновационная активность на единицу затрат», то западная система и в подметки советской не годилась.

Вот другое утверждение: *«Государство не должно юридически запрещать никаких форм собственности!»* И это говорится после стольких веков борьбы за запрет рабства или крепостного права. Авторы законопроекта как будто с луны свалились.

Вот еще: *«Государство должно воздействовать на хозяйственных субъектов только экономическими методами!»* Разве не странно слышать такое от взрослых людей? Во всем мире «хозяйственные субъекты» часто оказываются в тюрьме, а у нас, значит, бей воров, наркоторговцев и наемных убийц только рублем. Без государственного административного и правового регулирования рынок представляет собой саморазрушающуюся систему, это настолько очевидно, что стало *аксиомой*. Уже Гоббс, первый философ буржуазного общества, назвал свой главный трактат «Левиафан» — потому что только государство-левиафан с его карательной системой могло загнать «войну всех против всех» в рамки конкуренции.

Вот еще нелепое утверждение: *«Основным критерием и мерой общественного признания общественной полезности деятельности является прибыль!»* Если так, тогда да здравствует наркобизнес и продажа детских органов — норма прибыли у них наивысшая.

А. Ципко пишет о процессах в странах Восточной Европы после «бархатных» революций: «Все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию. Тут есть своя логика. Когда приходится начинать сначала, а иногда и с нуля, то, конечно же, лучше идти от более старых, проверенных веками ценностей и принципов» [22].

И это пишет советник вождей! Что значит, например, что Польша в 1989 г. «начала сначала, а то и с нуля»? И почему неолиберализм, возникший в 70-х годах XX века, «проверен веками»? Уж если «лучше идти от проверенных веками ценностей и принципов», то надо брать за образец первобытно-общинный строй, он проверен двумястами веков. Или на худой

конец рабство — тоже десять веков его проверяли. Ведь капитализм — очень недавнее явление.

Кстати, вот к какому ценностному провалу приводит деградация рационального мышления. Профессор А. Ципко работал в институте идеологического профиля, был близок к секретарям ЦК КПСС и пытался убедить граждан, что «страны идут к неолиберализму, минуя социал-демократию» ради высоких ценностей. А ведь у него перед глазами был переход в Чили от социал-демократии Альенде к неолиберализму Пиночета. Механизм этого перехода был известен, в более мягкой форме он был реализован и в России — хотя, конечно, Горбачев — не Альенде.

Но как поворачивается язык приветствовать такие переходы и убеждать всех, что насаждение неолиберальной модели означает демократию! Профессор Бруно Гроппо из Сорбонны читал в Москве лекцию и напомнил: «Как и большая часть стран Латинской Америки, Чили и Аргентина в 70—80-е годы пережили период военных диктатур, установленных при поддержке Соединенных Штатов. Характерной чертой этих диктатур была планомерность физического — именно физического — уничтожения политических оппонентов. ... Военные диктатуры были инструментом, который служил для насильственного насаждения неолиберальной экономической модели, плачевные последствия применения которой для аргентинской экономики хорошо известны. Диктатуры поддерживались экономическими и социальными секторами, заинтересованными в реализации такой модели» [23].

Нарушение логики в доктрине реформ было очень многообразным. Академик Т.И. Заславская в конце 1995 г. на международном форуме «Россия в поисках будущего» делает главный, программный доклад. Она говорит о дефиците, якобы преодоленном благодаря повышению цен: «Это — крупное социальное достижение... Но за насыщение потребительского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, жить нормально» [13].

Такова логика ведущего социолога-реформатора. Люди погрузились в бедность, они *не могут покупать прежний набор продуктов* и, таким образом, выброшены с рынка (что и стало механизмом «преодоления дефицита») — и это называют «крупным социальным достижением»!

Некогерентность часто бывает следствием гипостазирования. Продуктом такого сочетания стало понятие **конкуренции**. В одном из документов правительства можно было прочитать: «В настоящее время принята трехлетняя Программа социально-экономического развития Российской Федерации на 2003—2005 годы. Она предусматривает прежде всего повышение конкурентоспособности России... В отсутствие значимых межстрановых барьеров для перемещения капитала, рабочей силы, технологий, информации первостепенное значение для России приобретает проблема поддержания национальной конкурентоспособности в борьбе за привлечение мировых экономических ресурсов, а также за удержание собственных».

Почему для правительства «прежде всего» конкуренция, а не улучшение здоровья народа, не искоренение бездомности, не восстановление тракторного парка сельского хозяйства — независимо от «конкурентоспособности» этих мер? И с чего вдруг правительство решило, что теперь исчезли «значимые межстрановые барьеры для перемещения капитала, рабочей силы, технологий, информации»? Это утверждение просто нелепо — попробуйте «переместиться» в США, даже если экономический барьер в виде авиабилета для вас не является значимым. Кроме того, выходит, государство отказывается выполнять функцию «удержания собственных экономических ресурсов» теми средствами, которыми все государства пользуются испокон веку (то есть административными), и возлагает эту задачу на конкурентоспособность? А если Россия еще 50 лет будет проигрывать в конкуренции на рынке — значит, тащи из нее ресурсы, кому не лень? Зачем тогда вообще нужно такое государство?

В действительности большая часть человеческих отношений никак не может строиться на основе конкуренции, а строится на *соединении* усилий и сотрудничестве — и государство, и семья, и наука, и культура.

Говорится, что сегодня, в условиях глобальной конкуренции, мы «должны опережать другие страны и в темпах роста, и в качестве товаров и услуг, и в уровне образования, науки, культуры. Это — вопрос нашего экономического выживания». Как вообще возможно такое условие? Что значит, например, опередить США «и в качестве товаров и услуг, и в уровне науки»? Как известно, все это США обеспечили себе прежде всего благодаря авианосцам и морской пехоте, для чего на 2011 финансовый год на «оборонные» нужды Обама запросил бюджет в 708,3 миллиарда долларов. А в Российской Федерации в 2010 г. военный бюджет составил около 40 млрд. долларов. Зачем же нам лезть на ринг тягаться с США в этой «конкуренции»?

И почему, если мы проиграем США по числу нобелевских лауреатов или качеству услуг ночных клубов, мы «экономически не выживем»? Это более чем странное утверждение. Мы не выживем как раз в том случае, если примем эту жизненную философию, убедимся, что переплюнуть США «в качестве товаров и услуг» не можем, и хором крикнем: «Так жить нельзя!»

Конкурентная борьба возникла вместе с капитализмом, и это очень недавнее «изобретение». А до этого десятки тысяч лет человек жил в общине и вел натуральное хозяйство. И сегодня еще большинство населения Земли вовсе не мыслит жизнь как арену экономической борьбы с ближними.

Здесь приведены примеры некогерентных утверждений по разным проблемам экономики. Примеры можно умножить. Эта деформация типа мышления большей части интеллектуального сообщества имела тяжелые последствия для страны. Общий регресс навыков рационального сознания стал фактором, углубившим системный кризис. Заметного улучшения в этом плане пока не произошло.

Деформация меры. Одной из самых тяжелых и опасных для экономики деформаций мышления стала утрата способности «взвешивать» явления. *Чувство меры* — важная составляющая рационального сознания, необходимый инструмент методологического оснащения разума.

Вебер особо отмечает ту роль, которую «дух счета» (*calculating spirit*) сыграл в становлении культуры современного общества: пуританизм «преобразовал эту *расчетливость*, в самом деле являю-

шуюся важным компонентом капитализма, из средства ведения хозяйства в принцип всего жизненного поведения».

Наука ввела в обыденную культуру язык *чисел*. Подъем во время перестройки аутистического сознания в мышлении экономистов привел к утрате *расчетливости*. Произошла архаизация их сознания. Важнейшее свойство расчетливости, даваемое образованием и опытом, — способность быстро прикинуть в уме порядок величин. Когда расчетливость подорвана, сознание людей не отвергает самых абсурдных количественных утверждений, они действуют на него магически. Человек теряет *чутье* на ложные количественные данные.

Есть целый ряд общих, почти незаметных приемов разрушения меры, дискредитации числа или вообще количественных аргументов. Первый из таких приемов — манипуляция с числами, при которой они используются как магические образы, оказывающие на людей гипнотическое воздействие.

Вот в 1994 г. академическому журналу «Общественные науки и современность» дал интервью член Президентского совета доктор экономических наук Отто Лацис. Он сказал: «Еще в начале перестройки в нашей с Гайдаром статье в журнале «Коммунист» мы писали, что за 1975—1985 годы в отечественное сельское хозяйство была вложена сумма, эквивалентная четверти триллиона долларов США. Это неслыханные средства, но они дали нулевой прирост чистой продукции сельского хозяйства за десять лет» [24].

Итак, вложения 250 млрд. долларов за десять лет, то есть по 25 млрд. в год, названы «неслыханными средствами». Что же тут «неслыханного»? Годовые вложения в сельское хозяйство страны масштаба СССР в размере 25 млрд. долларов — сумма не просто рядовая, но очень и очень скромная. О. Лацис обязан был бы сказать, сколько, по его оценкам, *следовало бы* ежегодно вкладывать в сельское хозяйство¹.

---

¹ Мы отвлекаемся от того факта, что О. Лацис ввел читателей в заблуждение словами о «нулевом приросте чистой продукции сельского хозяйства за десять лет». Условная величина «чистой продукции» при планируемых ценах ничего не говорит о *продукции*. Объем продукции сельского хозяйства в пятилетке 1981—1985 по сравнению с пятилеткой 1971—1975 в *постоянных ценах* вырос на 14,2%, что является существенным ростом.

Он обязан был встроить свою «неслыханную» величину в реальный международный контекст. Например, упомянуть, что в 1986 году только *государственные бюджетные дотации* сельскому хозяйству составили в США 74 млрд. долларов. По меркам Западной Европы того времени величина госбюджетных дотаций должна была бы составить в СССР **613 млрд. долларов!** Только бюджетных дотаций!

Массы читателей и телезрителей не замечали такого грубого нарушения меры, разум не подавал им сигнала тревоги.

А.Н. Яковлев, говоря о «тотальной люмпенизации общества», которое надо «*депаразитировать*», приводил такой довод: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других»¹.

Вот мера академика-экономиста: убыточных предприятий, колхозов и совхозов в СССР — *тьма*. Притом, что было прекрасно известно и общее число предприятий и колхозов, и число убыточных, так что можно дать вполне определенное и абсолютное, и относительное число убыточных, а не прибегать к метафоре «тьма».

Реальные величины таковы. В 1989 г. в СССР было 24 720 колхозов. Они дали 21 млрд. руб. *прибыли*. Убыточных колхозов было на всю страну 275 (1% от общего числа), и все их *убытки* в сумме составили 49 млн. руб. — 0,2% от прибыли колхозной системы. В целом рентабельность колхозов составила 38,7%. Величина убытков несоизмерима с размерами прибыли. Колхозы и совхозы вовсе не «висели камнем на шее государства» — напротив, в отличие от Запада наше село всегда субсидировало город. Аргумент А.Н. Яковлева, основанный на количественной мере, был ложным, но этого образованная публика не замечала.

Так же обстояло дело и с промышленными предприятиями. Когда в 1991 г. начали внушать мысль о благодатном смысле приватизации, говорилось: «Необходимо приватизировать

---

¹ Отметим и здесь массовый сбой сознания: множество людей благосклонно принимало нелепые утверждения о том, что работники колхозов и совхозов — паразиты и «сами себя не кормят». Не могли мы миновать кризиса, аплодируя таким речам.

промышленность, ибо государство не может содержать убыточные предприятия, из-за которых у нас огромный дефицит бюджета».

Реальность же такова: за весь 1990 г. убытки нерентабельных промышленных предприятий СССР составили в сумме 2,5 млрд. руб., а валовой национальный продукт, произведенный всей совокупностью промышленных предприятий — 320 млрд. руб.! Убытки части системы составляют менее 1% произведенной ею добавленной стоимости — и такую систему предлагают приватизировать, аргументируя ее «нерентабельностью». Кстати, в 1991 г., когда был принят закон о приватизации, убыток от всех нерентабельных промышленных предприятий составил менее 1% от дефицита госбюджета, который взметнулся до 1000 млрд. руб.

Грубое нарушение меры часто является следствием устранения той системы координат, в которой измерение приобретает смысл. Ценным учебным материалом, который показывает глубину поражения меры, служит миф об избытке тракторов в советском сельском хозяйстве.

«Парадигмальное» значение для этого мифа приобрело утверждение официального руководителя тогдашней экономической науки академика А.Г. Аганбегяна о том, что в сельском хозяйстве СССР имеется в два-три раза больше тракторов, чем необходимо. Дословно Аганбегян пишет: «Результат [абсурда плановой системы] — разрыв между производством и социальными потребностями. Очень показателен пример с тракторами. СССР производит в 4,8 раз больше тракторов, чем США, хотя отстает от них в производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимы ли эти трактора? Эти трактора не нужны сельскому хозяйству, и если бы их покупали за свои деньги и рационально использовали, хватило бы в два или три раза меньше машин» [25]. Это утверждение произвело столь сильное впечатление на мировое сообщество экономистов, что не раз цитировалось на Западе не только в прессе, но и в серьезных монографиях.

Задав меру, содержащую в себе оценку состояния («*Эти трактора не нужны сельскому хозяйству... хватило бы в два или три раза меньше машин*»), академик устранил систему ко-

ординат, в которой его мера могла бы иметь смысл. А у экономистов, читавших это высказывание академика, не возникало желания встроить данную им меру в реальный контекст и задать себе вопрос: «При чем здесь *производство* тракторов в США? Сколько тракторов следует считать необходимым именно для СССР? Сколько тракторов имеется в ФРГ, в Италии, в Польше?»

Разве не удивительно было слышать, что советским колхозникам хватило ***бы в три раза меньше*** тракторов, чем то число, что они имели? Когда же наша промышленность успела так перенасытить село тракторами? Разве на Западе фермеры имели в три раза меньше тракторов, чем советские колхозники? Аганбегян не назвал норму насыщенности хозяйства тракторами у фермеров, а ***должен был назвать***.

В действительности в тот момент (1988 г.) в сельском хозяйстве СССР тракторов на гектар пашни было **в 16,5 раза меньше, чем в ФРГ**. Искажение меры абсурдно велико. Приведем данные из обычных справочников.

Табл. 1. Обеспеченность сельского хозяйства тракторами; число тракторов на 1000 га пашни, штук

Страна	1980	1988
СССР	11,6	12,2
Польша	45	77
Италия	113	144
ФРГ	200	201
Япония	343	476

Академик-экономист не мог этих данных не знать. Но важнее тот факт, что сообщество экономистов без всяких сомнений приняло ложное утверждение одного из своих лидеров и, насколько известно, до сих пор никак на него не отреагировало.

Хороший учебный материал дает история тракторки *права на труд*. Во время реформы видные общественеды стали пропагандировать *безработицу*. Т.И. Заславская писала в важной статье (1989): «По оценкам специалистов, доля избыточ-

ных (т.е. фактически не нужных) работников составляет около 15%, освобождение же от них позволяет поднять производительность труда на 20-25%. ... По оценкам экспертов, общая численность работников, которым предстоит увольнение с занимаемых ныне мест, составит 15—16 млн. человек, т.е. громадную армию» [26, с. 230-231].

Таким образом, по словам Т.И. Заславской, «освобождение» от 15% «ненужных работников» поднимет производительность труда на 20%. Значит, объем производства при этом возрастает на 2%¹.

И из-за этого ничтожного прироста социолог предлагает превратить 15—16 миллионов человек в безработных! Обществовед не справился с «взвешиванием» несоизмеримых ценностей, ведь выгода от его рекомендации *несоизмеримо* меньше неизбежных потерь. Академик, насытив свой текст бессмысленными числами, даже не удосужилась посчитать результат. А кто удосужился?

Неспособность почувствовать несоизмеримость величин (например, масштаб проблемы и средств для ее решения) распространилась во всем обществе снизу доверху.

Так, например, существенной общественной проблемой остается возвращение населению их сбережений в государственном Сбербанке, которые они потеряли в 1992 г. при либерализации цен. Правительство обещало свой долг погасить. В телефонном диалоге с народом 18 декабря 2003 г. Президенту В.В. Путину был задан вопрос: «Каковы сроки погашения и механизмы?»

Вот как ответил на это В.В. Путин: «Общий объем долга перед населением — я хочу обратить на это ваше внимание — 11,5 триллиона рублей... Теперь хочу обратить ваше внимание на темпы и объемы этих выплат... В 2003 году — 20 миллиардов, а в 2004-м мы запланировали 25 миллиардов рублей».

---

¹ Замечу, что, как ни странно, многие сомневаются в этом выводе — как это 2%? Составим простое уравнение: ОП (объем производства) = Р (число работников) × ПТ (производительность труда). Если Р = 100, а ПТ = 1, то ОП = 100 — это исходное состояние. Если увольняют 15% работников и ПТ повышается на 20%, то ОП = 85 × 1,2 = 102. То есть объем производства возрастает на 2%.

Итак, долг составляет 11,5 трлн. руб. (это по курсу того момента 450 млрд. долл.). В.В. Путин сообщает, что в 2003 г. государство вернет гражданам 20 млрд. руб. Прямо о сроках погашения долга, что и является сутью вопроса, В.В. Путин не говорит. Но нетрудно применить арифметику и увидеть, что в 2003 г. правительство вернет населению $1/575$ от суммы долга. Это значит, что возвращение долга в ритме 2003 года рассчитано на 575 лет. Ввиду такой несоизмеримости величин следовало как-то объясниться, но, похоже, никто этой несоизмеримости не заметил — ни эксперты, которые готовили ответы, ни телезрители, ни сам В.В. Путин.

Применение числа требует ответственности. Число должно быть сопряжено с измеряемой величиной явными отношениями. Нарушением меры является даже применение числа с избыточной точностью, которой не может дать измерительный инструмент (например, указать вес мешка картошки с точностью до грамма — значит обнаружить свою низкую квалификацию в измерении). В российском обществе произошло резкое падение этой квалификации.

Академик Т.И. Заславская, агитируя за экономическую реформу, утверждала, что в СССР число тех, кто трудится в полную силу, в экономически слабых хозяйствах было 17%, а в сильных — 32%. И эти числа всерьез повторялись в академических журналах. Понятие «трудиться в полную силу» — не более чем метафора, однако авторитетный социолог измеряет эту «величину» с точностью *до 1 процента*. 17 процентов! 32 процента!

Этот прием взят из арсенала рекламы, которая все же выглядит скромнее в своих претензиях и дает свои оценки с точностью до 10%: «С новыми «памперсами» попки стали на 40% здоровее», «С новым шампунем «Шаума» волосы стали на 30% сильнее».

Разрушение чувства меры, которое ведет к утрате *чутья* на ложные числа, подрывает всю систему средств рациональных рассуждений. Люди становятся беззащитными перед самой примитивной манипуляцией их сознанием, они не могут себе представить экономической реальности страны.

ОТКАЗ ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТЕРНАЛИЗМА

Идеологи российских реформ принципиально отвергли государственный патернализм как один из важных устоев социального порядка России. Эта установка сохранилась и после ухода Ельцина, что подчеркнул В.В. Путин уже в своем Послании 2000 года: «Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна».

Прежде чем перейти к сути, отметим, что это утверждение нелогично¹. Патернализм *всегда* экономически возможен, он не определяется величиной казны или семейного бюджета. Разве в бедной семье отец (*патер*) не кормит детей? Во время Гражданской войны советское государство изымало через продразверстку примерно 1/15 продукции крестьянства, выдавало 34 млн. пайков и тем самым спасло от голодной смерти городское население, включая дворян и буржуев. Это и есть патернализм в крайнем выражении. Сегодня Российская Федерация имеет в тысячи раз больше средств, чем Советская Россия в 1919 году — а 43% рожениц подходят к родам в состоянии анемии от плохого питания.

Утверждение, будто государственный патернализм «*политически нецелесообразен*», никак не обосновано. Так говорят, да и то на практике не выполняют, только крайне правые политики вроде Тэтчер. А, например, русский царь или президент Рузвельт никогда такого бы не сказал. В чем же тогда сама *цель* государства Россия, если сохранить разрушающееся общество считается нецелесообразным?

Регулярные обещания «адресной помощи» как альтернативы патернализму есть социальная демагогия. Добиться «ад-

---

¹ Оговорка «всеобщий» патернализм бессодержательна, поскольку речь идет о принципе, который по определению может быть только всеобщим («для всех членов семьи»), но «включается», когда человеку требуется отеческая забота государства.

ресной помощи» даже в богатых странах удастся немногим (не более трети) из тех, кто должен был бы ее получать (например, жилищные субсидии в США получали в середине 80-х годов лишь 25% от тех, кто по закону имел на них право). Проверка «прав на субсидию» и ее оформление очень *дороги* и требуют большой бюрократической волокиты — даже при наличии у чиновников желания помочь беднякам. На деле именно наиболее обедневшая часть общества не имеет ни достаточной грамотности, ни навыков, ни душевных сил для того, чтобы преодолеть бюрократические препоны и добиться законной субсидии.

Поэтому, как говорил премьер-министр Швеции Улоф Пальме, если доля нуждающихся велика, для государства *дешевле* оказывать помощь всем на уравнительной основе (например, через цены или дотации отраслям). Но еще более важна другая мысль Пальме: само оформление субсидии есть символический акт — на человека ставится *клеймо бедного*. Это — узаконенное признание слабости (и *отверженности*) человека, которое само усугубляет бедность и раскол общества. Напротив, всеобщий патернализм государства (например, общее бесплатное здравоохранение) соединяет общество связями «горизонтального товарищества» и значительно снижает противостояние по линии «бедные — богатые».

Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество. Отказ от патернализма и тотальная конкуренция — идеологический миф неолиберализма. Даже венгерский экономист Я. Корнай, которого любили цитировать наши реформаторы, писал: «Нулевая степень патернализма — это идея, выдвинутая школой Фридмана — Хайека. Но даже при капитализме... эта нулевая степень никогда не проявляется полностью... Атомизированная конкуренция и полностью предоставленная самой себе микроорганизация немыслимы в наш век гигантской концентрации производства и усиления могущества государственной бюрократии» [28]. На эти неприятные замечания не обращали внимания.

«Наш век» и бюрократия тут ни при чем. Государство изначально возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной

основе (или с привилегиями некоторым группам, но с высоким уровнем уравнительности). К таким благам относится, например, безопасность от целого ряда угроз. Богатые сословия и классы могли в дополнение к своим общим правам прикупать эти блага на рыночной основе (например, нанимать охрану или учителя), но даже они не могли бы обойтись без *отеческой* заботы государства. Государственный патернализм — это и есть основание *социального государства*, каковым называет себя Российская Федерация.

Формы государственного патернализма определяются общим социальным порядком и культурой общества. Они специфичны в разных цивилизациях. Например, хлеб как первое жизненное благо уже на исходе Средних веков даже на Западе был выведен из числа других товаров, и торговля им перестала быть свободной. Она стала строго регулироваться властью¹. В XVI веке в каждом крупном городе была Хлебная палата, которая контролировала движение зерна и муки. Дож Венеции *ежедневно* получал доклад о запасах зерна в городе. Если их оставалось лишь на 8 месяцев, выполнялась экстренная программа по закупке зерна за любую цену (или даже пиратскому захвату на море любого иностранного корабля с зерном — с оплатой груза).

Если нехватка зерна становилась угрожающей, в городе производились обыски и учитывалось все зерно. Если купцы запаздывали с поставками, вводился уравнительный минимум. В Венеции около собора Св. Марка каждый горожанин по хлебным карточкам получал в день два карава хлеба. Если уж нашим реформаторам так нравится Запад, то почему же они этого не видят? Ведь это — один из важнейших его устоев и источник силы. Попробовали бы там сказать вслух, что патернализм *«политически нецелесообразен»!*

Наши реформаторы учатся у Запада *приватизации*, но в упор не видят того, как на Западе богатые научились уживаться со своим народом. Наши либералы не привержены

---

¹ Вне Запада так было и раньше — о торговле хлебом в империи Чингисхана можно прочитать у Марко Поло — уроки XIV века для нас и сегодня актуальны.

очень важным либеральным ценностям — или не вникли в их смысл. Ибо либерализм, как выразился сам Адам Смит, отвергает «подлую максиму хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других»¹. При современном капитализме расходы на патернализм огромны. В среднем по 20 развитым странам (они входят в ОЭСР) субсидии, с помощью которых регулируют цены на продовольственные продукты, составляют **половину расходов населения на питание**. А в отдельных странах (например, Японии) дотации в иные годы составляют 80% расходов на питание. И это именно *политически целесообразно*.

Советское общество было устроено по типу семьи, в которой роль отца (*патера*) выполняло государство, в отношении доступа к *базовым* благам. Это осуществлялось посредством планового производства и ценообразования, субсидирования определенных производств и полного государственного финансирования производства некоторых продуктов и услуг. В этом заключался советский *патернализм*, который изживается уже двадцать лет. Изживается вовсе не маленький винтик в социальном механизме, который можно оценить по критерию «затраты/эффективность». Устраняется один из важных признаков цивилизации вообще. А если говорить о России, то речь идет о ее специфическом признаке как цивилизации.

Приверженность патернализму советского типа характерна для всех народов, долгое время существовавших в российской цивилизации — даже тех, которые были враждебны России и СССР (как, например, эстонцев и поляков). О поляках и других народах Восточной Европы можно прочесть в [28].

Об эстонцах (в сравнении с Россией) пишут авторы международного исследования: «Известно, что характерной чертой социализма являлась патерналистская политика государства в обеспечении материальными благами, в сглаживании социальной дифференциации. Общественное мнение в обеих странах поддерживает государственный патернализм, но в России эта ориентация выражена несколько сильнее, чем в Эстонии: 93%

---

¹ В эпоху «дикого капитализма» была попытка отказаться от патернализма и превратить голод в средство господства, но сравнительно быстро оказалось, что это невыгодно, *борьба с бедными* обходится дороже.

опрошенных в России и 77% в Эстонии считают, что государство должно обеспечивать всех желающих работой, 91% — в России и 86% — в Эстонии — что оно должно гарантировать доход на уровне прожиточного минимума» [29].

В ходе реформы в Эстонии дела шли относительно лучше, чем в двух других балтийских республиках, Латвии и Литве. Но ведь и в среде эстонцев оценка советской системы в ходе реформы *в целом* улучшалась. Уходило в прошлое состояние политического возбуждения — и начинали действовать именно фундаментальные ценности. Вот результаты исследования, посвященного отношению народов бывших прибалтийских республик СССР к советскому жизнеустройству:

Табл. 2. Отношение латышей, литовцев и эстонцев к советской системе

	Положительно оценили социалистическую экономику			Положительно оценили советскую систему (в целом)		
	1993	1996	2000	1993	1996	2000
латыши	59	74	76	36	41	52
литовцы	75	76	83	46	43	56
эстонцы	53	48	44	32	22	48

Источник: Baltic Media investigaciones. Transition. Tartu University Press. 2002, p. 270 (цит. в [29]).

Это исследование показало, что латыши, литовцы и особенно эстонцы приспособились к новым экономическим условиям (хотя нынешнюю экономику в 2000 г. отрицательно оценивали 51% латышей и 70% литовцев). Но оценка советской системы как целого выросла во всех этих республиках. Изменения в настроениях, которые последуют за интеграцией этих республик в Европейское сообщество, принципиально не меняют дела — это политическое решение Запада не касается подавляющего большинства бывших советских людей.

А.С. Панарин в своей последней книге делает принципиальный вывод: «Сегодня не может быть сомнений в том, что большинство людей, некогда составлявших советский народ,

ни за что не отдало бы свою страну в обмен на тот строй и тот социальный статус, которые они в результате получили» [30, с. 111]. Зачем же власти противопоставлять себя этому большинству? Ведь созревание такого раскола — тяжелая цивилизационная угроза.

Она определяется вовсе не шкурными интересами большинства, она нацелена на мировоззренческую матрицу России как цивилизации. Западные консерваторы видят в государственном патернализме заслон против разрушительного для любого народа «перетекания рыночной экономики в рыночное общество». В любой культуре есть священные (сакрализованные) ценности, наделение которыми не должно регулироваться рынком — их распределяет государство как отец семьи.

Консерватор А. де Бенуа цитирует поэта Шарля Пегги: «Все унижение современного мира, все его обесценивание происходят из-за того, что современный мир признал возможным выставить на продажу те ценности, которые античный и христианский миры считали в принципе непродávаемыми». Один из зачинателей институциональной политической экономии Ален Кайе пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно».

Как же можно не понимать этой опасности в России? Но ведь не понимают! Или делают вид, что не понимают.

В.В. Путин отвергая политику патернализма, приводит такой довод: «Отказ от нее диктуется... стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких».

Вера, будто погрузить человека в обстановку жестокой борьбы за существование значит «раскрепостить его потенциал», есть *утопия*. На деле все наоборот! Замечательным свойством советского патернализма была как раз его способность освободить человека от множества забот, которые сейчас заставляют его бегать, как белка в колесе. Эта непрерывная суета убивает все творческие силы, выпивает жизненные соки.

Это и поражало на Западе, когда удавалось поехать туда еще в советское время¹.

Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне позволяют человеку плодотворно отдаться творческой работе и воспитанию детей — вот тогда и раскрывается его потенциал. Это говорит не только советский опыт, по этому пути с опорой на государственный патернализм пошли Япония и страны Юго-Восточной Азии.

А опыт Российской Федерации показал, что стресс и гонка ведут к росту заболеваний, смертности и преступности — и потенциал человека съезживается.

Очень показательна динамика заболеваемости социальной болезнью — туберкулезом — в Белоруссии в сравнении с Россией. Судя по ряду признаков, население Белоруссии в 80-е годы в меньшей степени поддавалось антисоветской пропаганде, что позволило республике лучше подготовиться к радикальной рыночной реформе начала 90-х годов и не допустить «шоковой терапии». Став президентом, А.Г. Лукашенко, конечно, не мог быстро изменить весь социальный порядок, но он *декларировал* изменение вектора реформ, в частности, восстановление ряда принципов государственного патернализма. И это оказало на общество оздоравливающий эффект, что и видно на рис. 1.

СССР был обществом, в котором ушли в прошлое страхи, порожденные экономическими и социальными причинами. Люди чувствовали себя под надежной защитой государства, хотя и ворчали на него (или даже тяготились этой защитой, утратив ощущение угроз). Это чувство надежности — следствие государственного патернализма. Произошло «большое» разделение труда между человеком и государством, оно взяло

---

¹ Американский философ Ф. Джордж писал в 1984 г.: «Один молодой ученый из Западной Европы, возвратившийся из поездки по США и СССР, описывает людей в Советском Союзе как более счастливых, мягких и сердечных, чем те, которых он встретил в США. По его мнению, это говорит об огромном давлении, оказываемом на жизнь людей в западном мире, особенно в США, по сравнению с относительной простотой существования большинства русских... Интересна проблема: западный мир допустил, сам этого не понимая, многое из того, что делает жизнь более неприятной, более жестокой, превращает в борьбу не на жизнь, а на смерть, когда возможности прибыли сокращаются, а предпринимателей (или назовите их как угодно) оказывается в избытке» [31].

на себя множество тягостных, суетных функций, создало для них специализированные структуры и считало это своей обязанностью. Это было цивилизационным достижением России (даже великим изобретением).

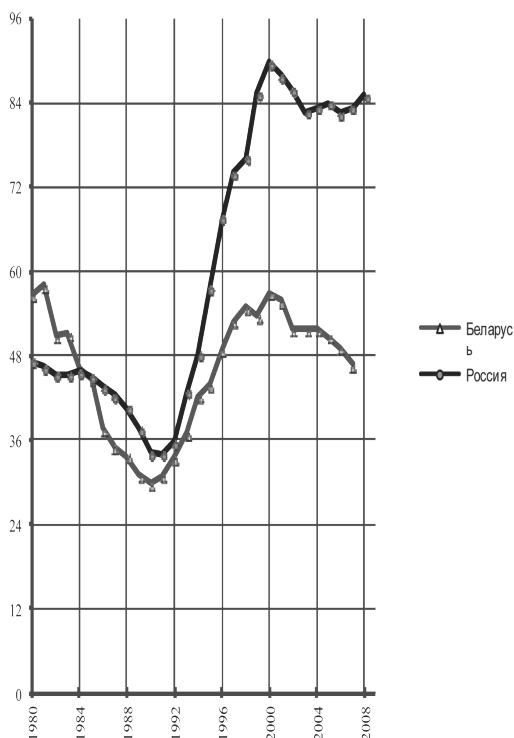

Рис. 1. Заболеваемость активным туберкулезом в Беларуси, России и на Украине: число больных с впервые установленным диагнозом на 100 000 человек населения

Жители нынешней Российской Федерации живут в атмосфере нарастающих страхов — перед потерей работы или ремонтом обветшавшего дома, перед разорением фирмы или техосмотром старенькой машины, перед болезнью близких, для лечения которых не найти денег. И уж самый непосредственный страх — перед преступным насилием.

Установка на искоренение патернализма — едва ли не самая устойчивая в правящей верхушке России. В статье «Россия, вперед!» (10.09.2009) Д.А. Медведев изложил «представление о стратегических задачах, которые нам предстоит решать, о настоящем и будущем нашей страны». Он сказал: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство... Считаю необходимым освобождение нашей страны от запущенных социальных недугов, сковывающих ее творческую энергию, тормозящих наше общее движение вперед. К недугам этим отношу ... широко распространенные в обществе патерналистские настроения. Уверенность в том, что все проблемы должно решать государство» [32].

С коррупцией и сырьевой экономикой все ясно (вопрос только в том, как ухитриться «не тащить их в наше будущее»). В этом стратегическом заявлении, видимо, главный смысл как раз в том, чтобы отказаться от патернализма — «застарелой привычки полагаться в решении проблем на государство».

Власть настойчиво представляет «патерналистские настроения» большинства граждан России как *изживденчество*. Это — поразительная деформация сознания, глубинное непонимание сути явлений. Как может быть народ изживденцем государства? Похоже, что наши правители всерьез представляют власть каким-то великаном, который пашет землю, добывает уголь — кормит и греет народ, как малое дитя. А ведь «все проблемы решает» именно народ, а государство выполняет функцию организатора коллективных усилий. И предметом нынешнего конфликта в России является перечень обязанностей, которые, согласно сложившимся представлениям большинства, должно взять на себя государство. А оно от этих обязанностей *отлынивает!*

Власть неприемлемо сужает понятие патернализма, расширяя его только на отношения государства и населения. В действительности народ всегда ожидал от государства *отеческого* отношения ко всем системам жизнеустройства России — к армии и школе, к промышленности и науке. Все это — творения народа, и им в России требуется забота и любовь государства. В этом срезе отношений государства и народа произошел

столь глубокий разрыв, что он нанес почти всему населению культурную травму. Разоружение армии, демонтаж науки, деиндустриализация и купля-продажа земли — все это воспринималось как уход государства от его священного долга. Это не просто потрясло людей, это их *оскорбило*. Возник конфликт не социальный, а мировоззренческий, ведущий к разделению народа и государства как враждебных этических систем.

Высшие руководители государства этого, похоже, просто не чувствуют. Как тяжело слышать, например, такие рассуждения В.В. Путина о критерии, которому будет следовать Правительство, оказывая поддержку предприятиям во время кризиса: «Право на получение поддержки получают лишь те, кто самостоятельно способен привлекать ресурсы, обслуживать долги, реализовывать программы реструктуризации» [33].

Разве так поступают в семье? Бывает, что в трагических обстоятельствах нет возможности поддержать всех детей. Но поддерживать лишь сильных и богатых — критерий не просто странный, но небывалый. Обычно государство, заботясь о целом, поддерживает те системы, которые необходимы для решения *критически важных для страны* задач. Но именно такие коллективы обычно неспособны «самостоятельно привлекать ресурсы», поскольку ориентированы на проекты с высокой степенью риска и низкой экономической рентабельностью. Можно ли было, следуя изложенному выше критерию, осуществить в США или СССР атомные программы? Можно ли было развить мощную фундаментальную науку? Мы видим, что и здесь государство принципиально снимает с себя обязанность быть *главой семьи*¹.

---

¹ Установка «помогать конкурентоспособным» доходит до гротеска. Замминистра образования и науки А.В. Хлунов дает интервью о проблемах науки. Вот что он считает самым важным: «Ее [российской науки] главная проблема — это сложившаяся еще со времен СССР система финансирования. У нас деньги получают институты. Но не секрет, что сегодня в них успешно работают две-три лаборатории. Так вот в идеале именно они должны получать львиную долю бюджетных денег... Хорошо бы расставить приоритеты среди институтов. Что и должна сделать предлагаемая нами система оценок, которая позволит выделить прорывные коллективы и обеспечить их хорошим финансированием за счет тех, кто не очень активен» [34]. Чиновник как будто не понимает, что НИИ — это система, а две-три успешных лаборатории — ее видимая для министерства часть, которая без «незаметных» лабораторий вряд ли и выживет.

В недавнем манифесте группы экономистов, предлагающих экономическую теорию, альтернативную неолиберальной доктрине «Вашингтонского консенсуса», сказано: «Мы не можем обеспечить сколь-либо долгосрочные экономические эффекты, не создав длительно существующую, сильную и жизнеспособную политическую и этническую общность. В этом отношении политические и этнические элементы такой общности должны быть предпосланы экономическими — даже в решении экономических проблем. А сколь-либо устойчивая и жизнеспособная политическая общность, в свою очередь, не может существовать, не будучи на практике работающей социальной общностью, которая основана на разделяемых корневых ценностях и сходном понимании справедливости — короче говоря, которая не является в то же время моральной общностью» [35].

Уход государства от выполнения сплачивающей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узы «горизонтального товарищества» и раскалывают ту моральную общность, которая только и может создать «умную экономику». Это — фундаментальная угроза для хозяйства России.

Глава 5

РЕФОРМА ХОЗЯЙСТВА: ОТХОД ОТ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Одним из главных факторов легитимности экономической системы является восприятие ее в массовом сознании как *справедливой*. Это грубая оценка в общем, а не в частностях.

Проблема справедливости в нынешнем понимании возникла с появлением государства, когда власть стала осуществлять распределение выгод и тягот в обществе посредством *права*. Это распределение создавало противоречия и вызывало конфликты, поэтому категория справедливости стала одной из важнейших в политической философии. Первые систематические выводы из опыта и размышлений оставил Аристотель в книгах «Этика» и «Политика». Они касаются причин утраты легитимности и падения государственной власти.

Аристотель формулирует совершенно категорический вывод: «Главной причиной крушения политий и аристократий являются встречающиеся в самом их государственном строе отклонения от справедливости».

Если взглянем под углом зрения Аристотеля на установки государства Российская Федерация, то придется признать, что эти установки нарушают главные аксиомы справедливости, известные уже в Древней Греции. Это и предопределяет ущербность его легитимности.

Вот уже почти 20 лет наша власть утверждает, что главная задача государства — обеспечить экономическую свободу *собственников* и конкурентоспособность их *самой ловкой* части (ясно, что все они не могут победить в конкуренции). Напротив, у Аристотеля высшая ценность в праве — не экономическая свобода и не конкурентоспособность, а именно *справедливость*. Все остальные ценности действуют во благо стране и народу лишь при условии, что не противоречат справедливости. Он отмечал в «Политике»: «Понятие справедливости связано с представлениями о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения».

В конце 80-х годов в нашем обществе созрел и оформился глубокий раскол в представлении о справедливости. При этом расколе население разделилось на большинство (примерно 90%), которое следовало традиционным взглядам, и радикальное меньшинство, которое эти взгляды отвергало. Большинство, например, считало резкое разделение народа на бедных и богатых несправедливостью, то есть *злом*. Российская элита, представленная сплоченной интеллектуальной бригадой будущих реформаторов, сделала иной философский выбор. Она приняла неолиберальное представление о справедливости. Исходя из этого, в доктрине реформ было хладнокровно предусмотрено массовое обеднение населения России — бедность рассматривалась не как зло, а как полезный социальный механизм.

Авангард идеологов реформы отвергал само понятие справедливости, прилагаемое к общностям людей — *социальную* справедливость. В 1992 г. Юлия Латынина свою статью-панегирик рынку назвала «Атавизм социальной справедливости».

С возмущением помянув все известные истории попытки установить справедливый порядок жизни, она привела сентенцию неолибералов: «Среди всех препятствий, стоящих на пути человечества к рынку, главное — то, которое Фридрих Хайек красноречиво назвал *атавизмом социальной справедливости*» [36].

Вот угроза хозяйству России: в обществе возник и углубляется конфликт ценностей, а возможности диалога практически ликвидированы.

О.С. Пчелинцев пишет в 2003 г.: «Констатируя провал радикальных реформ в первой половине 90-х гг., Ю.В. Яременко задавался вопросом: «Почему мы все же продолжаем жить по тем правилам, которые, как выяснилось, ни к чему хорошему не приводят?» Понятно, что сегодня, когда позади уже не два, а двенадцать лет «реформирования» — и все с тем же успехом, этот вопрос стоит только острее. Конечно, есть объяснение известного философа и социолога А. Панарина, связывающее феномен игнорирования общих интересов с фундаментальным процессом разложения «социального государства» и выхода класса «новых богатых» из национального консенсуса («Новые интернационалы» — Литературная газета, 25-31 декабря 2002 года, № 52). Но мы пока не будем принимать эту крайне пессимистическую точку зрения: ведь это означало бы признать распад самого общества.

Более реалистичным нам представляется объяснение, данное лауреатом Нобелевской премии по экономике Л. Клейном. Он писал, что в России в ходе реформ был проигнорирован целый ряд важнейших условий макроэкономической стабильности:

- справедливое распределение доходов и собственности;
- обеспечение населения основными видами социальных услуг;
- создание необходимой инфраструктуры;
- поддержание высокого уровня занятости.

Причина в том, что реформаторы руководствовались *иной системой ценностей*» [37].

На мой взгляд, это реалистичное объяснение ничуть не менее пессимистично, чем формулировка А.С. Панарина. Ведь раскол общества без возможности диалога — это и есть «распад самого общества».

Поскольку общество — система динамичная, то представления о справедливости меняются во времени. Значит, *общечеловеческих* критериев справедливости нет, они исторически и социально обусловлены, конфликты ценностей неизбежны. Но каждая власть должна постоянно нащупывать критический уровень несправедливости в массовом восприятии — ту «красную черту», которую нельзя переходить без недопустимого ущерба для легитимности. Для этого нужны эмпирические исследования. Аристотель пишет, как будто прямо авторам доктрины наших реформ: «Собирающемуся представить надлежащее исследование о наилучшем государственном строе необходимо прежде всего установить, какая жизнь заслуживает наибольшего предпочтения».

В 90-е годы власть в России устроила тип жизни, противный интересам и совести большинства. Это раз за разом показывают исследования и «сигналы», идущие снизу. Население терпит, поскольку не имеет инструментов, чтобы изменить положение без катастрофического столкновения — *«крушение нашей политики и аристократии»* пока что кажется более страшным злом.

Нас убеждают, что принятые в Российской Федерации законы (в первую очередь, Основной закон) справедливы по определению, уже потому, что они — законы. Это довод негодный, *легальность* законов и их *справедливость* — разные категории. От того, что депутаты от «Единой России» проголосовали за реформу ЖКХ, этот закон не становится справедливым. Аристотель предупреждает: «Законы в той же мере, что и виды государственного устройства, могут быть плохими или хорошими, основанными или не основанными на справедливости».

В 90-е годы в России были установлены законы и общий порядок, при которых возникла дикая, незнакомая нам раньше коррупция. Несмотря на фарисейские декларации, эти законы и порядок сохраняются и поныне. Аристотель предупреждал, что одна из первых обязанностей справедливого правителя — «посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться».

Перенесемся в наше время. Какие идеи определяют сегодня представления о справедливости в «социально мыслящей» части западного общества, исключая радикальные фланги правых и левых? Каков вектор мысли просвещенной части западного среднего класса, за которым якобы повели нас реформаторы? С первого взгляда видно, что этот вектор совершенно не совпадает с курсом российских реформ. Этот курс, заданный у нас в 90-е годы, поражает своей принципиальной несправедливостью. Наша низовая культура пока что смягчает эту несправедливость, но потенциал разлитых в обществе доброты и сострадания быстро иссякает.

В последние 30 лет рамки представлений о справедливости на Западе задаются трудами американского философа Джона Ролса (1921—2002). Его главный труд «Теория справедливости» вышел в 1971 г. Как говорят, он «оживил политическую философию и омолодил либерализм». Каковы же главные постулаты и теоремы его труда?

Во-первых, исторический опыт подтвердил вывод Аристотеля: справедливость — ценность *высшего* уровня. Она, по словам Ролса, так же важна в социальном порядке, как истина в науке или красота в эстетике: «Изящная и экономически выгодная теория должна быть отвергнута или пересмотрена, если она не соответствует истине; точно так же законы и учреждения, независимо от того, насколько они эффективны и хорошо организованы, должны быть изменены или отменены, если они несправедливы».

Во-вторых, критерий социальной справедливости является жестким и абсолютным: «Экономическое и социальное неравенство, как например, богатство и власть, справедливы только тогда, когда несут общую пользу и компенсируют потери наиболее незащищенных членов общества». Иными словами, уровень справедливости измеряется положением **наиболее обездоленного** слоя общества, а не «среднего класса». Неравенство, которое не идет на пользу *всем*, является несправедливостью.

Вспомним, что именно этот критерий отвергали идеологи реформы, которые с 60-х годов вели методическую пропаганду

против советской «уравниловки». А именно она «компенсировала» потери наиболее незащищенных членов общества».

Экономист Л. Пияшева требовала: «Не приглашайте Василия Леонтьева в консультанты, ибо он советует, как рассчитать «правильные» цены и построить «правильные» балансы. Оставьте все эти упражнения для филантропов и начинайте жестко и твердо переходить к рынку незамедлительно, без всяких предварительных стабилизаций».

И этой пропаганде многие поверили! Решили, что с ними «по справедливости» разделят отнятое у «слабых».

Ролс считает несправедливым даже «принцип равных возможностей», согласно которому в рыночной системе люди с одинаковыми талантами и волей в идеале имеют равные шансы на успех. Ролс утверждает, что эта «природная лотерея» *несправедлива* и для ее коррекции нужно введение *неравенства*, приносящего пользу наиболее обделенным.

Подчеркну, что это — выводы *либерального* философа, а не коммуниста и даже не социал-демократа. Он считается самым крупным философом XX века в США. Более того, его критикуют другие крупные либеральные философы за то, что он слишком либерален и недооценивает проблему справедливости в отношении коллективов, *общностей* людей, переводя проблему на уровень индивида.

Но каковы российские политики! Ведь принципы этого либерального философа проникнуты более глубоким чувством солидарности и сострадания к людям, чем рассуждения о соборности и народности наших депутатов и министров. А уж рассуждения наших рыночников выглядят просто людоедскими.

Да, законы нынешней Российской Федерации — меньшее зло, чем беззаконие. Но нельзя же не видеть несправедливости законов, которые отняли у людей право на труд и на жилище, а теперь шаг за шагом сокращают право на здравоохранение и на образование. Тенденция неблагоприятна — что же мы празднуем в День Конституции?

Начнем с замысла реформы. Известно, что в СССР организацию ряда важнейших систем жизнеобеспечения взяло на себя государство (пример — ЖКХ). Блага, «производимые» этими системами, распределялись уравнительно — бесплатно или

за небольшую плату. Реформаторы, следуя догмам неолиберализма, напротив, не признавали иного основания для права на жизнь, кроме платежеспособного спроса. Коррекция жестокой действительности допускается как социальная помощь «слабым». Е. Гайдар рассуждал так: «Либеральное видение мира отвергало право человека на получение общественной помощи. В свободной стране каждый сам выбирает свое будущее, несет ответственность за свои успехи и неудачи» [38].

Это противоречило фундаментальным свойствам «объекта реформирования». И антропология культуры России, несущая на себе отпечаток крестьянского общинного коммунизма, и русская православная философия исходили из представления, что бедность есть порождение несправедливости и потому она — зло. Надо особо подчеркнуть, что понимание бедности как зла, несправедливости, которую можно временно терпеть, но нельзя принимать как норму жизни, вовсе не является порождением советского строя и его идеологии. Напротив, советский строй — порождение этого взгляда на бедность.

Вот выдержка из старого дореволюционного российского учебника по гражданскому праву: «Юридическая возможность нищеты и голодной смерти в нашем нынешнем строе составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие. Хозяйственная жизнь всех отдельных единиц при нынешней всеобщей сцепленности условий находится в теснейшей зависимости от правильного функционирования всего общественного организма. Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немыслимы... За каждым должно быть признано то, что называется правом на существование... Дело идет не о милости, а о долге общества перед своими сочленами: каждый отдельный индивид должен получить право на свое существование... Конечно, осуществление права на существование представляет громадные трудности, но иного пути нет: растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши собратья гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной реальной обязанности» [39].

В этом разделе учебника, во-первых, отрицается способность рынка оценить реальный вклад каждого человека в жизнеобеспечение общества. Во-вторых, утверждается всеобщее право каждого на получение минимума жизненных благ на уравнительной основе — именно как право, а не *милость*. И это право в современном обществе должно быть обеспечено государством, а не благотворительностью.

Наконец, утверждается, что уравнительное предоставление минимума благ в условиях России начала XX века является не только этически обязательным, но и экономически целесообразным. В России реформаторы конца XX века, напротив, стали выбрасывать из общества бедных. Это был исторический выбор, сделанный без общественного диалога. Так был задан определенный вектор, и явного осознанного отказа от него до сих пор не произошло.

Послание Президента 2000 года гласит: «У нас нет другого выхода, кроме как сокращать избыточные социальные обязательства». В чем же *избыточность* социальных обязательств в России? Относительно чего они избыточны? Мусорные баки в Москве по несколько раз в день перебираются людьми, еще недавно принадлежавшими к «среднему классу». Число этих людей таково, что они составляют *социальную группу*. Но ведь они — только видимый кончик проблемы.

В том же году, что и Послание, вышел Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Российской Федерации» (М., 2000). В нем сказано: «Непосредственными причинами ранних смертей является плохое, несбалансированное питание, ведущее к физиологическим изменениям и потере иммунитета, тяжелый стресс и недоступность медицинской помощи».

И при этом президент считает социальные обязательства государства *избыточными* и призывает их сокращать!

Реформа стала небывалым экспериментом по искусственному созданию массовой бедности в благополучной промышленно развитой стране. В России была организована невиданная в мире бедность *работающих* людей. Из общего числа бедных более двух пятых составляли лица, имеющие работу. Это — проблема не только экономики, это уникальное свойство *политической культуры*. Известно, что в доктрине ре-

форм не было предусмотрено никаких мер для предотвращения крайней бедности и образования социального дна. Исследователи ВЦИОМ писали в 1995 г.: «Процессы формирования рыночных механизмов в сфере труда протекают весьма противоречиво, приобретая подчас уродливые формы. При этом не только не была выдвинута такая стратегическая задача нового этапа развития российского общества, как предупреждение бедности, но и не было сделано никаких шагов в направлении решения текущей задачи — преодоления крайних проявлений бедности» [40].

Можно предположить, что это было следствием «культурной бесчувственности» власти. Она игнорировала тот факт, что бедность и ее воздействие на общество — явления культуры. В разных цивилизациях они предстают по-разному. На Западе социальное дно сосуществует с благополучным большинством населения потому, что оно легитимировано социал-дарвинизмом, господствующим в сознании как благополучных, так и отверженных. Предполагать, что так же произойдет в России — ошибка, говорящая о том, что *власть неадекватна стране*.

В российском обществе бедность является *социальной болезнью*. Для ее лечения необходим рациональный подход — с установлением диагноза, выяснением причин и отягчающих обстоятельств, разумный выбор лекарственных средств и методов. Но если нет рационального представления о проблеме, то значит, не может быть и рационального плана ее разрешения.

В России сегодня даже нет языка, более или менее развитого понятийного аппарата, с помощью которого можно было бы описать и структурировать проблему бедности. Есть лишь расплывчатый, в большой мере мифологический образ, который дополняется метафорами, в зависимости от воображения и вкуса оратора. Соответственно, нет и более или менее достоверной «фотографии» нашей бедности, ее «карты».

Крайнее обеднение массы сограждан в России, тем более работающих и с высоким уровнем образования, есть *святошество*. Оно отравляет все общество.

Возьмем крайнее явление. В результате реформ в России к 1996 г. образовалось «социальное дно», составляющее око-

ло 10% городского населения, или 11 млн. человек, и «придонье» (7 млн. человек), живущее в состоянии отчаяния. В состав «дна» входят нищие, бездомные, беспризорные дети. Отверженные выброшены из общества с поразительной жестокостью. О них не говорят, их проблемами занимается лишь МВД, в их защиту не проводятся демонстрации и пикеты. Их не считают *ближними*. Такого не было и, видимо, никогда не будет нигде в мире: из общества была выброшена огромная масса людей, в которой большинство имеет среднее образование, а 6% высшее образование.

А как же социальные обязательства государства? Так, этим людям де-факто отказано в праве на медицинскую помощь. Они не имеют полиса, поскольку не зарегистрированы по месту жительства. Ну и что? Лечите их просто как людей, а не квартиросъемщиков. Это их конституционное право, записанное в ст. 41 Конституции Российской Федерации. При этом практически все бездомные *больны*, их надо прежде всего лечить, класть в больницы. Больны и 70% беспризорников — дети граждан России и сами будущие граждане.

Где в приоритетном Национальном проекте в области медицины раздел о лечении этих детей? Им не нужны томографы за миллион долларов, им нужна теплая постель, заботливый врач и антибиотики отечественного производства — но именно этих простых вещей им не дает нынешнее государство.

Половина бездомных — бывшие заключенные и беженцы. Что им делать? Они нарушают правила регистрации и уже поэтому выпадают из общества. В России около 3 млн. *бездомных*. Большинство их в прошлом были рабочими, но приватизация лишила их рабочих мест. Теперь среди бездомных наблюдается увеличение доли бывших служащих. 9% бездомных России имеют высшее образование. Государство гордится высоким образовательным уровнем своего населения!

Государственная помощь столь ничтожна по масштабам, что это стало символом отношения к бедным. Депутат Н.А. Нарочницкая сказала: «Мы должны из народонаселения стать нацией — единым организмом, в котором возобладает ощущение общности над всеми частными разногласиями». Вот вам част-

ное разногласие: к концу 2003 г. в Москве действовало 2 «социальных гостиницы» и 6 «домов ночного пребывания», всего на 1600 мест — при наличии 30 тыс. *официально учтенных* бездомных. Зимой 2003 г. в Москве замерзло насмерть более 800 человек. Не успело в них возобладать ощущение общности.

И вот выводы социологов в главном журнале Российской Академии наук «Социологические исследования»: «Всплеск бездомности — прямое следствие разгула рыночной стихии, «дикого» капитализма. Ряды бездомных пополняются за счет снижения уровня жизни большей части населения и хронической нехватки средств для оплаты коммунальных услуг... Бездомность как социальная болезнь приобретает характер хронический. Процент не имеющих жилья по всем показателям из года в год остается практически неизменным, а потому позволяет говорить о формировании в России своеобразного «класса» людей, не имеющего крыши над головой и жизненных перспектив. Основной «возможностью» для прекращения бездомного существования становится, как правило, смерть или убийство» [41].

Социальное дно в России не может сосуществовать с благополучной частью, оно ее станет *пожирать*. Люди из «придолья» будут непрерывно опускаться на дно, а люди дна будут быстро и непрерывно умирать. Об этом в сухих выражениях и говорят социологи: «В обществе действует эффективный механизм «всасывания» людей на «дно», главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан» [42].

Своей бесчувственностью в социальной политике власть создала большую угрозу, которая уже действует и перемалывает российское общество. В 90-е годы государство проявило такой тип жестокости, какого мы уже и не предполагали в людях. Иногда казалось, что мы во власти инопланетян. Выступает политик, говорит о реформе ЖКХ. Кажется, если бы ты смог протянуть к нему руку через телеэкран и дернуть его за щеку — кожа отслоилась бы, а под ней чешуя ящера с неизвестной планеты.

Уже на первых этапах реформы власть проявила столь безжалостное отношение к населению, что даже академик Г.А. Арбатов посчитал нужным отмежеваться от правительства реформаторов: «Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетничают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаясь понравиться МВФ» [43].

Без диалога и ясной программы, на базе которой возможен общественный договор и общие усилия, преодоление кризиса невозможно. Но первое условие такого договора — отказ от превращения России в джунгли конкуренции, от травли людей в звериной борьбе за выживание. И первый шаг — ограничение законов рынка в социальной сфере, поворот к восстановлению отношений государственного патернализма.

Согласно наблюдениям А. Тойнби, элита способна одухотворять большинство, лишь покуда она одухотворена сама. Ее *человечность в отношении большинства* служит залогом и одновременно показателем ее одухотворяющей силы. С утратой этой человечности элита, по выражению Тойнби, лишается санкции подвластных ей масс. Именно это национальное несчастье случилось за последние десятилетия в России.

Глава 6

АНТИСОВЕТИЗМ ИДЕОЛОГИИ РЕФОРМ

Важнейшей политической (и геополитической) целью рыночной реформы конца 80-х и 90-х годов XX века было разрушение советского строя. «Технологически» оно шло по двум направлениям: через подрыв *идеологического* стержня общества и его *хозяйственной* системы. Эта военная операция велась исключительно жесткими средствами практически во всех сферах национального бытия советского народа — в экономической, социальной, этнической и политической. Разрушению подвергались все духовные структуры советского человека и

основные структуры жизнеустройства. Речь шла не о критике, а об ударах на поражение.

Любое явление советской жизни, которое квалифицировалось реформаторской элитой как отрицательное, доводилось и доводится в его отрицании до высшей градации *абсолютного зла*¹. У людей, которых в течение многих лет бомбардируют такими утверждениями, разрушается способность измерять и взвешивать явления, а значит, адекватно ориентироваться в реальности. В структуре мышления молодого поколения это очень заметно.

Высокие должностные лица из состава властной команды выражаются более сдержанно, однако вполне определено. В.Ю. Сурков говорит: «Реформы Петра, февральские грезы, большевистские мегапроекты, перестройка. Все второпях, в ослеплении идей. В раздражении чрезвычайном от вязкой реальности» [44].

Читатель должен сам додумать: да, эта реформа оказалась вязкой реальностью, но ничего не поделаешь, всегда так в России бывает, все второпях — вот в чем причина. А на деле все это подлог. Можно ли ставить советские мегапроекты индустриализации и Великой Отечественной войны на одну доску с вредительством перестройки и приватизацией 90-х годов? Все это, мол, по сути одно и то же.

Власть взяла на вооружение порочный метод объяснять провалы рыночной реформы в России наследием советского прошлого. Мол, эти провалы — следствие инерции тех систем, которые были созданы при советском строе. Это — важный методологический принцип всей доктрины реформ. Я утверждаю, что этот принцип фундаментально ошибочен и лишает государство и общество возможности разобраться в актуальных процессах. Этот принцип изначально исказил меру и критерии, с которыми сообщество экономистов и власть подходят к актуальным проблемам.

---

¹ К числу отрицательных явлений были отнесены те стороны советской жизни, которые традиционно приветствовались демократами и гуманистами — высокий уровень социальной защиты, доступность образования и здравоохранения, реальное право на труд, низкий уровень преступности и пр. Инверсия оценки этих сторон жизни вызвала культурное потрясение.

Разберем пример важных искажений реальности, вытекающих из антисоветизма реформ. Стало нормой утверждение, будто советское хозяйство имело «экспортно-сырьевой» характер, отчего теперь страдает Российская Федерация. В Послании Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г. Д.А. Медведев сказал, например: «Советский Союз, к сожалению, так и остался индустриально-сырьевым гигантом и не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами. ... Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания» [17].

Прекрасна последняя фраза, но «умной» экономика не станет, пока мы не разберемся, каким образом Россия скатилась к «примитивному сырьевому хозяйству», — ведь силы и механизмы, которые ее туда толкнули, продолжают действовать. Их надо выявить и нейтрализовать. Но мы не начнем ничего «выявлять», пока не откажемся от мифа, будто СССР был «*сырьевым*» гигантом, не определим вес «*индустриальной*» компоненты в советской экономике.

Д.А. Медведев представляет дело так, будто все двадцать лет реформ Россия шаг за шагом преодолевала «сырьевую зависимость», характерную для советского хозяйства, — но до конца так и не преодолела. Он пишет: «Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унижительной сырьевой зависимости» [32].

Этот миф воспринят с таким доверием, что приходится поражаться. Это — неверное определение вектора процесса. В действительности нынешнее «примитивное сырьевое хозяйство» — не наследие прошлого, а именно *продукт реформы*, результат *деиндустриализации* советского хозяйства.

Взглянем на «унижительную сырьевую зависимость» в целом. В ежегоднике «Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.» на стр. 32 есть таблица: «Вывоз продукции из РСФСР по отраслям народного хозяйства в 1989 г. (в фактически действовавших ценах)».

Суммируя продукцию отраслей перерабатывающей промышленности и транспортные услуги, получаем, что доля продуктов высокого уровня переработки в вывозе продуктов из РСФСР составляла 77%. Из них «машиностроение и металло-

обработка» — 34,7%. Доля «добывающих» (сырьевых) отраслей — 23%. Это — максимум, со всеми допущениями в пользу «сырья».

Теперь берем «Российский статистический ежегодник. 2007». На стр. 756 имеется таблица: «Товарная структура экспорта Российской Федерации (в фактически действовавших ценах)». В 2006 г. «минеральные продукты, древесина и сырье» составили 70% экспорта Российской Федерации, а «машины, оборудование и транспортные средства» — 5,8%.

Но дело даже не в доле сырья в экспорте, а в зависимости всего хозяйства от экспорта (и, таким образом, от экспорта сырья). Сравним два образа — величину экспорта и стоимость годового объема продукта промышленности.

В 1986 г. продукция промышленности в СССР составила 836 млрд. руб., а экспорт 68,3 млрд. руб., в том числе в капиталистические страны 13,1 млрд. руб. То есть, экспорт на мировой рынок был равен в стоимостном выражении 1,6% от продукта промышленности. Экономика СЭВ была кооперирована с СССР, и экспорт в его страны — другая статья. Но даже если суммировать, то весь экспорт составил 8,2% продукта промышленности.

В 2008 г. продукция промышленности РФ составила 14,6 триллиона руб., а экспорт — 471 млрд. долларов, или примерно 14 триллионов руб. При этом 70% экспорта — сырье. Именно за последние двадцать лет Российская Федерация стала *«сырьевым гигантом»*, а РСФСР была *индустриальной* страной. Мы живем потому, что государство политическими средствами удерживает цены внутри страны на более низком уровне, чем на внешнем рынке, а сырье там сейчас дорого.

Российская экономика не может использовать отечественное сырье для своего развития и для того, чтобы обеспечить рабочими местами свое население — собственникам выгоднее продать сырье за границу. Взять хотя бы нефть. Ведь «на нефтяную иглу» сел не СССР, а именно Российская Федерация, причем как следует она села на эту иглу уже после ухода Ельцина. Сравните долю нефти, идущей на экспорт, в советский период и после победы реформы над советским хозяйством. В 1990 г. из РСФСР на экспорт было отправлено 19,2% добы-

той сырой нефти, в 2005 г. из Российской Федерации — 46% (а вместе с нефтепродуктами экспорт 2007 г. в страны «дальнего зарубежья» составил 326 млн. т, или 70% добытой нефти).

Казалось бы, выдвигая свой тезис о зависимости СССР от экспорта нефти, экономисты и политики должны были сказать, какой *вес* имел экспорт нефти в жизнеобеспечении страны. Например, какова была его доля в ВВП или в национальном доходе СССР. Эти данные можно получить в любом статистическом ежегоднике. Но приведем величину этой доли в динамике (рис. 2). На нем показана динамика всего экспорта, и величины ВВП (валового национального продукта — показателя, который был введен в 1988 г. и ретроспективно рассчитан до 1985 г. и для 1980 г.).

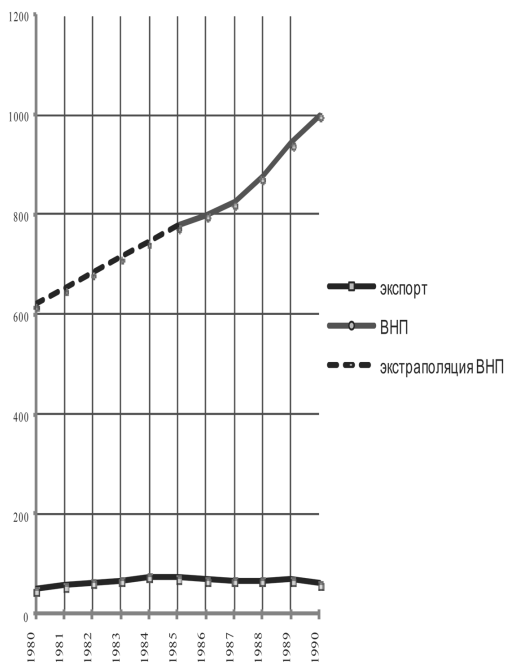

Рис. 2. Динамика ВВП и экспорта СССР в действующих ценах, млрд. руб.

Кстати, искажает реальность и вторая часть утверждения Д.А. Медведева — что «Советский Союз не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами». СССР не выдержал **войны** с Западом, войны на уничтожение, хотя и «холодной». Война — это вовсе не конкуренция. Если бы нынешняя Россия не унаследовала от СССР продуктов *советского постиндустриализма* (хотя бы в виде ракетно-ядерного оружия), то сегодня она вся была бы превращена в «сырье» уважаемыми «постиндустриальными обществами».

Из тезиса о «сырьевой зависимости» СССР выводился и производный от него тезис о том, что в «экономика развалилась» нефти, а правящие круги США в 80-е годы обрушили мировые цены на нефть, чтобы лишить СССР валюты и заставить его капитулировать в «холодной» войне.

Из рисунка видно, что доля экспорта в ВВП была очень невелика, и колебание цен на мировом рынке не могло сказаться на состоянии экономики в целом. Если же взять конкретно экспорт нефти, то его вес в экономике совсем невелик. Согласно Госкомстату СССР, в 1988 г. весь экспорт из СССР составил 67,1 млрд. руб. Экспорт **топлива и электричества** составил 42,1% всего экспорта, или 28,2 млрд. руб. ВВП СССР составил в 1988 г. 875 млрд. руб. Таким образом, **весь экспорт топлива и электричества составил 3,2% от ВВП**. Основная его часть (две трети) направлялась в социалистические страны по долгосрочным соглашениям, экспорт энергоносителей на конвертируемую валюту составил всего 1,03% от ВВП СССР (в долях валового общественного продукта это 0,59%¹). Очевидно, что не могло сокращение экспорта привести к краху экономики «индустриально-сырьевого гиганта» СССР!

Если начертить график динамики только экспорта и импорта СССР в более крупном масштабе, то будет видно, что снижение цен на нефть действительно привело после 1984 г. к некоторому снижению экспорта и, соответственно, импорта. Но это было незначительное колебание — снижение до уровня

---

¹ Возможно, для СССР 1988 года валовый общественный продукт — более близкий аналог ВВП, чем ВВП.

1983 года (рис. 3). Существенной роли оно в судьбе всей экономики сыграть не могло. Настоящий спад произошел в 1990 г., и это уже было и следствием, и фактором углубления кризиса, поскольку из-за одновременного спада внутреннего производства и хаоса в таможенной сфере пришлось острый недостаток товаров широкого потребления компенсировать импортом за счет золотовалютных резервов.

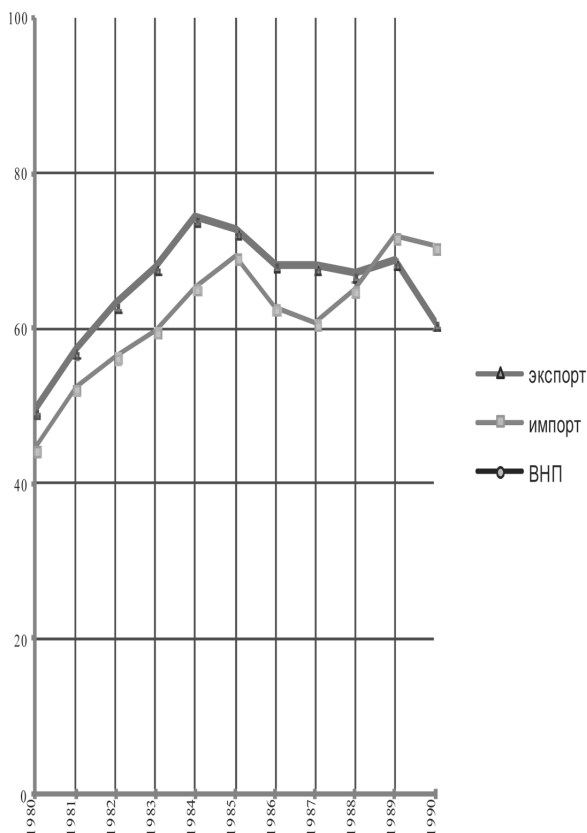

Рис. 3. Динамика экспорта и импорта СССР в действующих ценах, млрд. руб.

Ритуальные плевки в советское прошлое стали столь привычными, что спичрайтеры высших руководителей даже не удосуживаются проверить свои самые странные идеи. Ну и потомки русских богатырей! Но отбросим лирику, разбор обвинений СССР нам нужен, чтобы восстановить свою способность считать и логически мыслить для нынешних дел.

В Послании 2007 года В.В. Путин сказал: «В нашей стране за весь — подчеркну, за весь — советский период было построено 30 атомных энергоблоков. За ближайшие же 12 лет мы должны построить 26 блоков». Эту мысль можно было бы выразить с большей экспрессией, например: «С момента крещения Руси было построено только 30 атомных энергоблоков, а вот мы...». Это надо же, в чем нашел президент нынешней РФ упрекнуть советский период! А можно было бы сказать, что в Советском Союзе даже ВВП вообще не было, нечего было и удваивать, а вот мы...

А вот, например, В.В. Путин говорит в Госдуме (6 апреля 2009 г.): «Невозможно уже больше ... мириться с нищенским пенсионным обеспечением миллионов людей, с тем, что у нас по-прежнему есть пенсионеры, которые получают меньше 2 тыс.—1950 рублей. Правда, это еще наследие прошлого, советского периода, когда в совхозах платили соответствующие деньги» [33].

Посмотрим, какие «соответствующие деньги» платили в совхозах и сколько «миллионов людей» из тех работников живет сегодня в Российской Федерации. Всего в РСФСР в 1990 г. было 6,3 млн. человек, получавших минимальную пенсию — 70 руб. в месяц. Сейчас всем выжившим из тех, кто был пенсионером в советское время, далеко за 80 лет. Сколько их всего осталось? Совсем немного, в 2008 г. в России проживало 3,6 миллиона человек в возрасте 80 лет и более.

Тех, кто получал *минимальную* пенсию, было 24% от общего числа пенсионеров — значит, делим это малое число еще на 4. Сколько из них вышло на пенсию именно в *совхозах*? Надо поделить еще минимум на 10. Да их по пальцам можно сосчитать, а нам говорят, что «миллионы людей» с нищенской пенсией — наследие совхозов! Кто в Правительстве нашелся такой хитрый, чтобы сочинить эту байку?

Лучше бы посчитали, что мог купить пенсионер на 70 руб. в 1990 году и что — на 1950 руб. сегодня. В 1990 г. пенсионер на минимальную пенсию в 70 руб. мог купить 238 кг молока или 183 кг хлеба (хлебо-булочных изделий) из пшеничной муки. В 2007 г. пенсионер на минимальную пенсию в 1950 руб. мог купить 76 кг молока или 64 кг хлеба (хлебо-булочных изделий) из пшеничной муки. В три раза меньше! Это не наследие совхозов, а оригинальный продукт нынешнего социального порядка.

В том же отчете Госдуме В.В. Путин говорит: «В Советском Союзе должного внимания развитию гражданской авиации не уделялось, что мы с вами хорошо знаем. Да, к сожалению, так, потому что наши гражданские самолеты — это то, что было переделано, первоначально это были военные самолеты, потом их спокойно переделали. Они являются у нас, к сожалению, сегодня неконкурентоспособными» [33].

Не странно ли? Советского Союза нет уже 18 лет, и он же виноват, что построенные в СССР самолеты «сегодня неконкурентоспособны». Почему же ваши хорошие рыночные КБ и заводы не сконструировали и не построили такие самолеты, которые вам нравятся? В Советском Союзе были свои нормальные и дешевые самолеты (их покупали многие страны) и 1300 аэропортов. Теперь закрыты $\frac{3}{4}$ аэропортов, а пассажиров летает в 4 раза меньше, но «должного внимания развитию гражданской авиации не уделялось» именно в СССР. Господа, куда же мы придем с такой логикой?

Мы будем все глубже погружаться в трясины недееспособности, если анализ каждого провала нынешних «менеджеров» станем заменять проклятиями в адрес СССР, который не обеспечил нас вечными благами. Вот, научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин на следующий день после аварии на ГЭС прибегает к этому магическому приему: «Саяно-Шушенская ГЭС была символом крупных проектов, которые осуществлялись в СССР. Мы не знаем истинных причин этой крупной техногенной катастрофы, почему произошел гидродар. Но, я уверен, истинная причина — в безалаберности и наплевательском отношении к строительным стандартам».

Вот такие «научные руководители» управляют ВШЭ, «генератором программ» реформы. В устах Ясина ссылка на «проклятое советское прошлое» не удивляет. Но какова логика у этого «научного руководителя» колыбели российских экономистов: «Мы не знаем истинных причин ... Но, я уверен, истинная причина — в...». Не знает, но уверен! Пожалуй, одна из множества причин этой катастрофы заключается в том, что такие профессора и министры воспитали людей, которые управляют сегодня техносферой России.

А вот какое объяснение дает специалист по технической безопасности А.И. Гражданкин: «Характерный пример отклика сложной социотехнической системы на смену цели производственной деятельности — авария на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 г. Агрегаты станции проектировались в предположении, что их режим работы и обслуживания будут происходить в рамках единой энергосистемы. Для расчлененной ЕЭС (как суммы деградирующих систем) нужны элементы и связи с принципиально иными свойствами. Старые элементы и связи от ЕЭС СССР не смогли адаптироваться для обслуживания внешней новой системы «свободного» рынка электроэнергии. Произошла тяжелая авария, после которой непроектная нагрузка на оставшиеся элементы и связи осколков ЕЭС еще более усилилась. Необходимо последовательно изучать «получившуюся» систему и «притирать» ее старые элементы и связи к возникшим условиям. Ни старые ГОСТы, ни новые евронормы, ни их смесь в техрегламентах — здесь не помогут, все они существенно искажают картину актуальных опасностей (одни нормы «отстали», другие — «впереди»))» [46].

Человек не пускается в рассуждения о добре и зле, тоталитаризме и демократии, а говорит о взаимозависимости техники и социальных систем. Хотите перевести созданную в СССР техническую систему на рыночные принципы — дополняйте ее адекватной оснасткой, иначе произойдет авария. Ведь и Чернобыльская катастрофа произошла потому, что советской техникой попытались управлять исходя из норм «живого творчества масс».

Но поворота к таким прагматическим рассуждениям, в общем, не происходит. Власть продолжает идеологическую антисоветскую программу Горбачева и Ельцина — для чего?

В.Ю. Сурков попрекает «азиатчину» советского строя: «Освоение космоса и атомной энергии добыто жестоким упорством советского крепостничества». Это старая песня, в ней ненависть вовсе не к «крепостничеству», а к советскому освоению космоса и атомной энергии. Вот этого бы России не нужно, это новому государству и его консультантам не нравится. Но какова самонадеянность! Ведь читатель автоматически встраивает подобные суждения в реальную систему координат: жестокое упорство советского крепостничества дало России освоение космоса и атомной энергии, а жестокое упорство рыночного крепостничества Чубайса и Грефа дало России паразитизм «олигархов» и колоссальный регресс жизнеустройства. Почувствуйте разницу, интеллектуальные вожди Российской Федерации.

В.Ю. Сурков рисует карикатуру на большие проекты, которые в ходе истории выполнял русский народ. Он иронизирует над делами, которые стоили народу колоссальных усилий и жертв, но и поднимали на новый уровень цивилизационного развития.

Он говорит: «Когда-то мы должны были построить коммунизм. Думали, сейчас построим и потом делать ничего не будем. Но надо очень быстро построить коммунизм, чтобы поскорее ничего не делать. Ведь на средненародном уровне представляли коммунизм именно так: это место, где делать ничего не надо и где все при этом есть... В наивном уповании на прекрасную новую жизнь, где все станут полеживать на боку, на заслуженном (как же — страдали!) отдыхе. Предоставив труды и хлопоты всесильному учению, мировой революции, общечеловеческим ценностям, невидимой руке рынка и прочим разновидностям скатерти-самобранки. Такая вот эсхатология незатейливая» [16].

Стыдно это читать. «На средненародном уровне» считалось, что коммунизм — это, прежде всего, *«от каждого — по способности»*. А Сурков нарисовал карикатуру на русского коммуниста как наивного паразита, мечтающего, «чтобы по-

скорее ничего не делать». Какой недалёковидный поклеп на несколько поколений, трудами которых кормится вся эта нынешняя «элита». Это, кстати, поклеп на большую когорту *мертвых русского народа*, надо бы с ними быть поосторожнее.

Вот, В.Ю. Сурков берет коммунизм как эталон убожества и посредственности: «Кому нужен мир, в котором все люди, нации и демократии на одно лицо? Это была бы вещь потоскливее коммунизма» [там же].

Ясно, что мира, в котором все люди на одно лицо, не может быть, он тут притянут за уши, чтобы лягнуть коммунизм. Вот, мол, какими недоумками были русские люди, в массе своей поверившие в идеалы коммунизма! Так, значит, трактует власть цивилизационный вектор России в течение целого исторического периода. И с таким представлением она собирается строить новую Россию? В какое болото она ведет страну...

Еврейский поэт, впавший в ностальгию после уничтожения СССР, написал: «... а под утро приснится страна, где росли мы как пила на суку». Это же можно сказать и о новом поколении реформаторов: они живут на хозяйстве, созданном в Советском Союзе, «как пила на суку».

Глава 7

РЫНОК, КУЛЬТУРА И ПРЕСТУПНОСТЬ

За последние двадцать лет в России, в основном, завершилась смена общественного строя. Новое жизнеустройство представило свои принципиальные признаки. Произошло событие аномальное — в одной из самых благополучных в этом смысле стран мира почти искусственно раскручен маховик жесткой, массовой, организованной *преступности*. Страна перешла в совершенно новое качество — новый политический режим сдал население в лапы «братвы».

Положение таково. В 1987 г., последний год перед реформой, в РСФСР от убийств погибло 11,3 тыс. человек (с учетом смерти от ран и травм) и произошло 33,8 тыс. грабежей и разбоев. В 2006 г. от преступных посягательств погибло 61,4 тыс.

человек и получили тяжкий вред здоровью 57 тыс., а число грабежей и разбоев достигло 417 тыс.

Число таких преступлений, видимо, стабилизируется на высоких уровнях. В 2007 г. от преступных посягательств погибло 54 тыс. человек, получили тяжкий вред здоровью 52,9 тыс., зарегистрировано 340 тыс. грабежей и разбоев. Число тяжких и особо тяжких преступлений уже много лет колеблется на уровне 1,8 млн. в год (к тому же сильно сократилась доля тех преступлений, что регистрируются и тем более раскрываются).

Это значит, что официально примерно в 5% семей в России ежегодно кто-то становится жертвой тяжкого или особо тяжкого преступления! Только в местах заключения ежегодно пребывает около миллиона человек (в 2008 г. 888 тыс.). Таким образом, жертвы преступности, включая саму вовлеченную в нее молодежь, ежегодно исчисляются миллионами — и это только начало раскручивания страшного маховика¹.

Причины роста преступности известны, и первая из них — социальное бедствие, к которому привела реформа. Из числа тех, кто совершил преступление, более половины составляют теперь «лица без постоянного источника дохода». Большинство из другой половины имеют доходы ниже прожиточного минимума. Изменились социальные условия! Честным трудом прожить трудно, на этом «рынке» у массы молодежи никаких перспектив, реформа «выдавила» ее в преступность.

Но только от бедности люди не становятся ворами и убийцами — необходимо было и разрушение нравственных устоев. Оно было произведено, и сочетание этих причин с неизбежностью повлекло за собой взрыв массовой преступности. В России возникли новые культурные условия жизни, когда множество молодых людей идут в банды и преступные «фирмы» как на нормальную работу.

Преступность — процесс активный, она затягивает в свою воронку все больше людей, преступники и их жертвы переплетаются, меняя всю ткань общества. Бедность одних уско-

---

¹ В 2008 г. выявлено лиц, совершивших преступления, 1,26 млн. Пострадало от преступных действий 2,3 млн. человек, из них погибло 46 тыс. и получили тяжкий вред здоровью 48,5 тыс. человек. В 2000 г. погибли и получили тяжкий вред здоровью 151 тыс. человек. И так — **каждый год**.

ряет обеднение соседей, что может создать лавинообразную цепную реакцию. Люди, впавшие в крайнюю бедность, разрушают окружающую их среду обитания. Этот процесс и был сразу запущен одновременно с реформой. Его долгосрочность предопределена уже тем, что сильнее всего обеднели семьи с детьми, и большая масса подростков стала вливаться в преступный мир.

Это — массивный социальный процесс, который не будет переломлен небольшими «социальными» подачками. В 2005 г. по отношению к 2000 г. распространенность алкоголизма среди подростков увеличилась на 93%, а алкогольных психозов на 300% [46].

Но главная проблема в том, что преступное сознание заняло господствующие высоты в экономике, искусстве, на телевидении. Культ денег и силы! На Западе уже в середине неолиберальной волны был сделан вывод, что цена ее оплачивается прежде всего *детьми* и *подростками*. Американский социолог К. Лэш пишет в книге «Восстание элит»: «Телевизор, по бедности, становится главной нянькой при ребенке... [Дети] подвергаются его воздействию в той грубой, однако соблазнительной форме, которая представляет ценности рынка на понятном им простейшем языке. Самым недвусмысленным образом коммерческое телевидение ярко высвечивает тот цинизм, который всегда косвенно подразумевался идеологией рынка» [47, с. 79].

Растлевающее воздействие телевидения образует *кооперативный эффект* с одновременным обеднением населения. В ходе рыночной реформы в России сильнее всего обеднели именно дети (особенно семьи с двумя-тремя детьми). И глубина их обеднения не идет ни в какое сравнение с бедностью на Западе. А вот что там принесла неолиберальная реформа: «Самым тревожным симптомом оказывается обращение детей в культуру преступления. Не имея никаких видов на будущее, они глухи к требованиям благоразумия, не говоря о совести. Они знают, чего они хотят, и хотят они этого сейчас. Отсрочивание удовлетворения, планирование будущего, накопление зачетов — все это ничего не значит для этих преждевременно ожесточившихся детей улицы. Поскольку они считают, что умрут молодыми, уголовная мера наказания также

не производит на них впечатления. Они, конечно, живут рискованной жизнью, но в какой-то момент риск оказывается самоцелью, альтернативой полной безнадежности, в которой им иначе пришлось бы пребывать... В своем стремлении к немедленному вознаграждению и его отождествлении с материальным приобретением преступные классы лишь подражают тем, кто стоит над ними» [47, с. 169].

Именно это, и в гораздо большей степени, произошло в России. Без духовного оправдания преступника авторитетом искусства не было бы взрыва преступности. Особенностью нашего кризиса стало включение в этическую базу элиты элементов преступной морали — в прямом смысле. Преступник стал положительным лирическим героем в поэзии — таков был социальный заказ элиты культурного слоя.

Вот один из последних примеров — сериал «Сонька — Золотая Ручка», который снял Виктор Иванович Мережко. Он восхищен ею — «талантливая воровка». В этой воровке, которая действовала в составе банды, он видит героя, востребованного нынешним обществом: «Она уже легенда. И войдет в число женщин-героинь обязательно! Это наша Мата Хари. Но не шпионка, а воровка». Национальная героиня России! В этих похвалах Мережко поддерживает телеканал «Россия»: «Ее таланту и авторитету в уголовном мире не было равных» [48].

Чтобы этот особый дух «уважения к вору» навязать, хоть на время, большей части народа, трудилась целая армия поэтов, профессоров, газетчиков. Первая их задача была — устарить общие нравственные нормы, которые были для людей неписаным законом. В результате сегодня одним из главных препятствий к возврату России в нормальную жизнь стало широкое распространение и укоренение *преступного мышления*. Это нечто более глубокое, чем сама преступность.

Экономика России резко ослаблена *коррупцией*, особым типом преступности. Коррупция, которая во времена Ельцина считалась временным явлением революционного хаоса, буквально «введена в рамки закона», стала, как теперь принято говорить, системной и даже *системообразующей*. Теневые потоки денег идут к коррумпированным чиновникам по установленным каналам автоматически.

В ноябре 2009 г. в интервью немецкому журналу «Шпигель» Д.А. Медведев заявил: «Коррупция есть в любой стране. Но в нашей стране коррупция приобрела очень уродливые формы. Коррупция была и в царское время, а также существовала и в советские времена, хотя была более латентной по вполне понятным причинам. И конечно, коррупция расцвела махровым цветом после перехода России к современному состоянию устройства экономики и политической системы. То, что общество стало более свободным, всегда имеет в себе плюсы и минусы. Плюсы очевидны, а минусом является в том числе и большая раскрепощенность чиновников, которые приобретают возможность контролировать денежные потоки, брать взятки, пытаться залезать в бизнес» [49].

Тут нельзя согласиться с утверждением, что коррупция в советские времена была всего лишь «более латентной» («по вполне понятным причинам» — стоило бы сказать, по каким же). Дело не в латентности, то есть степени раскрываемости преступлений. Коррупция в СССР — это явление в совсем иной социальной, экономической и культурной системе, чем нынешняя России. Поэтому та коррупция носила иной характер и в качественном, и в количественном измерении. Это просто *разные* явления, хотя и называемые одним и тем же словом. Ставить их в один ряд — значит уходить от сути явления.

По словам д.ю.н. из Института государства и права РАН Г.К. Мишина, «в цепи проблем, связанных с системной коррупцией в России, центральным звеном, на наш взгляд, является коррупция на верхнем уровне управления государством... Коррупция в высших эшелонах государственной власти представляет наибольшую опасность для России в переживаемый трансформационный период. Именно элитно-властная коррупция влечет масштабное расхищение государственных средств, в том числе зарубежных кредитов, и формирует негативный образ органов власти как в глазах российского населения, так и в мировом общественном мнении» [50].

Мощный всплеск экономической преступности (часто с насилием и убийствами) был вызван приватизацией. Вот заключение криминалистов о результатах приватизации в этом аспекте (по состоянию на начало десятилетия XXI века): «В криминаль-

ные отношения в настоящее время вовлечены 40% предпринимателей и 66% всех коммерческих структур. Организованной преступностью установлен контроль над 35 тыс. хозяйствующих субъектов, среди которых 400 банков, 47 бирж, 1,5 тыс. предприятий государственного сектора. Поборами мафии обложено 70—80% приватизированных предприятий и коммерческих банков. Размер дани составляет 10—20% от оборота, а нередко превышает половину балансовой прибыли предприятий... По некоторым данным, примерно 30% состава высшей элиты в России составляют представители легализованного теневого капитала, организованной преступности» [51].

Тяжелым ударом для российского предпринимательства, особенно среднего и малого, стало *рейдерство*. Оно превратилось в мощный фактор криминализации современного хозяйства. Как сказал Президент Д.А. Медведев, это явление приняло такой размах, что никто из российских предпринимателей не может оставаться в спокойствии за судьбу его собственности: «Одним из проявлений неуважения к собственности, к труду других людей выступают по-прежнему носящие массовый характер незаконные захваты фирм (т.н. рейдерство). Какая уж тут инициатива или мотивация, если предприниматель знает, что он может в любую секунду лишиться своего дела в результате бандитских операций?»

Особенно массовый характер рейдерство приобрело в сельском хозяйстве. На слушаниях в Совете Федерации РФ было заявлено, что в Московской области почти все сельхозпредприятия подвергались в пореформенный период рейдерским набегам. Как показывает опыт, большинство средних и малых предприятий не имеют средств для создания систем защиты от рейдеров. Те, кто все же держит охрану предприятия, расходуют на нее от 15 до 40% прибыли, а у малого расходы на охрану «порою съедают всю прибыль, обрекая их на банкротство или на ужесточение самоэксплуатации».

Помощь государства незначительна. Согласно исследованиям социологов, «значительная часть средних и малых бизнесменов оценивают судебно-правовую систему как структуру, благоприятствующую недружественным поглощениям. Почти 4/5 субъектов малого бизнеса и среднего предпринимательства чувствуют себя

весьма уязвимыми из-за несовершенства законодательства перед совокупными силами российского экономического криминала и коррумпированного чиновничества...

Оставленные, — и как полагают эти предприниматели, оставленные намеренно, по инициативе лоббистов, — законодателями пробелы в основных регулирующих хозяйственную деятельность законах иницируют и стимулируют беспредельный произвол местных чиновников по отношению к реальным производителям в современной российской экономике. Используя с помощью юристов эти пробелы, рейдерские структуры имеют массу легальных и полулегальных возможностей захватить почти любое лакомое для него предприятие. Ведь такого рода пробелов и недостатков, подрывающих уважение к собственности, в действующем законодательстве много...

Ни одно из семейных и малых частных предприятий, по признаниям их владельцев, не имеет необходимых для предотвращения захвата их собственности систем защиты. Вместе с тем, в АПК не имеет таких систем и 86,37% средних частных предприятий и фирм, а также 75,03% компаний крупного бизнеса. Причем, что касается государственных и кооперативных предприятий, то их положение в этом плане такое же, как у семейного и малого бизнеса» [136].

Рейдерство — крупная отрасль преступной экономики. В нее привлечены большие людские ресурсы и финансовые средства. Организован информационный и экономический шпионаж, ведется фальсификация документов, широко применяется подкуп нотариусов и судей, наем высококвалифицированных юристов и силовых структур для насильственных захватов. Проблема и в том, что защита от рейдерства требует от предпринимателей столь же эффективных технологий обороны. Таким образом, методы защиты от рейдерских захватов определяются методами нападения и в успешных случаях почти зеркально отражают их характер.

Социологи пишут: «По сообщениям юристов, и опросы это подтверждают, рейдерские захваты планируют и организуют работающие под прикрытием юридических, психологических и иных консалтинговых и консультационно-информационных служб и фирм опытные правоведа и социальные психологи, ча-

стные детективы и социальные технологи. В их распоряжении находятся довольно мощные, нередко в несколько сот субъектов группы полукриминальных и прямо криминальных элементов из числа гражданских дебоширов и направляющих их деятельность бандитских вожаков, а также охранные отряды ЧОПов, действующие на основании криминально организованных легальных судебных постановлений, прямо или косвенно руководимые нередко коррумпированными представителями правоохранительных и правоисполнительных органов. В этих условиях защитить свою собственность возможно только в том случае, если означенной силе противостоит еще большая сила.

Эти их утверждения принципиально важны для социальной, правовой и этической оценки положения, сложившегося в современной российской хозяйственной жизни в связи с массовостью и масштабностью разгула в ней рейдерства. Ведь, по утверждению тех же правоведов и следователей, почти 90% рейдерских захватов собственности в России обременены правонарушениями... Каждое из этих полутора дюжины нарушений влечет за собой соответствующую, а в некоторых случаях и не одну, статью Уголовного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, по утверждению тех же юристов, успешно отбив рейдерское нападение на его собственность, владелец ее в России в большинстве случаев сам невольно или сознательно в целях успешной обороны также совершает хотя бы одно из выше перечисленных нарушений уголовного характера. А уж нарушения Гражданского кодекса Российской Федерации в этих случаях можно считать десятками...

Рейдерские захваты уже сформировали довольно устойчивую системную парадигму функционирования и развития криминально-коррумпированного по своему характеру российского бизнеса, став его императивом. Сегодня это обстоятельство уже отравляет болезненными метастазами все российское общество, постепенно выводя его за рамки формирующегося цивилизованного мирового рынка... Одним из доказательств этого является то, что значительная часть опрошенных нами российских предпринимателей уже во многом утратила нравственно-этические представления о принципиальных различиях между классическим враждебным поглощением чужой собственности и де-

ловыми предпринимательскими сделками между корпорациями и компаниями...

Замечено также, что агрессивный зарубежный капитал, укореняясь в России, с легкостью заражается бациллами российского рейдерства и, оперевшись на тот же административный ресурс, порождает еще более агрессивных налетчиков. Из этого напрашивается закономерный вывод, что борьба в России с феноменом рейдерства безнадежна, пока не будет устранена сама возможность использования этого ресурса» [136].

Крупный российский капитал, верхушку которого представляют так называемые «олигархи», был создан в ходе программы приватизации через залоговые аукционы (1995 г.). Эта программа стала важным шагом в углублении коррупции властной верхушки и огосударствлении преступного мира. Сам А. Чубайс говорил о залоговых аукционах так: «Что такое залоговые аукционы 95-го года? Это было формирование крупного российского капитала искусственным способом. Далеко не безупречным... Мы действительно получили искажение равных правил игры, давление на правительство с целью получить индивидуальные преимущества, к сожалению, нередко успешное. Получили мощную силу, зачастую ни во что не ставящую государство» [52].

Более того, власть *разрушает общество* посредством взращенной в России коррупции нового типа. Страшно становится уже не само воровство высших чиновников, а «вторая производная» от коррупции — ее демонстративное выставление напоказ, ее безграничная *гласность*. Чиновники совершают хищения на сотни миллионов долларов — это коррупция. Прокуратура разоблачает эти хищения, собирает все необходимые доказательства — это первая производная. Пресса, Интернет и целые книги сообщают об этих умопомрачительных хищениях, приводят факсимиле документов, заключения комиссий Госдумы — это вторая производная. А результат всех этих уравнений — полная безнаказанность преступников (в крайнем случае, их отправляют в почетную ссылку — на скамейку сенаторов).

Вот интервью ИА «Росбалт» члена комиссии Госдумы по противодействию коррупции депутата от КПрФ А. Куликова (в Госдуме второго созыва он возглавлял комиссию по про-

верке фактов участия должностных лиц органов госвласти Российской Федерации в коррупционной деятельности). Он сказал в частности: «По ряду материалов нам не удалось достичь успеха, в частности по делу с обращением в 1998 году в адрес комиссии американской фирмы «Кролл Ассошиэйтед» по поводу невыплаты ей тогдашним первым вице-премьером правительства Егором Гайдаром денег за поиск так называемого «золота партии».

Когда сотрудники фирмы нашли-таки эти деньги в ряде зарубежных банков, оказалось, что они принадлежат определенным лицам, занимавшим должности в первом и втором российском правительстве. КПСС к этому никакого отношения не имела. Фирма представила подробный отчет о своих поисках, но стоимость работ согласно договору — порядка 2 млн. долларов — им не оплатили.

Наша проверка подтвердила, что такой договор действительно имел место, но все материалы, касающиеся этой сделки, в том числе и результаты работы «Кролла», были положены высшими чинами под сукно, а обогатившиеся остались безнаказанными. Попытки депутатов найти подлинники документов оказались безрезультатными.

Мы также выступали с инициативой проверки законности действий высших должностных лиц, незаконно нажившихся на дефолте 1998 года. В адрес комиссии поступили материалы, где говорилось, что дефолт послужил основой для обогащения около 600 российских чиновников. Речь шла об общей сумме в 20 млрд. долларов. Комиссия Совета Федерации, проводившая параллельную проверку, пришла к аналогичным выводам, а полученные документы стали основой для возбуждения Генеральной прокуратурой уголовного дела. К последнему имел прямое отношение генеральный прокурор Юрий Скуратов. После его незаконного отстранения от должности это дело приказало долго жить, несмотря на наши неоднократные обращения. Полагаю, что настало время вновь к нему вернуться.

Власть декларирует волю в борьбе с коррупцией, но реальных подвижек пока не происходит. Это связано, прежде всего, с тем, что коррупция стала системообразующим фактором, если угодно, — образом жизни для большей части чиновничества и, к сожалению, для части общества. Вместе с тем,

адекватных мер по противодействию ей государством не принималось» [53].

Эта демонстрация узаконенного беззакония и полного бесилия общества — уже постмодернистский способ уничтожения государственности.

Реформа привела к важному провалу в культуре, о котором не принято говорить — элита присвоила себе **право на ложь**. Мораль затрагивать не будем. Важнее, что общество, где утверждено такое право, слепо. Оно не видит реальности, и с каждой ложью в нем слепнут и поводыри.

Стратегия реформ изначально строилась на лжи. Сейчас уже невозможно делать вид, что «мы не знали». Уход от рефлексии загоняет болезнь все глубже, ложь формирует особый тип рациональности. Обман стал социальной нормой реформаторской элиты России — вот главное.

А.Н. Яковлев писал в «Черной книге коммунизма»: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без усталости говорили о «гениальности» позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционизму вообще» [54].

С тех пор быстрее всего по лестнице партийной (в том числе в общественных науках) иерархии быстрее всего стали продвигаться люди *двуличные*. Некоторые из них были талантливыми, другие посредственными, но важно, что они приняли нормы двоемыслия, что деформировало всю когнитивную структуру сознания гуманитарной элиты. Эта ситуация не была обдумана. В результате большая часть гуманитарной интелли-

генции стала осознавать себя как *двуличную*, а затем и приняла двуличие и обман как норму. Очень многие впали и в *цинизм*.

Какую роль сыграл этот обман, вошедший в норму? Приняв **логику обмана**, элита отошла от рациональности. Позже стало можно игнорировать **фактическую информацию**, в том числе количественную. Общество утратило инструменты для познания реальности. Лжец теряет контроль над собой, как клептоман, ворующий у себя дома. Речь идет о сдвиге в мировоззрении, подрыве жизнеспособности нашей культуры.

Большим и резким изменением в культуре стал тот факт, что в идеологическую борьбу активно включились ученые, обладающие «удостоверением» разумного беспристрастного человека (иногда завоевавшего доверие и своей профессиональной работой). Это подрывало систему престижа, важную опору культуры.

Это началось в 1987 г. со статей юриста С.С. Алексеева в которых он утверждал, что на Западе давно нет частной собственности, а все стали кооператорами и распределяют трудовой доход. Казалось невероятным: член-корреспондент АН СССР, ведь он наверняка знает, что на тот момент в США 1% взрослого населения имел 76% акций и 78% других ценных бумаг. Эта доля колебалась очень незначительно начиная с 20-х годов.

Во время перестройки несколько академиков доказывали, что строительство «рукотворных морей» и стоящих на них ГЭС было следствием абсурдности плановой экономики и нанесло огромный ущерб России. Н.П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ответственный работник ЦК КПСС, ныне академик, пишет в важной книге: «Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель» [55]. Но это неправда! Водохранилища отнюдь не «поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель», зато позволили оросить 7 млн. га засушливых земель и сделали их действительно плодородной пашней. При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн. га пашни из имевшихся 227 млн. га — 0,35% всей пашни¹.

---

¹ Если уж вводить меру потерь «плодороднейших земель», то надо вспомнить, что в Российской Федерации нынешняя рыночная реформа «поглотила» 45 млн. га посевных площадей — они выведены из оборота и зарастают кустарником.

Эта ложь не отвергалась потому, что была вырвана из реального контекста. Честный человек должен был бы сообщить такие сведения: на тот момент в США было 702 больших водохранилища, а в России 104. А больших плотин (высотой более 15 м) было в 2000 г. в Китае 24 119, в США 6 389, в Канаде 820, в Турции 427 и в России 62 [56]. Отставание России в использовании гидроэнергетического потенциала рек колоссально, но общество убедили в том, что водное хозяйство приобрело у нас безумные масштабы¹.

Поток подобных утверждений заполнил все уголки массового сознания и создавал ложную картину буквально всех сфер бытия России. Наше общество просто контужено массивной ложью. Она стала *культурной нормой*.

Вот два недавних примера из представления причин катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС (СШГЭС). Официальное лицо — Н.Г. Кутын, руководитель Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору («Ростехнадзор») на пресс-конференции делает сенсационное заявление, которое тут же транслируют буквально все СМИ.

Вот сообщение РИА «Новости», резюме которого гласит: «Закрытие материалов расследования причин аварии 1983 года на Нурекской ГЭС не позволило специалистам правильно и своевременно оценить риски эксплуатации гидроагрегатов Саяно-Шушенской ГЭС, заявил глава «Ростехнадзора» Николай Кутын в субботу в ходе пресс-конференции, посвященной итогам расследования технических причин аварии на СШГЭС».

Далее в сообщении говорится: «Публикование акта (расследования аварии на СШГЭС) поручено правительственной комиссией, которая создана решением председателя правительства. Это делается осознанно, так как у нас есть, к сожалению, в этом отношении плохой пример: в свое время в 1983 году была авария на Нурекской ГЭС и материалы по той

---

¹ Экономист Н.П. Шмелев, работавший в ЦК КПСС, не мог не знать, что за счет ГЭС сильно снижается цена электроэнергии в стране, что сказывается и на производстве, и на быте. Так, в 2008 г. Усть-Илимская, Братская и Иркутская ГЭС поставляли на рынок электроэнергию по цене 1,45 коп./кВт-час. Это в 30 раз дешевле, чем электрическая энергия близлежащих тепловых станций той же компании «Иркутскэнерго» [57].

аварии 1983 года были закрыты. И, к сожалению, не попали ко многим специалистам. И многие специалисты не смогли правильно оценить все риски, связанные с эксплуатацией гидроагрегатов в тех условиях, в которых они находились на Саяно-Шушенской ГЭС, поскольку на Нурекской аварии также произошел срыв с креплений, также возникли вопросы по шпилькам крепления», — сказал он.

По его словам, эти факторы риска могли быть сняты, «если бы в то время Министерством энергетики того, еще нашего союзного, государства было принято решение о раскрытии... Но этого не было сделано, поэтому, к сожалению, многие факты остались только на Украине на заводе-изготовителе и на самой Нурекской ГЭС», — отметил он» [58].

Нашлись и политики, которые еще более разукрасили эту сенсацию. Так, бывший председатель правительства Хакасии, а ныне депутат Госдумы РФ А. Лебедь сообщил: «Схожая по причинам авария произошла в 1983 году на Нурекской ГЭС в Таджикистане. Там так же, как и на СШГЭС один из агрегатов сорвался и поднялся на несколько метров» [59].

Оба эти заявления и их тиражирование в прессе — важный признак деградации культуры и государственного управления России. Подумайте: чиновник высшего эшелона Н.Г. Кутын возглавлял комиссию по расследованию причин катастрофы, о которой глава МЧС России С.К. Шойгу сказал: «Авария уникальная, природа ее непонятна, ничего подобного в мировой практике не наблюдалось». Он дает пресс-конференцию после представления Акта о расследовании — и вдруг на весь мир сообщает, что *такая же* авария уже произошла в СССР в 1983 г., только сведения о ней засекретили, и никто о ней не знал! И депутат Госдумы подтверждает: да, была такая же авария — «один из агрегатов сорвался и поднялся на несколько метров». И СМИ, включая государственные, распространяют это сообщение.

И никакой ответственности за свои заявления они не несут, а общество ни к какой ответственности их не привлекает и даже не видит ничего необычного. Откуда Н.К. Кутын получил сведения, что та авария была засекречена? Ведь это нетрудно было проверить, поскольку «в то время Министер-

ством энергетики того, еще нашего, союзного государства» **публиковался** ежегодный «Обзор и анализ аварий и других нарушений в работе на электростанциях и в электрических сетях энергосистем». И в этом обзоре за 1983 г. на стр. 66 есть описание причин и последствий той аварии — краткое изложение Акта комиссии, которая расследовала причины аварии, документа также **открытого**. Достаточно было войти в Интернет, открыть «Википедию» и щелкнуть мышью на слова «Нурекская ГЭС». Там даже есть факсимиле нужной страницы из того Акта [60]. Какая деградация культурных норм!

Теперь относительно утверждения, будто авария на Нурекской ГЭС была аналогом катастрофы на СШГЭС и гидроагрегат «поднялся на несколько метров». В указанном Обзоре сказано: «После отключения гидроагрегата № 1 из-за ударов и появления большого количества воды на крышке турбины, при осушении и обследовании проточной части и крышки турбины обнаружено... В результате выброса воды из-под крышки турбины произошло затопление помещений шарового затвора на 1,75 м» [60].

Заслуженный работник Республики Таджикистан, академик Международной инженерной Академии Бахром Сирожев, который в 1983 году занимал должность начальника «Таджикглавэнерго», подробно рассказал о той аварии.

Корреспондент передает эту беседу: «Во-первых, хочу отметить, что информация об аварии на Нурекской ГЭС, которая произошла в 1983 году, не была засекреченной, — говорит Б. Сирожев и показывает нам акт о нурекской аварии. — Вот видите, здесь нет заметок «секретно» или «совершенно секретно». Эта информация была доступна широкому кругу специалистов в области гидроэнергетики. ... На Нурекской ГЭС действительно, также как и на Саяно-Шушенской, возникли проблемы со шпильками, но причины их срыва у нас совершенно иные. Также кардинально разные и последствия этих аварий... Потребители даже не почувствовали, что произошла авария, тем более, там не было жертв» [61].

В Интернете появились подобные сообщения о той аварии и от других специалистов, однако не было объяснений от Н.Г. Кутына. Ведь если он ошибся, то никак нельзя отмалчиваться

ся. Хорошо бы услышать объяснения и от депутата Госдумы А. Лебеда — откуда он взял сведения, что в 1983 г. на Нурекской ГЭС гидроагрегат летал по машинному залу? Откуда черпают информацию депутаты российского парламента, которые на основании этой информации принимают законы? Как реагирует на все это лидер партии «Единая Россия» и Председатель Правительства Российской Федерации?

Более мелкий, но также примечательный эпизод. В Акте расследования причин аварии на СШГЭС достаточно большой раздел посвящен событиям на Братской ГЭС — случившемся там почти одновременно с аварией небольшим пожаром.

Пресса сообщила 6 октября: «Компанию «Иркутскэнерго» задело утверждение, что инцидент на Братской ГЭС смог спровоцировать аварию на Саяно-Шушенской гидроэлектростанции. Заявление «Иркутскэнерго» подчеркнуло небрежность, с которой был составлен акт расследования причин аварии на Саяно-Шушенской ГЭС.

Акт расследования причин аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, который был обнародован «Ростехнадзором» в субботу 3 октября, вызывает все больше критики среди специалистов. Так, не смогла сдержать своих чувств компания «Иркутскэнерго», которой принадлежит Братская ГЭС, инцидент на которой 16 августа назван «Ростехнадзором» в числе ключевых событий, предшествовавших аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Распространив вчера, 5 октября, специальное заявление, «Иркутскэнерго» убедительно доказало, что пожар в системах связи Братской ГЭС случился не до, а после запуска второго гидроагрегата Саяно-Шушенской ГЭС, в результате чего и произошла авария, повлекшая гибель 75 человек...

Более того, глава «Ростехнадзора» Николай Кутын, выступая в субботу перед журналистами, не случайно остановился на событиях, предшествующих трагедии. Из его слов получалось, что авария на Саяно-Шушенской ГЭС была косвенно вызвана пожаром на Братской ГЭС, а второй гидроагрегат был выведен из резерва и запущен, чтобы компенсировать возможное падение нагрузки от Братской ГЭС» [62].

Какое странное поведение — утверждать, что инцидент на Братской ГЭС чуть ли не был причиной аварии на СШГЭС,

даже не согласовав эту примитивную хитрость с руководством «Иркутскэнерго»! Ведь все события на обеих ГЭС фиксируются автоматически с точностью до секунд, попытка обмана без сговора была заведомо обречена на неудачу. Да и к чему эта наивная хитрость! Ведь катастрофа произошла оттого, что аварийный агрегат, который нельзя было эксплуатировать, проработал четыре с половиной месяца при неуклонно растущей вибрации. К чему тут домыслы о «косвенных причинах». Кого пытались так наивно отвлечь от сути проблемы?

Пока что культура нынешней России находится в отступлении. В отношении к населению отброшены даже обычные нормы приличия. От тупого социал-дарвинизма 90-х годов новая «элита» сдвинулась к гротескному, болезненному нищестанству. В ее среде возникли течения, озабоченные выведением не просто новой породы людей («сверхчеловека»), а нового *биологического вида*, который даже не сможет давать потомства вместе с *людьми*. «Элита» предвидит «революцию интеллектуалов».

Что это значит? Информагентство «Росбалт» устроило в Петербургском университете проект «Мировые интеллектуалы в Петербурге». Там делают доклады «признанные мировые интеллектуалы и лидеры влияния». Д-р философских наук А.М. Буровский ведет там такие речи: «Неандерталец развивался менее эффективно, он был вытеснен и уничтожен. Вероятно, в наше время мы переживаем точно такую же эпоху. «Цивилизованные» людены все дальше от остального человечества — даже анатомически, а тем более физиологически и психологически... Различия накапливаются, мы все меньше видим равных себе в генетически неполноценных сородичах или в людях с периферии цивилизации. Вероятно, так же и эректус был агрессивен к австралопитеку, не способному овладеть членораздельной речью. А сапиенс убивал и ел эректусов, не понимавших искусства, промысловой магии и сложных форм культуры» [63].

Это говорит в XXI веке с кафедры Петербургского университета профессор двух вузов нашей Северной Пальмиры. Все эти «лидеры влияния» не просто мечтают о таком будущем, они реализуют проект «Постчеловечество», перенося его в

плоскость политических и экономических программ. Вот главная статья В. Иноземцева в книге «Постчеловечество». Она называется «On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века».

Иноземцев пишет: «Государству следует обеспечить все условия для ускорения «революции интеллектуалов» и в случае возникновения конфликтных ситуаций, порождаемых социальными движениями «низов», быть готовым не столько к уступкам, сколько к жесткому следованию избранным курсом» [64].

Интеллектуальные дебаты крутятся вокруг идеи создания с помощью биотехнологии и информатики *постчеловека*. При этом сразу встает вопрос: а как видится в этих проектах судьба человека? В рассуждениях применяются три сходных парных метафоры. В жестких тезисах виды «постчеловек-человек» представлены как «кроманьонцы-неандертальцы». Помягче, это «элои-морлоки» (из фантазий Уэллса), совсем мягко — «люден-люди» (из Стругацких). А по сути, различия невелики.

Вот рассуждения А.М. Столярова, видного писателя-интеллектуала, лауреата множества премий: «Современное образование становится достаточно дорогим... В результате только высшие имущественные группы, только семьи, обладающие высоким и очень высоким доходом, могут предоставить своим детям соответствующую подготовку... Воспользоваться [новыми лекарствами] сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это в свою очередь означает, что «когнитивное расслоение» будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив все человечество на две самостоятельные расы: расу «генетически богатую», представляющую собой сообщество «управляющих миром», и расу «генетически бедную», обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство...

Современные «морлоки» с их интеллектом кретина будут неспособны на какой-либо внятный протест. Равным образом они постепенно потеряют умение выполнять хоть сколько-нибудь квалифицированную работу, и потому их способность к индустриальному производству вызывает сомнения» [65].

Что ж, спасибо за откровенность. Люди по крайней мере будут предупреждены и, скорее всего, снова найдут способ успокоить «белокурую бестию», уж эти-то навыки в России имеются.

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ СРЫВ:
ДЕГРАДАЦИЯ ФУНКЦИИ СОХРАНЕНИЯ**

Жизнь семьи, общества, страны обеспечивается хозяйством (экономической деятельностью). В экономике неразрывно связаны два разных вида деятельности — *создание* и *сохранение*. Усилия того и другого рода по-разному осмысливаются и организуются. В нашем обществе за годы перестройки и реформы каким-то образом из сознания была изъята категория *сохранения*. Много и конкретно говорилось о разрушении, туманно и красиво — о созидании. Ничего — о сохранении. Что имеем — не храним! И даже, потеряв, не плачем. Этот провал следует считать тяжелым поражением сознания. Вызревало оно постепенно, но реформа 90-х годов его закрепила и усугубила, дала импульс. Оно является общим состоянием, потому-то его не замечают. И касается оно, в общем, всех классов объектов, которые общество создает, а ныне действующее поколение обязано сохранять.

Вот пример — ЖКХ. Его состояние стало сегодня критической проблемой. С 1991 г. был практически прекращен капитальный ремонт жилищного фонда России, оживление началось лишь в 2008 г. и пока неясно, сколько оно продлится (рис. 4). И это достояние страны (почти треть ее основных фондов) стало деградировать. На глазах всего общества ЖКХ идет к катастрофе, но все внимание направлено лишь на *строительство* новых домов. А ведь нового жилья строится в год всего 1,5% от уже имеющегося, которое надо *сохранять*. Самой актуальной общенациональной проблемой стало сегодня не строительство нового жилья, а *сохранение старого*. Но об этом не говорят, и в ЖКХ идет деградация его основных фондов — зданий и инфраструктуры (водопровода, теплосетей и т.д.). Это неумолимый фактор.

Разрушение ЖКХ страны — очевидная угроза. Но для нас она — еще и та капля, в которой видно общее аномальное состояние государства и общества в их отношении практически

ко всем угрозам хозяйству. Утрачены механизмы и нормы, которые побуждают людей вкладывать средства и усилия в содержание и сохранение того искусственного мира культуры, в котором живет человек и без которого он существовать не может. Попробуйте спросить министра, депутатов, жителей — на что они надеются? Что дома сами собой капитально отремонтируются? Что ржавые теплосети сами собой окрепнут? Что люди привыкнут жить без домов и без отопления? Никто ничего не ответит и даже вопроса не поймет. Эти проблемы как будто стерты из сознания людей.

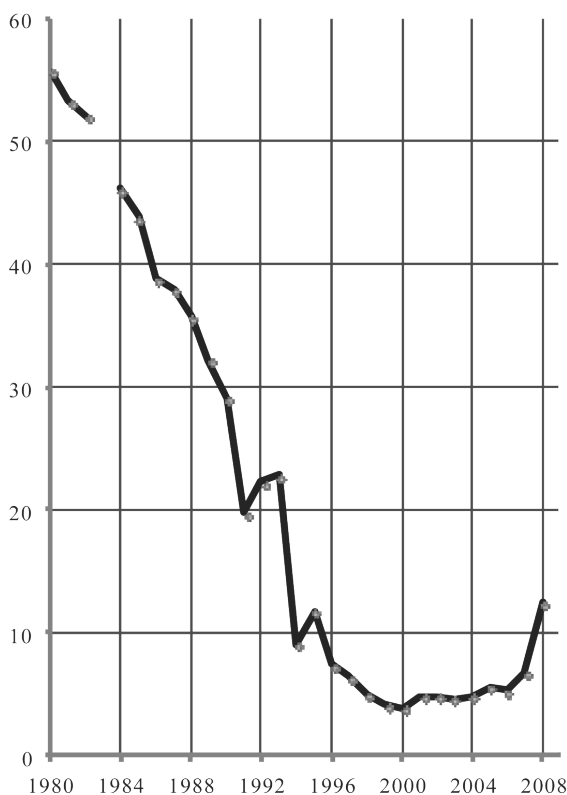

Рис. 4. Капитально отремонтировано жилых домов, млн. м²

Скот — важная часть основных фондов сельского хозяйства, огромное национальное достояние. В рамках национального проекта фермерам дали кредиты на покупку телят — на 100 тыс. голов в течение двух лет. Пятьдесят тысяч голов — это 2,5% от ежегодной убыли крупного рогатого скота в России (рис. 5). Реформа создала условия, не позволяющие содержать племенной скот. Надо же разобраться в причинах неуклонного сокращения его стада! Это же бездонная бочка — 50 тыс. телят закупили, миллион потеряли. А ведь об этом гласно вообще никто вопроса не поднимал.

Рис. 5. Поголовье крупного рогатого скота в России, млн. голов

В Послании В.В. Путина 2007 года говорится о необходимости развития речных перевозок. Но эта отрасль совсем недавно **была** очень развита — имелся большой речной флот, предприятия по его содержанию и ремонту, обустроенные в масштабах всей страны пристани и фарватеры, квалифицированные кадры. Была профессиональная культура. В 90-е годы были созданы условия (экономические, социальные, культурные), несовместимые с существованием отрасли — и флот распродан, кадры разбрелись. Перевозки грузов внутренним водным транспортом сократились в 6 раз (рис. 6), с перевозкой пассажиров дело еще хуже. Какой же смысл вкладывать деньги в повторное развитие отрасли, если причины краха не названы и не устранены¹.

Как же объяснить тот странный факт, что причины деградации целых отраслей хозяйства не выявляются, не устраняются и даже не становятся предметом обсуждения? Более того, говорилось, что кризис позади и Россия вступила в период быстрого развития. Само это утверждение должно было бы вызвать удивление, если бы общество **видело** динамику деградации больших систем. Но эти заявления о быстром росте удивления не вызывают, поскольку в общественном сознании производство и содержание этих систем разведены как *независимые* стороны хозяйства.

Но их нельзя разводить, это искажает сам смысл главного показателя — валового внутреннего продукта. Ведь если из-за отсутствия надлежащего ухода и ремонта происходит аномальный износ или разрушение основных фондов, это следует считать *«производством валового внутреннего ущерба»* («антипродукта»). Эту величину следовало бы **вычитать** из ВВП. Попробуйте пересчитать ВВП России с учетом ненормативной деградации национального достояния!

Провал в сознании, о котором идет речь, корнями уходит в тенденцию к «натурализации» культуры. Мы часто слышим, что рыночная экономика — «естественный» порядок, что ча-

---

¹ Речной транспорт — один из множества структурно схожих примеров. Так, в Российской Федерации за годы реформы было закрыто 73% аэропортов (в 1992 г. их было 1302, в 2007 г. — 351). Пространство страны, связанное воздушным транспортом, рассыпано на изолированные клочки.

стное предприятие — явление «естественное». А все советское — «искусственное». Это важные тезисы. Если частное предприятие — объект «естественный», то есть «природный», то и нет необходимости в специальной деятельности по уходу за ним, поддержанию особых условий, ремонту и т.д. Природные создания сами адаптируются к окружающей среде.

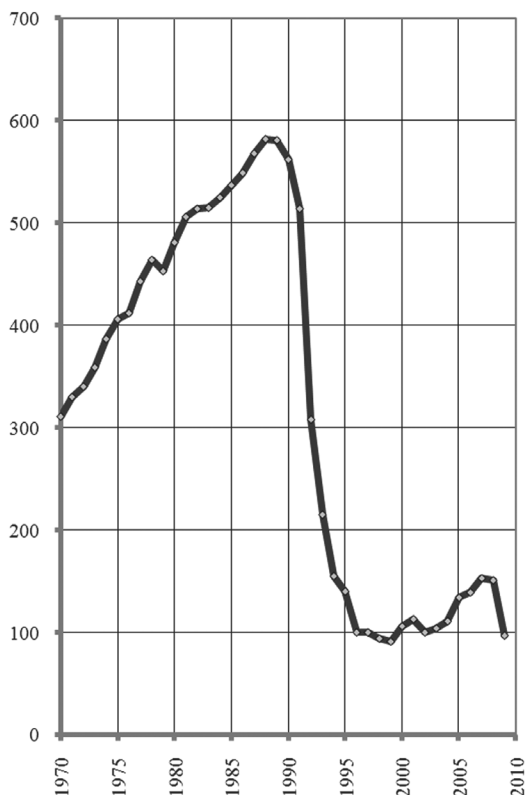

Рис. 6. Перевозки грузов внутренним водным транспортом в России, млн. т

После промышленной революции, во время которой господствовало представление, что все вокруг — *машины* разной степени сложности, натурализация культуры мало-помалу вытесняла из сознания заботу о сохранении творений цивилиза-

ции. Это — общая проблема всей индустриальной цивилизации. Строительная лихорадка XX века маскировала процессы старения и износа сооружений.

Положение резко изменилось с началом «неолиберальной волны». В 1970 г. в США строительство инфраструктуры стало отставать от износа. Сейчас затраты на необходимый срочный ремонт оцениваются в астрономические суммы. Американское Общество Инженеров опубликовало в 2006 г. отчет, согласно которому до 2010 г. требовалось истратить 1,6 трлн. долларов (кризис отодвинул эту проблему). Речь шла о срочном ремонте 15 главных категорий сооружений (дороги, мосты, водоснабжение, энергетические сети и пр.). Задержка с ремонтом уже создает большие риски и опасность крупных отказов, ведет к большим издержкам. 85% объектов инфраструктуры, о которых идет речь, находится в частном владении. Значит, само по себе «чувство хозяина» недостаточно, чтобы заставить рачительно ухаживать за сооружениями.

В советское время это слабое чувство хозяина было заменено *планом*. Раз советские сооружения «искусственные», значит, им требуется техническое обслуживание, которое предписано нормативами и средства на которое закладываются в план вплоть до списания объекта. А жесткая дисциплина запрещает «нецелевое использование средств», предназначенных для планового ремонта. Эти нормы и дисциплина были моментально отменены после приватизации. Рынок как будто отключил здравый смысл, чувство опасности и дар предвидения.

Перед нами — большая комплексная проблема. Утрата важных блоков общественного сознания подкреплена ликвидацией административных механизмов, которые заставляли эти блоки действовать. Это было уже столь привычно, что сохранение и ремонт основных фондов выполнялись как бы сами собой, без усилий разума и памяти. Теперь нужно тренировать разум и память, *заставить* людей задуматься об ответственности за сохранение технических условий жизни общества. Сейчас нам всем нужна большая программа реабилитации, как после контузии. Нужно создавать хотя бы временные, «шунтирующие» механизмы, не позволяющие людям уклоняться от выполнения этой функции. Само собой это не про-

изойдет, и основной груз по разработке и выполнению этой программы ложится на государство. Больше нет организованной силы для такого дела.

Особенно поражает согласие российской интеллигенции на уничтожение *отечественной промышленности*. Каковы будут последствия приватизации промышленности, даже если она проводилась в соответствии с законом, а не по указу, было довольно точно предсказано. Следовало ожидать утраты очень большой части промышленного потенциала России. Как раз когда в Москве в 1991 г. обсуждался закон о приватизации, в журнале «Форчун» был опубликован большой обзор о японской промышленной политике. Там сказано: «Японцы никогда не бросили бы нечто столь драгоценное, как их промышленная база, на произвол грубых рыночных сил. Чиновники и законодатели защищают промышленность, как насадка цыплят».

Заданная при этом срыве антирациональная структура мышления сохранилась, она воспроизводится как тяжелая болезнь. Ведь пропагандистами беспрецедентной в истории программы *деиндустриализации* России были видные деятели науки, академики. Академик РАН Н.П. Шмелев в важной статье ставит такие задачи: «Наиболее важная экономическая проблема России — необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала, которая, как оказалось, либо вообще не нужна стране, либо нежизнеспособна в нормальных, то есть конкурентных, условиях. Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей» [21].

На что же готов пойти Н.П. Шмелев ради идеологического фантома «конкурентность»? На ликвидацию до 2/3 всей промышленной системы страны! Ситуация в интеллектуальном плане аномальная: заявления по важнейшему для общества и государства вопросу не вызывают никакой реакции даже в научном сообществе обществоведов.

Точно так же антиколхозная кампания не опиралась на убедительные рациональные аргументы и не давала никаких оснований ожидать создания новых, более эффективных производственных структур. Однако к ликвидации колхозов и сов-

хозов общество отнеслось с полным равнодушием, хотя было очевидно, что речь идет о разрушении огромной системы, создать которую стоило чрезвычайных усилий и даже жертв.

Не менее очевидно было и то, что разрушение крупных механизированных предприятий, которые были центрами жизнеустройства деревни, будет означать колоссальный регресс и даже архаизацию жизни 38 миллионов сельских жителей России. И этого регресса до сих пор невозможно остановить и даже затормозить (см., например, рис. 7 и 8).

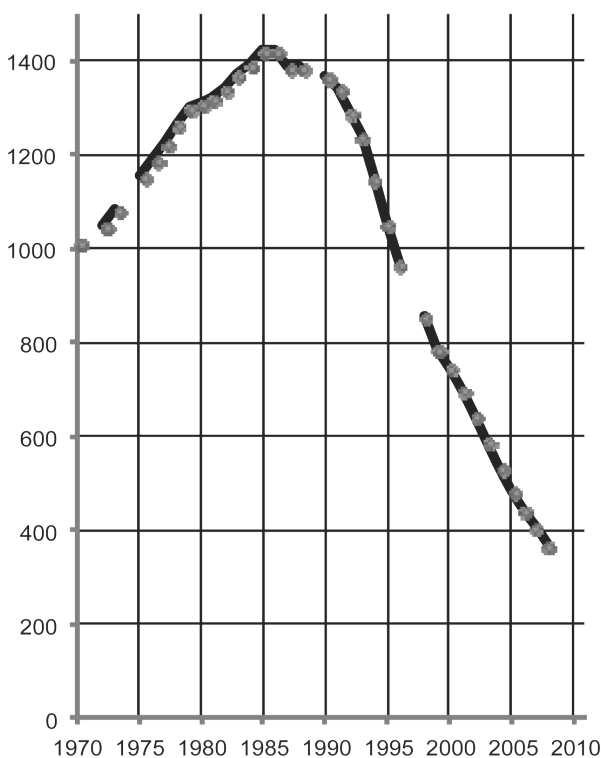

Рис. 7. Парк тракторов в сельскохозяйственных предприятиях России, тыс.

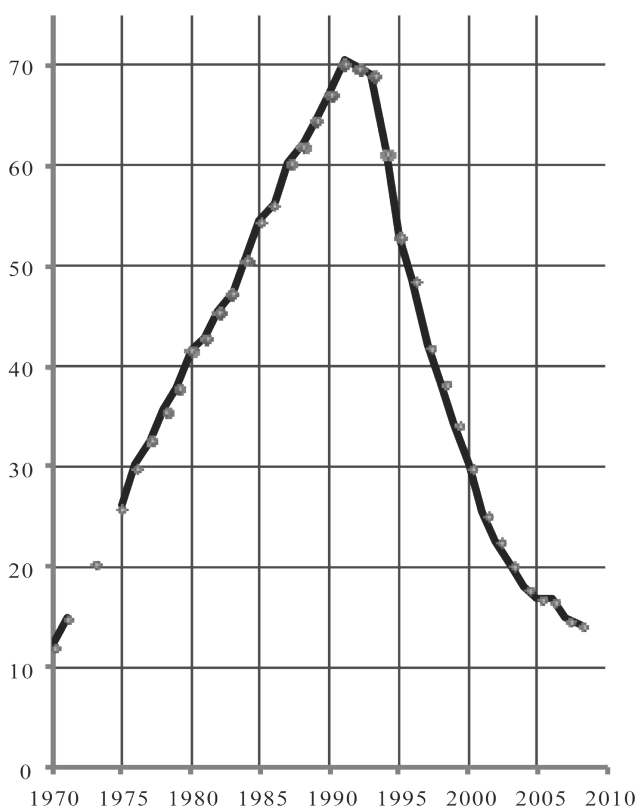

Рис. 8. Потребление электроэнергии на производственные цели в сельскохозяйственных предприятиях России, млрд. кВт-ч¹

На другом краю спектра — точно такое же отношение к отечественной науке. Достаточно было запустить по СМИ поток совершенно бездоказательных утверждений о «неэффективности» науки, и общество бросило ее на произвол судьбы, равнодушно наблюдая за ее уничтожением. Никаких ра-

¹ С 2005 г. показатель включает в себя потребление электроэнергии также в отраслях «охота и лесное хозяйство», так что вычлениить собственно сельское хозяйство невозможно, однако это вносит очень небольшую погрешность.

циональных оснований для такой позиции не было, просто в массовом сознании отсутствовали инструменты, чтобы увидеть сложную структуру социальных функций отечественной науки, тем более в условиях кризиса. Вместо науки в картине реальности образовалось «голое место», и вопрос о его ценности просто не имел смысла. Надо признать, что и сама научная интеллигенция в своем понимании происходящего недалеко ушла от массового сознания.

Раздел II

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ РЕФОРМЫ: ОБЩИЕ УГРОЗЫ

Глава 9

ДЕМОНТАЖ НАРОДА

Чаще всего на первый план выдвигается описание *социальных* последствий кризиса — захирело хозяйство, много бедных, трудно прокормить ребенка. То есть болезнь общества трактуется в понятиях *классового* подхода — производительные силы и производственные отношения, собственность и распределение дохода. Но почти очевидно, что протекающие на наших глазах процессы — следствие какой-то более глубокой причины. Да, меняется состояние стабильных ранее социальных групп (например, идет *деклассирование* рабочего класса), но разве можно этим объяснить противостояние на Украине или войну в Чечне, политическую пассивность обедневшего большинства и его равнодушное отношение и к приватизации, и к перераспределению доходов?

Надо преодолеть ограничения подходов, загоняющих всю жизнь общества за узкие рамки интересов социальных групп, и посмотреть, что происходит со *всей* системой связей, объединяющих людей в общности, а их — в общество. Тогда мы сразу увидим, что гораздо более фундаментальными, нежели классовые отношения, являются связи, соединяющие людей в *народ*. И главная причина нашего нынешнего состояния заключается в том, что за двадцать лет демонтирован, «разобран» главный субъект нашей истории, создатель и хозяин страны — *народ*. Все остальное — следствия. И пока народ не будет вновь собран, пока его расчлененные части не будут ок-

роплены «мертвой водой», а «живая вода» не вернет ему надличностных памяти, разума и воли, не может быть выхода из этого кризиса.

Во второй половине XX века народ России существовал как **советский народ**. Когда с середины 70-х годов была начата большая программа, определенно направленная на демонтаж советского народа, наше общество в целом, включая все его защитные системы, восприняли это как обычную буржуазную пропаганду, с которой, конечно же, без труда справится ведомство Суслова.

В момент смены поколений была предпринята форсированная операция. На разрушение духовного и психологического каркаса советского народа была направлена большая культурная программа. Демонтаж народа проводился сознательно, целенаправленно и с применением сильных технологий. Предполагалось, что в ходе реформ удастся создать новый народ, с иными качествами («новые русские», «средний класс»). Это и был бы *демос*, который должен был получить всю власть и собственность. Ведь *демократия* — это власть *демоса*, а гражданское общество — «республика собственников»! «Старые русские» («совки»), утратив статус народа, были бы переведены в разряд охлоса, лишенного собственности и прав.

Выполнение этой программы свелось к холодной гражданской войне этого наспех сколоченного нового народа («новых русских») со старым (советским) народом. Новый народ был все это время вблизи от рычагов власти. Против большинства населения (старого народа) применялись средства *информационно-психологической* и *экономической* войны.

Экономическая война внешне выразилась в лишении народа его общественной собственности («приватизация» земли и промышленности), а также личных сбережений. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников села. Резкое обеднение привело к изменению *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характера жизненных планов). Это означало глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушало его мировоззренческое ядро.

Воздействие на массовое сознание в *информационно-психологической* войне имело целью непосредственное разрушение *культурного ядра* народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства — власти, армии, школе, даже Академии наук.

В результате экономической и информационно-психологической войн была размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. Сдвиги и в сознании, и в образе жизни были инструментами демонтажа того *народа*, который и был главным *хозяином*, чья культура, разум, интересы и воля задавали вектор экономической политики. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» — осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей в сфере экономики.

В этом состоянии у населения России отсутствует ряд качеств народа, необходимых для выработки проекта и для организации действий в защиту хотя бы своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бывает ее лишен больной человек, который еще вчера был зорким, сильным и энергичным.

А.С. Панарин пишет об этой необходимости «устранения народа как самостоятельного субъекта истории и носителя суверенитета»: «Без всемерного ослабления и дробления такой исторической субстанции, как народ, невозможно добиться ни подчинения былых национальных элит глобальной финансовой власти, ни тотализировать отношения купли-продажи, подчинив им все сферы общественного бытия, все проявления человеческой активности... Атомизация народа, превращаемого в диффузную, лишенную скрепляющих начал массу, необходима не для того, чтобы и он приобщился к захватывающей эпопее тотального разграбления, а для того, чтобы он не оказывал сопротивления» [30, с. 29, 31].

Раскол народа: богатые и бедные. Сегодня самым глубоким расколом население России считает разделение между *богатыми* и *бедными*. Это надежно установленный социологами факт. Да и без социологов этот разлом видят все — богатые и бедные. Одним народом ощущают себя люди, ведущие совместимый, понятный всем частям народа *образ жизни*. Иными словами, когда социальное расслоение народа достигает «красной черты», социально разделенные общности начинают расходиться и приобретают черты разных народов.

Сходство материального уровня жизни ведет к сходству культуры и мировоззрения, отношения к людям и государству, моральных норм. Напротив, возникновение резкого отличия какой-то группы по материальному положению, по образу жизни отделяет ее от тела народа, делает членов этой группы отщепенцами или изгоями.

В России социальный разлом в XIX веке в конце концов «рассек народ на части» — вплоть до Гражданской войны, начавшейся с крестьянских волнений 1902 г. Крестьяне воевали со своими соплеменниками-помещиками как с иным, враждебным народом. Классовое и этническое чувство превращаются друг в друга.

В начале XX века на социальный раскол наложился и раскол мировоззренческий. Такие расколы возникают, когда какая-то часть народа резко меняет важную установку мировоззрения — так, что остальные не могут с этим примириться. Расколы, возникающие как будто из экономического интереса, тоже связаны с изменением мировоззрения, что вызывает ответную ненависть.

Эта история сегодня повторяется в худшем варианте. В годы перестройки социал-дарвинизм стал почти официальной идеологией, она внедрялась в умы всей силой СМИ. Многие ей поддались, тем более что она подкреплялась шансами поживиться за счет «низшей расы». Богатые стали осознавать себя особым, «новым» народом и называли себя *новыми русскими*. Реформа делит народ на две части, живущие в разных цивилизациях и как будто в разных странах — на богатых и бедных. И они расходятся на два враждебных народа. От тела народа «внизу» отщепляется общность людей, живущих в *крайней* бедности — «социальное дно», составлявшее в

2003 г. около 10% городского населения, или 11 млн. человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспризорные дети. Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% — высшее.

«Дно» непрерывно «перемалывает» втягиваемую в него человеческую массу (смертность бездомных составляет 7% в год при среднем уровне для всего населения 1,5%). Столь же непрерывно оно засасывает в себя пополнение из бедной части населения. Сложился слой «придонья», в который входят примерно 5% населения (7 млн. человек). Принадлежащие к этому слою люди еще в обществе, но с отчаянием видят, что им в нем не удержаться [42].

Это — пропасть, отделяющая от народа общность изгоев в размере около 18 миллионов человек — целый народ большой страны. При этом и благополучное большинство меняется, потому что признать бедственное положение своих братьев и сограждан как приемлемую норму жизни — значит порвать с традиционной культурой. Вся бедная часть по мере истощения унаследованных от советского времени ресурсов начинает отделяться от «среднего класса» и сдвигаться вниз, в цивилизацию трущоб. Россия обретает черты двойного общества, в котором практически складываются нормы апартеида.

А что мы видим не в социальном, а территориальном измерении? Тот же процесс — регионы расходятся по разным цивилизационным нишам. Связность страны утрачивается просто потому, что уклады жизни людей в разных частях уже не соединяют их. Разница между регионами в среднем доходе на душу в 10—12 раз означает разрыхление народа и страны, даже если она формально не расчленяется.

Положение очень серьезно — разведенные реформой части общества уже осознали наличие между ними пропасти. Институт социологии РАН с 1994 г. ведет мониторинг «социально-экономической толерантности» в России. Ведутся регулярные опросы с выявлением субъективной оценки *возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми*. После ноября 1998 г. установки стали удивительно устойчивыми. В ноябре 1998 г. они были максимально скептическими: отрицательно оценили такую возможность 53,1% опрошенных, а положительно 19% (остальные — нейтрально). За-

тем от года к году (от октября 2001 г. до октября 2006 г.) доля отрицательных оценок колебалась в диапазоне от 42,1% до 46%. Оптимистическую оценку давали от 20 до 22% [66].

Разговор предстоит трудный. В той части, которая приняла доктрину реформ, расколовшую народ, собрались не только те, кто надеется попасть в глобальную элиту. Но они согласны с тем, чтобы продолжилась селекция населения России, которая была начата реформой Гайдара. Она означает выбраковку большинства населения, избыточного по отношению к потребности «новой России» в рабочей силе. Эта выбраковка имеет тенденцию к ускорению вследствие того, что за 16 лет реформ сильно подорвано здоровье обедневшей части населения, резко снизились стандарты жизнеобеспечения этой части и уровень образования рожденных в этой части детей.

Эти признаки уже наглядно проявляются в работе многих систем и общественных институтов. Например, СМИ обслуживают исключительно *благополучную* часть населения, изредка давая этнографические зарисовки «из жизни бедных», сделанные согласно социальному запросу именно благополучной части. Здравоохранение «для бедных» — это нечто совсем иное, чем для «благополучных». Все, о чем говорится в речах и Посланиях — школьный Интернет, ипотека, нанотехнологии — предназначено для тех, кто отобран для жизни в «новой России». Следов этой селекции множество, они уже вошли в обыденную культуру и обыденный язык.

Демонтаж народа и распад социокультурных общностей. В результате описанных выше процессов совокупность социальных общностей, как структурных элементов российского общества, утратила «внешний скелет», которым для нее служил народ (нация). При этом была утрачена и скрепляющая народ система связей «горизонтального товарищества», которые пронизывали все общности как часть их «внутреннего скелета» и как каналы их связей с другими общностями.

Сразу же началась деградация внутренних связей каждой отдельной общности (профессиональной, культурной, возрастной). Одна из главных причин продолжительности и глубины кризиса как раз и заключается в том, что в России продолжается процесс *распада всех общностей* (кроме, возможно, крими-

нальных). Этот процесс запущен реформами 90-х годов, маховик его был раскручен в политических целях — как способ демонтажа советского общества. Ни остановить этого маховика, ни начать «сборку» общностей на новой основе после 2000 года не удалось (если такая задача вообще была поставлена).

После 1991 г. было остановлено и, в основном, ликвидировано большинство механизмов, спланирующих людей в общности, сверху донизу. Ликвидированы даже такие простые исторически укорененные социальные формы, как *общее собрание трудового коллектива* (аналог сельского схода в городской среде).

Быстро вызревает угроза утраты профессиональной общности *промышленных рабочих* (шире — *работников промышленного производства*, рабочих и ИТР) с выпадением России из числа индустриально развитых стран. Эта угроза возникла вследствие принятия правительством реформаторов программного положения о *деиндустриализации* России.

Но деиндустриализация означает и *деклассирование* рабочих, утрату огромного «человеческого капитала». Об этой стороне дела никто не заикнулся при прохождении закона о приватизации и после нее. А ведь в любой промышленно развитой стране контингент квалифицированных рабочих считается особо ценным национальным достоянием. Сформировать его стоит большого труда и творчества, а восстановить очень трудно.

В России в ходе реформы контингент занятых в промышленности сократился к 1998 г. на 10 млн. человек (на 41%), а численность промышленных рабочих сократилась относительно больше — на 58% (рис. 9 и 10).

Выпуск квалифицированных рабочих учреждениями начального профессионального образования сократился с 1378 тыс. в 1985 г. до 600 тыс. в 2008 г. (рис. 11). При этом выпуск рабочих для техноемких отраслей производства все больше уступает место профессиям в сфере торговли и услуг. В 1995 г. еще было выпущено 10,5 тыс. квалифицированных рабочих для химической промышленности, а в 2006 г. только 0,6 тыс. Резко сократился приток молодежи на промышленные предприятия, началось быстрое старение персонала. Если в 1987 г. работники в возрасте до 39 лет составляли в числе занятых в промышленности 59,8%, то в 2007 г. их доля составила 45,3%.

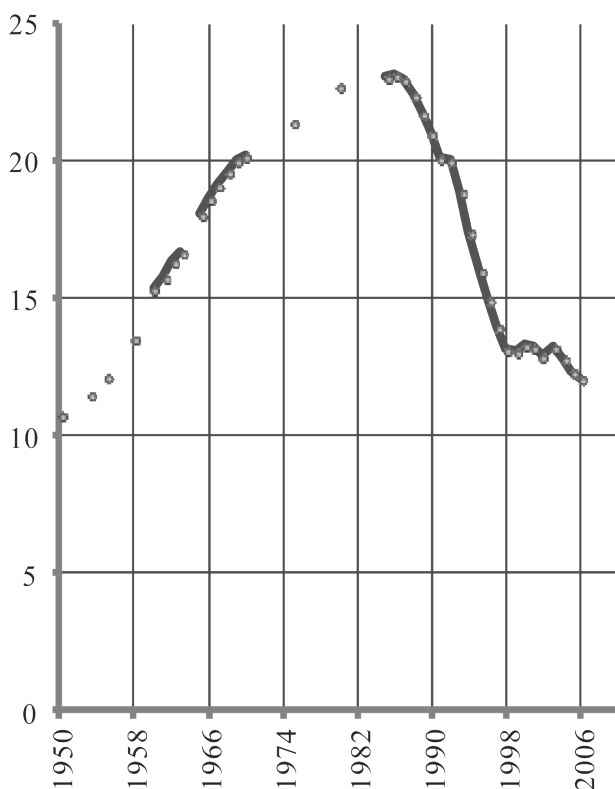

Рис. 9. Численность промышленно-производственного персонала в России, млн.

Резкое ухудшение демографических и квалификационных характеристик **рабочего класса** России — один из важнейших результатов реформы, который будет иметь долгосрочные последствия.

В разгар реформы Н.П. Шмелев пишет (1995), что в России якобы имеется огромный избыток занятых в промышленности **работников**: «Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно».

Вдумаемся в эти слова: «в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно». Как это понимать? Что значит «в этой отрасли *все занятые — излишни абсолютно*»? Что значит «быть излишним абсолютно»? Что это за отрасль? А ведь Шмелев утверждает, что таких отраслей в России не одна, а целый ряд. А что значит «в городе N* все занятые — излишни абсолютно»? Что это за города и районы?

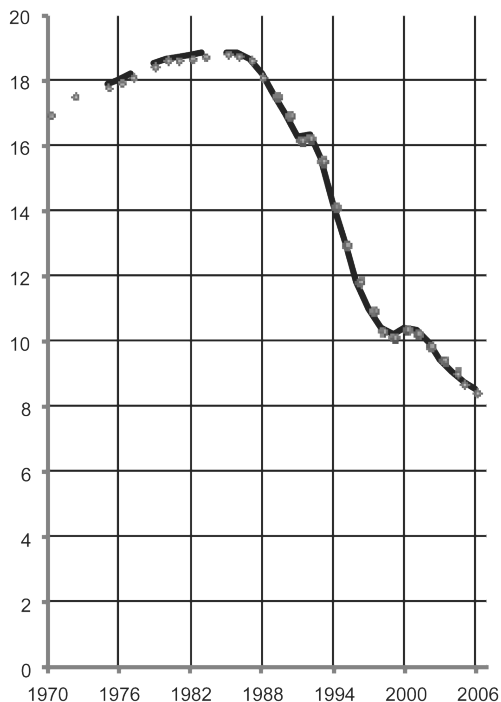

Рис. 10. Численность рабочих в промышленности России, млн.

Все это печатается в социологическом журнале Российской Академии наук! И ведь эта мысль о лишних работниках России очень устойчива. В 2003 г. Шмелев написал: «Если бы сейчас экономика развивалась по-коммерчески жестко, без оглядки на социальные потрясения, нам бы пришлось высвободить треть страны. И это при том, что у нас и сейчас уже 12—

13% безработных. Тут мы впереди Европы. Добавьте к этому, что заводы-гиганты ближайшие несколько десятилетий обречены выплескивать рабочих, поскольку не могут справиться с этим огромным количеством лишних» [67].

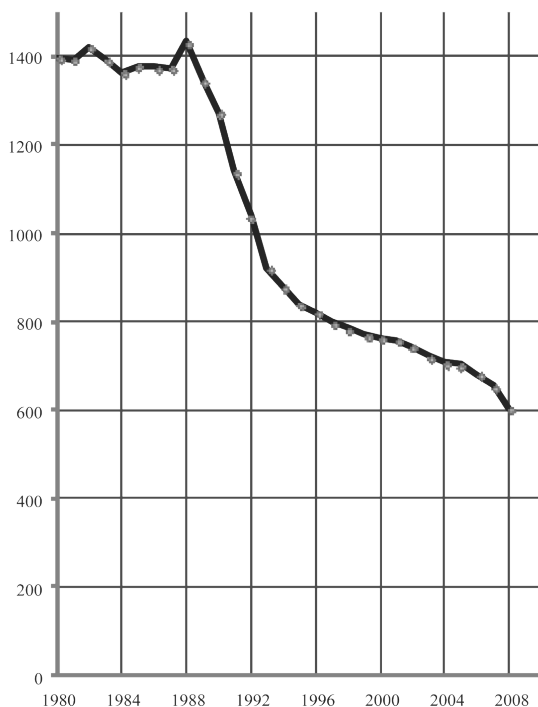

Рис. 11. Выпуск квалифицированных рабочих в системе начального профессионального обучения в России, тыс.

Какие «заводы-гиганты» увидел Шмелев в 2003 году, какое там «огромное количество лишних», которых якобы заводы «обречены выплескивать ближайшие несколько десятилетий»! Академик-экономист может молоть такую чепуху и продолжает входить в число высших авторитетов российской экономической науки. Как тут не быть кризису!

Как пишут социологи, рабочий класс «исчез из общественного поля зрения». Значительная часть выброшенных с предпри-

ятий рабочих опустилась на «социальное дно». Но даже чисто прагматической оценки этой стороны реформ не было дано.

На деле рабочий класс исчез также из поля зрения социологии. Предпочтительными объектами социологии стали предприниматели, элита, преступники и наркоманы. Обществоведение практически ушло от этой проблемы, хотя задачей обществоведения как раз является анализ общества как системы, получение достоверного представления о *структуре* этой системы, какими бы терминами ни обозначались разные структурные единицы в зависимости от идеологической доктрины, положенной в основу методологии (классы, сословия, страты, социальные групп и пр.).

Деиндустриализация и *деклассирование* рабочих — социальные явления, которых не переживала ни одна индустриальная страна в истории, колоссальный эксперимент, который мог дать общественным наукам большой объем знания, недоступного в стабильные периоды жизни общества. Это фундаментальное изменение социальной системы, в общем, не стало предметом исследований, а научное знание об этих изменениях и в малой степени не было доведено до общества.

Что произошло с 10 миллионами рабочих, в среднем весьма высокой квалификации, которых «выплеснули» с заводов? Что произошло с социальным укладом предприятий в ходе такого изменения? Как изменился социальный статус промышленного рабочего в России, престиж рабочих профессий в массовом сознании и в среде молодежи? Что произошло с системой профессионального обучения в промышленности? По всему кругу этих вопросов имелись лишь отрывочные и «фольклорные» сведения.

Сегодня ни общество, ни государство не имеет ясного представления о том, какие угрозы представляет для страны утрата промышленных рабочих как профессиональной общности, соединенной определенным типом знания и мышления, социального самосознания, мотивации и трудовой этики.

Не менее очевидно было и то, что разрушение крупных механизированных предприятий, которые были центрами жизнеустройства деревни, будет означать колоссальный регресс и даже архаизацию жизни 40 миллионов сельских жителей России. За годы реформы Россия утратила свой золотой ка-

питал — 7 миллионов организованных в колхозы и совхозы квалифицированных работников сельского хозяйства. Их осталось 1,9 млн. и еще 0,3 млн. фермеров (рис. 12). И темп сокращения этой общности не снижается (как и темп сокращения тракторного парка, потребления электричества в сельском производстве и т.п.).

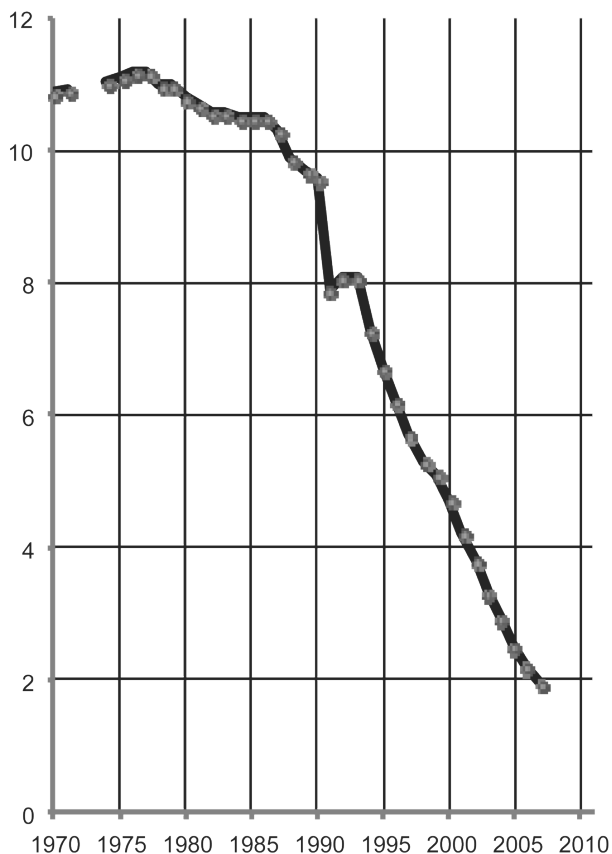

Рис. 12. Число работников в сельскохозяйственных организациях России, млн.

И до сих пор этот странный провал в сознании не вызвал никакой рефлексии. Общество его не замечает и сегодня.

Мы видим, как быстро деградирует системообразующая для России большая специфическая общность — **интеллигенция**. Она замещается «средним классом» — новым социокультурным типом с «полугуманитарным» образованием, приспособленным к функциям офисного работника без жестких профессиональных рамок. Высшее образование сейчас ежегодно поставляет на рынок труда около 600 тыс. таких суррогатных интеллигентов — при численности выпускников вузов по физико-математическим и естественно-научным специальностям 26 тыс. (см. рис. 13).

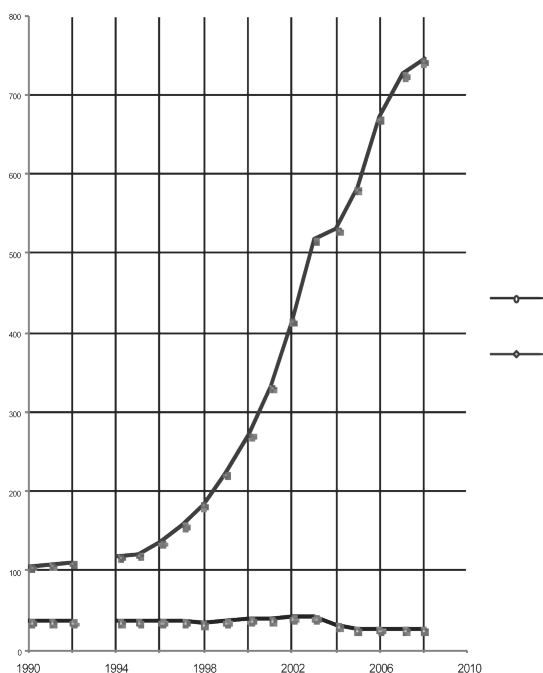

Рис. 13. Динамика выпуска специалистов высшими учебными заведениями России, тыс. человек: 1 — физико-математические и естественно-научные специальности; 2 — гуманитарно-социальные специальности, экономика и управление

Непосредственную угрозу для экономики России представляет деградация *инженерного корпуса* — самой массовой общности технической интеллигенции. Эта общность в новых социально-экономических условиях теряет свои системные качества — профессиональную этику, социальные нормы и санкции за их нарушение.

Красноречивым свидетельством этого процесса стала авария на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 г. Работавшие на ГЭС инженеры высокой технической квалификации приняли в апреле из ремонта гидроагрегат, который нельзя было вводить в эксплуатацию. Новый статус инженеров в системе управления предприятием не давал им возможности прямо повлиять на решение менеджмента, но если бы они следовали нормам профессиональной этики и представляли собой сообщество, а не группу индивидов, то нашли бы способ противодействия. Затем с апреля до момента катастрофы эти инженеры наблюдали, как растет уровень вибрации агрегата, который уже в мае превысил допустимые пределы. Инженеры понимали, что дело идет к катастрофе — и молчали. Их бездействие ставило под угрозу и ГЭС, и жизни работников, и их собственные жизни, но они, уже не обладая разумом, волей и коллективной ответственностью профессионального сообщества, каждый в одиночку, боялись перечить впадшему в безумие идолопоклонника менеджменту.

В анонимной обзорной статье после аварии, в которой использованы «сообщения с места» (беседы с работниками), говорится: «Технические причины [аварии] начались с момента окончания ремонта ГА-2. С этого момента ГА-2 ни дня не работал в штатном режиме. Специалисты, отказывающиеся принять ГА-2 в эксплуатацию, так или иначе от работ были руководством компании отстранены. Оставшиеся «специалисты» были запуганы менеджментом, т.к. поселок маленький и с работой не разбежишься» [68].

Согласно данным последних вибрационных испытаний после окончания среднего ремонта, приведенных в «Акте Ростехнадзора о причинах аварии», вибрация не выходила за значения разрешенных к эксплуатации уровней и оценивалась как удовлетворительная. При этом «размах горизонтальной вибра-

ции корпуса турбинного подшипника на оборотной частоте был близок к допустимым значениям, при которых длительная работа гидроагрегата не допускается» [125].

Длительная работа гидроагрегата не допускается, но менеджер потребовал — и инженеры допустили. Более того, вибрационные испытания после ремонта проводились только в зонах мощности, благоприятных для работы, в то время как главные риски возникают при переходе из разрешенных зон в неблагоприятные. Именно в эти моменты возникают резонансные колебания, именно здесь надо было испытывать агрегат на вибрацию. Эта уловка руководства СШГЭС и «РусГидро» должна считаться преступной, но ведь она совершалась на глазах квалифицированных инженеров. Как можно выпускать из ремонта агрегат, если вибрация — на грани допустимого! Почти очевидно, что в ходе эксплуатации машины эта грань будет вскоре перейдена — машина разбалансирована.

Акт фиксирует невероятный факт: «По данным анализа архивов АСУ ТП, проведенного в период с 21.04.2009 до 17.08.2009, наблюдался относительный рост вибрации турбинного подшипника ГА-2 примерно в 4 раза, что отражено графически».

В опубликованный график вибрации гидроагрегата (см. рис. 33) следует взглянуть всем гражданам Российской Федерации.

Руководителя крупного Интернет-сайта энергетиков спрашивают, как могла произойти авария. Он отвечает: «Еще за часы до аварии ее должна была предотвратить автоматика. Но те, кто занимался ремонтом и обслуживанием станции, внесли изменения в систему управления гидроагрегатом, не согласовав их с производителем. Вероятнее всего, система защиты была тоже отключена» [69].

На СШГЭС управляющие мыслили только на языке прибили, а инженеры и операторы были лишены всякой возможности апеллировать к надзорным органам, не входя в безнадежный конфликт с менеджментом. Такое предприятие движется к саморазрушению.

Секретарь Парламентской комиссии Ю. Липатов сказал: «Можно утверждать, что агрегат медленно, но уверенно шел

к разрушению. Из-за недопустимо низкой ответственности и профессионализма эксплуатирующего персонала и руководства станции такой итог был абсолютно неизбежен. Ситуация усугубилась из-за недостаточности мер обеспечения безопасности станции со стороны автоматической системы управления технологическими процессами. Она не обеспечила отключение агрегатов и перекрытия подачи воды» [70].

Как можно было сказать такое — и замолчать на полуслове! Ведь это и есть главная причина этой и всех подобных ей катастроф, а о путях устранения этой причины ничего не сказано. Руководство множества других предприятий России так же «медленно, но уверенно ведет к разрушению» множество других технических, социальных и этнических систем.

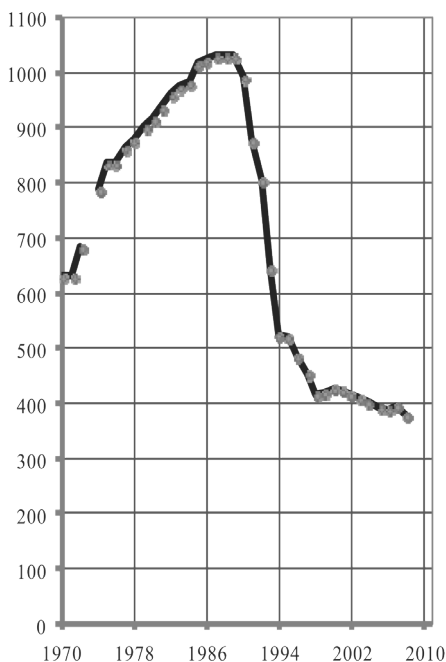

Рис. 14. Численность научных работников (исследователей)
в России, тыс.

В другой части спектра интеллигенции — точно такое же отношение к отечественной науке. Достаточно было запустить по СМИ поток совершенно бездоказательных утверждений о «неэффективности» науки, и общество бросило ее на произвол судьбы, равнодушно наблюдая за распадом (точнее, развалом) большого научного сообщества. К 1999 г. по сравнению с 1991 г. численность научных работников в Российской Федерации уменьшилась в 2,6 раза. Динамика этой численности приведена на рис. 14.

Работа в науке на много лет стала относиться к категории *низкооплачиваемых* — в 1991—1998 гг. она была ниже средней зарплаты по всему народному хозяйству в целом. Динамика зарплаты в этой отрасли приведена на рис. 15.

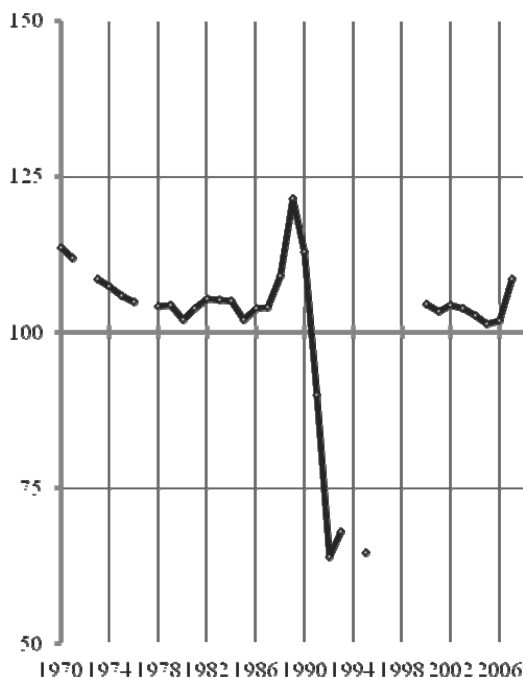

Рис. 15. Средняя зарплата в отрасли «Наука и научное обслуживание», в % от средней зарплаты по экономике в целом (данные за 1995—2007 гг. были Росстатом скорректированы в 2009 г. и опубликованы с пробелами)

В 2002—2004 гг. в шкале престижности профессий в США наука занимала первое место (член Конгресса 7-е, топ-менеджер 11-е, юрист 12-е, банкир 15-е). В России ученые занимали в те годы 8-е место после юристов, бизнесменов, политиков. В США 80% опрошенных были бы рады, если сын или дочь захочет стать ученым, а в России рады были бы только 32% [71].

Многие патриотические политики и поэты уповают на долготерпенье русского народа. Мол, вытерпит все и, широкую, ясную, грудью дорогу проложит себе. Может, и вытерпит, но это долготерпенье не может компенсировать утраты *квалификации*, которая необходима, чтобы нести ношу цивилизации и прокладывать дорогу. По данным Минобороны, до 25% призывников из сельской местности России оказываются фактически неграмотными, а в 1997 году *полностью* неграмотным был каждый десятый призывник в Сибири. О том же говорит и уголовная статистика. По данным Отдела по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних МВД Российской Федерации, каждый третий правонарушитель школьного возраста в 1999 году не имел даже начального образования!

Вот удары реформы по жизнеспособности России. По совокупному «индексу человеческого развития», принятому ООН, СССР в 1970 г. занимал 20-е место в мире. В 1995 г. Россия (уже без республик Азии) находилась во второй сотне государств — в бедной части стран «третьего мира». Возникновение в начале XXI века значительного контингента подростков и юношей, лишенных школы, означает появление в России совершенно нового, неведомого нам социокультурного типа. Он уже не может вернуться к культуре общинного крестьянина, он заполняет *цивилизацию трупоб*, особую экстерриториальную цивилизацию капитализма, экзистенциально враждебную любой *локальной* цивилизации.

Обострение кризиса (которым нас «заразила Америка») побудило поднять вопрос, на кого Россия может опереться в трудный период. Кто определяет нынче ее жизнеспособность? Какая общность станет локомотивом, который вытащит Россию из кризиса? На кого делает ставку государство? Оказывается, на *средний класс*. Он представляется ядром общества и соци-

альной базой власти. В прессе даже заговорили, что средний класс завоевал социальную гегемонию и политическую власть.

Называть, как сделал В.Ю. Сурков, период 2000—2008 гг. *эпохой среднего класса* — гротеск. «Гегемон» не только не определен внятыми признаками, он воспринимается как явление преходящее и нежизнеспособное, артефакт смутного времени, заслуживающий легкого сострадания. Куда он может повести расколотое общество, кого он может сплотить для творческого усилия?

Чтобы оценить символический эффект образа этого среднего класса, представим себе, что в Москве открыт монумент, олицетворяющий этот образ. Каков может быть этот памятник? Монумент «Челноки»? Поставим его в один ряд с уже известными монументами, символизирующими советский культурный тип. Это фигура «Рабочий и Колхозница», памятник «Воину-освободителю» в Трептов-парке. Такое сравнение для «среднего класса» убийственно, речь идет о несоизмеримых по потенциалу и консолидирующей силе социальных общностях.

В ходе обсуждения роли среднего класса телеведущий Владимир Соловьев подчеркнул, что это — «класс потребителей, а значит, именно он является двигателем всего, что происходит в стране». Класс потребителей! И на него возлагается миссия спасения страны.

Ясно, что сам *классовый* подход не отвечает типу угроз для России. Преодоление нашего кризиса возможно лишь в рамках цивилизационного проекта. Кто же автор и носитель такого проекта? Надклассовая и надэтническая абстрактная общность, которую Н.Я. Данилевский назвал «*культурно-исторический тип*».

Данилевский предложил признаки для различения «локальных» цивилизаций, носителем главных черт которых и является культурно-исторический тип. Цивилизация представляется как воображаемый великан, «*обобщенный индивид*». Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение *сущность* — народ, воплощенный в обобщенном индивиде.

История XX века показала, что в действительности цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже

вплоть до гражданской войны) *нескольких* культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится доминирующим в конкретный период и «представляет» цивилизацию.

Реформы Петра, несмотря на все нанесенные ими России травмы, опирались на волю культурно-исторического типа, сложившегося в лоне российской цивилизации и начинавшего доминировать на общественной сцене. Модернизация и развитие капитализма во второй половине XIX века вызвали кризис этого культурно-исторического типа и усиление другого, вырастающего на матрице современных буржуазно-либеральных ценностей. Это было новое поколение российских западников, но вовсе не клон западных либералов.

На короткое время именно этот культурно-исторический тип возглавил общественные процессы в России и даже осуществил бескровную Февральскую революцию 1917 г. Но он был сметен гораздо более мощной волной *советской* революции. Движущей силой ее был культурно-исторический тип, который стал складываться задолго до 1917 года, но оформился и получил имя уже как «советский человек» после Гражданской войны. Все цивилизационные проекты для России были тогда «выложены» в самой наглядной форме, культурно-исторические типы, которые их защищали, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России.

Что из этой истории важно для осмысления нашего нынешнего кризиса? Прежде всего, важно понять структуру актуального российского общества под этим углом зрения. Как раскололось успокоенное «застоем» общество, по каким линиям экзистенциальных противоречий? Кто противостоит реформам при внешней апатии и полному конформизму населения? Тут требуется деидеологизированный, «инженерный» анализ.

Не видя этих главных расколов, нельзя построить верную «карту» российского общества. Поэтому все попытки собрать общности на новых, «постсоветских» матрицах заканчиваются неудачами. Поразительно безуспешными было множество попыток партийного строительства, проект создания массовой молодежной организации, создания общности «фер-

меров», новой общности солдат-«контрактников», нового научного сообщества.

Трудный XX век Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, получившим имя «советский человек» (в среде его конкурентов бытует негативный, но выразительный термин *homo sovieticus*). Советские школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу ряд исключительных качеств. В критических для страны ситуациях именно эти качества позволили СССР компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада.

Советское государство стало средствами культуры и управления утверждать матрицы поведения, сложившиеся в общинном крестьянстве, но уже в их модернизированном виде («советский коммунизм»). Соединив общество на основе тех же установок на труд, стойкость и уравнительность, СССР провел индустриализацию, выстоял в войне и стал великой мировой державой. Люди-символы, которые воплощали эти установки — Стаханов и Чкалов, Жуков и Гагарин, Курчатов и Уланова. Однако имевшиеся в обществе 20-х годов культурные предпосылки вовсе не были реализованы автоматически, длительная разруха и вынужденная борьба за выживание резко усилили в массовой психологии стереотипы «гунна».

20—30-е годы — это время выполнения сознательно выполняемой государством программы по «воспитанию нового человека». В последние годы мы слышали много издевательств якобы над этой формулировкой, но на деле в них сквозила ненависть именно к *сущности* программы. А ведь эта программа была исключительно новаторской и всеохватной — от обучения людей мыть руки и кипятить воду, от ликвидации массового сифилиса и гельминтозов — до массового притока молодежи в аэро- и радиоклубы.

В 70—80-е годы объективные условия для сохранения «крестьянского коммунизма» иссякли — благополучная городская жизнь и ставшая привычной безопасность усилили индивидуализм и «установку на удовольствия». На этой волне прошла перестройка и началась реформа. В политических целях государство всеми средствами укрепляло эти установки, вновь выполняя программу «воспитания нового человека» — но те-

перь совсем другого. С продуктом этой программы мы и входим сегодня в новый этап кризиса.

Каковы же типичные матрицы поведения этого «нового человека»? Они довольно хорошо описаны и в научной, и в карикатурной форме. Кратко можно выделить такие их признаки: ориентация на доходность работы и «легкие» деньги при устранении критерия профессионального и общественного долга; предпочтение «внешнего» рынка отечественному; истощение действенного патриотизма; нежелание делать «капиталовложения в будущее» (что выразилось, например, в резком спаде рождаемости).

Конечно, указанные стереотипы еще не овладели полностью массовым сознанием и не вполне укоренились в нем, эти новые матрицы еще не сложились в устойчивое культурное ядро. Однако тенденция определилась, и господствующее меньшинство, представленное государством и СМИ, целенаправленно закрепляет одни и подавляет или разрушает другие стереотипы.

Сильнейшим средством для этого служат экономические условия. Если постоянный и честный труд не обеспечивает жизнь, то никакая идеология не пересилит этого фактора, и люди станут переключаться на теневые или криминальные источники дохода, а потом и привыкнут к ним. Но если к тому же ведется интенсивная пропаганда теневой экономики и криминального богатства, то эта переориентация становится массовой.

В цехах промышленных предприятий сейчас совсем мало молодежи. Даже получая выгодные заказы, заводы не могут набрать учеников, чтобы обучить их и выполнить заказ — молодые парни сидят по ларькам на блошиных рынках. Молодой хирург-кардиолог идет торговать автозапчастями, хотя поступить в мединститут стоило ему героических усилий. Это признак тяжелого культурного кризиса, порожденного новыми социальными условиями, экономикой и шкалой престижа. В такой «структуре повседневности» формируется элита колониального типа. Личная мотивация не может пересилить давление этой реальности.

Эти новые для России матрицы поведения вполне согласуются с новой государственностью, которая оформилась уже

после Ельцина. Но это нарождающееся культурное ядро несовместимо с жизнью России даже в среднесрочной перспективе. Если оно укрепится, то ляжет тяжелым камнем на всяком пути к преодолению кризиса.

Общности, которые были конкурентами или антагонистами советского человека, были после Гражданской войны «нейтрализованы», подавлены или оттеснены в тень — последовательно одна за другой. Они, однако, пережили трудные времена и вышли на арену, когда советский тип стал сникать и переживать кризис идентичности (в ходе послевоенной модернизации и урбанизации). Среди этих набирающих силу общностей вперед вырвался культурно-исторический тип, проявивший наибольшую способность к адаптации. Его можно назвать, с рядом оговорок, *мещанством*.

К 70-м годам оно сумело добиться культурной гегемонии над большинством городского населения и эффективно использовало навязанные массовой культуре формы для внедрения своей идеологии. Советский тип вдруг столкнулся со сплоченным и влиятельным «малым народом», который ненавидел все советское жизнеустройство и особенно тех, кто его строил, тянул лямку. Никакой духовной обороны против них государство уже и не пыталось выстроить.

Видные западные советологи уже в 50-е годы разглядели в мировоззрении мещанства свой главный плацдарм в холодной войне. Крупный философ И. Бохенский, считал, что рост мещанства станет механизмом перерождения советского человека в обывателя, поглощенного стяжательством. Как и любой общественный процесс, этот сдвиг мог быть перепрофилирован в направлении, не подрывающем главный вектор развития. Но этого не было сделано [72].

Суть философии мещанства — «самодержавие собственности». Но этот идеал собственности, в отличие от Запада, не стал буржуазным и не был одухотворен протестантской этикой. Буржуа был творческим и революционным культурно-историческим типом. Мещанин — это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Ему противно любое активное действие, движимое идеалами. Герцен отмечал, что мещанство не столько максимизирует выгоду, сколько стремится «понизить личности». Это — духовный вектор.

Антисоветский проект сделал ставку на активизацию мещанства как самого массового культурно-исторического типа, который был оттеснен на обочину в советский период. В отличие от тончайшего богатого меньшинства дореволюционной России (аристократов, помещиков, купцов и фабрикантов), оно пронизывало всю толщу городского населения и жило одной с ним жизнью. Доведенные до крайности установки мещанства были художественно собраны в образе Смердякова. В разных формах культурный тип мещанства представлен в русской литературе очень широко, стал на переломе веков едва ли не самым главным образом. Достоевский и Толстой, Чехов и Горький, Маяковский и Платонов — все оставили художественную летопись эволюции русского мещанства.

Революцию мещанство «пересидело»¹. Составляя значительную часть мало-мальски образованного населения, мещанство быстро овладело знаками советской лояльности и стало заполнять средние уровни хозяйственного и государственного аппарата. Социальный лифт первого советского периода поднял статус мещанства, и уже тогда возникли ниши, где негласно стали господствовать его ценности.

Война сильно выбила творческую, активную часть общества. Мещанство, напротив, окрепло, обросло связями и защитными средствами — и стало повышать голос. Агрессивная аполитичность мещанства, демонстративный отказ от участия в любом общественном деле были действительно важным фактором социальной атмосферы — целостной позицией, которая стала подавлять позицию гражданскую.

Ход утраты культурной гегемонии советским типом — важный урок истории и актуальная для России проблема обществоведения. Здесь мы ее не касаемся, один только штрих. Этот процесс можно проследить по динамике *когнитивной активности* рабочих. В 1922 г. продолжительность рабочего времени в СССР сократилась по сравнению с 1913 г. на 537 часов. Люди их использовали, первым делом, на самообразование.

---

¹ Надо сказать, что мещанство было врагом обеих столкнувшихся в Гражданской войне сторон, которые представляли разные революционные проекты. В мировоззренческом конфликте с мещанством в 20-е годы красные и белые ветераны были по одну сторону баррикад.

Затраты времени на самообразование с 1923 по 1930 г. выросли с 12,4 до 15,1 часа в неделю. С середины 60-х годов начался резкий откат. Среди работающих мужчин г. Пскова в 1965 г. 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это в среднем 5 часов в неделю (14,9%) своего свободного времени. В 1986 г. таких осталось 5% и тратили они в среднем 0,7 часа в неделю (2,1%) свободного времени. К 1997/98 г. таких осталось 2,3% [73].

В общем, советский культурно-исторический тип сник в 70—80-е годы, а потом был загнан в катакомбы. Господствующие позиции заняло мещанство, в том числе криминализованное¹. Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы «держат» страну, а тем более сплотить общество для модернизации и развития.

В ближайшие 10—15 лет Россия окажется перед лицом угроз, которые лишь зародились в ходе реформ и в зрелой форме реализуются уже тогда, когда сойдет с арены поколение советских людей с их знанием, навыками и ценностями. Эти угрозы должны будут преодолевать люди нового, существенно иного культурно-исторического типа, и предвидение этой ситуации становится важной задачей.

Советский тип был загнан в катакомбы, но не исчез. Он — молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму. Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из людей этого типа — стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповаet на нового Сталина. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди являются единственной общностью, которая обладает способностью к организации, большим трудовым и творческим усилиям. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохра-

---

¹ А.С. Панарин считал, что главной, может быть, чертой сознания мещанства является его стремление к нарушению легальных норм поведения. Преступившая личность отличается от законопослушной личности с таким типом сознания не структурой своих потребностей и мотиваций, а лишь специфической неконформистской решительностью.

нилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности.

«Сборка» дееспособных социокультурных общностей и организация диалога между ними — актуальный вопрос национальной повестки дня России. Задача в том, чтобы свести к минимуму травмы и мутации несущих конструкций народного хозяйства России или, в облегченном варианте, не допустить, чтобы травмы и уродства превзошли некоторый критический порог. Мы от него уже недалеко.

Глава 10

УГРОЗА РАЗРУШЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ РОССИИ

На стыке цивилизационного и институционального подходов сложился определенный взгляд на историю и современное состояние страны и общества — через изучение тех общественных институтов, на которых базируется хозяйство. Здесь возникло понятие *институциональной матрицы*. Институциональная матрица — это устойчивая, исторически сложившаяся система общественных институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер¹.

Строго говоря, каждое общество имеет свой, только ему свойственный тип институциональных матриц — устойчивый, но и развивающийся профиль. Однако это множество разделяют на два класса, тяготеющие к двум разным «чистым» типам, которые метафорически называют «Западная» и «Восточная» матрицы (хотя правильнее было бы сказать «Западная» и «Незападная»).

В *незападных* обществах (даже таких модернизированных, как Япония или Россия) жизнеустройство складывалось согласно метафоре «семьи», под сильным влиянием общин-

---

¹ История формирования и нынешнее состояние институциональных матриц России рассмотрены в книге С.Г. Кирдиной «Институциональные матрицы и развитие России» [74].

ной идеологии, коммунальной материально-технологической среды и патерналистского государства. Под этим углом зрения различия общественно-экономических формаций не являются определяющими, так что в одну категорию входят и японский или корейский «конфуцианский капитализм», и советский «социализм».

В ходе экспансии западного капитализма в период империализма («второй волны» глобализации) было много попыток изменить институциональные матрицы зависимых стран по западному образцу. Ни одна из этих попыток не удалась — слабые культуры погибали, сильные закрывались культурными и политическими барьерами и вели «молекулярное» сопротивление или открытую борьбу под социалистическими или националистическими знаменами.

Какого же рода изменение в конкретных матрицах России предполагалось произвести в ходе реформы? Рассмотрим на материале изменения частных институциональных матриц — больших *техничко-социальных* систем. Все они, как кусочки голограммы, несут образ общей институциональной матрицы общества.

Каждое общество строит свою техносферу под воздействием и природных условий, и культурных норм. Даже у двух обществ, принадлежащих к разным культурам и живущих в близких или одинаковых природных условиях, техносферы могут существенно отличаться. Заимствование и перенос технологий идут непрерывно, но они всегда сопряжены с большими трудностями и даже сопротивлением общества.

Сложившись в зависимости от природной среды, культуры данного общества и доступности ресурсов, большие технические системы действительно становятся *матрицами*, на которых воспроизводятся данное общество, народ и страна. Переплетаясь друг с другом, эти матрицы «держат» страну и задают то пространство, в котором страна существует и развивается. В каждой сфере общественной жизни матрицы непрерывно «штампуют» отношения людей по единому для всей страны типу — в главном. Это и обеспечивает *связность* страны и народа, создает общий язык, общее культурное и хозяйственное пространство. В каждой точке этого пространства гражданин и обыватель страны чувствует себя на родной земле, все главные

стороны бытия ему узнаваемы, поведение окружающих для него предсказуемо и близко, знаки и требования понятны.

Складываясь *исторически*, а не *логически*, институциональные матрицы обладают большой инерцией, так что замена их на другие, даже действительно более совершенные в выполнении своей номинальной функции, всегда требует больших затрат и непредвиденных потерь.

Например, в силу пространственных, экономических и социальных причин сеть железных дорог складывалась в России совсем иначе, чем в США. В России эта сеть напоминает «скелет рыбы», отдельные «кости» этого «скелета» не конкурировали друг с другом, а были включены в единую систему, в управлении которой очень большую роль играло государство. Если бы в 90-е годы систему Российских железных дорог решились бы реформировать так же, как поступили с Аэрофлотом, Россия пережила бы хозяйственную и гуманитарную катастрофу.

Совершенно по-иному, чем на Западе, сложилось, уже в Советском Союзе, теплоснабжение городов, так что урбанизация, которая была осуществлена в стране в 50—70-е годы, задала нам еще одну матрицу, к которой люди не просто привыкли, но и не могут от нее «оторваться».

Попытки перенести в иную культуру большую технико-социальную систему, хорошо зарекомендовавшую себя в других условиях, очень часто заканчиваются крахом или сопряжены с тяжелыми потрясениями. Попытка в начале XX века насильственно разрушить крестьянскую общину в России и превратить крестьян в «свободных фермеров» и сельскохозяйственных рабочих послужила катализатором революции 1917 года. Когда образованный человек читает, что в начале XX века в Центральной России капиталистическая рента с десятины составляла около 3 руб., а крестьяне брали землю в аренду по 16 руб. за десятину, он не может понять, почему крестьянин так поступал [75, с. 407]¹.

---

¹ Знаток прусского сельского хозяйства Гакстгаузен в 40-х годах XIX века изучал в России доходность хозяйства в Верхнем Поволжье. Он советовал немцам: «Если вам подарят поместье в северной России при условии, чтобы вы вели в нем хозяйство так же, как на ферме в Центральной Европе — лучше

Нынешний интеллигент — обычно поклонник Столыпина, а эти данные показывают несовместимость реформы Столыпина с российской реальностью. Никакой разумный человек не будет вести фермерское капиталистическое хозяйство, которое дает ему прибыль 3 рубля с десятины, если крестьянин согласен уплатить за эту аренду 16 руб. А у Столыпина не было достаточно средств, чтобы «оплатить» переход от одной институциональной матрицы (крестьянское хозяйство) к другой (фермерство) при таком разрыве в их эффективности.

Но ведь это непонимание мы видим и сегодня. Подобная попытка превратить колхозных крестьян в фермеров привела к глубокому кризису сельского хозяйства. История знает множество таких примеров, однако проку от них мало — подобные утопии модернизации регулярно повторяются в моменты, когда в сознании правящего слоя начинают доминировать *евроцентризм* и *механизмизм*.

Средний горожанин и сегодня не понимает, в чем причина и суть той катастрофы, что переживает российское село. Он не сможет объяснить, почему колхозы и совхозы вполне обходились 11 тракторами на 1000 га пашни, а средневропейская норма для фермеров в 10 раз больше—110—120 тракторов. Во сколько же обошлась бы в России замена колхозов фермерами, если бы она произошла в полном масштабе? В ценах 2008 года — в 1,3 триллиона долларов¹!

Надо трезво признать, что создать современное сельское хозяйство в рамках «рыночной» доктрины Россия не сможет. Здесь мы имеем неумолимую дилемму: или восстановление и модернизация колхозно-совхозной системы с фермерской надстройкой — или архаизация российского сельского хозяйства. На какое чудо надеется власть?

всего будет отказаться от него, так как год за годом в него придется только вкладывать деньги». А вести хозяйство «не так, как на ферме в Центральной Европе», а *как в России*, можно было прекрасно. И помещики были счастливы, получив поместье в наследство ([74, с. 221]).

¹ На те 134 млн. га пашни, которую в норме использовала Россия до реформы, для фермеров надо купить 16 млн. тракторов. В 2008 г. средняя цена приобретения трактора в России составила, по данным Росстата, 2018,0 тыс. рублей, или 84 тыс. долларов. Значит, нужное число тракторов стоит около 1300 млрд. долларов.

В 1991 г. была провозглашена программа смены *всех* матриц страны, от детских садов до энергетики и армии. Программа реформ была проникнута отрицанием, вплоть до ненависти, практически ко всем системам советского жизнеустройства. Вот уже 19 лет Россия живет в «переходном периоде» — в процессе демонтажа технико-социальных систем, которые сложились и существовали в Российской империи и СССР, и попыток создать новые системы, соответствующие западному образцу. Это привело все системы в состояние глубокого кризиса.

Одним из важных видов деятельности в экономике является *проектирование*, то есть выстраивание образа будущего и составление плана действий. При болезни общества система этих операций нередко деградирует, проектирование заменяется *имитацией*. Реформы в России и стали огромной программой *имитации Запада*. Имитация часто принимает карикатурные формы. Так, вожди гавайских племен при контактах с европейцами обзавелись швейными машинками, в которых видели символ могущества — и эти машинки красовались перед входом в их шалаш, приходя в негодность после первого дождя.

Видный антрополог XX века А. Леруа-Гуран подчеркивал, что для существования народа необходим баланс между устойчивостью и подвижностью систем его жизнеустройства. Совокупность технических приемов и материальных средств хозяйства представляет собой *систему* — устойчивую (и изменяющуюся) часть культуры этнической группы (племени, народа и даже нации). Эту целостную систему, соединяющую материальный и духовный миры, любая этническая общность оберегает, отказываясь даже от выгод «эффективности».

Если пробежать мысленно все стороны жизнеустройства, то увидим, что в 90-е годы реформаторы пытались сломать устойчивость всех систем. Л. Пияшева писала в 1990 г.: «Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого «экономического чуда» на нашу территорию... Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу «дух предпринимательства» возродит в стране и волю к жизни, и протестантскую этику»¹.

---

¹ Здесь вера в имитацию сопряжена, как это часто бывает, с невежеством — Пияшева надеялась *возродить* в православной России протестантскую

В сфере хозяйства имитацией была попытка переделать советское хозяйство по шаблонам англосаксонской рыночной системы. Экономист-реформатор В.А. Найшуль пишет: «Рыночный механизм управления экономикой — достояние общемировой цивилизации — возник на иной, нежели в нашей стране, культурной почве... Рынку следует учиться у США, точно так же, как классическому пению — в Италии, а праву — в Англии» [76].

Это кредо имитатора — найти «чистый образец» и скопировать его в своих условиях. Это совершенно ложная установка, противоречащая и науке, и здравому смыслу. Известно, что копирование принципиально невозможно, оно ведет к подавлению и разрушению культуры, которая пытается «перенять» чужой образец. При освоении чужих достижений необходим *синтез*, создание новой структуры, выращенной на собственной культурной почве. Так, например, был создан «конфуцианский капитализм» в Японии.

Утверждение, что «рынку следует учиться у США», не просто ошибочно, но и наивно. Рынок — большая система, сотканная *особенностями* конкретного общества. Она настолько переплетена со всеми формами человеческих отношений, что идея «научиться» ей у какой-то одной страны находится на грани абсурда. Почему, например, рынку надо учиться у США — разве рынок в США лучше рынка в Германии, Японии или Сирии?

Да и как можно учиться рынку у США, если его сиамским близнецом, без которого он не мог бы существовать, является, образно говоря, «морская пехота США»? Это прекрасно выразил советник Мадлен Олбрайт Т. Фридман: «Невидимая рука рынка никогда не окажет своего влияния в отсутствие невидимого кулака. МакДональдс не может быть прибыльным без МакДоннел Дугласа, производящего F-15. Невидимый кулак, который обеспечивает надежность мировой системы благодаря технологии Силиконовой долины, называется наземные, морские и воздушные Вооруженные силы, а также Корпус морской пехоты США».

этику, которой здесь отродясь не могло возникнуть! У нас возможна только ее уродливая имитация.

Учиться у других стран надо для того, чтобы понять, почему рынок у них сложился так, а не иначе — чтобы выявить и понять суть явлений и их связь с другими сторонами жизни общества. А затем, понимая и эту общую суть явлений, и важные стороны жизни *нашего* общества, переносить это явление на собственную почву (если ты увлечен странной идеей, что в твоей собственной стране рынка не существует).

Доктрина реформ отвергает национальные традиции России определенно и осознанно. Вот рассуждения В.А. Найшуля в 2004 г. [77]: «Проблема, которая до сих пор не решена, — это неспособность связать реформы с традициями России. Не-способность в 85-м году, неспособность в 91-м, неспособность в 2000-м и неспособность в 2004 году — неспособность у этой группы [авторов доктрины реформ] и неспособность у страны в целом. Никто не представляет себе, как сшить эти две вещи... То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают. Скажем, начиная от наукоемких отраслей и банковского сектора, кончая государственным устройством, судебной и армейской реформой. Список можно продолжить».

Таким образом, авторы доктрины не отрицают, что для них характерна «неспособность связать реформы с традициями России» (на эту неспособность у «страны в целом» нечего кивать). Какая безответственность!

Найшуль вскользь высказал важный тезис реформаторов: «То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают». Вопрос: где в России «голое место»? Что означает это понятие? Какая часть бытия России не обладает «культурой и традицией»?

Как выразился в 2004 г. В.В. Путин, в результате реформы «Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала». Но гораздо опаснее не разрушительный результат, а его философские предпосылки. Если враг сбросил на завод бомбу и разрушил его, то вопрос ясен. Надо разбить врага и восстановить завод. А если собственная власть вместо *модернизации* отечественной экономики осуществляет ее *демонстраж*, причем грубый, в виде *разрушения* «старого здания», то велика угроза остаться вообще без народного хозяйства.

В начале реформ наблюдалась поразительная вещь: ни один из ведущих экономистов не сказал, что советское хозяйство *может быть переделано* в рыночное хозяйство западного типа. Никто и не утверждал, что в России *можно построить* экономическую систему западного типа. Ситуация в интеллектуальном плане аномальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились на предположении, которого никто не решался явно высказать. Никто не заявил, что после замены всех больших систем (матриц) возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Сколько ни изучаешь документов и выступлений, никто четко не заявил, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва в катастрофу. А вот предупреждений об очень высоком риске сорваться в катастрофу было достаточно.

Итак, главные эксперты не утверждали, что хозяйство страны может быть переделано без катастрофы — но тут же требовали его переделать. Академик А.Н. Яковлев сказал в мае 1991 г.: «Серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ брежневизма — точнее, периода 60-х — середины 80-х годов — еще впереди, его даже не начинали» [78, с. 24].

Если так, то элементарные нормы научности запрещали давать категорические оценки обществу за целый исторический период 60—80-х годов и тем более требовать его радикальной переделки! Специалист обязан сначала *изучить* объект реформы, провести его «серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ».

Но дело не в академиках и не в политиках. Речь идет о мировоззренческом срыве всего общества.

Глава 11

ПРИВАТИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Не составляет секрета, что выбор разрушительной для хозяйства России доктрины реформ преследовал чисто *политические* цели. Это была военная операция, целью которой

был демонтаж советской политической системы, ликвидация Варшавского блока и самого СССР. Тот факт, что радикальные экономические преобразования преследовали в первую очередь политические цели, признавали тогда многие западные обозреватели. Газета «Файнэншл таймс» 16 апреля 1991 г. писала: «Западные правительства и финансовые институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, поощряли восточноевропейские правительства к распродаже государственных активов, что было призвано послужить средством привлечения западных инвестиций, создания рыночной экономики и разрушения оплота в лице государственной бюрократии. Со своей стороны, правительства рассматривали приватизацию как **средство разрушения базы политической и экономической власти коммунистов**».

В команде Горбачева курс на демонтаж советской хозяйственной системы был взят уже в 1987 г. Г.С. Батыгин, бывший тогда заместителем главного редактора журнала «Социологические исследования», пишет: «В 1987 г. Главлит СССР потребовал снять из статьи, предназначенной для опубликования в журнале «Социологические исследования», тезис о неэффективности свободного рынка в высокоорганизованной экономике. Это означало, что идея централизованного социалистического планирования уже не соответствовала цензурным требованиям» [79, с. 89].

Давая 6 апреля 1991 г. обзор американской печати о ходе приватизации в Восточной Европе, газета «Тайм» признает: «Поскольку приватизация считается болезненным, а порой и сомнительным процессом, такие западные финансовые учреждения, как Всемирный банк, Международный валютный фонд и новый Европейский банк реконструкции и развития, должны оказать помощь, чтобы она прошла успешно. Профессор Сакс говорит: «Нам на Западе придется **подкупать и уговаривать** эти правительства идти вперед».

Видимо, «подкупить и уговорить» удалось, и в 1991 г. Верховный Совет СССР принял закон о приватизации промышленных предприятий, а в 1992—1993 гг. была проведена массовая приватизация промышленных предприятий России. До этого они находились в общенародной собственности, распорядителем которой было государство.

Эта приватизация является самой крупной в истории человечества акцией по *экспроприации* — насильственному изъятию собственности у одного социального субъекта и передаче ее другому. При этом общественного диалога не было, власть не спрашивала согласия собственника на приватизацию.

По своим масштабам и последствиям эта приватизация не идет ни в какое сравнение с другой известной нам экспроприацией — *национализацией* промышленности в 1918 г. Тогда большая часть промышленного капитала в России (в ряде главных отраслей весь капитал) принадлежала иностранным фирмам. Много крупнейших заводов и раньше были государственными (казенными). Поэтому национализация непосредственно коснулась очень небольшой части буржуазии, которая к тому же была в России очень немногочисленной. Национализация в 1918 г. началась как «стихийная», снизу. Она была глубинным движением, своими корнями оно уходило в «общинный крестьянский коммунизм» и было тесно связано с движением за национализацию земли.

Совершенно иной характер носила экспроприация промышленности в 90-е годы XX века. Теперь небольшой группе «частных собственников» была передана огромная промышленность, которая изначально была практически вся построена как *единая государственная система*. Это был производственный организм совершенно нового типа, не известного ни на Западе, ни в старой России. Он представлял собой важное основание российской цивилизации индустриальной эпохи XX века — в формах СССР.

В экономическом, технологическом и социальном отношении расчленение этой системы означало катастрофу, размеров и окончательных результатов которой мы и сейчас еще не можем полностью осознать. Система пока что сохраняет, в искаленном виде, многие свои черты. Но уже сейчас зафиксировано в мировой науке: в России приватизация привела к небывалому в истории по своей продолжительности и глубине экономическому кризису, которого не может удовлетворительно объяснить теория.

Невозможно было избежать объяснения, и через десять лет после приватизации В.В. Путин говорит в «телефонном разго-

воре с народом» 18 декабря 2003 г.: «У меня, конечно, по этому поводу есть свое собственное мнение: ведь когда страна начинала приватизацию, когда страна перешла к рынку, мы исходили из того, что новый собственник будет гораздо более эффективным. На самом деле — так оно и есть: везде в мире частный собственник всегда более эффективный, чем государство».

Первый тезис нелогичен. «Народ» у телевизоров ожидал услышать *«собственное мнение»* Президента о результатах приватизации, а не о том, «из чего исходили» приватизаторы команды Ельцина. Они, *в лучшем случае*, исходили из ничем не обоснованного предположения — и ошиблись! Признает ли Президент эту ошибку или нет — вот в чем был вопрос.

Второе утверждение также не соответствует предмету разговора. Речь шла не о том, что происходит «везде в мире», а о том, как «частные собственники» управились с хозяйством именно в России.

К тому же второй тезис просто неверен. Нигде в мире частный собственник не является *более эффективным, чем государство*. Эффективность частного предпринимателя и государства *несоизмеримы*, поскольку они оцениваются по разным критериям. Разные у них цели. У частника критерий эффективности — прибыль, а у государства — жизнеспособность целого (страны).

Сравнивать эффективность частных и государственных предприятий по прибыльности в принципе неверно и потому, что в рыночной экономике государственные предприятия создаются именно в *неприбыльных* отраслях, из которых уходит капитал¹.

Приватизация 90-х годов стала небывалым в истории случаем теневого соглашения между бюрократией и преступным миром. Две эти социальные группы поделили между собой

---

¹ Кстати, проведенный в середине 80-х гг. анализ функционирования предприятий в четырех крупнейших странах Западной Европы показал, что соотношение показателей производительности труда в государственном и частном секторах было *в пользу государственного*: в ФРГ оно составило 1,34, во Франции—1,30, в Италии—1,21, в Великобритании—1,91, в среднем по четырем странам—1,44» [80].

промышленность России. Этот союз бюрократии и преступности нанес по России колоссальный удар, и неизвестно еще, когда она его переболеет.

Молодой аспирант-биохимик Каха Бендукидзе «скупил ваучеры» и приобрел «Уралмаш». Сам он говорит в интервью газете «Файнэншл Таймс» от 15 июля 1995 г.: «Для нас приватизация была манной небесной. Она означала, что мы можем скупить у государства на выгодных условиях то, что захотим. И мы приобрели жирный кусок из промышленных мощностей России. Захватить «Уралмаш» оказалось легче, чем склад в Москве. Мы купили этот завод за тысячную долю его действительной стоимости» [133].

Заплатив за «Уралмаш» 1 миллион долларов, Бендукидзе получил в 1995 г. 30 млн. долл. чистой прибыли. При этом практически угробив замечательный «завод заводов». Регресс в технологии и организации труда произошел такой, что не только в «наш общий европейский дом» войти России не светило, а и Бразилия стала недостижимой мечтой.

Вот самая богатая, не имевшая проблем со сбытом отрасль — нефтедобыча. В 1988 г. на одного работника здесь приходилось 4,3 тыс. тонн добытой нефти, а в 1998 г. — 1,05 тыс. т. Падение производительности в 4 раза! В электроэнергетике то же самое — производительность упала в два раза, ниже уровня 1970 г. В 1990 г. на одного работника приходилось 1,99 млн. кВт-час отпущенной электроэнергии, а в 2000 г. 0,96 млн. кВт-час.

Вот непосредственные последствия приватизации.

— Были разорваны внутренние связи промышленности, и она потеряла **системную** целостность. Были расчленены (в среднем на 6 кусков) промышленные предприятия, вследствие чего они утратили **технологическую** целостность. Объем промышленного производства упал в 1998 г. до 46,3% от уровня 1990 г. (а в машиностроении в 6 раз).

Оживление, которое началось с 1999 года, вернуло промышленность России в 2007 г. на уровень 1983 года. Выйдет ли оно при этой системе на уровень 1990 г., неизвестно — с сентября 2008 г. начался затяжной спад (рис. 16).

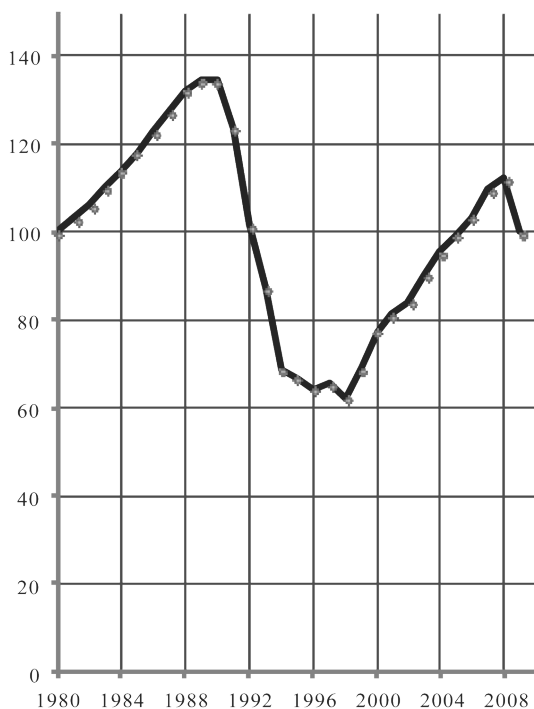

Рис. 16. Объем производства промышленной продукции в России
(в сопоставимых ценах, 1980 = 100)

— Произошла структурная деформация промышленности — резкий сдвиг от обрабатывающей к сырьевой (и экспортным отраслям, производящим «упакованную» энергию в виде энергоносителей, металлов и удобрений). Ряд системообразующих отраслей почти утрачены, как, например, тракторостроение, авиационная и фармацевтическая промышленность.

— Была разрушена сбалансированная система цен, что парализовало отечественный рынок многих видов продукции (например, сельскохозяйственных машин и удобрений). В ряде отраслей новые «собственники» распродали основные фонды (так, Россия утратила 75% морского торгового флота). В добывающей промышленности не воспроизводится сырье-

вая база — разведка полезных ископаемых сократилась многократно. Сооружения, машины и оборудование эксплуатируются хищнически, на износ. Беспрецедентная авария на Саяно-Шушенской ГЭС — это глас свыше нынешней власти.

Но угрозы более фундаментальны. Как уже говорилось, любой хозяйственный уклад имеет под собой определенную *мировоззренческую* основу. Радикальная приватизация советской промышленности якобы с целью получить индустриальную систему западного образца означала внедрение, силой государственной власти, совершенно новых отношений в социальную и культурную ткань населяющих Россию народов.

Между тем, капиталистическая экономика западного типа базируется на специфической культурной основе, во многих смыслах несовместимой с культурой России. Об этом было говорено и переговорено. «Дух капитализма» западного типа имеет специфические религиозные корни (протестантизм), определенную картину мира, определенный тип рациональности и мышления (механицизм и европейская наука), определенную этику. И все это в одинаковой мере важно и для предпринимателей, и для рабочих.

В Концепции закона о приватизации (1991 г.) в качестве главных препятствий ее проведению называются такие: «Мировоззрение поденщика и социального иждивенца у большинства наших соотечественников, сильные уравнилельные настроения и недоверие к отечественным коммерсантам (многие отказываются признавать накопления кооператоров честными и требуют защитить приватизацию от теневого капитала); противодействие слоя неквалифицированных люмпенизированных рабочих, рискующих быть согнанными с насиженных мест при приватизации».

Замечательна сама фразеология этого *официально-го* документа. Большинство (!) соотечественников якобы имеют «мировоззрение поденщиков и социальных иждивенцев» (*трудящиеся* — иждивенцы, какая бессмыслица). Рабочие — люмпены, которых надо гнать с «насиженных мест». Эти выражения свидетельствуют о том, что влиятельная часть либеральной интеллигенции впала в тот момент в мальтузианский фанатизм времен «дикого капитализма». Такой антирабочей фразеологии не потерпела бы политическая система ни одной

демократической страны, даже в прессе подобные выражения вызвали бы скандал — а у нас ее применяли в законопроектах.

В программу приватизации входила не только идеологическая кампания по созданию образа врага в виде государственной собственности, но и подготовка трудящихся к *безработице*. Было хорошо известно, что приватизация вызовет обвальную безработицу (в прогнозах ее масштабы даже преувеличивались по сравнению с тем, что потом имело место в действительности).

Проблемы *труда и безработицы* находятся в центральной зоне мировоззренческой матрицы, они по-разному ставятся в разных культурах и цивилизациях. В России право на труд издавна считалось одной из высших ценностей (поэтому помещельная община была *передельной* — надел выделялся каждому ребенку). Создание реального всеобщего права на труд было большим цивилизационным достижением Советского Союза, которое оказало большое влияние на социальную обстановку всех промышленных стран, в том числе Запада. Поэтому при подготовке приватизации реформаторам пришлось пойти на обман национального масштаба.

Сразу в дело вступила тяжелая артиллерия. Вот что говорил А.Н. Яковлев в выступлении 4 мая 1990 г.: «Сейчас в общественный обиход пущены идеи, утверждающие, что в стране сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т.д... Рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся, а для того, чтобы поднять жизненный уровень народа» [78, с. 170].

А.Н. Яковлев *лгал*, потому что в мае 1990 г. было уже прекрасно известно, что в результате реформы как раз «сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т.д.» — уже были сделаны и опубликованы расчеты, которых он просто не мог не знать.

А утверждение, будто безработицы при рынке быть не может потому, что «рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся», надо расценивать как издевательство над читателями. А.Н. Яковлев долго работал за границей, потом был директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и знал, как обстоят дела с безработицей при рыночной экономике.

В том же 1990 г. председатель Госкомтруда СССР (!) и будущий вице-премьер СССР В.И. Щербаков пишет в книге, изданной массовым тиражом: «Что касается социальной защищенности советского человека, ныне она, представьте, настолько высока, что люди перестали реагировать на социальную обстановку. Существенно изменить ситуацию могло бы более заметное воздействие на экономику рыночных факторов» [81].

Можно ли себе представить, чтобы председатель *Госкомитета по труду* в здравом уме сетовал на то, что в стране высок уровень социальной защищенности трудящихся? Это — признак распада всех интеллектуальных и нравственных конструкций.

В журнале Академии наук СССР «Социологические исследования» печатались статьи с заголовками такого рода: «Оптимальный уровень безработицы в СССР» [82]¹. Оптимальный! Наилучший! Что же считал «оптимальным» для нашего народа социолог из Академии наук СССР? Вот его идеал: «Оптимальными следует признать 13%... При 13% можно наименее болезненно войти в следующий период, который в свою очередь должен открыть дорогу к подъему и процветанию» (процветание, по мнению автора, должно было наступить в 1993 году).

13% — это 20 миллионов человек. Само по себе появление подобных рассуждений на страницах академического журнала — свидетельство глубокой деградации той элиты, которая разрабатывала доктрину хозяйственной реформы.

В общественных науках социолог — аналог врача в науке медицинской, безработица — социальная болезнь, ибо приносит страдания людям². Можно ли представить себе врача, ко-

---

¹ Автор А.А. Давыдов — доктор философских наук, эксперт Аналитического управления Администрации Президента; профессор МГИМО; действительный член Нью-Йоркской Академии наук.

² Социологи прекрасно знают, какого рода эти страдания, какова их интенсивность — они регулярно изучаются Всемирной организацией труда, сводка печатается ежегодно. В США, например, рост безработицы на один процент ведет к увеличению числа убийств на 5,7%, самоубийств на 4,1%, заключенных на 4%, пациентов психиатрических больниц на 3,5% (эти данные он сам бесстрастно приводит в своей статье).

торый в стране, где полностью ликвидирован, скажем, туберкулез, предлагал бы рассеять палочки Коха и довести заболеваемость туберкулезом до оптимального уровня в 20 миллионов человек?

Создание массовой безработицы в России, которая уже полвека как преодолела эту социальную болезнь, было тяжелым ударом по экономике. До сих пор никакой рефлексии относительно этого шага во властной верхушке России нет, и никаких шагов к исправлению положения не делается.

Советское хозяйство, на 90% построенное уже после войны, к 1990 году представляло собой специфическую систему, созданную как единый сросшийся с государством организм. Аналогии с западным или дореволюционным российским хозяйством познавательной ценности тут не имеют, нечего на них и ссылаться. Никаких теоретических разработок переделки такого хозяйства в рыночную экономику западного типа у реформаторов не было. Их доктрина не имела никаких разумных оснований, кроме стремления уничтожить «империю зла».

Уход государства из хозяйственной системы (ликвидация Госплана, Госснаба, Госстандарта и Госкомцен) неизбежно и моментально привел к ее краху. Ход процесса был довольно точно предсказан с конца 1990 г.¹ Это и есть результат приватизации! Только благодаря «партизанскому» сопротивлению и самих хозяйственных структур, и среднего звена госаппарата удалось сохранить для России хотя бы половину ее экономического потенциала. А власть, как следует из ее деклараций, поддерживает реформу 90-х годов и порицает тех, кто ей сопротивлялся.

Но достигнута ли декларируемая цель, удалось ли создать промышленность западного типа? Нет, не удалось. Россия имеет промышленную систему советского типа, только изуродованную и лишенную потенциала к развитию. Ни переделать систему, ни построить рядом с ней новую, «западную», не уда-

---

¹ Ю.В. Яременко писал в 1990 г.: «Пока нет другого способа поддержания равновесия кроме целенаправленной, централизованной деятельности Госплана. Отсюда вытекает и необходимость сохранения главных инструментов этой деятельности — значительной величины централизованных капитальных вложений, существенного объема госзаказа на сырьевые ресурсы» [83].

лось. Надо же это признать и начать исправлять ошибки — или власть этого и хотела?

Правомерен вопрос: если политические цели реформы 90-х годов достигнуты: СССР ликвидирован, социалистический проект пресечен, геополитической угрозы Западу Россия в обозримом будущем не представляет — каков смысл продолжения курса реформ, которые по самой своей сути были военной операцией против СССР? Какой смысл в нынешней России продолжать действия, которые были спроектированы лишь как средство разрушения хозяйства?

Глава 12

АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Едва ли не главным *институциональным* изменением в хозяйстве России стало превращение в *товар* земли сельскохозяйственного назначения — введение частной собственности на такую землю и разрешение ее купли-продажи. До этого земля в России находилась или в феодальной собственности помещиков (то есть была наделом, данным дворянину на кормление) или в собственности крестьянской общины (она давала наделы своим членам). В советское время земля была национализирована и в основном передана колхозам в пользование (думали, что вечное).

Такого рода кардинальное изменение, конечно, требовало обширного и гласного обоснования и общественного диалога. Диалога не было, задать вопросы было нельзя — любое сомнение делало тебя «врагом перестройки» и ты лишался слова. Даже в научных учреждениях, обязанных беспристрастно оценивать альтернативы стратегических решений.

И все же несколько ученых тогда указали, в коротких репликах, на известный факт: во всех развитых странах два вида деятельности выведены из сферы рыночных отношений — сельское хозяйство и наука. Это два вида труда, которые обеспечивают страну «хлебом земным» (пищей) и «хлебом духовным» (знанием).

Даже самая промышленно развитая страна не может обойтись без своего сельского хозяйства, которое производило бы достаточный минимум продовольствия — это вопрос не экономики, а государственной безопасности.

Гласные доводы за куплю-продажу земли сводились к двум предсказаниям (о теневых целях гадать не будем):

— Если землю разделить на паи, то сильные хозяева ее скупят у слабых и ленивых, и в России возникнет, как на Западе, класс фермеров, которые будут вести очень эффективное хозяйство и накормят народ.

— Если фермер будет иметь землю в частной собственности, то он сможет заложить ее в банке и получить кредит, на который купит машины, скот, компьютер — и все прочее, чтобы вести очень эффективное хозяйство и т.д.

Других доводов не было, искать по документам, книгам и речам бесполезно. Что же мы имеем сегодня? Посмотрим сначала, как пошла купля-продажа земли, как оправдалось первое предвидение авторов реформы.

В 2005 году Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости опубликовало «Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации». Здесь даны такие сведения: «Из 401 млн. га земель сельскохозяйственного назначения в собственности граждан и юридических лиц находится около 126 млн. га, или более 30% от всех таких земель. Остальные 275 млн. га (около 70%) находятся в государственной и муниципальной собственности.

Из 121 млн. га, которые являются собственностью граждан, около 113 млн. га (93% от 121 млн. га) составляют земельные доли, из них примерно 27 млн. га (24%) — это невостремованные земельные доли».

Реально, никто землю для производства хлеба не покупает, 93% земли граждан — полученные от колхозов паи, а у юридических лиц земли всего 5 млн. га, то есть чуть больше 1%. Значит, сельскохозяйственные предприятия и мало-мальски крупные фермеры (все те, кто оформлены как юридические лица) не стали основными собственниками земли. При этом разгром колхозов и совхозов привел к сокращению посевных площадей на треть (на 42,5 млн. га).

Какова же динамика рынка земли? Читаем в том же докладе: «Каждый год сельскохозяйственные предприятия и крестьянские (фермерские) хозяйства в небольших размерах покупают государственную и муниципальную землю сельскохозяйственного назначения. Так, в 2004 г. ими было выкуплено у уполномоченных органов государственной и муниципальной власти земель вне населенных пунктов на площади свыше 8 тыс. га».

Легко посчитать, какую долю составят 8 тыс. га от 275 млн. га предложенной на рынок государственной земли — **менее одной трехтысячной доли процента**. Зачем покупают такие угодья? Чтобы за взятки перевести их в разряд земель под строительство, что и подтверждается в документе. Частный капитал не покупает землю, чтобы вести хозяйство. Землю скупят спекулянты для теневой перепродажи иностранцам, о чем пишут откровенно. Вот недавняя справка Минсельхоза: «Добросовестные землепользователи и инвесторы сталкиваются с проблемами оформления земли в собственность или в долгосрочную аренду. Одновременно с этим, все последние годы идет процесс повышения привлекательности земли как рыночного товара, как актива. В результате в эту сферу вошли многочисленные земельные спекулянты».

И предприятия, и фермеры предпочитают не связываться с частной собственностью, а арендовать землю у государства (в 2004 г. такая аренда составила 54 млн. га — все-таки существенная величина).

На данный момент положение таково. В январе 2009 г. состоялось совещание по совершенствованию законодательства в отношении земель сельскохозяйственного назначения. Первый вице-премьер В.А. Зубков заявил: «Активного движения эффективных собственников на земли сельхозназначения пока не видно». По его данным, к началу 2009 года из 12 миллионов дольщиков только 400 тысяч (3%) оформили свою землю в собственность.

Среди проблем, мешающих «появлению реального собственника сельскохозяйственных земель», Зубков выделил «высокую стоимость и длительный характер работ по выделению земельных участков из общей долевой собственности». Первый вице-премьер обошел более существенный фактор — яв-

ное нежелание 97% бывших колхозников превращать *неделимый фонд* земли в кусочки частной собственности.

Но даже и разрешить проблемы оформления участков становится для правительства непосильной задачей. Вот что необходимо для их решения: «определить достоверный перечень участников долевой собственности, установить понятный, исполнимый для людей порядок выдела невостребованных долей... сделать прозрачными процедуры принятия решений по земле государственными и муниципальными органами, упростить процесс оформления документов... ввести в оборот брошенные и скупленные для других целей плодородные земли, уточнить цели использования земель сельхозназначения...» [84].

Судя по тому, что даже в оформлении дачных участков («дачная амнистия») власть не смогла «установить понятный, исполнимый для людей порядок» и превратила доброе дело в социальное бедствие, превращать сельских жителей России в «реальных земельных собственников» она не собирается.

Надо зафиксировать этот вывод, ставший несомненным за 18 лет реформ: институт *купли-продажи земли*, ради внедрения которого реформаторы пошли на создание глубокого кризиса в сельском хозяйстве, в России не действует. Значит, надо это признать и договориться, каким образом не допустить скупки земли спекулянтами, за спиной которых маячит преступный международный капитал. Как пишут западные эксперты-криминалисты, земли России считаются самым надежным местом для отмывания денег.

И заметьте — ни в одном «телефонном разговоре с народом» никто ни разу не задал Президенту вопроса о земле. О дачных шести сотках спрашивали, а о 130 миллионах гектаров пашни — никто. Отсеивают эти вопросы помощники Президента? Люди перестали интересоваться судьбой земли? И то, и другое — признак глубокого кризиса.

Гипотеза о благотворном эффекте частной собственности на производство тоже не подтвердилась. Самый длительный эксперимент по продаже земли был проведен в Саратовской области. Губернатор Аяцков добился такого права еще в начале 90-х годов. Саратовская область — зерновая. Как там частная собственность повысила эффективность хозяйства? Замет-

ных улучшений по сравнению с другими областями нет. Относительно трех «советских» пятилеток 1976—1990 гг. сбор зерна в области за пятнадцать лет — с 1991 по 2005 год — *снизился* в той же пропорции, что и в других регионах. Никакого положительного эффекта купля-продажа земли не дала.

Когда принимали закон о свободной купле-продаже земли, говорили о чудодейственной силе ипотеки — кредитов под залог земли. В.В. Путин сказал: «В 2006—2007 годах должна быть создана система земельно-ипотечного кредитования, позволяющая привлекать средства на длительный срок и под приемлемые проценты под залог земельных участков».

Срок истек в 2007 г. — каков результат? Молчание. Кто даст «средства на длительный срок и под приемлемые проценты», если заемщики и так уже находятся в неоплатном долгу? Ведь такой кредитор сразу разорится.

Вот реальность: в 2000 г. размер долгосрочного кредитования сельского хозяйства Российской Федерации составил (в сопоставимых ценах) 1,3% от уровня 80-х годов. А ведь кредит — это именно рыночный инструмент финансирования. Вот тебе и «рыночная» реформа — она лишила сельское хозяйство рыночных методов, которые существовали даже при плановой системе. Это надо уметь!

Как же устроились в рыночной России фермеры, на которых возлагалась вся надежда реформаторов? Когда уничтожали колхозы и совхозы, людей убеждали, что главным типом хозяйства на селе в будущей рыночной системе станут *фермерские* хозяйства. Их пропагандой занимались поэты и эстрадные певцы, интеллектуалы широкого диапазона — от Новодворской до члена Политбюро КПСС Яковлева. Ссылки были и на Столыпина, и на американцев. Но мы возьмем только главный лозунг, который вдохновил часть горожан: «Фермер накормит Россию!»

Что же мы имели через 17 лет «фермеризации всей страны»? В 2006 г. число фермерских хозяйств составило 255,4 тыс., а общая земельная площадь их сельскохозяйственных угодий — 21,6 млн. га (со средним размером земельного участка 81 га). Из этих угодий пашня составляла 15 млн. га. Это около 15% всей пашни в России. На этой земле фермеры произ-

вели в 2006 г. 6,5% всей сельскохозяйственной продукции России. У них сильно отстает трудоемкая часть сельского хозяйства — животноводство. Здесь они дают только 3,3% от общего производства.

Таким образом, фермеры дают на стол россиянам очень небольшую долю продуктов, а пашню используют гораздо хуже, чем полузадушенные колхозы. Следовало бы правительству как-то по этому поводу объясниться с народом, чью землю приватизировали реформаторы.

Каковы же перспективы фермеров в нынешней системе хозяйства? Очень небольшие. По данным Сельскохозяйственной переписи, в 2006 году из имеющихся в России фермерских хозяйств *сельскохозяйственную деятельность* осуществляли только 124,7 тыс. А 107 тыс. фермеров относились к категории *«прекративших сельскохозяйственную деятельность»*. Еще 21,4 тыс. хозяйств считались *«приостановившими сельскохозяйственную деятельность»*. Выходит, половина фермеров, получив землю, сами на ней хозяйства не ведут! Зачем же было отнимать землю у колхозов? Объясните нам, господа премьеры и президенты!

Почему же фермеры прекратили пахать и сеять? В чем дело? В том, что мелкая ферма не может вести хозяйство и тягаться с крупным предприятием без очень больших бюджетных дотаций. Это надежно установлено и в столыпинской реформе, и мудрыми американцами. А обещанных дотаций фермерам не дали и, судя по всему, не дадут — прошел достаточный срок, чтобы в этом убедиться.

Когда проводилась кампания *«фермеризации»* российского села, были даны обещания, что тем гражданам, которые выйдут из колхозов и совхозов и заведут собственное хозяйство, будет оказана государственная поддержка. В конце 90-х годов исследование показало, что около 80% фермеров такой помощи не получили. Они работали себе в убыток, с огромной самоэксплуатацией. Сейчас, с ростом цен на зерно, финансовое положение фермеров немного улучшается, но в целом это не меняет дела.

В результате к 2006 г. 50,6% всей земельной площади занимали фермерские хозяйства, владеющие более чем 1000 га

земли. Таковых было 4466 хозяйств — **на всю Россию**. Среди них выделялось 101 хозяйство, владевшие более 10 тыс. га каждое (в среднем по 56 тыс. га). Это российские латифундисты, уклад «третьего мира». Возник и слой малоземельных и, как ни странно это звучит, безземельных фермеров. Из всех фермерских хозяйств в 2006 г. 17,4% вообще не имело земельных участков и еще 20,5% имели участки в среднем по 1,7 га.

Для нашей темы важен тот факт, что российские фермерские хозяйства не приобрели образа капиталистической фермы, поэтому к их названию и добавилось определение «крестьянские». Хозяйства эти, в основном, являются **семейными**. По сути дела, речь идет о трудовых крестьянских хозяйствах с очень малой долей наемного труда. Согласно изучению 187,6 тыс. хозяйств в 1999 г. всего в них было занято 235,8 тыс. наемных работников (в среднем 1,3 работника на одно хозяйство), причем в среднем один работник за год отработал только **43,9 человеко-дня**. Реально речь шла не о сельскохозяйственных рабочих, а о батраках-сезонниках. Затраты на оплату труда с социальными отчислениями составляли в структуре расходов фермерских хозяйств всего 10%.

Дальше дело не улучшилось. В 2006 году общее число работников, занятых во всех фермерских хозяйствах, составляло 475 тыс. человек. В их числе наемных работников, занятых на постоянной основе, было 83 тыс. человек, то есть в среднем **по одному работнику на 3 фермерских хозяйства**. Остальные — поденщики или сезонники. Таким образом, после 1999 года фермерские хозяйства в России в целом стали еще менее «капиталистическими». Тогда ради чего крушили имевшиеся развитые хозяйства?

Те фермы, которые ведут сельское хозяйство, имеют **руководителей**, их 146 тысяч. Это — отечественная сельская элита, фермерством занялась верхушка колхозно-совхозной деревни. Из этого числа руководителей 86 тыс. проработали в сельском хозяйстве более 20 лет. Мало того, это самый образованный состав сельского населения России — 34,2 тыс. (23%) руководителей имеют высшее профессиональное образование. Это агрономы, инженеры, зоотехники. Еще 4,8 тыс. имеют незаконченное высшее образование, а 46,6 тыс. (32%) — среднее специальное.

Изъятие из сельскохозяйственных предприятий такого числа опытных и высокообразованных специалистов и превращение их в мелких хозяев на клочке земли — колоссальный удар по отечественной экономике и по российской деревне. Какой регресс! Это наша национальная беда, к которой общество осталось равнодушно.

Конечно, к старым колхозам не вернуться, но ошибку надо исправлять, искать новые формы соединения трудовых крестьянских хозяйств с крупными предприятиями, совместно модернизировать их. Это — национальная проблема народа России, и уже ее обсуждение послужит его сплочению.

Мы говорим о купле-продаже земли и фермеризации потому, что эта программа представляла собой попытку *институциональной* трансформации России. А что произошло с сельским хозяйством как сферой экономики?

В 90-е годы была разрушена колхозно-совхозная система, выстроенная в советское время с опорой на традиционный образ жизни сельского населения России (деревнями и поземельными общинами) и исходя из необходимости модернизации сельского производства. Эта операция привела к тяжелому кризису, и он так безысходен, что практически ни политики, ни ученые-экономисты, ни СМИ ничего и не говорят о жизни села. Динамика объема производства показана на рис. 17.

Образ российской деревни в общественном сознании стал бестелесным и внесоциальным. Иногда на экране появляется министр сельского хозяйства, иногда картинки хлебосольного деревенского быта или чернуха с покосившейся избушкой и пьяненьким стариком-селянином.

В 2005 г. положение на тот момент было зафиксировано на конференции сельскохозяйственных производителей России, которая состоялась в Москве [85]. Выступали и чиновники правительства, и президенты союзов, и директора крупных объединений. Речь шла о том, что экономическая система «настроена» так, что сельское хозяйство России удушается, а иностранному капиталу создаются столь льготные условия, что российский производитель конкурировать с ним не в состоянии.

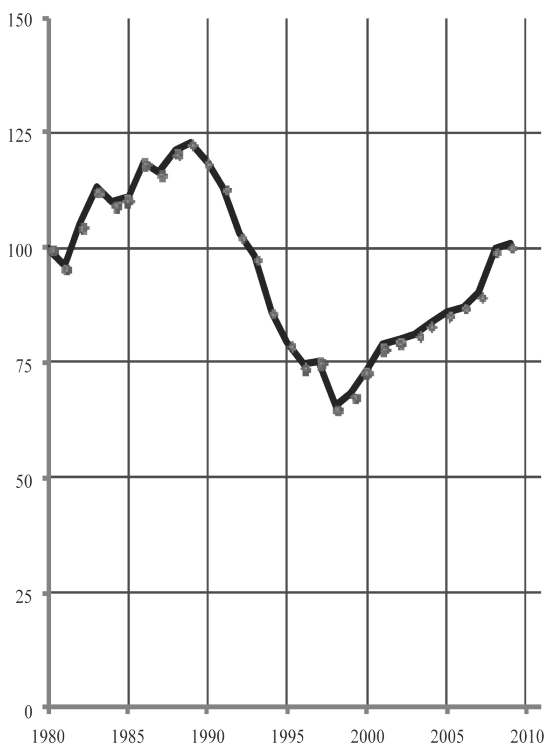

Рис. 17. Индексы физического объема продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах (1980 = 100)

Представители правительства в ответ не могли сказать ничего внятного, отделяваясь риторическими вопросами. Вот, важный чиновник (Н.Т. Сорокин) объясняет, почему село не покупает технику: «Сельхозпроизводитель сегодня продает молоко за 5 рублей — это закупочная цена. Переработчик продает молоко за 22—26 рублей. Вопрос в следующем: почему мы даем производителю минимальную стоимость, а переработчик получает 350—400%? Какие механизмы должны регулировать этот вопрос?»

Но все это залу было прекрасно известно! Чиновник Минсельхоза задает вопросы, хотя именно он и должен был на них

ответить. Гендиректор концерна «Тракторные заводы» Э.А. Маховиков называет причины: «Если при Советском Союзе на сельское хозяйство выделяли 26% бюджета, то сейчас 1%... Износ парка техники 80%, а поступление техники 2 — 3%. Крестьянину тяжело приобрести трактор, сегодня он не в состоянии купить даже солярку к нему. И ему не решить эту проблему в одиночку, а государственной поддержки в настоящее время практически нет».

Если взять суть, то он сказал: кризис вызван тем, что уничтожили крупные предприятия (колхозы и совхозы) и при этом государство лишило село поддержки.

Изменилась ли за последующие годы политика государства в отношении обеих этих причин? Нет, существенно не изменилась. Собираются ли ее менять в ближайшем будущем? Видимо, нет — никаких заявлений на этот счет не было.

Замминистра сельского хозяйства С.Г. Митин поднял на той конференции другой актуальный вопрос: «Ситуация такова, что сельское хозяйство не может дальше развиваться в условиях открытости рынка, в условиях глобализации, в условиях мирового разделения труда».

И это всем участникам было известно: вступление в ВТО нанесет селу смертельный удар. В решениях конференции сказано: «Недопустимо, чтобы Россия отказалась от реальных ценностей — развитого сельского хозяйства и сельхозмашиностроения — ради членства в ВТО».

Но если так, зачем же Правительство России и лично министр сельского хозяйства с таким энтузиазмом тащили и тащат нас в ВТО? Как может действовать государство, если министр говорит одно, а его заместитель — совершенно противоположное? Руководители-практики, а не политики из оппозиции сообщали с удивлением, что на все их обращения в правительство с вопросом о том, что станет с сельским хозяйством России после вступления в ВТО, им просто ничего не отвечают — даже при личных доверительных беседах.

Кардинального перелома в сельском хозяйстве за последние годы не произошло, но Президент говорит, что отрасль уже работает успешно. Он даже назвал ее «инвестиционно привлекательной». Как понимать это утверждение? В конце 2005 года, когда и было объявлено об «инвестиционной при-

влекательности», положение было таково: общая рентабельность всей хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий составила 8%, а доход собственно от сельского хозяйства гораздо меньше. В 40 регионах России деятельность предприятий убыточна, а в целом по России доля убыточных предприятий составила 40%. Где тут «экономический успех»?

Кредиторская задолженность отрасли «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» к концу 2005 г. превышала дебиторскую задолженность на 109 млрд. руб. Между тем вся прибыль (сальдированный результат, то есть прибыль минус убыток) организаций отрасли составила в 2005 г. 27,5 млрд. руб. Как можно считать «инвестиционно привлекательной» отрасль, в которой долги в 4 раза превышают всю годовую прибыль? Реформа эту отрасль разорила и столкнула в глубочайшую яму. Ее надо сначала из этой ямы вытащить, а потом говорить инвесторам о ее привлекательности.

Фактически «инвестиционная привлекательность» сельского хозяйства относительно очень низка, а величина инвестиций просто ничтожна (см. рис. 18).

При этом власть утверждает, что дела идут *успешно* — вот что страшно. В.В. Путин сказал: «Нам уже удалось добиться значительных успехов в производстве зерна. Из импортера Россия стала его экспортером».

При чем здесь экспорт, как он может характеризовать производство? «Недоедим, а вывезем», — лозунг министра финансов Российской империи. Мы к нему возвращаемся? В каком смысле надо понимать слова об «успехах в производстве зерна»?

Раньше в РСФСР производили до 120 млн. т зерна в год, а теперь по 70—80. Урожай менее 100 млн. т зерна в год в последние 20 лет до реформы был редкостью. В 1986 г., когда началась антиколхозная кампания, в РСФСР произвели 118 млн. т зерна.

Нормально на душу населения в стране надо иметь 1 тонну зерна в год — тогда хватает и на хлеб людям, и на комбикорм скотине, дающей молоко и мясо. В Российской Федерации сейчас производят чуть более 500 кг на душу — и **вывозят** зерно. В каком смысле мы должны считать это успехом? Власть мыслит какими-то неведомыми понятиями.

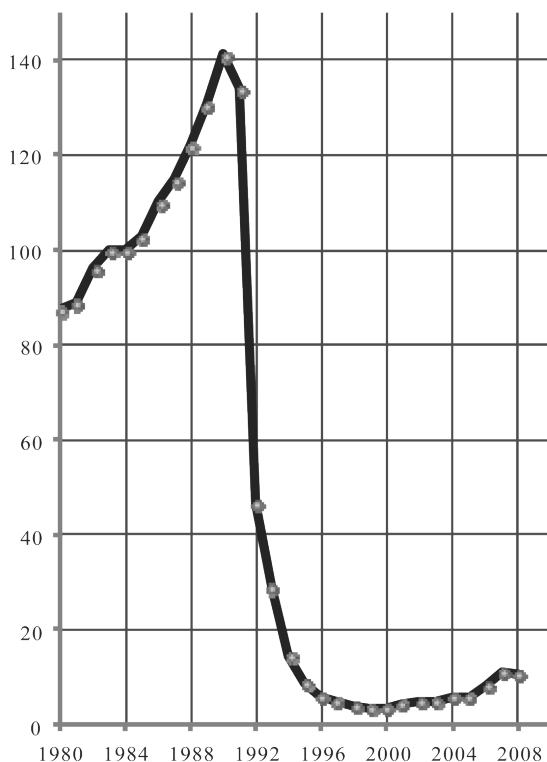

Рис. 18. Индексы инвестиций в основной капитал сельского хозяйства России (в сопоставимых ценах, 1984 = 100)

Вплоть до создания колхозов и совхозов российское село не имело запаса прочности, чтобы перейти к травопольным севооборотам и резко повысить урожайность. Сделали это — и по главным показателям (с учетом биологической продуктивности почв) вышли на уровень развитых стран. Нынешняя система с советской равняться не может — при тех же почвах и тех же людях. Так надо же разобраться, что мешает, и как-то решать вопрос, но уж не хвастаться успехами, это *неразумно*.

Результат аграрной политики 90-х годов — глубокий спад производства и технологический регресс. Вот надежный по-

казатель — потребление электроэнергии в сельском хозяйстве на производственные цели. С начала реформы оно снизилось в России **в 4,2 раза**. Урон, который несет страна от этого регресса, вообще не измерить деньгами — большая сфера хозяйства выпадает из цивилизации.

Надо ясно отмежеваться от аграрной политики времен ельцинизма и выработать новую доктрину, основанную не на либеральной утопии, а на здравом смысле и трезвом расчете.

Очевидно, что совместная деятельность и жизнь людей могут быть организованы без купли-продажи и конкуренции — об этом писал уже Гоббс. Существуют разные способы предоставления и материальных ценностей, и труда (дарение, кормление, взаимопомощь, совместная работа, прямой продуктообмен и т.д.). Существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых блага и усилия *складываются*, а не *обмениваются* — так, что все участники пользуются созданным сообща целым.

Подавление таких форм вызвало социальную катастрофу. Развивается она не слишком быстро в силу огромной прочности созданных в советское время систем жизнеобеспечения и устойчивости культуры людей, воспитанных русской литературой и советской школой. Однако на ряде направлений уже слышны тяжелые шаги Каменного гостя — приближение срывов и отказов больших систем.

Выход из кризиса невозможен без общественного диалога. Правительство обязано дать отчет: ради чего было загублено крупное механизированное сельскохозяйственное производство России? Что получила страна в целом и сельское население от этой реформы? Как можно продолжать преобразования, превращающие почти все пространство страны в зону бедствия и делающие Россию все более зависящей от импорта продовольствия?

Надо внятно отчитаться хотя бы по результатам «национального проекта» в сельском хозяйстве! Министр Гордеев много лет красовался на экране телевизоров и ушел, не отчитавшись. Но власть же никуда не уходит — пусть отчитается за него!

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Человек живет в искусственном мире культуры. Важная его часть — мир *вещей*. Он неразрывно связан с миром идей и чувств, человек осознает себя, свое положение в мире и в обществе по тому, какими вещами владеет и пользуется. Вещи — символы отношений. Воздействуя на отношение людей к вещам, можно изменить и их отношение к людям, к стране, к своей собственной жизни. Отношение людей к вещам — один из главных фронтов борьбы за души людей.

Последние двадцать лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной программы по созданию и внедрению в общественное сознание новой системы *потребностей*. В ходе этой программы сначала культурный слой и молодежь, а потом и основную массу граждан втянули в то, что называют «революцией притязаний». То есть добились сдвига к принятию российскими гражданами постулатов и стереотипов западного общества потребления.

Масса людей стала вожделеть западных стандартов потребления и считать их невыполнение в России невыносимым нарушением «прав человека». **Так жить нельзя!** — вот клич человека, страдающего от невыполнимых притязаний. Чтобы получить шанс, пусть эфемерный, на обладание вещами «как на Западе», надо было сломать многие устои российской цивилизации, отбросить многие заданные ею нравственные ограничения.

В обыденном сознании укоренилось представление, что потребности даны человеку *объективно*, что они *естественны*. Человеку нужна пища, одежда, жилище и т.д. Слово «объективно» можно принять с оговорками — если учесть, что имеется в виду объективность социального бытия, выскочить далеко за рамки которого отдельный человек не может. Но «естественными» потребности человека считать никак нельзя. Это ошибочное представление.

Человек создан культурой, и его потребности — также продукт культуры. Биологические потребности человека как живого существа очень невелики. Они даже «подавляются» культурой — большинство людей скорее погибнет от голода, чем станет людоедами.

На самых ранних стадиях развития человеческого общества люди жили собирательством и охотой. Материальные потребности у них были еще неразвиты, и на их обеспечение было достаточно потратить около двух часов в день. Это был «век изобилия», и люди имели много времени для досуга, который использовали, чтобы созерцать мир, совместно создавать большие мифологические системы и музыку, заниматься наскальной живописью.

Новые материальные потребности создавались обществом в его развитии как стимул для более интенсивного и продолжительного труда в выполнении общих задач. Они не были предписаны *природой* человека, а были обусловлены социально исходя из целей данного конкретного общества в данный исторический момент. Как писал Маркс, «потребности производятся точно так же, как и продукты и различные трудовые навыки».

В любом обществе круг потребностей меняется, идет обмен вещами и идеями с другими народами. Это создает противоречия, разрешение их требует развития и хозяйства, и культуры. Уравновешивают этот процесс разум и совесть людей, их исторический опыт, отложившийся в традиции. Любой народ, чтобы сохраниться, должен обеспечить безопасность «национального производства потребностей» от вторжения чужих «программ-вирусов». Обновление системы потребностей как части национальной культуры должно вестись в соответствии с критериями, которые нельзя отдавать на откуп «чужим».

Между тем именно навязывание другому народу специально созданной, наподобие боевого вируса, системы потребностей является одним из главных средств ослабления и подчинения этого народа. Так, например, англичане произвели захват Китая в XIX веке. Все попытки соблазнить китайцев западными товарами были безуспешны — от имени императора послов и купцов благодарили за подарки и хвалили эти

«занимательные штучки», но отвечали, что надобности в них у китайцев нет. Англичанам пришлось вести тяжелые войны, чтобы заставить Китай разрешить на его территории торговлю опиумом, который для этого стали производить в Индии. С этого и началось — с сильного наркотика, потом пошли в ход более слабые (граммофоны, чайники со свистком и пр.). Как известно, «животное хочет того, в чем нуждается, а человек нуждается в том, чего хочет».

Проблему потребностей глубоко изучал Маркс, создавая свою теорию революции. Из опыта буржуазных революций он сделал вывод: «Радикальная революция может быть только революцией радикальных потребностей». Быстрое изменение системы потребностей (и материальных, и духовных) толкает общество к революционному изменению жизнеустройства, вплоть до *самоотречения* народа. Оно и порождает *смуты* как самые тяжелые кризисы.

Капитализм (рыночная экономика) — первая цивилизация, которая не может существовать без экспансии, как акула не может дышать, не двигаясь. Поэтому капитализм нуждается в непрерывном расширении и обновлении потребностей, чтобы жажда потребления становилась все более жгучей и ненасытной. У себя дома Запад создал тупиковую ветвь культуры — «общество потребления».

Это очень необычный тип бытия. Будучи одержимо идеей прогресса, индустриальное общество создавало все новые и новые вещи и налаживало их массовое производство. Изучение их потребления показало, что здесь кроется мощный способ *господства*. Возникла технология *рекламы*, позволяющая внушить людям страстное желание иметь ту или иную вещь (был обнаружен парадокс: «ненужные вещи нужнее людям, чем нужные»). В молодом буржуазном обществе, в век Просвещения, говорилось: «Я мыслю, значит, я существую». Сейчас, на нисходящей ветви жизненного цикла, в обществе потребления, говорят: «Иметь — значит быть».

Но для нас важнее тот факт, что буржуазное общество создало целую индустрию *производства потребностей на экспорт*. Доктрина этого экспорта была отработана в «опиумных войнах».

Потребности стали интенсивно экспортироваться Западом через разные механизмы — грубо говоря, и с помощью кино, и с помощью канонерок (теперь авианосцев). Разные народы по-разному закрывались от этого экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и теми реально доступными ресурсами для их удовлетворения, которыми они располагали. При ослаблении этих защит происходит, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в центрах мирового капитализма. Такие народы он сравнил с аборигенами, чахнувшими от европейских болезней. Западных источников дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные.

В «Коммунистическом Манифесте» Маркса и Энгельса сказано: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Низкие цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под угрозой вымирания она заставляет все народы ввести у себя то, что она называет «цивилизацией», то есть самим стать буржуазными. Одним словом, она создает мир по своему образу и подобию».

Таким образом, «экспорт потребностей» — одно из важных средств в экономической войне цивилизаций. «Слаборазвитость» и есть такое состояние культуры, когда элита становится «компрадорской», то есть тратит национальные ресурсы на покупку заграничных товаров для собственного потребления, а массы с таким положением соглашаются, потому что надеются вкусить хоть немного от заграничных благ.

Сейчас в России продолжается большая программа по превращению наших граждан в чахнувших аборигенов, начатая в перестройку. В ноябре 2000 г. президент В.В. Путин, выступая перед студентами Новосибирского государственного университета, сказал, что России «необходимо *открыть границы*». При этом части российских производителей станет неудобно под давлением более качественной и дешевой зарубежной

продукции». Далее он пояснил, что идти по этому пути необходимо — иначе «мы все вымерем, как динозавры».

Это суждение почти буквально повторяет формулу из «Коммунистического Манифеста» — внушив страх перед «угрозой вымирания без западных товаров», буржуазия заставит наш народ ввести у себя то, что она называет «цивилизацией», то есть самим стать буржуазными. Одним словом, она создаст Россию по тому образу и подобию, какой желает.

Тут Маркс ошибся, а В.В. Путин отнесся к нему не критически. «Китайские стены» буржуазия разрушала не товарами, а самой обычной артиллерией и подкупом элиты, а динозавры вымерли не от нехватки западных товаров, а от холода. Нам такая участь тоже грозит — не от нехватки иномарок, а от кризиса теплоснабжения.

В прошлом сильнейшим барьером, защищавшим местную («реалистичную») систему потребностей, были сословные и кастовые рамки культуры. Таким барьером, например, было закрыто крестьянство в России. Крестьянину и в голову бы не пришло купить сапоги или гармонь до того, как он накопил на лошадь и плуг — он ходил в лаптях. Так же в середине века было защищено население Индии и в большой степени Японии. Позже защитой служил мессианизм национальной идеологии (в СССР, Японии, Китае). Были и другие защиты — у нас, например, осознание смертельной внешней угрозы, формирующей потребности «окопного быта».

Процесс внедрения «невозможных» потребностей протекал в СССР начиная с 60-х годов, когда ослабевали указанные выше защиты. Но обвально они были обрушены в годы перестройки под ударами всей государственной идеологической машины. При этом новая система потребностей была воспринята населением не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы для их удовлетворения. Это привело к быстрому регрессу хозяйства — с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей. Монолит народа рассыпался на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований — семей, кланов, шаек.

В ходе довольно длительной культурной кампании в наше общество были импортированы и внедрены в сознание потребности, якобы удовлетворенные на Западе. При помощи прямых подлогов и недоговоренностей было создано также убеждение, что этот комплекс потребностей может быть удовлетворен и в России — надо только «перестроить» наш дом, главные структуры жизнеустройства. В дальнейшем это убеждение обрушилось и превратилось в более хищную, но реалистичную формулу: «*кое-кто* в России может потреблять так же, как на Западе». Но потребности остались, они обладают большой инерцией.

В какой же коридор загнали жизнеустройство России после 1991 года? Для нашей темы главное изменение сводится к следующему: в России резко (за два года вдвое) сократились инвестиции, вложения средств в поддержание и воспроизводство основных фондов — всей материальной базы страны. Соответственно, стало снижаться производство всех благ. Это снижение производства, выражаемое величиной ВВП, происходило медленнее, чем сокращение инвестиций — основные фонды какое-то время остаются дееспособными и без ремонта и обновления.

Самый главный для нас факт состоит в том, что при этом *потребление* благ сократилось несущественно. Его можно представить показателем розничного товарооборота — покупок товаров населением. Конечно, при новом образе жизни внутри населения произошло резкое расслоение на тех, кто подтянул пояса и стал потреблять меньше, и на тех, кто стал жрать в три горла и заполнять свои квартиры и дачи ненужным дорогим барахлом. Но если взять Россию в целом, то в 1999 г. инвестиции составили 22% от уровня 1990 года, ВВП 58%, а розничный товарооборот 87% (см. рис. 19).

Режим Ельцина «перенастроил» Россию на *проедание* накопленного национального богатства (основных фондов). За счет чего же обеспечивалось поддержание потребления на уровне 87% от 1990 года, что намного превышает индекс ВВП? За счет импорта, оплаченного сырьем и распродажей части основных фондов. Ясно, что такая жизнь долго продолжаться не

может, т.к. быстрее всего проедается «будущее». Это «воровство у будущего» не так заметно, потому что еще не родившиеся дети не просят есть. Но проедается и настоящее — набирает темп разрушение производственной базы, оставшейся без инвестиций, и для поддержания уровня потребления приходится сокращать численность «ртом». Мягкий метод известен — превышение смертности над рождаемостью. Народ, потребляющий намного больше, чем производит, вымирает неминуемо. Насчет законов Мальтуса еще можно поспорить, а закон сохранения веществ нарушить не получается.

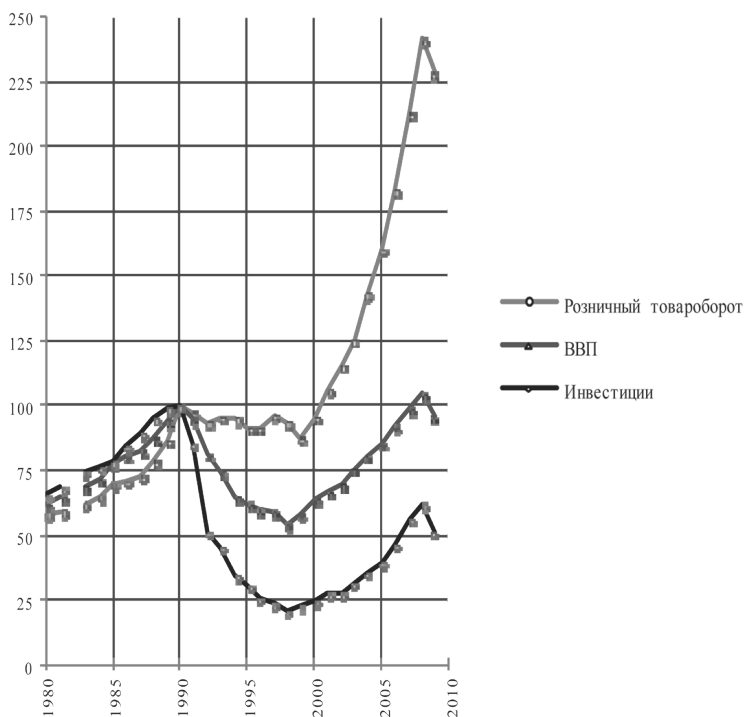

Рис. 19. Индекс ВВП, капиталовложений в основные фонды и розничного товарооборота в России, 1990 = 100

От новой власти, которая всем казалась альтернативой Ельцину, ожидалась восстановительная программа. Требовалось срочно остановить деградацию материально-технической базы производства и систем жизнеобеспечения (прежде всего, ЖКХ). Надежды на такой поворот подогревались той манной небесной в виде нефтедолларов, которая вдруг пролилась над Россией.

Да, толика этого дождя оросила экономику — инвестиции стали слегка увеличиваться, хотя львиная доля их пошла не на воспроизводство целостной системы хозяйства, а в создание «новой России». В 2006 г. 54% всех инвестиций были направлены в три отрасли: добычу топливно-энергетических ресурсов; транспорт и связь; операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг. А, например, машиностроение, объем производства в котором (исключая автомобилестроение) сократился в шесть раз, получило только 1% инвестиций. Но все же и эти капельки оживили производство, расшевелили «дремлющие» остатки его мощностей. Поэтому подрос и ВВП.

Об идее его «удвоения» говорить не будем, потому что реальный рост или спад ВВП надо считать в постоянных ценах, исключая прыжки и гримасы лондонской или нью-йоркской биржи. В общем, к началу 2008 г. ВВП достиг уровня 1990 года — через 17 лет реформы! Вспомним, что в 1990 г. ВВП считался столь недостойно малым, что советскую систему решили немедленно сломать. Кстати, уже в 2009 г. этот самый удваиваемый ВВП опять снизился до 96,5% от уровня 1990 года. Но, так или иначе, ВВП обгоняет рост инвестиций, объем которых в 2009 г. составил 51% от уровня 1990 года.

А что же происходило после 1999 года с потреблением? Произошел *взрывной рост*. Кто бы мог подумать — при такой разрухе! Трубы теплоснабжения проржавели и еле дышат, жилищный фонд обветшал без ремонта, ГЭС в аварийном состоянии, тракторный парк сократился втрое — зато караваны трейлеров везли в Россию сотни тысяч новеньких «ауди» и «лексусов».

В 2000 г. розничный товарооборот составил в России 95% от уровня 1990 года, в 2005 г. 161%, а в 2008 г. 242%! ВВП не

вырос нисколько, а потребление — в 2,5 раза. Если учесть, что при этом две трети населения в совокупности не увеличили своего потребления, зажиточная и разбогатевшая часть общества стала потреблять в 7—8 раз больше, чем до реформы. Надолго ли хватит национального богатства при такой прожорливой «элите»?

На конференции в Давосе (январь 2009 г.) В.В. Путин так сказал об одной из главных причин нынешнего мирового кризиса: «Завышенные ожидания... задавали быстрый рост стандартов личного потребления, прежде всего, в развитых странах. Рост, который — и это нужно прямо признать — не был подкреплен реальными возможностями. Это было не заработанное благополучие, а благополучие в долг, за счет будущих поколений. Вся эта «пирамида ожиданий» должна была рано или поздно рухнуть, что, собственно, и происходит на наших глазах».

Это сказано «прежде всего, о развитых странах». А ведь на России раскрученное после 2000 года «благополучие в долг, за счет будущих поколений» сказалось несравненно тяжелее. По сравнению с 2000 годом в 2007 году: импорт транспортных средств вырос почти в 10 раз, с 10,6 до 101,8 млрд. долл.; импорт продовольствия вырос с 7,4 до 27,6 млрд. долл.; оборот розничной торговли возрос с 2,35 до 10,85 трлн. руб.; сумма заемных средств, полученных населением, выросла в 73 раза, с 44,7 до 3242,1 млрд. руб. К ноябрю 2008 г. кредиты банков физическим лицам составили 4,1 трлн. рублей. Для бесконтрольной выдачи кредитов банки брали в долг деньги за рубежом и сами спекулировали валютой и акциями. Когда биржи рухнули, бумаги обесценились, отдавать долги было нечем, и государство спасало банки за счет населения.

Из сравнения динамики инвестиций и потребления напрашивается вывод, что народная любовь к нынешней власти зиждется на том, что власть задобрила половину населения. Задобрила тем, что изъяла из хозяйства и кинула этой половине в качестве отступного некоторую долю национального достояния — на пропой и на импортное барахло. Цена этого сговора — износ основных фондов, деградация ЖКХ, здравоохранения и образования, тяжелое массовое пьянство и подрезание

всех корней модернизации и развития. Россия погружается в безнадежность. Ельцин на такое не решился, потому и любви не снискал, и до конца второго срока не досидел. Была в глубине его темной души капля чувства хозяина.

Реальность нам известна: дом «перестроили» так, что отдали хозяйство на поток и разграбление. За годы реформы в России в три раза сократилось число тракторов и в три раза увеличилось число личных легковых автомобилей (рис. 20).

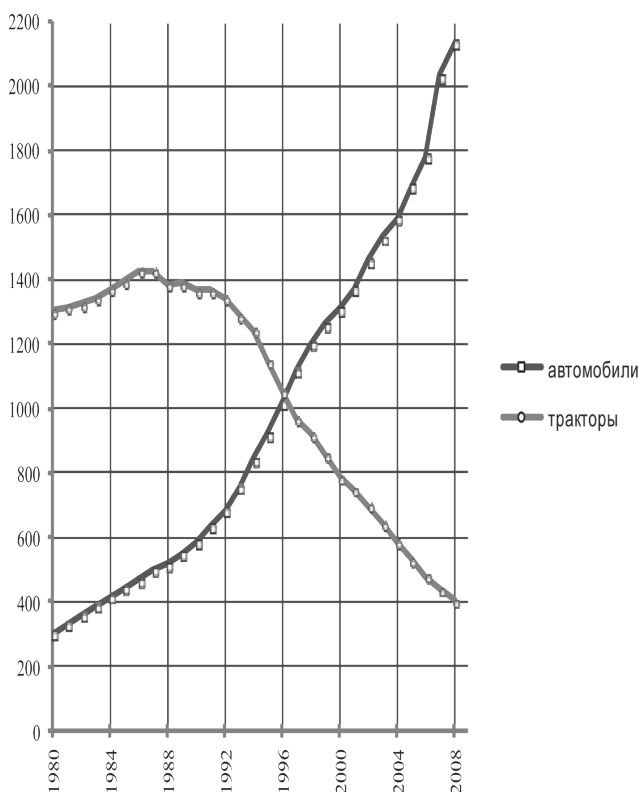

Рис. 20. Число легковых автомобилей в личной собственности (на 10 000 человек населения) и парк тракторов в сельскохозяйственных предприятиях (тыс.) в России

В результате множество людей не могут удовлетворить даже самые обычные, традиционные жизненные потребности. Но при этом и несбыточные остались! И оттого, что несбыточность их очевидна, но в то же время отвергается сердцем, люди испытывают сильный стресс, который и разрушает структуры сознания. Система потребностей обладает инерцией и воспроизводится, причем, возможно, во все более уродливой форме.

Поэтому даже если бы удалось каким-то образом вновь поставить эффективные барьеры для «экспорта соблазнов», внутреннее противоречие не было бы разрешено. Ни само по себе экономическое «закрытие» России, ни появление анклавов общинного строя в ходе нынешней ее архаизации не подпрыгивают воспроизводства «потребностей идолопоклонника». Таким образом, у нас есть реальный шанс «зачахнуть», превратившись в *слаборазвитое* общество. Еще немного — и новое население России ни по количеству, ни по типу сознания и мотивации уже не сможет не только осваивать, но и держать территорию. Оно начнет стягиваться к «центрам комфорта», так что весь облик страны будет быстро меняться.

Таким образом, опыт последних десяти лет заставляет нас сформулировать тяжелую гипотезу: русские могли быть большим народом и населять Евразию с поддержанием высокого уровня культуры и темпом развития только в двух вариантах: при комбинации Православия с аграрным коммунизмом и феодально-общинным строем — или при комбинации официального коммунизма с большевизмом и советским строем. При капитализме, хоть либеральном, хоть криминальном, они стянутся в небольшой народ Восточной Европы с утратой статуса державы, народного хозяйства и высокой культуры.

Переход к импортированным из иного общества «несбыточным» потребностям — это социальная болезнь. Болезнь эта страшна не только страданиями, но и тем, что порождает порочный круг, ведущий к саморазрушению организма. Разорвать этот круг нельзя ни потакая больному — частично удовлетворяя его несбыточные потребности за счет сограждан, — ни улучшая понемногу «все стороны жизни». Противоречие объективно чревато катастрофой — раскол общества и расще-

пление каждой личности создают напряжение, которое может разрядиться ползучей («молекулярной») гражданской войной. России грозит гражданская война «постмодерна», порожденная «революцией притязаний».

Глава 14

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МАТРИЦА РОССИИ — ЖИЛИЩНЫЙ ФОНД

Но вернемся к той части техносферы, прогрессирующий износ которой угрожает шкурным интересам подавляющего большинства населения России. Старение жилищного фонда России, быстрый переход его в категорию ветхого и аварийного ставит под угрозу даже физическую безопасность многих жителей Российской Федерации. По данным Росстроя, на 2005 г. общий износ основных фондов в ЖКХ составил более 60%, а четверть основных фондов уже полностью отслужила свой срок. Но симптомом еще более фундаментальной угрозы служит реакция общества и власти на тот неумолимый процесс, каким является ветшание жилищного фонда.

Процесс идет безостановочно и с ускорением, нет никаких надежд на то, что он вдруг сам собой остановится и повернет вспять. Но все смотрят на это равнодушно не предпринимают действий, соизмеримых масштабу угрозы, и не пытаются составить разумное представление о ней. Никто даже не делает успокаивающих заявлений, пусть ложных. В них нет необходимости, ибо в обществе нет беспокойства.

Надо считать аномалией и такой факт, на который никто не обращает внимания. По данным Госкомстата, в Российской Федерации **на конец 2001 года** было 90 млн. кв. м аварийного и ветхого жилья, или 3,1% всего жилфонда Российской Федерации. Запомним эту величину. После этого Госкомстат не публиковал данных об аварийном и ветхом жилье. Однако о динамике старения сообщалось в документах и заявлениях официальных лиц. Так, председатель Госстроя Российской

Федерации Н. Кошман 8 апреля 2003 г. сообщил прессе, что в 2002 году «в состояние ветхого и аварийного жилья перешло 22 миллиона квадратных метров».

9—11 февраля 2004 г. Госстрой России, Министерство жилищного строительства и городского развития США и Всемирный банк провели в Дубне международный семинар «Ипотечное жилищное кредитование». На семинаре выступали зам. премьер-министра Российской Федерации В. Яковлев, председатель Госстроя РФ Н. Кошман, зам. министра экономики А. Дворкович. Главный доклад сделал зам. председателя Госстроя В. Пономарев. Все это официальные лица очень высокого ранга. Но главное, в пресс-релизе семинара сказано, что **«ветхий и аварийный фонд ежегодно растет на 40%»**.

Простой подсчет показывает, что если скорость старения после 2001 г. принципиально не изменилась, то к концу 2006 г. категория ветхого и аварийного жилья должна была бы составить около 400—500 млн. кв. м или 14—16% всего жилфонда Российской Федерации. Ведь масштабы сноса ветхих домов очень невелики. Счетная палата отмечает в 2005 г.: «Ликвидировано за указанный период [2002—2004 гг.] ветхого и аварийного жилищного фонда 630,4 тыс. кв. м при плане 2406,0 тыс. кв. м, выполнение составило 26,2%». За три года 0,63 млн. кв. м, величина пренебрежимо малая.

Площадь ветхого и аварийного жилья 400—500 млн. кв. м — величина *правдоподобная*, хотя наверняка неточная, мы можем сделать лишь грубую прикидку. Вот косвенные доводы на этот счет. Говорится, например, что в Москве ситуация лучше, чем в других местах — здесь земля очень дорогая, фирмы охотно сносят ветхое жилье и застраивают участки большими новыми домами. В мэрии в 2006 г. сообщили корреспонденту «RBC daily»: «В ветхом состоянии у нас находится 28 млн. кв. м жилья при общем размере жилого фонда 200 млн. кв. м»¹.

---

¹ В 2000 г. пресса писала: «5,5% жилого фонда Москвы находится в аварийном и ветхом состоянии, еще 18% — в неудовлетворительном. Такие данные были приведены на заседании правительства столицы» [86]. Рост с 5,5 до 14% за шесть лет — правдоподобная величина.

Итак, в Москве, где положение лучше всего в Российской Федерации, ветхое жилье составляет 14% жилищного фонда. Согласно «Российской газете» от 2 марта 2007 г., количество ветхих и аварийных домов в Дагестане составляет 26% жилищного фонда». Таков диапазон на начало 2007 г., от 14 до 26% жилищного фонда — ветхий и аварийный.

Что же говорят высшие должностные лица, отвечающие за состояние ЖКХ России в целом? В феврале 2006 г. состоялось второе Всероссийское совещание на тему «Ветхий и аварийный жилищный фонд: пути решения проблемы». На этом совещании тогдашний министр регионального развития РФ В. Яковлев сообщил: «Сегодня в стране насчитывается более 93 млн. кв. м ветхого и аварийного жилья» [134].

После того совещания проходит 8 месяцев, и 5 октября 2006 г. зам. министра регионального развития РФ Ю. Тыртышов сообщает в интервью: «Доля ветхого и аварийного жилья в России достигла 3,2% от общего объема жилищного фонда, что составляет 93,2 млн. кв. м». Он назвал данные, которые отражали состояние *на конец 2001 года*. Его слова противоречат тому, что в 2003 и 2004 гг. говорил председатель Госстроя РФ Н. Кошман (и подтверждал заместитель премьер-министра Российской Федерации В. Яковлев). Почему чиновник высокого ранга, наверняка знающий о таком очевидном противоречии, никак не объяснил его в своем интервью?

Более того, 15 июня 2007 г. на заседании Государственной думы председатель Комитета по промышленности, строительству и наукоемким технологиям М.Л. Шакум представлял законопроект о создании Фонда содействия реформированию ЖКХ. Депутат В.А. Овсянников (ЛДПР) задал вопрос о величине ветхого жилищного фонда. По его сведениям, «статистика вполнину сократила объем аварийного и ветхого жилья».

Согласно стенограмме, М.Л. Шакум ответил в 13.00. Он сказал: «Я не могу согласиться с вами в части утверждения, что статистика вполнину сократила объем аварийного жилья. Статистика показывает, что за последние 5 лет количество аварийного жилья увеличилось ровно вдвое. Это по данным статистической отчетности. Это совершенно точно. Поэтому данные представляются мне вполне корректными. И на основании

этих данных, а мы пользуемся данными статистики и другими пользоваться не можем...» (см. [87]).

Вдумайтесь в слова председателя комитета Госдумы. Его спрашивают о площади *ветхого* жилищного фонда. Он отвечает: «Статистика показывает, что за последние 5 лет количество *аварийного* жилья увеличилось ровно вдвое». Таким образом, он говорит о другом предмете. Но даже не это главное. Депутат В.А. Овсянников и М.Л. Шаккум говорят о *разных статистиках*. Вот официальная таблица — из статистического ежегодника Российской Федерации издания 2008 г. Из таблицы видно, что площадь аварийного жилья увеличилась за 5 лет (2003—2007 гг.) не вдвое, а на 32,2%.

Какими же данными пользуется Госдума? Видимо, **реальными!** Теми, которыми пользуются региональные власти, применяя критерии отнесения жилищного фонда к категории ветхого и аварийного, действовавшие до 2003 года и измененные Правительством. Из таблицы 3 видно, что с 1995 по 2000 г. доля ветхого и аварийного жилья увеличилась в 2,2 раза.

В последующие годы ветшание как физический процесс не прекратилось и не замедлилось — объемы капитального ремонта не увеличились, снос ветхих зданий был незначительным. Износ «замедлился» в результате изменения методики учета Правительством. Но местные власти, вынужденные отвечать населению, не могут пойти на такую операцию.

Табл. 3. Ветхий и аварийный жилищный фонд
(на конец года; общая площадь жилых помещений)

	1995	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
ветхий	32829	80026	77193	78455	81812	83363	83339	840031
аварийный	4895	7862	10169	13190	11142	11226	12642	14996
Удельный вес ветхого и аварийного жилфонда в общей площади всего жилфонда, %	1,4	3,1	3,1	3,2	3,2	3,2	3,2	3,2

Это признак беды! Министры и их заместители, депутаты и председатели комитетов Госдумы называют несовместимые величины — и никакой реакции! Общество получает сообщения, в которых концы не вяжутся с концами — и никто этого не замечает. Общество утратило чувствительность к количественной мере самых актуальных явлений, в том числе таящих в себе большую угрозу.

Так это и идет поныне. В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации» (октябрь 2007 г.) сказано: «Достижению целевых параметров обеспеченности населения жильем препятствует необходимость быстрого выведения из оборота жилья ветхого и аварийного фонда (по данным Росстата, 95 млн. кв. м на начало 2006 года, с тенденцией ежегодного роста на 2 млн.)».

Остановимся на этой аномалии: сведения о величине ветхого и аварийного жилищного фонда России, даваемые разными источниками, *несоизмеримы*. Более того, одни и те же люди в разной обстановке называют разные величины. Резкие и никак не объясненные изменения в динамике величин, которые присутствуют в данных Госкомстата, не вызывают вопросов и удивления даже у контролирующих органов.

Вот Отчет Счетной палаты о ходе программы переселения граждан из ветхого и аварийного жилья [88]. Здесь сказано: «По состоянию на 1 января 2000 года суммарная площадь ветхого и аварийного жилья в Российской Федерации составляла 49,78 млн. кв. м (1,8% в общем объеме жилищного фонда России), в том числе аварийный жилищный фонд — 8,24 млн. кв. м.)».

В приведенной здесь же таблице Госкомстата мы видим, что после 1999 г. начался резкий рост объема ветхого и аварийного жилья — 50 млн. кв. м в 2000 г. и 90 млн. в конце 2001 г. Этот рост имеет свои объяснения, которые не раз приводило руководство Госстроя Российской Федерации. Но после 2001 г., вплоть до настоящего времени, практически никакого прироста этого объема как будто не происходит. Как аудиторы Счетной палаты могли не заметить этого странного явления? Как мог за эти годы остановиться процесс ветшания старых домов?

Напрашивается такое объяснение. Резкое изменение динамики старения жилищного фонда, в котором пороговой точкой стал 1999 год, побудило правительство пересмотреть критерии отнесения жилых домов к категории ветхих и аварийных. Это было оформлено Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2003 года № 552 «Об утверждении Положения о порядке признания жилых домов (жилых помещений) непригодными для проживания».

Во исполнение указанного постановления Правительства Госстрой Российской Федерации принял постановление от 20 февраля 2004 года № 10 «Об утверждении критериев и технических условий отнесения жилых домов (жилых помещений) к категории ветхих или аварийных». Это Постановление гласит: ...2. Не применять на территории Российской Федерации Приказ Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР от 05.11.1985 № 529 «Об утверждении Положения по оценке непригодности жилых домов и жилых помещений государственного и общественного жилищного фонда для постоянного проживания»¹.

Согласно этим новым критериям, ветшание жилищного фонда резко замедлилось (с 40% до 2% в год). Поразительно и то, что практические работники местных властей (например, правительства Москвы) продолжают пользоваться старыми критериями и прессе сообщают соответствующие им величины.

Маскировка реальности не вызывает никакой реакции общества при самых разных подходах к проблеме ЖКХ. В своем интервью 5 октября 2006 г. замминистра Ю. Тыртышов сделал два важных утверждения: «Потребность в капитальном ремонте составляет 144 млн. кв. м в год при произведенных в 2005 г. 30 млн. кв. м ... Главное это объяснить и помочь людям осознать, что состояние их жилья — это их ответственность, а не мэра и губернатора».

Утверждается, что в 2005 г. капитально отремонтировано 30 млн. кв. м жилья. А вот «Российский статистический еже-

---

¹ Счетная палата вскользь делает странное замечание: «Минюстом России письмом от 23 апреля 2004 года № 07/4174-ЮД отказано в государственной регистрации данного постановления».

годник. Официальное издание. 2006» (М., Росстат, 2006). На стр. 209 дана таблица 6.44 — «Основные показатели жилищных условий населения». В ней есть строка «Капитально отремонтировано жилых домов за год, тыс. кв. м общей площади». В столбце за 2005 г. стоит: 5552, то есть не 30, а 5,5 млн. кв. м. Это слишком уж большая разница с тем, что говорит замминистра — почти в 6 раз.

Но главное даже не это. Выражение «Потребность в капитальном ремонте составляет 144 млн. кв. м в год» имеет смысл, только если такая доля жилищного фонда ремонтируется *регулярно каждый год*. Потребность в ремонте на 2005 г. — это 144 млн. кв. м **плюс величина «отложенного» ремонта**, и чем более велик срок, на который отложен ремонт, тем более чрезвычайной становится эта потребность. Если считать, что с 1991 г. должен был выполняться этот норматив, то величина ремонта, отложенного за 1991-2004 годы, составляет 2,2 млрд. кв. м. Это в 15 раз больше, чем говорит замминистра.

В России ежегодно должен проводиться капитальный ремонт 4 — 5% фонда. Однако в течение последних лет ремонтируется около 0,2% городского жилищного фонда в год — в 20—25 раз меньше необходимого. Накопленное отставание огромно, и теперь оплатить ремонт не под силу ни государству, ни населению. Деградация жилищного фонда стала массовым неумолимым процессом, который не удастся затормозить. Россия стоит перед угрозой стать *цивилизацией трущоб*.

Второе важное заявление замминистра заключается в том, что главное в проблеме ветхого жилья — «объяснить и помочь людям осознать, что состояние их жилья — это их ответственность, а не мэра и губернатора». Это совершенно новая принципиальная постановка вопроса. Когда и где было принято решение о том, что теперь стоимость капитального ремонта полностью возлагается на население? Ведь это было бы немыслимым изменением в социальной политике государства — ликвидацией важного общественного института без всякой экономической и правовой подготовки. Кто уполномочил замминистра делать такие заявления? Скорее всего, он даже не понимает, насколько важные вещи говорит.

Подойдем с другой стороны. Во сколько обошлось бы гражданам капитально отремонтировать их дом? В октябре 2007 г. Ассоциация строителей России и Союз инженеров-сметчиков разработали нормативы стоимости капитального ремонта многоквартирных жилых домов по всем регионам России в прогнозных ценах 2008 года. Согласно этим нормативам, средняя стоимость капитального ремонта по России составила **19,5 тыс. рублей за 1 кв. метр.**

На жителя Российской Федерации в среднем приходится по 20 кв. м общей площади квартиры. Значит, на семью из 4 человек — 80 кв. м. Эта семья, если действительно возложить на нее расходы, должна будет заплатить за капитальный ремонт 1,56 млн. руб. При средней зарплате в 15 тыс. руб. это означает, что глава семьи должен заплатить за ремонт **весь свой заработок за 8 лет.** Понимает ли замминистра Ю. Тыртышов, что он сказал? Но ведь его слова не вызвали никакой реакции ни наверху, ни «внизу». Нас здесь интересует именно этот факт.

Несоизмеримость проблемы и средств для ее решения, когнитивный диссонанс — общее явление всей России. Вот сообщение Администрации Саратовской обл. от 5 февраля 2007 г.: «На переселение граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда Бюджетом области предусмотрено 180 млн. руб., что позволит отселить порядка 240 семей». Это 1% от тех, кого официально надо переселить — ветхий и аварийный жилфонд области (по «новым» критериям!) составляет 1,5 млн. кв. м. Заметим, что согласно Постановлению правительства, которое цитирует Счетная палата, **«непригодными для проживания признаются жилые дома (жилые помещения), находящиеся в ветхом состоянии, в аварийном состоянии, а также в которых выявлено вредное воздействие факторов среды обитания»**¹.

---

¹ Положение, в котором находится Саратовская обл., является типичным. Вот сообщение из Мурманска: «Жилищный фонд города на 01.01.2007 года составляет 2269 жилых домов, из которых 44 (2%) аварийных, 316 (14%) ветхих... Анализ технического состояния этих домов показывает, что положение близко к критическому, так как отдельные конструктивные элементы домов (70-80%) не отвечают требованиям безопасной эксплуатации и санитарным условиям проживания. Непринятие мер по незамедлительному их восстановлению либо сносу и расселению людей может привести к массовой аварийности на жилищном фонде с тяжелыми последствиями... В настоящее время

Как можно не видеть очевидного и молчать о нем: за год, согласно государственной программе, ликвидируется 0,5—1% исходной проблемы, а сама проблема ежегодно возрастает на десятки процентов.

В 2007 г. в России, по официальной справке, более 300 млн. кв. м нуждалось в капитальном ремонте *неотложно*. В Послании 2007 года В.В. Путин сказал о выделении 150 млрд. рублей на капитальный ремонт жилищного фонда — на 5 лет. Сколько жилья можно отремонтировать за 2008 год на 30 млрд. руб.? Если верить расценкам, 1,5 млн. кв. м жилья¹. А только в *неотложном* ремонте нуждается 300 млн. кв. м. Значит, выделение средств, о котором в Послании говорится как о решении проблемы, эквивалентно 0,5% усилий, которые государство обязано сделать срочно, в аварийном порядке. А если брать проблеме в полной мере «отложенного» ремонта, то это 0,02%. Для примера — стоимость «отложенного» капитального ремонта жилищного фонда Петербурга уже в 2007 г. составляла 7 годовых бюджетов города — около 275 млрд. руб.

Деградация мировоззренческой матрицы, соединявшей население России в общество, продолжается. А с ней продолжается и распад самого общества. Перед нами — необычная и плохо изученная угроза. Люди не заботятся тем, что происходит с большими системами, вне которых сама жизнь будет невозможна.

Большие технические системы, которые в стабильном режиме считаются частью экономики, по достижении порогового износа становятся источниками рисков. Их содержание превращается в проблему *государственной безопасности*. При-

---

в капитальном ремонте нуждаются: 75% кровель жилых домов, из них 20% находятся в аварийном состоянии; 77% фасадов, 99,9% внутридомовых электрических сетей, 67% сетей горячего водоснабжения, 60% сетей отопления, из них 10% в аварийном состоянии» [89].

¹ Росстат объявил, что в 2008 г. капитально отремонтировано 12,3 млн. м² жилья. Значит, строительным организациям выплачено в 5—8 раз меньше, чем предусмотрено сметой Ассоциации строителей России и Союза инженеров-сметчиков в ценах 2008 г. Это противоречие никем не объяснено. Вероятно, достигнут компромисс — немного уступили строители, а заказчики сократили перечень работ (например, не заменить кровлю, а покрасить и т.п.).

мер источника очевидной опасности — аварийный жилой дом или изношенная до предела магистраль теплоснабжения.

Теплоснабжение, как часть жилищного фонда, по своему характеру тоже может быть отнесено к институциональным матрицам России.

Судьба этой важнейшей в России системы жизнеобеспечения всех граждан страны, живущих в городах и поселках, изучена довольно подробно [90]. Это — большая отрасль народного хозяйства со сложной технологией производства, в которой работает 2 миллиона человек.

В ходе реформы, начатой в 1991 г., была предпринята попытка перестроить теплоснабжение как одну из институциональных матриц, несовместимых, по разумению реформаторов, с принципами рыночного общества. Отрасль была расчленена на множество независимых организаций, затем проведено их акционирование. Государство стало «уходить из ЖКХ», сокращая долю бюджетных дотаций в содержании системы и перекладывая эти расходы на население.

«Жесткая» часть теплоснабжения, его материально-техническая база, поддавалась изменениям с трудом. Для таких изменений требовалось *строить* новые технические системы иного типа, а для этого не было ни средств, ни идей, ни воли. А главное, как оказалось, системы *иного типа* были неадекватны природно-климатическим условиям России. Здесь для отопления требуется совершенно другая интенсивность потока тепловой энергии, чем на Западе¹.

Главным изменением теплоснабжения в техническом плане стало резкое сокращение планового ремонта ТЭЦ, котельных и теплосетей. Назвав себя правопреемником СССР и приняв в наследство от него государственные теплосети протяженностью 183,3 тыс. км, государство Российская Федерация

---

¹ Суммарные поставки тепла в России составляют более 2 млрд. Гкал/год (более половины идет на отопление), что эквивалентно 2,5 триллионов кВт/час электрической энергии. Если представить себе, что в России действительно было бы реализовано предложение перевести отопление России, «как на Западе», на электрические автономные нагреватели, то это стоило бы населению 5 триллионов руб., или 208 млрд. долларов в год (при цене 1 кВт·часа 4 руб. — «как на Западе»).

почти прекратило выделение средств для содержания этой технической системы.

Износ системы достиг критического уровня, число отказов и аварий стало нарастать в геометрической прогрессии. Как сказано в официальном документе, речь идет о техносферной катастрофе, приобретающей характер *национального бедствия*. Такова объективная реальность, которая является результатом исключительно действий и бездействия той власти, которая с 1991 г. проводит «рыночную реформу». Иных причин этой техносферной катастрофы не существует.

Нынешнее критическое состояние теплоснабжения уже имеет *объективный* характер и не может измениться в лучшую сторону само собой или под влиянием действий в сфере идеологии, расстановки кадров, форм собственности и т.д. Вышли из-под контроля процессы, подчиняющиеся законам *движения материи* (снижение прочности и разрывы труб в результате коррозии). Взять эти процессы снова под контроль можно только действиями в материальной сфере — в сфере труб, задвижек, насосов и котлов.

Между тем, план действий правительства сводится к полному разгосударствлению теплоснабжения и его переводу на рыночную основу — передаче ЖКХ в ведение местных властей, установке счетчиков тепла, прекращению дотаций ЖКХ как отрасли, полной оплате тепла его потребителями. Таким образом, план предполагает изменения в сфере *обращения* и никакого импульса к восстановлению технической системы не содержит. Иными словами, действий по срочному ремонту изношенных теплосетей ни государство, ни собственники производственной базы страны предпринимать *не будут*.

Из этого следуют два вывода относительно теплоснабжения как необходимой системы жизнеобеспечения населения и как *институциональной матрицы* жизнеустройства России:

1. Система хозяйства и управления, созданная в ходе реформы, не позволяет ни собрать ресурсы, ни организовать производственные усилия, достаточные для того, чтобы построить и пустить в ход новую систему теплоснабжения, альтернативную советской системе и обеспечивающую теплом население страны в тех же масштабах, что и советская.

Создание новой, рыночной *институциональной матрицы* в сфере теплоснабжения оказалось **невозможным**.

2. Система хозяйства и управления, созданная в ходе реформы, не позволяет содержать в дееспособном состоянии и стабильно эксплуатировать систему теплоснабжения, унаследованную от советского строя.

Сохранение старой, нерыночной *институциональной матрицы* в сфере теплоснабжения оказалось **невозможным**.

Строго говоря, если принять во внимание критическое значение теплоснабжения в нашей стране, уже из этого можно сделать такой общий вывод:

— ***Система хозяйства, созданная в ходе реформы, несовместима с жизнью населения и страны.***

Действительно, государство и собственники средств производства привели почти в полную негодность унаследованную от СССР систему теплоснабжения и отказались ее восстанавливать — и в то же время они не могут построить новую систему, по западным образцам. Следовательно, реформа, сломав прежнее жизнеустройство, привела страну в такое состояние, при котором жизнь населения в его нынешних размерах невозможна. Возникла угроза, которая поставила граждан России перед дилеммой — принять резкое ухудшение качества жизни (архаизацию системы теплоснабжения) или изменить ту систему хозяйства, что возникла в результате реформы.

На основании достаточно широкого изучения того, что произошло за последние 17 лет с другими большими техническими системами страны, можно утверждать, что попытка реформирования **всех** больших технических систем привела к результатам, похожим на те, которые имели место в теплоснабжении. Судьба теплоснабжения — типичный пример, и причины того, что с ним произошло, носят фундаментальный характер.

Это в совокупности представляет собой массивный *неумолимый* процесс, на фоне которого отдельные достижения не формируют противоположной тенденции. Вопреки расчетам реформаторов, отечественные и иностранные инвестиции в основные производственные фонды остаются несоизмеримы с масштабами потребностей, вследствие чего о перестрой-

ке прежних институциональных матриц и создании принципиально новых больших технических систем не идет и речи¹.

Страна оказалась в ситуации порочного круга. Целью реформ была замена больших технико-социальных систем советского типа иными системами — такими, «как на Западе». За прошедшие 17 лет обнаружилось, что новая система хозяйства не обладает созидательным потенциалом для решения этой задачи. Государство, уйдя из экономики, также лишилось средств для большого строительства. В то же время, государство допустило расхищение средств, предназначенных для поддержания в дееспособном состоянии главных систем жизнеобеспечения страны, унаследованных в исправном виде от СССР. В результате все эти системы эксплуатировались хищническим образом, на износ, и сегодня находятся на грани остановки или даже техносферной катастрофы. Новые собственники не имеют ни средств, ни навыков, ни даже заинтересованности в том, чтобы использовать доставшиеся ему системы длительное время. Они довольствуются тем, что питаются трупом убитого советского хозяйства.

Следовательно, эта система хозяйства *принципиально нежизнеспособна*. Она не может поддерживать, с разумными изменениями, старого жизнеустройства — и не может создать никакого нового жизнеустройства. Она может существовать только за счет истощения накопленных ранее ресурсов — земли и месторождений, заводов и вооружения, здоровья, квалификации и жизни самих граждан. Когда большие технические системы, на которых держится страна, придут в полный упадок, для большинства населения это превратится в социальную катастрофу — архаизация жизни приобретет лавинообразный характер. Однако и анклавы современного производства и быта не смогут устоять против наступления «цивилизации трущоб», поскольку даже эти анклавы не успеют построить

---

¹ Инвестиции в основные фонды Российской Федерации в 2006 г. не достигли и половины от уровня 1990 г. Но и в этой небольшой величине львиная доля направлена на финансирование анклавов хозяйства, работающих на мировой рынок, или обслуживание этих анклавов. Инвестиции в добычу энергоресурсов и металлургию, в транспорт и связь, в операции с недвижимостью и торговлю составили в 2006 г. 61% всех инвестиций.

альтернативных систем жизнеобеспечения, автономных от остальной части страны.

Если отвлечься от маскирующих реальность деталей, государственная власть России стоит перед вполне определенной дилеммой: или надо сознательно принять доктрину разделения страны на *спасаемую* и *обреченную* части (модернизация «анклавов Запада» и архаизация внутреннего «третьего мира») — или предпринять программу восстановления и модернизации системы жизнеустройства, в которой возможно развитие страны как *целого*.

Совмещение обоих проектов требует большого перерасхода средств и ставит под угрозу развитие даже анклавов современности. В нынешнем неопределенном состоянии архаизация происходит даже в этих анклавах.

Раздел III

СНИЖЕНИЕ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВОМ

Страна — как самолет, а власть и управление — его экипаж. От его квалификации, здоровья и совести зависит жизнь страны. Рынок не может заменить организующую роль государства, без государственного воздействия рынок становится *саморазрушающейся* системой. Этот вывод сделан теоретически и не раз подтвержден на практике, иногда в форме драматических хозяйственных катастроф.

За 90-е годы в России произошло изменение принципиальных установок государства в сфере хозяйства и падение качества государственного управления. Власть не только перестала видеть многие угрозы для хозяйства России или неспособна им противостоять, но и сама нередко становится источником важных угроз. Это тем более важно, что государственная власть и госаппарат остаются, после кризиса 90-х годов, практически единственной организованной и организующей силой общенационального масштаба.

Глава 15

ДЕГРАДАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Важной частью программы демонтажа советского строя был подрыв авторитета государства. Под огнем оказались буквально все элементы государства — от армии и органов хозяйственного управления до школы и детских садов. Все это было представлено как элементы «административно-командной системы», войну против которой начал Г.Х. Попов.

Эта программа так сбивала с толку людей, что они перестали трезво рассуждать. Государственные институты, обеспечивающие жизнь страны, имеют сложную структуру и выполняют сложную систему функций. Одни из этих функций очевидны, другие еле видны, а чтобы понять третьи, надо пошевелить мозгами. Люди как будто вдруг утратили способность мысленно увидеть структуру государства и те функции, которые призваны выполнять разные его элементы.

Видные деятели перестройки открыто выступали как враги своего государства. Писатель А. Адамович (депутат Верховного Совета СССР!) в марте 1989 г. даже воззвал к иностранному ученому, прося у них помощи против советского государства. Он так описал его отношения с обществом: «Одни ведомства ведут химическую войну против собственного народа и природы. Другие — с помощью мощной мелиоративной техники, третьи — почти уже атомную (Чернобыль)... Вот почему и ученые наши, которые не продали душу ведомствам, и «зеленые» наши так рассчитывают опереться на вас, мировую науку, в борьбе с ведомственным Левиафаном» [91, с. 225].

А интеллигенция с наивной безответственностью одобряла разрушение министерств и ведомств — сложных структур государства, которые ничем не заменялись, а просто переставали выполнять свои функции. Так, каждый отраслевой НИИ каждого министерства «сопровождал» какую-то подсистему огромной техносферы страны. В этом НИИ работали люди, досконально знавшие эту подсистему, участвовавшие в ее разработке и создании, выезжавшие на все аварии и отказы. Ликвидация этих НИИ и сложившихся в них экспертных сообществ была уничтожением колоссального национального богатства. Эта утрата не может быть восполнена в нынешней экономической системе.

Никаких разумных оправданий такому погрому не было, они заменялись идеологическими сентенциями.

Вот рассуждение М.С. Горбачева — президента державы — о государстве: «Отличительной особенностью советской тоталитарной системы было то, что в СССР фактически была полностью ликвидирована частная собственность. Тем самым человек был поставлен в полную материальную зависимость

от государства, которое превратилось в монопольного экономического монстра» [92, с. 187—188].

Эта тирада лишена разумного смысла. Почему государство, обладая собственностью, становится «монстром»? А почему не монстр частная корпорация «Дженерал электрик», собственность которой побольше, чем у многих государств? И почему человек «поставлен в полную материальную зависимость от государства»? В чем это выражается? Чем в этом смысле государственное предприятие хуже частного? Для работников оно как раз намного лучше, это подтверждается и логикой, и практикой. На Западе при попытке приватизации государственных предприятий сразу начинает бастовать их персонал, это азбучная истина.

Нагнетая ненависть к государству, Горбачев вытаскивает троцкистский тезис об «отчуждении» работника от собственности: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самостоятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху... Все определялось сверху, а человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине» [92, с. 188].

Это — схоластика, заменяющая аргументы потоком слов. Почему люди, имея надежное рабочее место на предприятии, становились вследствие этого «отчужденными от самостоятельности и творчества»? И как может жить человек в цивилизованном обществе без «приказов сверху»? Ведь они — необходимый инструмент координации и согласования наших усилий и условий нашей жизни. Почему, если ты им подчиняешься, то становишься «винтиком в этой страшной машине»? Это просто бредовые рассуждения.

Признаком коррупции и в то же время фактором регресса в мышлении, было *ухудшение языка*. Политики и чиновники во время реформы избегали использовать слова, смысл которых устоялся в общественном сознании. Их речь в 90-е годы была такой невнятной и бессвязной, словно эти люди или стремились речью замаскировать свои истинные мысли, или у них по каким-то причинам была утрачена способность вырабатывать связные мысли.

Вспомним приватизацию. Она — лишь малая часть в процессе изменения отношений собственности, лишь *наделение* частной собственностью на предприятие. Но это предприятие было собственностью народа (нации), а государство было лишь управляющим. Чтобы приватизировать завод, надо было сначала осуществить его *денационализацию*. Это — главный и самый трудный этап, ибо он означает *изъятие* собственности у ее владельца. Оно не сводится к экономическим отношениям (так же, как грабеж в переулке не означает для жертвы просто утраты некоторой части собственности). Однако и в законах о приватизации, и в прессе проблема изъятия собственности замалчивались. Слово «денационализация» не встречается ни разу, оно было заменено специально придуманным словом «разгосударствление».

Одним этим было блокировано освоение большого мирового массива знания по проблеме приватизации. Ложное понятие искажает представление о реальности. Результат: частная собственность на промышленные предприятия не обрела *легитимности*, она воспринята населением как грабительская акция. Это нанесло и наносит колоссальный ущерб экономике (в частности, побуждает новых собственников продавать основные фонды, часто за бесценок, и любыми способами переводить выручку за рубеж).

Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц говорит о программе приватизации самых рентабельных предприятий через залоговые аукционы: «Частные банки оказались собственниками этих предприятий путем операции, которая может рассматриваться как фиктивная продажа (хотя правительство осуществляло ее в замаскированном виде «аукционов»); в итоге несколько олигархов мгновенно стали миллиардерами. Эта приватизация была политически незаконной. И тот факт, что они не имели законных прав собственности, заставлял олигархов еще более поспешно выводить свои фонды за пределы страны, чтобы успеть до того, как придет к власти новое правительство, которое может попытаться оспорить приватизацию или подорвать их позиции» [3, с. 194].

Никакой программы восстановления административно-го языка не проводилось, а положение не изменилось. Вот Го-

сударственная программа «Развитие сельского хозяйства... на 2008—2012 годы», обнародованная Министерством сельского хозяйства Российской Федерации в конце 2007 г. Каким языком написан документ! Читаем, например, что предусмотрено «субсидирование маточного поголовья крупного рогатого скота мясных пород по системе технологии мясного скота *корова-теленки*». В разделе «Целевые индикаторы» на 2009 г. поставлена такая задача: «Поголовье мясных коров: тыс. голов — 414, в том числе коров, тыс. гол.—168». Это пишут эксперты Министерства, люди с высшим образованием не в первом поколении, это визируют начальники департаментов, это читает министр. Язык не сказывается на качестве решений? Это ошибочное мнение, язык — инструмент мышления, его деградация есть симптом болезни.

Можно говорить об утрате управленческими структурами «*системной памяти*», необходимой для выработки хороших решений. Отключение «блока рефлексии» в сознании работников управления в начале 90-х годов было массовым и поразительным по своей моментальности — как будто кто-то сверху щелкнул каким-то выключателем.

Вот, в 2002 году в России собрали 86 млн. т зерна. Высшие должностные лица заявили, что в России достигнут *рекордный урожай* (говорилось даже, что «удалось добиться таких результатов, **которых не было в советское время**»). При этом реальные данные Росстата о производстве зерна публикуются регулярно и общедоступны. Сбор зерна на территории нынешней России в годы высоких урожаев таков:

1970 — 107 млн. т;	1978 — 127,4;
1973 — 121,5;	1990 — 116,7;
1976 — 119;	1992 — 107 млн. т

Мы видим, что за 24 года до «рекорда» было собрано зерна *в полтора раза больше*, чем в «рекордный» 2002 год. Более того, урожай 1992 года, то есть *уже во время реформы*, был больше «рекорда» почти на треть. Урожай менее 100 млн. т в последние 20 лет РСФСР вообще был редкостью. За пятилетку 1986—1990 гг. зерна собирали 104,3 млн. т в год *в среднем*.

Чиновники и эксперты-экономисты, конечно же, не хотели специально ввести общество в заблуждение. Они были неспособны «взглянуть назад», мыслить во временном контексте, «видеть» даже короткие временные ряды. И это свойственно нынешней власти в целом. Поврежден важный механизм рационального мышления, совершенно необходимый в экономике. Результатом стали деградация «знания власти» и регресс в качестве решений.

Мы переживаем кризис всей системы средств познания, объяснения и доказательства, которые применяются при выработке хозяйственных решений. Масштабы деформации таковы, что на деле надо констатировать распад сообщества управленцев. Разумеется, работники управления — умные и образованные люди, они часто произносят разумные речи, но эти «атомы разума» не соединяются в систему, что и говорит о распаде сообщества.

Очень часто правящая верхушка сама начинает верить успокоительным мифам, и это — большая угроза для любого государства. Регресс в мышлении власти выражается в утрате того критического скептицизма, без которого многие утверждения воспринимаются как безответственные. Это стало общим явлением. Разрыв между реальностью и «знанием власти», то есть ее представлением о реальности, огромен. Поясним на нескольких примерах.

Вплоть до конца 2008 г. (когда «Америка нас заразила кризисом»), высшие должностные лица говорили о быстром развитии российской экономики в последние годы. Из чего же это видно, как вяжутся эти слова с реальностью? Какие великие «стройки капитализма» завершили за эти годы? Если взять реальную экономику, то она в 2000—2008 гг. росла *медленнее, чем в 1985—1989 годы* — а ведь тогда нас уговорили сломать нашу экономическую систему из-за «низкого темпа роста».

В 2000—2008 годы Россия получила подарок судьбы — нефтедоллары. Но где же восстановительная программа? Нет ее, а ведь разрушения в экономике за 90-е годы больше, чем от Второй мировой войны. Эти разрушения явно не собираются ликвидировать. Деньги идут на ледяные дворцы в Сочи и трубу для катания на горных лыжах летом под Москвой, а в Архангельске теплосети уже не поддаются ремонту.

Говорят о ВВП (хотя и он никак не «удваивается»), но это показатель не развития экономики, а движения денег. Надо смотреть на *натурные* показатели. Посевные площади сократились на 43 млн. га, а поголовье крупного рогатого скота — в три раза. У нас его теперь намного меньше, чем в 1916 г.! Забавительно, что в России был предпринят приоритетный национальный проект в животноводстве, но сравнима ли эта капля с масштабами провала 90-х годов? А сколько у нас тракторов осталось? А торговый флот, который сократился в 4 раза? А как стареет оборудование промышленности? А кто будет работать на заводах, когда умрут пенсионеры? В ПТУ теперь учатся на официантов.

Вот утверждение В.В. Путина в апреле 2009 г., которое удивило своим оптимизмом: «Последние годы, благодаря инвестициям и внедрению инноваций, возможности реального сектора страны самым серьезным образом выросли. Наша задача — сохранить и развить накопленный промышленный и технологический потенциал».

Какие инвестиции и инновации! Инвестиции после 2000 года шли в основном в торговлю и добычу нефти и газа, а не в «реальный сектор страны». Вот данные для типичного 2006 года, доли инвестиций по секторам хозяйства:

— добыча топливно-энергетических полезных ископаемых — 13,3%;

— операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг — 17%;

— производство машин и оборудования — 1%.

Да и размеры инвестиций были очень и очень скромными (см. рис. 21). Их не хватало даже для скудного содержания «накопленного промышленного и технологического потенциала» — этот потенциал продолжал деградировать.

Какой может быть «рост возможностей реального сектора», если на душу населения в России остается для собственного потребления 0,7—0,9 т нефти на душу населения — меньше трети того, что мы имели до реформы? Россия — энергетическая держава! Но это и есть эвфемизм, а реально эти слова означают «сырьевой придаток». Ведь нефть и газ не *производятся*, а *извлекаются* из кладовых России. Их «тащат из семьи».

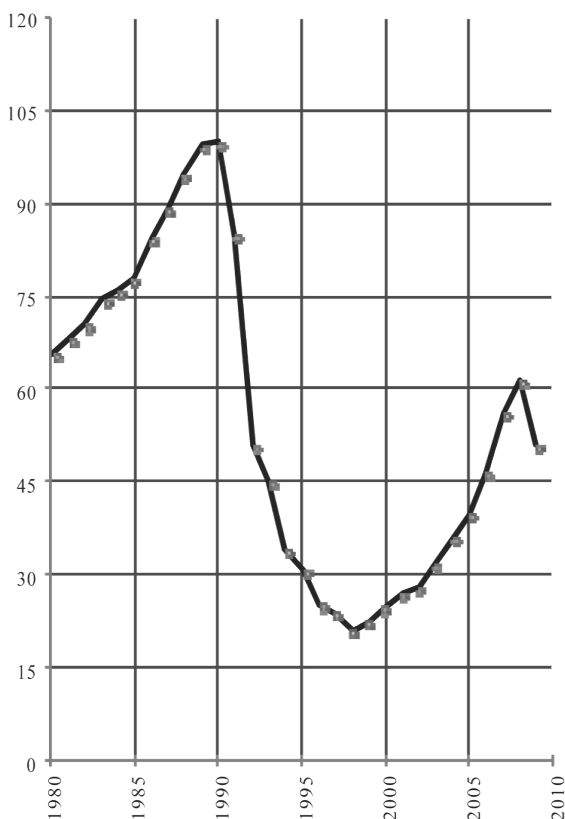

Рис. 21. Индекс капиталовложений в основные фонды в России,
1990 = 100

В сентябре 2005 года В.В. Путин сказал: «Проводимый курс обеспечил макроэкономическую стабильность». Это утверждение повторялось буквально до того дня (в октябре 2008 г.), когда обрушились цены на нефть и российская биржа. Очевидно, что *проводимый курс не обеспечил макроэкономическую стабильность*, о чем и писали многие российские специалисты и указывали на опасный рост необеспеченных кредитов. Этих предупреждений не отрицали, их просто «не замечали».

Если посмотреть статистику, то видно, что не «Америка заразила нас кризисом», а сама Российская Федерация лезла в эту ловушку с 2000 года. Именно тогда начался безудержный рост потребительских кредитов. Примечательно, что динамика этого роста ничуть не была поколеблена кризисом, который, как говорилось, поставил банковскую систему на грань катастрофы. Мы видим, что и деньги у банков были, и кредиты они давали в растущих размерах (рис. 22).

В Послании 2004 г. В.В. Путин сказал: «Одной из самых актуальных задач считаю обеспечение граждан доступным жильем». Соответственно этому раздували пузырь ипотечных кредитов и цены на жилье, в чем далеко обогнали Западную Европу.

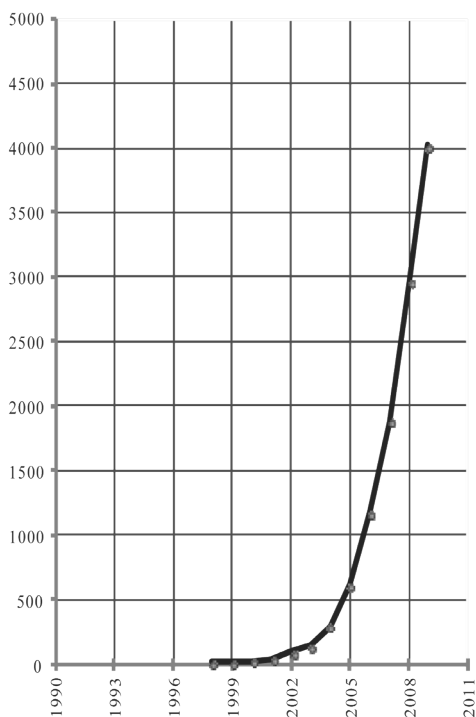

Рис. 22. Кредиты физическим лицам в России, млрд. руб.

Но главное, тезис неверно передает суть реальной проблемы. Сейчас для большинства населения России главной проблемой является не *приобретение* жилья, а его *содержание* (можно даже сказать, *удержание*). Население с большим трудом выдерживает оплату жилищно-коммунальных услуг, но это мелочь по сравнению с деградацией *основных фондов* ЖКХ — зданий и инфраструктуры. Это *неумолимый* фактор, нужны большие ресурсы и чрезвычайные усилия для восстановления ЖКХ. Но решением власти стало переложить эти расходы на плечи населения. Под разговоры о «доступном жилье» власть сбросила с себя заботу о ЖКХ, которое за двадцать лет сама и поставила на грань краха.

Вот суждение В.В. Путина (в сокращении): «Новый Жилищный кодекс возложил полную ответственность за содержание жилых домов на собственников. Однако эта нагрузка для подавляющего большинства граждан оказалась абсолютно неподъемной. Из 3 млрд. кв. метров жилищного фонда России более половины нуждается в ремонте. Сегодня объем аварийного жилья — более 11 млн. кв. метров. Вопрос, который вообще не терпит никакого отлагательства — расселение аварийного жилья. Невнимание государства к этим проблемам считаю аморальным. Правительство в 2007 году запланировало на расселение ветхого и аварийного жилья всего 1 млрд. рублей».

Президент обращается к государству с упреком в *аморальности* — к государству, главой которого он является. Как это понять? И почему вопрос переводится в сферу морали, если проживание людей в ветхом и аварийном жилье запрещено *законом*? Государство по закону обязано расселить этих граждан, а угрызения совести — лирика.

Но главное в том, что в качестве доводов Президент приводит величины, которые несоизмеримы между собой. Из этого видно, что государство отказывается решать проблему в ее реальных измерениях. Структурируем рассуждение В.В. Путина.

— Государство обязано расселить людей из аварийных домов (забудем о *ветхих*).

— Для этого требуется построить 11 млн. кв. м жилья.

— Денег, выделенных государством для этой цели на 2007 год, достаточно, чтобы построить примерно 20 тыс. кв. м.

— Это составляет 0,2% от требуемой для расселения площади.

Вывод: если бы старение жилищного фонда с 2007 года чудесным образом прекратилось, граждане из аварийных жилищ были бы расселены, при сохранении нынешних темпов расселения, за 500 лет.

Я уж не говорю, что правительство исходит из данных о размере ветхого и аварийного фонда за 2001 г., хотя в 1999 г. темп износа жилья, оставленного без ремонта, вышел в экспоненциальный режим. Так, председатель Госстроя Российской Федерации Н. Кошман 8 апреля 2003 г. сообщил прессе, что в 2002 году «в состояние ветхого и аварийного жилья перешло 22 миллиона квадратных метров».

Президент констатирует, что население *не может* оплатить ремонт жилищного фонда («эта нагрузка для подавляющего большинства граждан оказалась абсолютно неподъемной»). Итак, официально признано, что оплата ремонта *оказалась неподъемной*. Не может население оплатить ремонт, хоть расстреляйте это население! Как же у Президента повернулась рука подписать закон, возлагающий на население обязанность оплатить ремонт? Интересно было бы проникнуть в ход мысли людей, стоящих у руля государства, а также всей рати советников, экспертов и пропагандистов.

Типичным дефектом управленческих решений стало игнорирование системного контекста. Готовя решение, чиновники не предвидели и не «чувствовали», как оно скажется на разных сторонах общественной жизни. Такие случаи мы видим на каждом шагу. Вот, ввели куплю-продажу земли, изъяли ее у сельскохозяйственных предприятий и раздали в виде паев работникам — в надежде, что они продадут эти участки «эффективным собственникам». Но никто не продает и не покупает, практически никто из владельцев этих паев даже не стал оформлять свои права собственности — до сих пор это сделали только 3% владельцев. Решение наткнулось на пассивное сопротивление, которое следовало предвидеть и нейтрализовать соответствующими мерами.

По мере угасания системного мышления чиновников их решения стали порождать все более серьезные угрозы. Не

чувствуя пороговых явлений и цепных процессов, чиновники своими решениями выпустили из бутылки множество «джиннов» — наркоманию, коррупцию, организованную преступность, ускоренное старение ЖКХ. Все это нелинейные процессы с сильными кооперативными эффектами. Этих «джиннов» было сравнительно легко удерживать в допороговой фазе, не давая им «размножаться». Но сдерживающие их «бутылки» слабых системных воздействий были «разбиты», и теперь не хватает сил, чтобы остановить расширенное воспроизводство этих чудовищ.

Двадцатилетний процесс ухудшения качества управленческих решений в российском государстве стал уже предметом изучения историков. В этом процессе есть исторические вехи. Когда в 1988 г. Горбачев совершил первый погром кадров (как водится, под флагом борьбы с бюрократизмом), от начальников пошли бумаги, которые вызывали шок. Невозможно было понять, что произошло, трудно было поверить своим глазам. Они сошли с ума? Они зачем-то дурят людей? На высокие посты пришли люди, не имевшие представления о системах, которыми они должны были руководить, причем люди агрессивные. С тех пор было еще несколько таких погромов — «чистка кадров».

С каждой перетряской госаппарата происходило его качественное ухудшение. Каждая перетряска использовалась сплоченной коррумпированной частью для очистки рядов от честных (и, как правило, более компетентных) работников. Бесменный советник всех правительств России ельцинского периода В.А. Воронцов пишет: «После административной реформы 2004 г. департаментов [в Правительстве] осталось 12, число сотрудников сократилось на 25%, зарплаты повысились в несколько раз при примерно таком же снижении эффективности работы Аппарата, поскольку из-за сокращения штатов здание на Краснопресненской набережной почему-то покинули, как и при предыдущих реорганизациях, наиболее квалифицированные и опытные сотрудники» [93].

Внутри самой власти периодически происходит резкое несогласование структур, функций и властных технологий. Само состояние целостности власти вызывает тревогу. Министр Греф

мог прилюдно спорить с вице-премьером Жуковым по главным вопросам, высшие должностные лица в течение дня могут своими заявлениями то обрушить курс акций на бирже, то взвинтить его. СМИ подливают масла в огонь. У нас нет правительства, а есть независимые друг от друга министерства?

Неопределенным стало разграничение функций. То и дело возникают неизвестно по какому принципу собранные «группы» с каким-то исключительным, неизвестно на чем основанным влиянием. От них исходят проекты, грозящие катастрофическими последствиями, но остаются неизвестными ни реальные авторы этих проектов, ни их цели, ни аргументы. Почему планы реорганизации ЖКХ и сферы жилищного строительства разрабатывала «группа Шувалова», планы административной реформы «группа Козака», а не правительство? Из каких соображений были сделаны выводы этих «групп», кто их обсуждал? Начинались крупные и чреватые большими рисками изменения жизни страны, а кто за них отвечает, неизвестно.

Как тифозные вши, такая мелочь, могут выкосить население целых областей, так и примитивный инструмент политика — *вульгаризация проблем* — может загнать страну в историческую ловушку. Так и произошло в нынешней России — из мышления и языка удалось исключить саму проблему *выбора*. Вся политика опущена с уровня *бытия* до уровня *быта*. Дебаты идут только по поводу *решений*, как будто исторический выбор задан стране откуда-то сверху и обсуждению не подлежит. Мы едем неизвестно куда, но доедем быстро.

Реформа пенсионного обеспечения или ЖКХ — все это проблемы уровня *исторического выбора*. Все они меняют сам тип жизнеустройства народа. Они должны обсуждаться как *политические* проблемы. А в Госдуме постоянно слышатся призывы «уйти от политики». В дебатах Госдумы все законопроекты представлены как очевидно полезные, так что речь может идти только о «поправках». Если сделано «200 поправок», значит, Госдума поработала на славу. А на деле даже понять невозможно, о чем там спорят. Экспертам, которые *в принципе* отвергают предлагаемое правительством решение, вообще в Госдуме трибуны не дают.

Аномальным для государства является нынешнее отсутствие национальной программы («образа будущего») и связ-

ной идеологии. Их заменяют импровизации вроде «борьбы» с каким-то наспех слепленным образом зла, а также смесь демократических, рыночных и популистских лозунгов. И мы видим, как на глазах слабеет власть, как она «растаскивается» неизвестно кем из властной верхушки. Около власти вьется целый рой темных личностей, которые уполномочены толковать скрытый смысл дел и заявлений Кремля.

Толстосумы с поразительной наглостью требуют от власти то назначить кого-то из «своих» на высокий пост, то закрыть глаза на его преступления. Вот философские рассуждения «Новой газеты»: «Глупо отрицать, что олигархические капиталы в России выросли на общенародной собственности (была у нас когда-то такая). Наши ротшильды взяли то, что плохо лежало, а некоторые и вовсе залезли в карман государству. Но давайте зададимся вопросом: так ли уж это несправедливо? И вообще уместно ли в данной ситуации ставить вопрос о справедливости?.. Судить об олигархах с точки зрения морали — все равно что ругать львов за то, что они поедают антилоп... Они — элита общества и потому руководствуются иными, нежели обычные люди, принципами.

Да, российские олигархи лишены нравственных предрасудков. Но только благодаря этому они и выжили в прямом смысле этого слова и выдвинулись на первые роли в жесточайшей конкурентной борьбе, на деле доказав свое право владеть лучшими кусками российской экономики. Нас же не удивляет, почему самый сильный и опытный лев не охотится, но тем не менее первым поедает добычу, которую ему приносят члены прайда. Таков закон природы: сильнейшему достается все. Человеческое общество по своей природе мало чем отличается от прайда. На вершине социальной пирамиды и оказываются самые оборотистые и проворные.

Олигархов обвиняют в том, что они выводят свои активы в офшорные зоны и покупают дорогую недвижимость за границей. Но положи руку на сердце ответьте: вы бы стали вкладывать миллионы долларов в нынешнюю Россию?

Президент должен определить, кто поведет экономику России вперед, сделав ставку на таких прагматиков, как Вексельберг, сумевших сколотить огромную финансово-промыш-

ленную империю, охватывающую не только отдельные города, но и целые регионы. Неужели такой организатор, как Виктор Вексельберг, не в состоянии управлять какой-нибудь из уральских или Иркутской областью, экономическое и социальное развитие которых уже сегодня во многом зависит от него? Именно сейчас, когда Владимир Путин сам назначает политический и промышленный топ-менеджмент государства, у нас появился шанс вырваться вперед за счет привлечения наиболее авторитетных и крупных предпринимателей к управлению страной» [94].

Как должны люди относиться к власти, которая не только благосклонно принимает эту расистскую галиматью, но и на практике делает именно так, как советует С. Фигнер!

Вот — едва ли не главный вопрос национальной повестки дня России. Состояние системы власти и управления в России ныне таково, что оно будит и актуализирует латентные опасности и выводит на уровень потенциально смертельных даже те опасности, которые могли бы контролироваться с ничтожными затратами. Мы обычно сводим дело к коррупции и некомпетентности, но еще большая беда состоит в том, что власти делают ошибку за ошибкой — и никаких признаков рефлексии и «обучаемости».

Большой ущерб хозяйству наносит массовая утрата навыков структурно-функционального анализа. Как уже говорилось, общественные и государственные институты выполняют сложную систему функций. В ходе перестройки и реформы господствующее меньшинство как будто вдруг утратило способность мысленно увидеть структуру мало-мальски больших систем и те функции, которые призваны выполнять разные их элементы. Вот, в журнале «Коммунист» было написано (и перепечатано в установочной книге перестройки): «В 1987 г. ремонтом тракторов и сельхозмашин был занят миллион работников с фондом заработной платы 2,3 млрд. руб. ... Видимо, лучше было бы направить эти средства на модернизацию и техническое переоснащение отрасли, на выпуск более качественных, прогрессивных машин» [95].

Вывод просто глупый. Одна функция в хозяйстве — конструирование и производство сельскохозяйственной техники,

и совсем другая функция — ее эксплуатация и ремонт. Как может прийти кому-то в голову ликвидировать *функцию* ремонта и сэкономленные средства передать в машиностроение? Представьте себе, что какой-нибудь чиновник предложит сегодня ликвидировать все станции технического обслуживания автомобилей — мол, «видимо, лучше было бы направить эти средства на модернизацию и техническое переоснащение ВАЗа».

В последние два десятилетия много говорится о реформировании государственных и хозяйственных систем, но очень редко из официальных документов можно понять, как это реформирование сказывается именно на выполнении главных функций данной системы. Можно услышать, что система стала демократичнее, что в ней возникла конкурентная среда, что в ней сократилось число структурных подразделений, но составителей этих документов как будто не волнует то, ради чего и существует эта система.

И надо взглянуть в лицо страшной правде — мышление не ремонтируется само собой, как и ржавые трубы или ветхие дома. Не складывается сама собой и система специфического *знания власти*. Тут нужны большие коллективные усилия, политическая воля и организационная база. Пока что их нет, и это — **нарастающая угроза для России.**

Глава 16

УГРОЗА ДЛЯ ХОЗЯЙСТВА РОССИИ: ДЕГРАДАЦИЯ ФУНКЦИИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Важным «срезом» рационального сознания является способность *предвидеть* состояние и поведение важных для нас систем и окружающей среды.

Способность предвидеть будущее, то есть строить его образ в сознании (*воображение*) — свойство разумного человека. Прежде чем сделать шаг, человек представляет себе его последствия, строит в сознании образ будущего. Во всех случаях производится одна и та же мыслительная операция — создание образа будущего.

Предвидение позволяет власти *проектировать будущее*, осуществляя *целеполагание*. Это — едва ли не важнейшая обязанность государства. В цивилизованном обществе только государство способно координировать усилия огромных масс людей, задавая им общий вектор и критерии успеха. Это соединяет людей в народы и нации, наполняет действия каждого общим смыслом.

Проектирование будущего, определение общего вектора развития и конкретное целеполагание, осуществляемые властью и принимаемые (или отвергаемые) обществом, требуют постановки и осмысления *фундаментальных* вопросов бытия.

Власть формулирует их в форме национальной повестки дня, как череду «перекрестков судьбы», актуальных исторических выборов, давая и обоснование своего выбора той или иной альтернативы. На разных уровнях общества эта повестка дня обсуждается в ходе «каждодневного плебисцита», обмена информацией через сложившуюся в обществе систему каналов.

Снижение качества власти и управления во время реформы выразилось в настойчивом уходе от постановки и осмысления фундаментальных вопросов. Это было неожиданно видеть у образованных людей, наделенных властными полномочиями. Для них как будто и не существовало неясных вопросов, не было никакой возможности поставить их на обсуждение.

Можно даже сказать шире. Современный кризис России замечателен тем, что между властью и обществом как будто заключен негласный договор: не ставить не только фундаментальных, но и вообще трудных вопросов, уже не говоря о том, чтобы отвечать на них. Депутаты не задают таких вопросов правительству, избиратели депутатам, читатели газете и т.д.

Уже М.С. Горбачев принципиально отверг целеполагание как одну из главных функций государства. Он с самого начала заявил: «Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ» [96].

Никто и не просил у него педантичного ответа, спрашивали об общей цели, о векторе движения страны в *переходный*

период. Когда писатель Ю. Бондарев задал разумный вопрос («Вы подняли самолет в воздух, куда садиться будете?»), его представили чуть ли не фашистом.

Здесь возникает особая проблема, в которую мы углубляться не будем, но обозначим. Отказ от явного целеполагания может быть избран как тактический прием по разным причинам. Первая — желание уйти от ответственности (или смягчить эту ответственность) при провале авантюрной программы достижения вполне позитивной цели. Если авторы программы видят ее дефекты, создающие высокий риск провала, то цель не объявляется, а после провала говорится, что «мы этого и хотели» — с идеологическим оправданием того, что реально «получилось». Если в руках сохраняется контроль над СМИ (и организованной «оппозицией»), то катастрофу всегда можно представить как следствие «тоталитарного прошлого», «отсталости народа» и пр.

Вторая причина — принятие властью целей, настолько противоречащих интересам подавляющего большинства населения («страны» как целого), что их было невозможно огласить вплоть до надежного ослабления, подавления или разрушения страны и народа. Иными словами, истинная цель оглашается только после достижения необратимости.

Какая из двух причин является исходной, выяснить в ходе событий трудно. Часто эти причины совмещаются — начав авантюрную программу и заведя страну в тупик, власть может пойти с повинной не к собственному народу, а к правителям геополитического противника и «сдать» страну. При измене верховной власти сопротивление невозможно.

Перед нами — красноречивый случай поведения М.С. Горбачева, хороший учебный материал.

В годовщину ликвидации Берлинской стены, 5 ноября 2009 г. Информационное агентство «Евроњьюс» взяло у Горбачева интервью, в котором его спрашивают: «СССР развалился. Почему не удался Ваш проект?» На это бывший президент СССР и генеральный секретарь ЦК КПСС отвечает: «Я, во-первых, не согласен с вашим выводом, что наш проект не удался. Он настолько удался, что в Советском Союзе начались демократические реформы, и теперь, уже после распада,

в России идет развитие и формирование рыночной экономики... Так что перестройка победила» [97].

Если верить его словам, он с самого начала поставил себе целью разрушение СССР, ликвидацию советского общественного строя и построение на постсоветском пространстве «рыночной экономики» (капитализма). Но поверить в это трудно. Скорее, перед нами совмещение причин. Будучи по своей квалификации и способностям не на высоте требований к управлению СССР, Горбачев привел к краху свою дефектную программу (разработанную в существенной мере антисоветскими группами интеллектуалов). Затем он пошел на государственную и национальную измену и «сдал» полуразрушенную страну противнику в «холодной войне».

В любом случае уход власти от ясного целеполагания — очень плохой симптом. За ним может скрываться фундаментальная угроза для России.

У нас сейчас, говорят, «переходный период», власть нас ведет куда-то. Первая обязанность ведущего — объяснить людям, куда идем, какое болото у нас на пути, по каким кочкам или мосткам будем переправляться. Однако наша власть молчит. А если говорит, то так, что каждое слово порождает кучу недоуменных вопросов.

Речь власти стала не средством *объяснения* (от слова «ясно»), а средством *сокрытия* целей и планов, если таковые имеются. Недаром при власти кормится целая рать толкователей («политологов»). Сама власть, как сфинкс, на вопросы не отвечает и в пререкания с обществом не вступает. В самом начале, когда власть стала уходить от фундаментальных вопросов, это выражалось в смешении ранга проблем, о которых идет речь. Причем, как правило, это смешение имело не случайный, а направленный характер — оно толкало сознание к *принижению* ранга проблем, представлению их как простого, хорошо освоенного явления, не сопряженного ни с каким риском для страны.

На деле мы раз за разом сталкиваемся с принципиально новыми явлениями и проблемами, которые требуют ответственного осмысления совместно государством и обществом. Этого нет. Не определив цели движения, власть становится

слепой и вместо определения стратегического курса захлебывается в ситуативных решениях.

Важным проявлением отказа от целеполагания стало равнодушие к различию *векторных* и *скалярных* величин. Определить главный вектор — значило бы снизить риск тяжелых срывов, хотя и потребовало бы общих усилий. На это власть не пошла, предпочтя «набрать очки» обещанием улучшения «всего», наращиванием «скалярных благ».

Потеря навыка видеть фундаментальную разницу между векторными и скалярными величинами привела к глубокой деформации понятийного аппарата и нечувствительности даже к очень крупным ошибкам. Например, во время перестройки и в начале реформы власть стала подменять понятие «замедление *прироста*» (производства, уровня потребления и т.д.) понятиями «*спад производства*» и «*снижение потребления*». Скалярную величину подменяли векторной, что приводило к принципиально неверным выводам.

Вспомним целевую установку перестройки, которую огласила академик Т.И. Заславская: «Перестройка — это изменение типа траектории, по которой движется общество». Это значит, что в перестройке предлагалось кардинально изменить *вектор* развития страны, произвести не улучшение каких-то сторон жизни, а смену самого *типа* жизнеустройства. Однако понять, каковы ориентиры этого изменения, в сторону какого образа будущего власть направляла государственный корабль, было невозможно. Карта и компас были разрушены.

Утрата способности к предвидению будущего развития как движения по разным возможным векторам превращает целеполагание в *магическое действие*. Это сразу ликвидирует все барьеры, которые защищали властное сообщество от господства аутистического мышления. Отодвигается в сторону рациональный расчет, начинаются «грезы наяву».

Восьмое (2007 г.) Послание президента Федеральному собранию очень поучительно в методологическом отношении. Оно показывает, что ряд типов смешения категорий стал нормой в работе экономического блока Правительства.

Так, важной темой политических деклараций стали *программы развития*. Это понятие обозначает векторную величину

ну — процесс созидания новых структур, укрепляющих страну и улучшающих фундаментальные показатели ее бытия. Лейт-мотивом Послания служит формула: «Следует принять долгосрочную программу развития...» — а дальше обозначается какая-то сфера (дороги, судостроение и пр.).

Каждый раз эта вводная фраза противоречит описанию реальности, ибо вслед за ней речь идет о *деградации* или *разрушении* этой сферы или отрасли. Иными словами, реальность описывается векторной величиной, направленной противоположно развитию. Если так, то и цели программы должны соответствовать совсем иному процессу, нежели *развитие*.

Какой смысл принимать программу развития, если продолжает действовать механизм разрушения! Ведь очевидно, что прежде надо выполнить программу по остановке и демонстражу этого механизма.

Вот аналогия: в 1941—1945 гг. в нашей стране действовал механизм разрушения нашего хозяйства — нашествие фашизма. И приоритетной была программа по уничтожению этого механизма — «Все для фронта, все для победы!». Эта цель была всем понятна, и потому «долгосрочная программа развития», начатая сразу *после* победы, сплотила общество не меньше, чем война, и была замечательно эффективной.

Более того, программа развития и вырастает только из программы борьбы против сил разрушения. Но власть не говорит этой очевидной вещи — и это тревожно. Вдумаемся в слова В.В. Путина: «Я уже несколько лет говорю о необходимости развития морских портов. В то же время, ситуация практически не улучшается... Правительство, как будто специально, никаких мер не предпринимает». Президент жалуется на Правительство — а что Федеральное собрание с таким правительством может поделать?

И так по всему кругу вопросов. «Существенным фактором... должно стать развитие речных перевозок». Какое развитие! Развитие было с 1970 по 1990 г. — объем речных перевозок вырос тогда в три раза. А за 90-е годы произошел спад в 6 раз, и никакого подъема не наблюдается. Но ведь созданный в 90-е годы механизм по уничтожению водного транспорта никуда не делся! Его надо демонтировать, чтобы стало можно вновь

развить речной транспорт. Именно этой цели и этой программы общество ждет от государства, но о ней нет и речи.

Такая же нечувствительность наблюдается в отношении процессов, идущих в социальной сфере. В Послании 2007 г. сказано: «Разрыв между доходами граждан *еще* недопустимо большой» [выделено нами — *Авт.*].

Слово «еще» искажает реальность. Оно соответствует процессу *сокращения* разрыва между доходами, а вектор реального процесса противоположен. В действительности после 2000 г. этот разрыв *увеличивается*, а не уменьшается. Если Послание имело целью дать верную картину динамики распределения доходов в России, то фраза должна была бы звучать примерно так: «Разрыв между доходами граждан *уже* недопустимо большой, но *еще* не достиг показателей Конго».

Так же и с характеристикой социального положения пенсионеров. Вчитаемся: «В тяжелые годы реформ многие, а если сказать по-честному — подавляющее большинство — пенсионеров фактически оказались за чертой бедности... Мы не вправе повторять ошибок прошлого и должны предпринять все усилия для гарантии достойной жизни пенсионеров в будущем».

Мы не вправе повторять ошибок прошлого — но почему же мы этих ошибок *не называем*! Не называем, значит, никаких гарантий от повторения подобных ошибок старикам не даем. Фраза косвенно дает понять, что «тяжелые годы реформ» остались в прошлом, большинство пенсионеров за чертой бедности — это «ошибки прошлого».

Но за год до этого на конференции выступил министр экономического развития Герман Греф и заявил, что из-за высоких цен на нефть «предстоящие реформы будут очень тяжелыми». Как сообщает РИА «Новости», Греф сказал буквально следующее: «На сегодняшний день легких и популярных реформ не осталось, они будут болезненными и будут нарушать привычный образ жизни».

Когда Президент и министр экономики дают противоположные оценки текущему моменту и в их сознании ход одного и того же процесса направлен в разные стороны, это плохой признак.

Вдумаемся в рассуждение Грефа: до сих пор реформы были, по его мнению, «легкими и популярными» — люди, мол, радовались и изъятию их сбережений, и росту тарифов на свет и газ, и монетизации льгот. Но теперь эта благодать кончается. Почему же? А потому, что теперь много денег у России, девать их некуда — и вот реформы придется сделать «болезненными». Можно ли назвать это рассуждениями разумного человека?

Греф сказал, что теперь «интересы государства будут противопоставлены интересам большой прослойки людей... И Маргарет Тэтчер сказала, по-моему, о том, что реформы, которые не задевают интересов большого количества людей, не дают больших результатов». Да мыслимо ли было в истории государство, интересы которого «противопоставлены интересам» такой большой «прослойки»? И мыслим ли был министр, который такие вещи заявляет?

Неверные определения вектору процессов давались и во время нынешнего обострения кризиса. В разгар кризиса В.В. Путин заявил на заседании Совета ЕврАзЭС (12 декабря 2008 года): «В последнее время мы, конечно, сталкиваемся с замедлением роста объемов экономики».

Но на деле *речь шла не о замедлении роста, а о спаде, о сокращении объемов производства*. Это противоположно направленный вектор! В ряде важнейших отраслей спад уже был катастрофическим. Так, в ноябре 2008 г. производство минеральных удобрений составило 48,4% по отношению к ноябрю 2007 г., а производство грузовых автомобилей 41,9%.

К различению векторных и скалярных величин, которое игнорировала власть, тесно примыкает другое важное условие рациональных умозаключений — различение *цели и ограничений*. Здесь произошел тяжелый методологический провал — из рассмотрения была почти полностью устранена категория ограничений.

В процессе целеполагания мы выделяем какую-то конкретную цель. Поскольку разные цели конкурируют, мы стремимся не беспрестанно увеличить или уменьшить какой-то показатель, а достичь его *оптимальной* (или близкой к ней) величины.

Но, определяя цель, всегда надо иметь в виду то «пространство допустимого», в рамках которого можно изменять переменные ради достижения конкретной цели. Это пространство задано ограничениями — запретами высшего порядка, которые нельзя нарушать. Иными словами, разумная постановка задачи звучит так: увеличивать (или уменьшать) такой-то показатель в сторону оптимума *при выполнении таких-то ограничений*.

Без последнего условия задача не имеет смысла. Ограничения-запреты есть категория *более фундаментальная*, нежели категория цели. Анализ «пределов» (непреодолимых в данный момент ограничений) и размышление над ними — одна из важных сторон *критического* рационального мышления. Она связана с самой идеей прогресса, развития. Ведь развитие — это и есть нахождение способов преодоления ограничений посредством создания новых «средств», новых систем и даже новой среды.

Уход, начиная с момента перестройки, от размышлений об ограничениях, в рамках которых развивалась экономика, привел к тому, что попытка преодолеть эти реальные, но неосмысленные ограничения в годы реформы обернулась крахом. Сохранение этой особенности мышления власти — одна из важных *угроз для России*.

Принципиальный дефект той мировоззренческой структуры, на основе которой производилось целеполагание реформ — *этический нигилизм*, игнорирование тех ограничений, которые «записаны» на языке нравственных ценностей. Отсутствие этой компоненты в программах больших реформ выхолащивает их смысл, лишает легитимности. Постановка цели реформы всегда предваряется манифестами, выражающими этическое кредо ее интеллектуальных авторов. Они обязаны сказать людям, «*что есть добро*» в их программе и что есть *меньшее зло* по сравнению с альтернативными программами.

Сами по себе политические или экономические инструменты или механизмы (демократия, рынок и пр.) не могут оправдывать слом жизнеустройства и массовые страдания людей. Современный капитализм и буржуазное общество могли быть построены потому, что им предшествовало построение новой нравственной матрицы — *протестантской этики*. Она пред-

ложила людям новый способ *служения Богу*, инструментом которого в частности была нажива. Именно в частности, как один из инструментов, а не как идеальная цель. Новое представление о добре и связанный с ним новый тип знания, порожденные Реформацией, легитимировали новое жизнеустройство, оправдали страдания.

Ничего похожего не имело места в эпоху Горбачева — Ельцина. За первые десять лет перестройки и реформы обществоведение реформаторов много сделало, чтобы вообще устранили из мировоззренческой матрицы власти сами понятия греха и нравственности, заменив их критерием экономической эффективности.

Н.П. Шмелев писал: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно и, наоборот, что эффективно — то нравственно» [98]. Здесь принято новое соподчинение фундаментальных категорий — *эффективности* и *нравственности*. Это радикальный разрыв с традиционной шкалой ценностей, в которой «совесть — выше выгоды». Для нашей темы важен тот факт, что власть декларировала построение правового общества, но подобными декларациями легитимировала криминальный порядок.

Реформа не просто не сформировала чего-то похожего на протестантскую этику, она сформировала ее *антипод* — этику социального хищника и расхитителя средств производства и жизнеобеспечения общества.

Если мы вспомним весь перечень частных целей, поставленных в реформе, то убедимся, что ограничения не упоминались вообще или затрагивались в очень расплывчатой, ни к чему не обязывающей форме (вроде обещания Горбачева «конечно же, не допустить безработицы» или обещания Ельцина «лечь на рельсы»).

Целеполагание — процесс динамический. Меняются обстоятельства, возникают препятствия, надо их обходить, надо корректировать курс, исправлять ошибки.

Начиная с 1988 г. регулярно наблюдалось странное явление — при возникновении какой-то общественной проблемы власть предпринимала действия, которые явно вели к ухуд-

шению положения. В обиход даже вошло уклончивое понятие «контролируемые катастрофы».

Можно предположить, что такие решения были рациональными с точки зрения каких-то скрытых целей, которые преследовали реформаторы. Но это — *«теневые цели»*, а в политике важен и *явный* дискурс власти.

Магическим действием на сознание политически активной части общества обладал иррациональный аргумент, который раз за разом использовали после очередной катастрофы политики: «Ведь что-то надо было делать!» Такое положение складывалось и при расчленении РАО ЕЭС, и реформе ЖКХ или «монетизации» льгот. В воздухе висит вопрос: «Зачем?!» — а в ответ мы слышим: «Что-то надо же делать!»

Попробуйте понять, например, зачем сломали присущую России министерскую систему управления, зачем переделывают выращенную за 300 лет систему высшего образования, зачем ликвидируют ту горстку научных учреждений, которую оставили на развод, как семенной фонд, для восстановления науки России после «переходного периода».

В этой обстановке разные ветви власти показывают небывалое равнодушие к решениям, которые они принимают. Чиновники и политики сами не знают, зачем было принято то или иное решение, и легко от него отказываются.

Вот недавний пример. 13 ноября 2009 г. Госдума приняла в третьем, окончательном чтении законопроект об удвоении базовой ставки налога на транспортные средства. Законопроект был разработан Минфином и опубликован 25 августа. Он был одобрен решением Правительства, принятом в сентябре. Сразу пошла критика из регионов. Несмотря на это, имеющая в Госдуме большинство фракция «Единой России» приняла законопроект в трех чтениях. А 17 ноября руководитель Администрации Президента Сергей Нарышкин сообщил, что депутатам рекомендовано не повышать ставку этого налога.

Рекомендовано! Оказывается, по поручению президента «кремлевская администрация собралась на совещание, пригласив представителей федеральных органов исполнительной власти, лидеров фракции «Единая Россия» и членов Совета Федерации». С. Нарышкин сказал: «Признано нецелесообраз-

ным повышать ставку транспортного налога и рекомендовано законодателям пересмотреть решение и принять норму, исключая повышение ставки транспортного налога».

«Российская газета пишет»: «И вчера же думские «единогороссы» выразили надежду, что закон о повышении базовой ставки транспортного налога, принятый Госдумой, будет отклонен Советом Федерации. Такое в современной парламентской практике случается, пожалуй, впервые — чтобы депутаты, которые потратили много слов, убеждая коллег в необходимости и срочности принятия документа, и дружно проголосовали за него, вдруг сами захотели, чтобы плод их законотворческого труда был забракован. Объяснить это можно только злым колдовством — третье чтение законопроекта выпало на пятницу, 13-е число» [99].

Надо отметить, что хотя «дружно проголосовали» именно депутаты «Единой России», эпизод красноречиво показывает состояние всей системы власти — правительства, администрации президента и самого президента. Налицо явный провал, пусть небольшой, но очень поучительный. Выяснилась неспособность всех служб подготовить приемлемое решение и оценить возможности его реализации — «нечувствительность» к сигналам «снизу». Выяснился и небывалый конформизм «винтиков» системы, депутатов. Ведь все они — из регионов, все они знали о том, как воспринимается законопроект. Они для того и нужны в государстве, чтобы не пропускать законопроекты правительства, которые не будут приняты страной. Они повели себя как мелкие чиновники, трясущиеся перед начальником. И ведь опять — никакой рефлексии. Все молодцы! Можно ли представить себе, чтобы Госдума на пленарном заседании обсудила принципиальные, методологические причины такого конфуза? О каком же авторитете может идти речь при таком поведении?

Разрушение методологической базы экономической политики быстро шло уже во время перестройки — сейчас страшно читать даже академические труды «ведущих экономистов» того времени. Это бессвязная мешанина марксистских и неolibеральных понятий и категорий с отходом от элементарных норм логики и последовательности шагов в рассуждениях.

История реформы зафиксировала такой красноречивый эпизод. В конце 1993 г. на международном симпозиуме в Москве сотрудник Е.Т. Гайдара по Институту экономики переходного периода В.В. Иванов убеждал, что «реформа Гайдара» увенчалась успехом. Последовал вопрос: «На основе каких критериев Вы и Ваши единомышленники судите об успехе реформ? В каком случае или при какой ситуации Вы констатировали бы успехи реформ, а при какой согласились бы, что они провалились?»

Вопрос этот именно элементарный, а ответ докладчика красноречив: «Я не сталкивался с критериями оценки реформ. Какое-то время я занимался методологией оценок, в частности критерием оптимальности народного хозяйства, исследовал этот вопрос, и, на мой взгляд, не существует объективных критериев оценки реформ, существуют лишь некоторые субъективные критерии».

Итак, ученый из НИИ, созданного специально для изучения хода реформ, «не сталкивался с критериями оценки реформ». Кстати, В.В. Иванов не ответил на прямо поставленный вопрос. Его же не спрашивали о том, каков «*объективный* критерий оценки реформ». Его совершенно четко спросили, каков именно *его*, сотрудника Гайдара, *субъективный* критерий. Разработчики доктрины реформы отказывались сообщить критерий эффективности, из которого они исходили!

Экономист из США (эмигрант из СССР) И. Бирман в своем докладе даже уделил этому эпизоду особое внимание. Он сказал о типе мышления Гайдара: «Он и его команда гордились тем, что они никогда не были ни на одном предприятии. А недавно люди, стоящие у власти, позволили себе сказать, что они никому не объясняли, что они делали, потому что их бы не поняли. Это заявление руководителя правительства. Для меня, уже много лет живущего на Западе, это ужасное заявление. После этого человеку надо немедленно уходить в отставку. И, пожалуй, закончить характеристику этой команды можно, коснувшись только что сказанного здесь. Человек, который защищал здесь эту политику — коллега Иванов, специалист, как он сам нам объяснил, по критерию оптимальности, — отказался охарактеризовать меру эффективности этой реформы. Надо ли к этому что-либо добавлять?» [100].

Но ведь с тех пор существенных изменений в методологическом оснащении не произошло! Следуя такому подходу, Россия и не может обрести эффективное управление, качество решений будет заведомо низким, поскольку в этой сложной деятельности необходимо применение целого арсенала инструментов, которые были испорчены или ликвидированы в 90-е годы. Этот арсенал надо восстановить и модернизировать, но об этом и речи нет.

Такая неопределенность *целей, средств, индикаторов и критериев* продолжает быть присущей всем изменениям, которые власть пытается внести в хозяйственную или социальную сферу. Это движение без компаса и карты грозит России многими бедами.

Так, с 2007 года власть опять несколько раз ставила вопрос о «переходе России на путь инновационного развития». Политики говорили о проблеме колоссального масштаба — смене «пути развития» страны, но говорили походя, не додумав ни одного тезиса. Целеполагающее слово потеряло смысл!

Сегодня инновационное развитие вместо сырьевого — императив для России, узкий коридор, чтобы вылезти из болота кризиса. Но этот тип развития и нынешняя хозяйственная система — вещи несовместные. Сейчас даже вообразить невозможно в России кабинета, где бы ежедневно собирались «у карты и ящика с песком» два десятка «генералов хозяйства», которые готовили бы планы операций по такому «переходу». Нет таких генералов и экспертов, нет такого «ящика с песком». Проблема обсуждается на уровне афоризмов и «импровизаций на тему».

Подумайте, в 2007 г. вузы России выпустили 26 тыс. специалистов по всем естественно-научным и физико-математическим специальностям и 700 тыс. специалистов по гуманитарно-социальным специальностям, экономике и управлению. Тонкий слой потенциальных молодых ученых (часть которых к тому же изымается западными вербовщиками) просто поглощен морем «офисной интеллигенции». Какое тут может быть инновационное развитие! Дух творчества, новаторства и напряженного беззаветного труда убивается самим воздухом наших мегаполисов и супермаркетов. Россия — страна гламура...

Большую тревогу вызывает общая установка, что Россия якобы уже преодолела кризис и находится на пути к процветанию. Из этого следует, что никаких стратегических решений принимать нет необходимости — все идет хорошо. В Послании 2007 г. сказано: «Россия полностью преодолела длительный спад производства».

Встает вопрос: какими показателями пользуется власть? Или власть не может называть вещи своими именами и ставить задачи, соизмеримые размеру этих вещей? Тогда что ей мешает — невозможность эта определена самим масштабом и динамикой кризиса? Но если так, то и цели должны ставиться совсем другие и совсем по-другому.

Если верить Росстату, объем промышленного производства в России к концу 2006 г. лишь на 3% превысил уровень 1980 года. В дореформенном 1990 году промышленное производство было почти на треть больше, и нам еще очень далеко до того, чтобы этот спад преодолеть, мы пока лишь слегка оживили старые парализованные мощности. А производство машиностроения в 1990 г. было на 46%, то есть почти в полтора раза больше, чем в 2006 году. С сельским хозяйством дело еще хуже — нам еще очень далеко до уровня 1980 года, и мы к нему приближаемся медленно, ежегодные приросты малы.

Провал колоссальный, ряд отраслей почти утрачен. Нужна мобилизационная *восстановительная* программа — но способна ли верховная власть ее предложить?

Целеполагание выступает в связке с *рефлексией*. Одно без другого недействительно. Невозможно ставить цель на будущее, не подведя итога прошлому как результата предыдущих решений. Но верно и обратное: если дается радикальная оценка состоянию, из которого выходит система, нельзя уклониться от целеполагания.

Эта связка в логике российской власти разорвана. Вчитаемся в такие слова Послания 2007 года: «Есть и те, кто... хотел бы вернуть недавнее прошлое. Одни — для того, чтобы, как раньше, безнаказанно разворовывать общенациональные богатства, грабить людей и государство. Другие — чтобы лишить нашу страну экономической и политической самостоятельности».

Тут — небывалое по выразительности определение недавнего прошлого («правления Ельцина»). Это была Смута, когда одни безнаказанно грабили людей и государство, а другие лишали нашу страну экономической и политической самостоятельности. Но как можно сказать такие слова и даже не намекнуть, кто конкретно грабил людей и государство, кто лишал страну независимости и, если попросту, когда состоится над ними нормальный суд согласно Уголовному кодексу Российской Федерации.

Сегодня правительству России надо принять болезненное решение — явно признать доктрину реформы 90-х годов ошибочной, закрыть эту страницу истории и начать создание принципиально иной философской и научной базы для выработки экономической политики на среднесрочный и долгосрочный период. Косметический ремонт доктрины и недомолвки были и прежде неадекватны состоянию России, а нынешнее обострение кризиса сделало их неприемлемыми.

Глава 17

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ: ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ

Рассмотрим один из векторов развития, который настойчиво предлагается для России видными представителями власти и элиты реформаторов. Он еще официально не выдвинут как национальная цель, но реализуется на практике.

В своем предисловии к «Черной книге коммунизма» А.Н. Яковлев предложил реформаторам доктрину «Семь «Д» — семь магических действий, которые надо совершить в ходе реформы. Это — формула целеполагания, обнародованная академиком РАН, членом Политбюро ЦК КПСС, «архитектором» перестройки.

Четвертым «Д» у него стоит *деиндустриализация*. Разъяснение этой немислимой цели заменено бессвязными и не имеющими отношения к теме банальностями вроде такой: «Сегодня более чем очевидно, что материальный и духовный

мир едины». Что это такое, при чем здесь это? Как из этой сомнительной сентенции вытекает, что в России надо проводить деиндустриализацию?

Главный вывод апокалиптичен и столь же нелеп. Если, мол, наши заводы будут продолжать шуметь и дымить, то: «Сначала «положим зубы на полку» из-за почвенного Чернобыля, начнем угасать от химических продуктов и других индустриальных отрав, в смоговых нечистотах. А потом что? Потом экологическая смерть». И эти безответственные суждения становились частью доктрины промышленной политики огромного государства!

Это редкостное по своей иррациональности стремление уничтожить отечественную промышленность было широко распространено в реформаторской элите. В важной перестроенной книге В.А. Найшуль пишет: «Чтобы перейти к использованию современной технологии, необходимо не ускорить этот дефектный научно-технический прогресс, а произвести почти полное замещение технологии по образцам стран Запада и Юго-Восточной Азии. Это возможно достичь только переходом к открытой экономике, в которой основная масса технологий образует короткие цепочки, замкнутые на внешний рынок. Первым шагом в этом направлении может стать привлечение иностранного капитала для создания инфраструктуры для зарубежного предпринимательства, а затем — сборочных производств, работающих на иностранных комплектующих» [77].

Такое отношение к отечественной промышленности, к национальному достоянию России, поразило специалистов во всем мире. В докладе американских экспертов, работавших в Российской Федерации, говорится: «Ни одна из революций не может похвастаться бережным и уважительным отношением к собственному прошлому, но самоотрицание, господствующее сейчас в России, не имеет исторических прецедентов. Равнодушно взирать на банкротство первоклассных предприятий и на упадок всемирно-известных лабораторий — значит смириться с ужасным несчастьем» [1].

Доктрина деиндустриализации ради «постиндустриализма» полностью противоречит всему тому знанию, которое к середине 90-х годов было накоплено о постиндустриальном

обществе Запада. Было показано, что это вовсе не «деиндустриализованное» общество, а общество *гипериндустриальное*.

Именно благодаря ускоренному развитию *отечественной* промышленности страны Запада смогли *территориально* (!) переместить ее трудоемкую часть в зарубежные предприятия или отделения своих транснациональных корпораций. Но и там производство, использующее дешевую рабочую силу, остается частью той же самой отечественной промышленности Запада.

В 80-е годы промышленные предприятия США стали переводить свои сборочные цеха в специальную зону на севере Мексики. Эти заводы платят Мексике не деньгами, а частью готовой продукции. Зарплата на них в 11 раз меньше, чем в таких же цехах в США. Уже в начале 90-х годов на этих заводах производилось 33% моторных блоков и 75% других важнейших компонентов автомобилей, выпускаемых в США [101, с. 165].

В 2000 г. в Мексике насчитывалось уже около 2 тыс. сборочных заводов, на которых трудилось 1,34 миллиона рабочих. Для экономики США эти заводы были не только источником дешевой рабочей силы, но и «кризисонеустойчивыми» предприятиями, которые желательно иметь вне собственных границ. Так, при экономическом спаде в США в 2001 г. в Мексике было закрыто около 500 таких заводов и уволено 250 тыс. работников — без всяких социальных гарантий [101].

Надо подчеркнуть, что деиндустриализация представляет прямую национальную угрозу для русского народа. Почему ее основной удар придется именно по русским как народу, национальной общности? Ведь в социальном плане все народы России несут урон от утраты такого огромного богатства, каким является промышленность страны. В этом надо разобраться, потому что политики и СМИ старательно отводят нас именно от этого *антирусского* смысла деиндустриализации.

Хотим мы этого или не хотим, но за XX век образ жизни почти всего русского народа стал *индустриальным*, то есть присущим индустриальной цивилизации. Даже в деревне почти в каждой семье кто-то был механизатором. Машина с ее особой логикой и особым местом в культуре стала неотъемлемой частью мира русского человека. Русские стали ядром ра-

бочего класса и инженерного корпуса СССР. На их плечи легла не только главная тяжесть индустриализации, но и технического развития страны. Создание и производство новой техники сформировали тип мышления современных русских, вошли в центральную зону мировоззрения, которое спланировало русских в народ. Русские по-особому организовали завод, вырастили свой особый культурный тип рабочего и инженера, особый технический стиль.

Разумеется, все народы СССР участвовали в индустриализации страны, но культура индустриализма в разной степени пропитала национальные культуры разных народов, с этим трудно спорить. И если в социальном плане осетины или якуты тоже страдают от вытеснения России из индустриальной цивилизации, то это не является столь же разрушительным для ядра их национальной культуры, как у русских. Русские как народ выброшены реформой из их *цивилизационной* ниши. Это разорвало множество связей между ними, которые были сотканы индустриальной культурой — ее языком, смыслами, образами, поэзией. А назад, в доиндустриальный образ жизни, большой народ вернуться не может.

Из него при таком отступлении могут лишь выделиться региональные «племена», которые будут пытаться освоить безмашинный уклад хозяйства и образ жизни. Но народ при такой архаизации сохраниться не может — это были бы общности с новой, совсем иной культурой, даже если бы номинально они носили звание русских. Утопия «возврата к истокам» в национальном масштабе нереализуема.

Какую часть русского народа деиндустриализация затронула непосредственно? В 1985 г. в РСФСР было 46,7 млн. *рабочих*. В 2005 г. в промышленности, строительстве, транспорте и связи было 25 млн. *занятых*. Можно приблизительно считать, что за вычетом ИТР и управленцев осталось примерно 16 млн. рабочих. Россия утратила две трети своего рабочего класса. Число *промышленных* рабочих за годы реформы сократилось с 18,9 до 8,8 млн. Сокращение этого числа продолжается в том же темпе, а молодая смена готовится в ничтожных масштабах.

Мы здесь даже не говорим о том, что деклассирование является социальным бедствием и личной трагедией для мил-

лионов людей. Это означает и глубокий регресс для тысяч малых городов, в которых остановлены заводы и фабрики. Ведь в России, в отличие от Запада, возникло понятие *градообразующее* предприятие. У нас действительно промышленность стала в Европейской части, на Урале и в Сибири центром жизнеустройства.

У нас пока что есть два десятка миллионов человек — носителей индустриальной, технологической культуры. Если бы удалось сменить курс реформ и остановить деиндустриализацию России, эти люди вместе с молодежью быстро восстановили бы то цивилизационное пространство, в котором русский народ снова собрался бы для продолжения своего пути — уже в постиндустриальное общество, на новом витке технологии. В этом сейчас наш национальный проект, вот какую цель должна была бы ставить государственная власть.

Но аутистическая утопия «постиндустриализации», которая, якобы, позволит человечеству обходиться без материального производства — промышленности и сельского хозяйства — культивировалась не только в сознании прорабов перестройки и не только в 90-е годы. Она была унаследована властью России и в период президентства В.В. Путина.

Так, министр по делам экономического развития России Г. Греф в 2004 г. представил свой образ будущего на научной конференции, которую живо обсуждала пресса. Вот выдержка из обзора: «Призвание России состоит в том, чтобы стать в первую очередь не руками, а мозгами мировой экономики!» — таков был первый тезис министра. Но он сам тут же его и де-завуировал: «Этого нельзя сделать ни за десять, ни за пять лет, но мы должны последовательно идти в эту сторону».

Попробуйте понять, что это за цель поставлена перед Россией — «стать не руками, а мозгами мировой экономики». Как эта цель может быть структурирована в программах, заданиях, финансовой и кадровой политике? Что значит «идти в эту сторону», причем последовательно?

Затем Греф назвал два возможных пути развития экономики России. При движении по первому «граждане будут получать низкую зарплату и смогут конкурировать по этому показателю со странами уровня Эфиопии, а рента с монополий

будет уходить на скрытые дотации неконкурентоспособной промышленности». Второй путь, который Грефу кажется предпочтительным, — это «не только путь борьбы за рынки, но и путь создания новых рынков».

В сознании российской элиты культивировалась утопия «постиндустриализма», при котором человечество якобы будет обходиться без материального производства — промышленности и сельского хозяйства. На упомянутой конференции Г. Греф сделал такое заявление: «Могу поспорить, что через 200—250 лет промышленный сектор будет свернут за ненадобностью — так же, как во всем мире уменьшается сектор сельского хозяйства».

И это говорится в стране, которая всего два поколения назад могла провести самую форсированную в истории индустриализацию, обеспечить прекрасным оружием Отечественную войну, выполнить точно по графику программы типа атомной и ракетно-космической. Каково было слушать целеполагающие рассуждения Грефа людям, которые планировали те программы или участвовали в них как специалисты.

Академик Н.П. Шмелев сократил срок ликвидации промышленности с 200 до 20 лет. В важной статье 1995 г. он так трактует экономические перспективы России: «Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения (2 — 3% в традиционной промышленности и 1—1,5% в сельском хозяйстве) — значит, это и наша перспектива» [21].

В этом умозаключении имеет место тяжелое нарушение логики. Давайте внимательно вчитаемся в каждую из его частей. Во-первых, откуда взялся нелепый постулат, согласно которому к 2015 году «в наиболее развитой части мира в материальном производстве будет занято не более 5%»? Это нелепая чушь.

Во-вторых, почему, «если в наиболее развитой части мира» в материальном производстве будет занято не более 5%, значит, это «и наша перспектива»? На каком основании Россия в результате деиндустриализации попадет в наиболее развитую часть мира, а не в «загон для рабов»? Где она возьмет

авианосцы, чтобы заставить бразильцев и малайцев осуществлять для нее «материальное производство»?

Мы знаем, что реформа парализовала промышленность и сельское хозяйство. Разумно было бы прекратить этот распад и заняться восстановлением народного хозяйства, это можно было бы сделать быстро, опыт восстановительных программ в России есть.

Но Сурков о таком варианте говорит, как об очевидной глупости: «Поэтому мы так долго топчемся в индустриальной эпохе, все уповаем на нефть, газ и железо. Поэтому постоянно догоняем — то Америку, то самих себя образца 1989 года, а то и вовсе Португалию. Гоняемся за прошлым, то чужим, то своим. Но если предел наших мечтаний — советские зарплаты или евроремонт, то ведь мы несчастнейшие из людей» [16]¹.

«Мы», к которым обращается власть, не мечтаем о евроремонте. Нам **нужен** нормальный ремонт теплоснабжения, чтобы наши дети и старики не замерзли зимой. «Мы» не мечтаем о зарплатах. Нам нужна советская зарплата, чтобы наши дети не страдали от недоедания и болезней. И здравый смысл говорит нам, что если мы не будем «топтаться в индустриальной эпохе», варить сталь и пахать землю, то наши дети останутся без тепла и хлеба. Потому что у нас, в отличие от «российской элиты», нет счетов в швейцарских банках, на которых лежат деньги, изъятые из ремонта нашего теплоснабжения и наших зарплат.

Пусть бы Сурков объяснил нам, как нам, «не догоняя самих себя образца 1989 года», перескочить в цивилизацию без нефти, газа и железа. С.Ю. Сурков, должностное лицо очень высокого ранга, делает в Президиуме РАН принципиально важное заявление: «Нам не нужна модернизация. Нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы... Речь действительно идет о принципиально новой экономике, новом обществе» [16].

---

¹ Вскользь отметим этический аспект этого суждения. Да, многие из нас (возможно, большинство), действительно *несчастнейшие из людей* — у нас расчленили страну, отняли заводы и землю, наши соотечественники-старики роятся в мусоре. И все это — из-за нашей несостоятельности как граждан. Нас мучает совесть. Чему же тут мы должны радоваться? Да с нами ли говорит эта власть?

Это — стратегическая концепция. Она принята государственной властью? Кто ее выработывал, кто ее обсуждал? Какую «принципиально новую экономику» будут теперь строить в России? Как и почему? О каком «новом обществе» идет речь? Как оно будет устроено, на каких основаниях? Почему «нам не нужна модернизация»? Какие альтернативные типы развития имеются в виду? Какой «сдвиг всей цивилизационной парадигмы» нам, оказывается, нужен?

Такое целеполагание — не просто угроза для России, это состояние важнейшей функции государства несовместимо с длительной жизнью страны.

Глава 18

ДЕГРАДАЦИЯ ФУНКЦИИ КОНТРОЛЯ

Функция целеполагания неразрывно связана с функцией *контроля*, без нее постановка цели является фикцией. Дегградация функции целеполагания во многом вызвана тем, что особым направлением в антигосударственной кампании перестройки и реформы была массированная атака на структуры, выполняющие функции контроля.

Было даже изобретено понятие «административно-командная система», представленная обществу как коллективный враг народа. Под прикрытием этой кампании еще до ликвидации СССР начался демонтаж многих контролирующих структур (например, таможни). В начале 90-х годов Россия, городская промышленно развитая страна, оказалась в необычной ситуации внезапного отказа механизмов, которые в норме гарантировали соответствие множества сторон обыденной реальности определенным нормам и стандартам.

Аптеки стали торговать фальсифицированными лекарствами, причем СМИ гипертрофировали масштабы этого явления, сея панику. Людей пугал сам факт внезапного отказа государства от функции надзора за такой деликатной сферой (притом, что контроль за качеством лекарств, поступавших в аптечную сеть, не был сопряжен с техническими трудностями — в отли-

чие, например, от контроля за качеством мяса от скота, забитого на подворье и продаваемого на шоссе).

От отравления фальсифицированной водкой в 1994 г. умерло 55 тыс. человек. Это шокировало: где же контролирующие органы? Кто в государстве анализирует эту информацию и принимает решение? Человек, купивший в магазине продукт, который во все времена был под жестким контролем качества, и получивший смертельное отравление, — это факт, который обрушивает легитимность государства.

Уйдя от обязанности быть контролером, государство быстро сняло с себя и функции удостоверять качество исполнения важных социальных ролей. Это создало неопределенность во всех сферах общественной жизни, и она будет чувствоваться еще долго. Например, стали открыто продаваться дипломы о высшем образовании — на переходах в московском метро стала обычной фигура молодого человека с плакатиком «Дипломы», нередко по соседству маячил и милиционер. Вагоны метро каждое утро оклеиваются множеством объявлений: «помощь в прохождении техосмотра», «помощь в получении водительского удостоверения», «больничный лист», «медицинская книжка», «справка о регистрации». На всех них есть контактные телефоны, никаких трудностей отыскать продавцов всех этих услуг не было и нет.

Один этот бизнес разрушает всю систему социальных статусов чиновников, удостоверяющих квалификацию людей или какое-то их состояние. В свою очередь, власть теряет инструменты, с помощью которых оно получало знание об обществе. Каков сегодня качественный состав инженерного корпуса России? Какая часть тех, кого государство считает дипломированными специалистами, купили свои дипломы? Это не могло не сказаться и на квалификации самих чиновников. В середине 90-х годов приходилось иметь дело с чиновниками министерств, рассуждения которых вызывали сомнения: а учился ли где-нибудь этот господин?

Однако самый тяжелый удар наносили решения по тотальной ликвидации какой-то большой функции, которая издавна считается обязательной для государства и не может исполняться никаким другим общественным институтом. Для примера приведем функцию *стандартизации*.

Введение стандартов на производство однородных изделий таким образом, чтобы они были одинаковы по размерам и качествам и могли быть взаимозаменяемы, было нововведением, означавшим возникновение *цивилизации*. Стандартизация скачкообразно увеличила производительность труда и качество изделий. В Древнем Египте были введены стандартные размеры кирпича, специальные чиновники контролировали их соблюдение. В Древнем Риме в строительстве применялись не только стандартные кирпичи, но и трубы водопроводов были постоянных размеров. Из стандартных каменных блоков строились дороги — стандартной ширины. Ясно, что стандартизация неразрывно связана с *метрологией* — наукой и практикой измерений.

В Средние века в ремесленном производстве применялись единые размеры ширины ткани, число нитей в ее основе. На пороге Нового времени введение стандартов позволило производить точный винт и точные шестерни, из чего возник прецизионный станок промышленного типа. Это был, как говорят, эпохальный прыжок «из царства приблизительности в мир прецизионности» — научная революция переросла в промышленную.

Для хозяйства было важно, чтобы единство мер и стандартов было распространено как можно шире, за племенные, региональные и национальные границы. Это единство расширяло рынок и собирало местные культуры в цивилизацию, народы в нацию, княжества и королевства в национальное государство или империю. Для государства владеть мерой значило обладать большой силой. В Древней Руси, пока не сложилось централизованного государства, объединяющим авторитетом обладала церковь, и надзор за мерами и весами был возложен на духовенство¹. Прототипы современных стандартов появились во времена Петра I.

---

¹ В 1135 г. в Новгороде специальной грамотой забота о мерах и весах поручалась церкви Святой Софии и епископу церкви святого Иоанна со ссылкой на грамоту царьградского патриарха Фотия, в которой утверждалось, что «искони от бога» было установлено «торговые весы, мерила и чаши от весов блюсти епископу без пакости». Начало государственной стандартизации в России датируется 1555 г., когда указом Ивана Грозного были установлены постоян-

Во второй половине XIX века стандартизация стала обязательной службой на промышленных предприятиях почти всего мира. Само отличие фабрики от мануфактуры заключалось прежде всего в стандартизации и единообразии производимых на каждом участке изделий, что и позволило применить в производстве *разделение труда*. Достижения стандартизации, сделанные в одной стране, быстро перенимались в промышленности других стран (так, в 1869 г. в Германии были разработаны и изданы стандарты профилей железного проката, в 1891 г. в Англии — стандарты резьбы и т.д.). Начали появляться международные стандарты. После Первой мировой войны, которая показала необходимость стандартизации для массового производства оружия и боеприпасов, в промышленно развитых странах возникли национальные организации по стандартизации.

В России было учреждено Депо образцовых мер и весов, в 1893 г. преобразованное в Главную палату мер и весов. Директором его был Д.И. Менделеев. Однако создать единую государственную систему метрологии и стандартизации в царской России не удалось, применялись три системы мер: старая русская, британская (дюймовая) и метрическая. Введение единой метрической системы мер началось сразу после установления Советской власти. В первую очередь упорядочивались системы мер и стандартов. Это решение было одним из важнейших для хозяйства декретов Советской власти. Шаг был настолько назревшим, что вся Главная палата мер и весов во главе с директором с первых же дней стала активно сотрудничать с Советской властью и готовить реформу. История этой реформы — одна из интереснейших глав в истории становления российского «общества знания» XX века. Это был настоящий подвиг и ученых, и советского аппарата, и огромного числа пропагандистов. Даже во время Гражданской войны для отливки метрических гирь был выделен драгоценный чугун, и торгов-

---

ные размеры пушечных ядер и введены калибры для проверки этих размеров. В 1761 г. в секретной инструкции Тульскому оружейному заводу было предписано, чтобы «на каждую оружейную вещь порознь мастерам иметь меры или лекала с заводским клеймом или печатью оружейной канцелярии, по которым каждый с пропорцией каждую вещь проверить мог» [102].

цы в короткие сроки были снабжены этими гириями. Первая глава в книге о ГОЭЛРО, которую написал Скворцов-Степанов, была посвящена объяснению смысла и значения реформы мер и весов, а предисловие к книге написал Ленин.

В России сложилось крупное сообщество специалистов по метрологии, и без их подвижнического труда в 20-е годы не могла бы быть проведена форсированная индустриализация 30-х годов. В 1924 г. при ВСНХ было организовано Бюро промышленной стандартизации (с 1925 г. Комитет по стандартизации), при котором работало 120 рабочих комиссий, готовящих промышленные стандарты. К 1928 г. было утверждено свыше 300 общесоюзных стандартов, получивших силу государственного закона¹. К 1932 г. Комитет утвердил 4114 общесоюзных стандартов. С 1940 г. общесоюзные стандарты стали называться *государственными* и обозначаться индексом ГОСТ. За годы войны было утверждено более двух тысяч новых стандартов.

В СССР сложилась мощная, эффективная и всеобъемлющая служба стандартизации и метрологии, которая обеспечила очень высокую степень единообразия и точности производства изделий на всех предприятиях по всей территории страны. Уже этим вся промышленность была связана в одно большое предприятие с высокой степенью разделения труда и взаимозаменяемости деталей. Это, в частности, позволило создать особый советский тип ВПК — детали, производимые в гражданском машиностроении, могли непосредственно использоваться при сборке самолетов и танков. С другой стороны, Госстандарт, непрерывно изучая множество параметров практически всей производимой в стране продукции, обеспечивал государственную власть ценнейшей достоверной информацией.

Во Всесоюзном НИИ по нормализации в машиностроении при Госстандарте велась разработка научно-теоретических основ стандартизации и нормализации. Создание тысяч межотраслевых нормалей заложило основы для быстрого прогресса в технологии машиностроения. Вся эта отлаженная за пол-

---

¹ В 1929 г. была введена уголовная ответственность за несоблюдение обязательных стандартов.

века система стандартизации была необходимым условием для рывка в высокотехнологичных отраслях — авиакосмической, судостроении, атомном машиностроении.

Этот процесс был сорван в 1991 г. Но затем были сделаны шаги, которых даже в 1992—1993 гг. никто не мог ожидать. Интересы «дикого капитализма» заставили ликвидировать важный институт индустриальной цивилизации — *Госстандарт*. Его выстраивали у нас весь XX век — и вот Правительство России начало демонтаж всей этой системы. Устранили, стали «приватизировать» — вместе с техническим надзором. Решение об отмене в России государственной стандартизации было принято без всякого диалога с инженерным и научным сообществом, почти тайно. В конце 90-х годов, когда об этом стали говорить, мало кто верил, что это всерьез.

Казалось очевидным, что создание сложных технических устройств (например, самолета) без стандартов, как универсального языка общения между тысячами специалистов, невозможно. Стандартизация — важная специальная отрасль техники, свод незыблемых технологических правил, без которых современное производство просто не может существовать. Каждый стандарт типа ГОСТа — огромный труд коллектива квалифицированных специалистов и инженеров многих предприятий. А таких ГОСТов в советской системе тысячи. Как могла подняться рука на то, чтобы разрушить национальное достояние такого масштаба? Зачем? Кто приказал?

Тем не менее, с 1 июля 2003 г. вступил в силу Федеральный закон «О техническом регулировании», согласно которому, начиная с 2010 г., ГОСТы перестают быть... обязательными для исполнения. Госстандарт ликвидирован с массовым сокращением сотрудников. Учреждено Российское агентство по техническому регулированию и метрологии, несравненно более слабое по своим возможностям. Кроме того, закон отменил всю систему отраслевых стандартов (ОСТов). Система государственных стандартов заменяется Техническими регламентами (ТР). Они разрабатываются фирмами для каждого вида продукции и утверждаются Государственной думой. Из тысяч необходимых регламентов в 2006 г. был разработан только один — по автомобильной промышленности. В других отраслях дело пока не пошло.

В Отчете Правительства перед Госдумой за 2009 г. сказано: «Серьезнейшие проблемы в системе госконтроля и надзора. Проверяли-проверяли, бумажки писали. Кучу бумаг написали, вроде все правильно, все хорошо, а трагедии произошли... Зачастую придираются по мелочам и на «пустом месте», а реальных проблем никто не видит».

Странно слышать в отчете такие признания: «реальных проблем никто не видит» именно в Правительстве, так надо сказать о причинах такой аномалии. В действительности в «куче бумаг», написанных в недрах Правительства, почти **все было написано неправильно и все нехорошо!** Начиная с ликвидации государственных норм и стандартов (см. Акт об аварии на Саяно-Шушенской ГЭС [125]). Но все это было написано согласно доктрине реформы и одобрялось Правительством.

Далее в Отчете Правительства сказано: «Сейчас мы... отменяем нормативные акты, содержащие избыточные и нелогичные ограничения. В строительстве будут упрощены требования к градостроительной документации, ликвидирована монополия госструктур на проведение экспертизы проектов».

И это — после наглядного урока катастроф и аварий! И эта установка Правительства на свертывание государственного контроля и надзора носит тотальный характер. Далее читаем Отчет: «Разного рода санитарные справочки. Это подчас приобретает характер издевательства — на килограмм произведенного мяса крестьянам приходится собирать в несколько раз больше килограммов всяких бумаг».

Какие гиперболы! А ведь килограмм мяса от забитой на подворье коровы с ящуром обойдется дороже, чем тонна «всяких бумаг». В 90-е годы в результате реформ и деградации госконтроля Россия оказалась перед новой для нее проблемой — *фальсификации* продуктов питания. Масштабы ее, судя по сводкам МВД, были огромны. Фальсифицированную водку потребляли миллионы людей — из них ежегодно около 30 тысяч (а в 1994 г. 55,5 тыс. человек) кончали смертельным исходом.

Ликвидация контроля привела к архаизации системы производства и распределения продуктов питания. Если производство мяса за годы реформы в 90-е годы упало в целом в два раза, то переработка скота на мясокомбинатах — в четыре

раза. Скот забивали на подворьях, и мясо продавали на дорогах и в подворотнях. Вот выдержка из «Государственного доклада о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году» (М., 1993, с. 99): «Настораживает расширение ареала синантропного трихинеллеза и увеличивающееся число заражающихся... Заболеваемость трихинеллезом, имеющая вспышечный характер, регистрировалась в 40 административных территориях Российской Федерации. Все вспышки трихинеллеза возникли в результате бесконтрольной торговли свиной подвальной убой без проведения санитарно-ветеринарной экспертизы... Прогноз по заболеваемости населения гельминтозами неблагоприятный. Развитие и интенсификация индивидуальных хозяйств (частное свиноводство, выращивание овощей, зелени, ягодных культур с использованием необезвреженных нечистот для удобрения) приводит к загрязнению почвы, овощей, ягод, инвазии мяса и мясопродуктов».

Такое развитие событий удалось приостановить — и вот новые планы по отмене «разного рода санитарных справок».

В целом, при ослаблении функции контроля из системы знания власти выпал один из важных блоков, совершенно необходимый для восстановления и модернизации хозяйства России. За него отвечало государство, и его отказ от выполнения этой важной функции остается необъяснимым шагом, понять который совершенно необходимо при анализе порожденных им угроз.

Глава 19

КРИЗИС И КАЧЕСТВО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОСНАЩЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

С сентября 2008 г. Россия втянулась в мировой экономический кризис. Повлиял финансовый кризис США, однако мы видим, что экономика России потеряла *кризисоустойчивость* именно в ходе реформы. В финансово-экономической системе СССР действовал целый ряд защитных механизмов, которые были разрушены в 90-е годы без всякой замены. Даже после

1998 года защит не было создано — считалось, что российская экономика защищена Стабилизационным фондом.

Признаки назревающего в США и Западной Европе кризиса стали явными в 2004–2005 гг., и ряд экономистов предупреждали, что в этот кризис будет вовлечена Россия, «привязанная» к этой системе. Но ни формальные показатели, ни предупреждения аналитиков во внимание не принимались.

Прогнозы оставались оптимистическими вплоть до конца лета 2008 г., хотя уже с мая начался отток капиталов из России. На конец 2008 г. эксперты «Внешторгбанка» прогнозировали индекс РТС на уровне 3000 пунктов. 19 мая 2008 года он достиг отметки в 2498 пункта, 26 декабря — 644,5 пункта, снизившись на 74,2%.

Такой провал в предвидении власть должна была бы объяснить. Ведь на XII Международном Санкт-Петербургском экономическом форуме (6—8 июня 2008 г.), за два месяца до обрушения российского фондового рынка, Д.А. Медведев заявил: «В мире уже обозначились новые центры экономического развития. И Россия — это один из них, поэтому она намерена участвовать в формировании новых общих правил игры на мировом рынке. Поэтому уже в ближайшее время будет принят план превращения российской столицы в мировой финансовый центр, а рубля — в одну из ведущих резервных валют».

А в ноябре глава Минэкономразвития Э. Набиуллина на заседании Госдумы заявила: «Мировой экономический кризис, который только разворачивается, показал исчерпанность модели роста российской экономики, которая у нас была в предыдущие годы». Итак, модель роста (!) российской экономики в 1991—2008 гг. исчерпана. Это значит, что эксперты правительства использовали негодные инструменты для понимания того, что происходит в экономике.

Если «модель исчерпана», то, значит, верховная власть организует анализ причин, поставит диагноз именно российского кризиса, рассмотрит альтернативные стратегии действий и объявит обществу свой принципиальный выбор новой модели экономики. Посмотрим, как выполнение всех этих обязательных операций отражено в заявлениях первых лиц государства. При-

ведем серию заявлений 2008 г., а затем важные тезисы двух Отчетов Правительства перед Госдумой (7 апреля 2009 и 20 апреля 2010 гг.). Совокупность таких утверждений представляет собой важный аналитический материал для понимания методологии принятия принципиальных решений нынешней верховной власти. Комментарии к этим утверждениям имеют именно методологический, а не политический смысл, сегодня политические схватки — это рябь на океанской волне кризиса.

25 сентября 2008 г. В.В. Путин сказал: «Россия подошла к этому кризису окрепшей, с большими резервами, с хорошо и эффективно работающей экономикой... Достаточно стабильная политическая и социальная ситуация говорит о том, что мы чувствуем себя уверенно».

Чтобы сказать «хорошо и эффективно работающая экономика», требуется назвать *индикаторы* и *критерии* оценки. Если взять динамику главных показателей (хотя бы приведенных в этой книге) и применить к ним общепринятые критерии, то, на мой взгляд, «Россия подошла к этому кризису» в состоянии деградации главных систем: техносферы и социальной сферы, кадрового потенциала и культуры.

Когда кризис разразился в полной мере, 20 ноября 2008 г. В.В. Путин дал такое определение: «Сегодняшний мировой кризис — с учетом его масштаба, как вы знаете, подобен стихии. В рамках давно созданной и действующей мировой финансовой системы его, как и природное бедствие, предотвратить было невозможно. Но что мы могли и должны были сделать — то, что делают все правительства развитых стран, — мы должны были предвидеть подобное развитие событий. И заранее должны были принять меры, чтобы пройти через кризис максимально безболезненно, без больших потерь. И можно с полным основанием сказать, что мы не растратили впустую время».

Метафора кризиса как стихии (шторма) не только ошибочна, она симптом важного методологического изъяна — натурализации общественных явлений. Кризис — творение современной культуры (уже постиндустриальной) и не имеет ничего общего со стихией. На стихию сваливают, чтобы оправдать собственное бездействие. Но эти метафоры формируют мыш-

ление. Любая программа вырабатывается исходя из представления о реальности и с помощью определенного набора познавательных инструментов.

Сказано: «Мы должны были предвидеть... Мы должны были принять меры...». Почему же «не предвидели» и «не приняли»? Причина — в самом типе рациональности, который сложился в интеллектуальной элите реформаторов, в аутистическом мышлении и утопии вхождения в «Запад»¹. Китай, Индия, большинство арабских стран от кризиса почти не пострадали.

В.В. Путин сказал о том, почему кризис были неизбежен в России: «Россия стала частью мировой экономики, и это неплохо. Но сегодняшнее событие [кризис] — это и плата за то, что мы так стремились стать частью этой мировой экономики... За что боролись, на то и напоролись».

Как это понять? Россия всегда была «частью мировой экономики». Другое дело, что Россия с 90-х годов изменила себе и вошла в мировую шайку спекулянтов.

Но что же в этом хорошего? Кто эти «мы», которые «так стремились стать частью этой мировой экономики»? Это в России очень небольшое меньшинство. Но социальные тяготы как плата за это вхождение ложатся на большинство, которое его не желало. По вопросу, зачем российскому хозяйству надо было «бороться» за право участвовать в чужих кризисах, правительству следует объясниться с обществом, ибо вопрос это фундаментальный.

В январе 2009 г. В.В. Путин сказал в интервью: «Российская экономика является открытой, мы ввели 1 июля 2007 года правила, полностью либерализующие финансовый рынок, и мы сохраняем этот режим, несмотря ни на какие финансовые сложности. Мы к иностранным инвесторам будем относиться так же, как и к своим собственным, как к родным».

Каковы же результаты такой открытости? Примером могут служить ее последствия для одной из крупнейших горно-металлургических компаний России — группы «Евраз» (41% ее

---

¹ Чуть позже, в январе 2009 г., в Давосе В.В. Путин сказал: «Кризис, безусловно, висел в воздухе. Однако большинство не желало замечать поднимающуюся волну». Но ведь долгие все «не желало замечать» именно российское правительство! Вот что следовало бы объяснить.

акций владеет Р. Абрамович). Она зарегистрирована в Люксембурге, формальным собственником 76% акций является фирма «Lanebrook» (Кипр), бумаги группы «Евраз» торгуются на Лондонской бирже и не имеют хождения в России. В мае 2008 года капитализация группы «Евраз» составляла 46,12 млрд. долл., а после 19 ноября составила 1,95 млрд. Огромный кусок промышленной собственности России — большой комплекс стратегических предприятий — в результате спекуляций на Лондонской бирже потерял 95,8% своей стоимости.

Какая часть российской промышленности ушла за бесценок за время кризиса? Как относится к этому власть? Ведь частью мировой экономики стало достояние России, превращенное в акции Абрамовича. Да как же может страна преодолеть кризис с таким «бизнесом»? Это черная дыра, а не «эффективные собственники». Должна же, наконец, власть объясниться с обществом по этому пункту!

Кстати, в свете нынешнего «перераспределения активов», заложенных для получения западных кредитов, приватизация 90-х годов видится в новом свете. Она выглядит как подготовительный этап продажи за бесценок всей прибыльной части российского хозяйства западным «компаньонам» — с последующим «распилом» добычи. Эвакуация туда же акул российского бизнеса, их жен и детей уже подготовлена — деньги частично отмыты, коттеджи обжиты, гувернантки наняты. А нынешний кризис стал для этой эпохальной акции удобным поводом провести новый «залоговый аукцион» российских предприятий. Да заодно разделить среди «олигархов» и тот Стабилизационный фонд, деньги из которого Россия так старательно поливала на Поле чудес Уолл-стрит.

Когда В.В. Путина попросили прокомментировать тот факт, что «с августа прошлого [2008] года из России «утекли»

---

¹ По сообщениям прессы, экс-заместитель председателя Госдумы, ныне председатель совета директоров группы «Еврофинанс», Михаил Юрьев, на этот счет высказался так: «Сейчас сложно сказать, для каких предприятий будет критично перейти в руки иностранцев, для каких — нет. Вообще, эта проблема не столь актуальная, как ее пытаются представить. Допустим даже, часть заложенных активов за долги перейдет иностранным инвесторам. Ну и что? Сейчас эти активы стоят в разы дешевле, чем суммы долгов. То есть можно только порадоваться за наших, и пожалеть иностранцев».

270 млрд. долларов», он ответил: «Это связано с так называемым спекулятивным капиталом или с портфельными инвестициями: они приходят в экономику, рассчитывая получить быструю прибыль, и так же быстро уходят... Мы здесь не видим ничего страшного. Но что важно и на что я хотел бы обратить ваше внимание — ваше и наших потенциальных инвесторов — мы считаем, что отток капитала в данном случае способствовал бы росту доверия, потому что мы не ограничили вывод капитала и не намерены это делать в будущем».

Как это понимать? Отток спекулятивного капитала обесценил акции, под залог которых российские компании брали кредиты. С мая по ноябрь 2008 года акции российских предприятий потеряли 1 трлн. долларов, но правительство в этом «не видит ничего страшного»! Какие странные критерии.

В.В. Путин так представляет генезис российского кризиса: «Кризис начался в Соединенных Штатах, которые, по сути, в результате своей финансовой и экономической политики довели до кризиса и «заразили» этим кризисом экономики практически всех ведущих стран мира».

Даже если так, известно: чтобы не заразиться, надо соблюдать правила гигиены — мыть руки и пр. А российское правительство само старалось навязать России «американскую заразу».

Вот справка из статьи М. Гельмана: «В 2007 г. общий объем торгов валютой, акциями и различными финансовыми бумагами на всех площадках Группы РТС достиг почти 18 триллионов, увеличившись за год в 6 раз, а Группы ММВБ—107 трлн. рублей, увеличившись за год вдвое. Суммарно это составило 125 трлн., или более 200% по отношению к обороту всех отраслей экономики. Налицо очередной результат слепого копирования пороков американской финансовой системы — громадный «мыльный пузырь». Замечу, что все приведенные выше исходные данные размещены в официальных документах различных организаций, министерств и ведомств. Однако ни одного сводного среди них, где приводились бы результаты сопоставления показателей, хотя бы те, которые изложены в статье, обнаружить не удалось... Среди публикуемых Центробанком показателей эти сведения отсутствуют. Хотя имен-

но ЦБ и Минфину вменено в обязанность контролировать финансы страны и их обращение» [103].

13 октября 2008 г. В.В. Путин заявил: «Многие наши предприятия кредитовались за рубежом. Сейчас этот механизм практически не работает. А сроки исполнения обязательств по погашению задолженности наступают. Мы должны предложить нашим компаниям альтернативные — внутренние — источники рефинансирования ранее полученных иностранных займов. И тем самым защитить активы российских предприятий от распродажи по явно заниженным ценам».

20 ноября 2008 года В.В. Путин добавил: «Сегодня нам необходимо решать вопрос кредитования отечественных компаний и предприятий — практически полностью за счет собственных финансовых ресурсов. Все возможности для этого есть. Национальные сбережения в России находятся на достаточно высоком уровне. Отечественная экономика генерирует большой объем доходов».

Разумная мысль. Но почему она возникла только «сегодня»? К тому же она полностью противоречит установке Правительства на стерилизацию российских денег в иностранных банках. Надо же объяснить, почему Правительство в течение нескольких лет побуждало «наши предприятия» делать долги за рубежом¹.

Вспомним, как министр Г. Греф объяснял, почему деньги надо хранить за границей и не вкладывать в российскую экономику: «Стабилизационный фонд нужно инвестировать вне пределов страны для того, чтобы сохранить макроэкономическую стабильность внутри страны. Как это ни парадоксально, инвестируя туда, мы больше на этом зарабатываем. Не в страну!» Надо же как-то объяснить это странное положение. Экономическая политика превратилась в театр абсурда — Россию заставили спекулировать деньгами вместо восстановления своего производства.

Вот еще одна высказанная В.В. Путиным установка: «Финансовый и экономический мировой кризис нам в известной степени даже немного помогает. Почему? Потому что застав-

---

¹ Российские корпорации брали кредиты на Западе под 10—15% годовых, а Правительство размещало свои деньги за рубежом под 3 — 4% годовых.

ляет нас действовать более рационально, заставляет нас применять новые технологии, заставляет оптимизировать производство, повышать качество персонала, заниматься переподготовкой кадров».

Видимо, это ирония, ибо и без всякого кризиса правительство обязано «действовать рационально, оптимизировать производство и пр.». А вот кризис — это *чрезвычайный* период, когда эти постоянные обязанности отходят на второй план ради *спасения* структур страны. Для этого приходится принимать решения, неоптимальные в стабильный период, как это часто бывает в обыденной жизни — во время пожара поведение резко меняется.

В.В. Путин говорит, какая нам удача привалила с девальвацией рубля, к которой вынудил кризис: «Текущий курс национальной валюты, безусловно, улучшает конкурентные позиции российских производителей как на внешнем, так и, что особенно важно, на внутреннем рынке. Многие из вас это хорошо знают. Когда я посещал некоторые предприятия, говорил с рабочими, с руководителями, с менеджментом, так прямо и говорили: три дня назад курс изменился, мы можем решать нормально наши вопросы, можем реализовывать свою продукцию на внешнем рынке и на внутреннем».

Да, рабочие у нас умеют с начальством разговаривать. Но если так, почему правительство не провело «плавную девальвацию» давно? Зачем оно пять лет стимулировало внешние заимствования, держало высокий курс рубля и тем подавляло отечественное производство? Оно нарочно вредило России или не догадывалось, как хорошо иметь слабый рубль?

В Отчете Правительства перед Госдумой за 2008 г. было сказано: «Построено 2300 (км) автомобильных дорог; завершен ключевой этап реформирования электроэнергетики, и обращая ваше внимание, переход к новому устройству энергетического хозяйства прошел без единого сбоя».

Очень странно, что рядовой (и весьма небольшой) ввод в действие автомобильных дорог упоминается в одной фразе с сообщением о «завершении ключевого этапа реформирования электроэнергетики». Почему? Ведь реформа РАО ЕЭС — глубокое изменение не только в экономике, но и во всем жизнеустройстве России. Можно было ожидать, что правительство

сообщит, какой благотворный эффект оказывает на хозяйство России реформа РАО ЕЭС, если уж ключевой этап завершен. Что улучшилось и что ухудшилось?¹ Неясно, например, кто отвечает теперь за содержание магистральных теплосетей, которых никто не хотел взять на свой баланс при расчленении РАО ЕЭС. И почему, вопреки утверждениям Чубайса, что реформа РАО ЕЭС приведет к снижению тарифов на электроэнергию в три раза, они повысились на треть?

Информация о завершении приоритетных национальных проектов давалась в таких формулировках: «В сфере образования выполнены практически все задачи нацпроекта».

Это совершенно формальная фраза, а по сути обществу надо знать, что реально улучшилось «в сфере образования». Каковы индикаторы и критерии улучшений? Российские школьники стали лучше решать задачи и понимать учебные тексты? Изменилась трудовая мотивация выпускников средних школ? Критерии оценки неадекватны, но на это правительство не обращает внимания.

Рассмотрим теперь ряд утверждений, сделанных в Отчете Правительства перед Государственной думой — в 2010 году. Доклады делал В.В. Путин, но Отчеты готовились в экономическом и социальном блоках правительства и дают хороший материал для понимания особенностей той методологической системы, в которой работают министерства. Хотя по смыслу многие утверждения двух докладов дополняют друг друга, мы ради простоты рассмотрим последний Отчет (апрель 2010 г.).

Прежде всего, бросается в глаза, что Отчет наполнен выражениями и понятиями, которые создают неопределенность в принципиально важных утверждениях. Перечислим часть из них для примера.

«В 2009 году сокращение российского ВВП было рекордным — 7,9 процента». Что значит «рекордный», по сравнению с какими странами или периодами? Если речь идет о периоде реформ экономики Российской Федерации, то в 1992 г. сокращение российского ВВП составило 14%.

---

¹ Кстати, как раз накануне этого Отчета вышел из ремонта и был введен в эксплуатацию второй гидроагрегат Саяно-Шушенской ГЭС — «новое устройство энергетического хозяйства» двинулось к первому сбою.

«Мы встретили кризис, имея за плечами почти 10 лет экономического роста». Что понимается под «экономическим ростом»? После 2000 г. происходило *оживление* омертвленных в 90-е годы производственных мощностей. Средства для этого были получены не благодаря «росту», т.е. расширенному воспроизводству материально-технической и кадровой базы народного хозяйства, а вследствие конъюнктурного фактора мирового рынка. Параллельно с этим «ростом» происходила, на некоторых направлениях даже с ускорением, деградация основных фондов (например, ЖКХ, сельского хозяйства, ряда ключевых отраслей) и «человеческого капитала» (структуры и качества трудовых ресурсов).

Называть рост объема производства за счет загрузки простаивающих мощностей — методологическая ошибка, характерная для всей доктрины реформ. Это — пример подмены понятия *фонд* (*запас, stock*) понятием *поток* (*flux*). Экономический рост — это расширенное воспроизводство основных фондов, шире — экономического потенциала¹.

Далее в Отчете говорится: «Сам характер российской экономики принципиально изменился. Если не принципиально, то существенным образом изменился». При этом не определен смысл понятия «характер российской экономики». По сравнению со второй половиной 90-х годов **не изменились** следующие важные черты этого «характера»:

- структура ВВП (сырьевая направленность экономики);
- инерционные массивные тенденции износа основных фондов и трудовых ресурсов;
- социальная система хозяйства (распределение собственности и доходов);
- структура технологических укладов и система научно-технического обеспечения экономики;
- воспроизводство потребностей населения, из-под которого в 90-е годы «выскользнула национальная почва» (Маркс);

---

¹ Ряд западных экономистов, а в России Ю.В. Яременко подчеркивали, что экономический рост — это рост национального богатства (а не только продукта). А значит, измерять надо не только *потоки*, но и динамику *запасов, фондов*.

— степень зависимости от состояния дел в «метрополии» мирового капитализма, что и показал кризис 2008—2009 гг.

Что же изменилось такого, чтобы говорить об изменении *характера* российской экономики?

Следующая фраза из Отчета: «Мы предотвратили разрушение реального сектора и финансовой системы. И главное — не допустили падения реальных доходов населения». Из чего видно, что России грозило «разрушение реального сектора и финансовой системы»? В каких странах произошло такое разрушение? Каков точный смысл, параметры и индикаторы того явления, о предотвращении которого говорит в своем Отчете правительство? Применяя такие неопределенные понятия, можно сказать, что и правительство Гайдара «предотвратило разрушение реального сектора и финансовой системы». Но тогда само утверждение теряет смысл.

Что касается финансовой системы, то в 2009 г. банки не только не сократили выдачу кредитов физическим лицам, но даже увеличили ее в той же пропорции, что и в предыдущие годы (рис. 22). Разве стала бы это делать система «на грани разрушения»? Разве банкиры выбрасывались из окон небоскребов, как в годы Великой депрессии?

Странно также, почему «не допустить падения реальных доходов населения» считается **главным** по сравнению с «предотвращением разрушения реального сектора и финансовой системы». Ведь если реальный сектор будет разрушен, то и реальные доходы населения упадут. Непонятно, каковы цели, ограничения и критерии принятия решений Правительством.

Далее: «В разгар кризиса существовала реальная угроза потери российских стратегических активов, их просто могли распродать за бесценок в том случае, если бы наши крупные компании не смогли рассчитаться с западными кредиторами, с западными банками, где эти стратегические активы были размещены в качестве залога. Мы вместе с вами не допустили этого негативного развития событий».

Какими данными обосновано утверждение о том, что «мы вместе с вами не допустили этого негативного развития событий»? Правительство обещало помочь «отдельным компани-

ям» в размере 10% их долга, 30% долга отдали сами предприятия. Что произошло с 60% заложенных собственниками активов? Ведь «кризисы» используются для изъятия у некоторых стран их национальной собственности в виде предприятий.

Мы знаем долю акций, которыми владел иностранный капитал в начале XX века по всем главным отраслям российской экономики, уместно было бы привести такие данные и для начала 2010 года — как довод в пользу сделанного утверждения.

«Мы стремились предотвратить критический рост безработицы... Всего же программы поддержки занятости охватили 2,8 млн. человек». Каков, по установкам Правительства, критический для России уровень безработицы? Удалось ли предотвратить критический рост или Правительство отчитывается о том, что оно «стремилось» сделать? Что значит «программа охватила человека»? Что конкретно с ним после этого стало? По какому принципу выбирали тех, кого Правительство решило «охватить» программой?

На начало декабря 2008 г. число безработных в России составило 5 млн. человек, увеличившись за ноябрь на 400 тыс. В конце декабря оно достигло 5,8 млн. человек, а в марте 2009 г. 7,1 млн. Рост числа безработных на 54% за 5 месяцев — критический или нет? В марте 2010 года безработных в России было 6,4 млн. человек.

Меры, которые принимает правительство (переподготовка работников, организация общественных работ и миграция в другие регионы), **несоизмеримы** с тяжестью проблемы. Для каких производств можно переподготовить 6 миллионов безработных, какие регионы в них нуждаются?

Но в Отчете говорится: «Кстати говоря, и собственники предприятий, и менеджмент — они тоже достаточно бережно относятся к кадрам». Что значит **достаточно** бережно? Как это оценило Правительство? Как это оценивают сами «кадры», к которым бережно относятся и собственники предприятий, и менеджмент? Утверждение не содержит ни индикаторов, ни критериев, которые придали бы ему рациональный смысл.

«Впервые с середины 90-х годов стабилизировалась численность населения России». Речь идет о естественном приросте (или убыли) населения, но почему за точку отсчета при-

нята середина 90-х годов? Естественная убыль населения была зарегистрирована уже в 1992 г., и это было важнейшим следствием реформы — зачем же игнорировать результат первой половины 90-х годов. Наконец, на основании каких данных Правительство утверждает, что в 2009 г. «стабилизировалась численность населения России»? Ведь, согласно данным Росстата, естественная убыль населения составила в 2008 г. 2,6 и в 2009 г. 1,8 человек на тысячу. Убыль уменьшилась, но ведь это все-таки убыль, а не стабилизация численности.

Далее в Отчете: «Введено в эксплуатацию 3 тыс. километров федеральных и региональных автомобильных дорог, на 700 километров больше, чем в 2008 году. В царские времена, в 1903—1904 годах, сделали Транссиб, и больше ведь ничего нет фактически. Вот мы с вами впервые сделаем первую автомобильную дорогу, которая будет связывать Европейскую часть и Дальний Восток. Это большое событие... Но, кстати сказать, и Транссиб, и БАМ строились в связи с возможными военными действиями, в связи с военной угрозой как минимум, а мы делаем с вами автомобильную дорогу в плановом порядке. **Впервые что-то делаем в плановом порядке**».

Как понимать, что в России «сделали Транссиб, и больше ведь ничего нет фактически»? Почему строить что-то в связи с военной угрозой, значит делать «не в плановом порядке», а строить дорогу без военной угрозы — значит, что «мы делаем с вами автомобильную дорогу в плановом порядке»? И почему Правительство не обнародует своих конкретных планов, если оно их, оказывается, разрабатывает. Кстати, хотелось бы знать, что строит Правительство вместе с депутатами Госдумы.

Число «3 тыс. километров федеральных и региональных автомобильных дорог» мало что говорит даже депутатам. Много это или мало? Такие величины надо помещать в какую-то систему координат со стандартами сравнения. Например, сообщить что в 1990 г. было введено в строй 12,8 тыс. км дорог такой категории (а вместе с дорогами с твердым покрытием местного значения — 41 тыс. км). Сейчас дорог местного значения вообще не строят.

«Будут внесены принципиальные изменения в идеологию разработки и использования бюджета. В рамках госпрограмм

будут сконцентрированы все средства... Это будут программы по образцу государственной программы развития сельского хозяйства». Из чего исходит такая странная идея? Что значит «принципиальные изменения в идеологии разработки и использования бюджета»? Смысл предполагаемого революционного изменения совершенно не раскрыт.

Как могут быть «в рамках госпрограмм сконцентрированы все средства»? Это невозможно, никакая программа не может быть выполнена без постоянной институциональной поддержки систем учреждений и организаций. Программы — это действие по изменению систем, но они всегда являются надстройкой стабильной системы. А эта стабильная системы требует значительных средств для ее содержания (воспроизводства), которые поступают в виде разного типа институциональных ассигнований.

Почему за образец взята государственная программа развития сельского хозяйства? Разве она официально признана успешной? О ее результатах практически ничего не известно.

Далее: «Уважаемые депутаты, уверен, что вы помните, как год назад в этом зале остро звучал вопрос о проблемах сельского хозяйства. В 2009 году объем помощи селу из бюджетов всех уровней составил порядка 300 млрд. рублей. Еще более 776 млрд. рублей сельхозпредприятия привлекли в виде кредитов, из них 453 млрд. — на льготных условиях, по ставкам, которые субсидируются государством».

Что значит «объем помощи селу из бюджетов»? Это субсидии (в том числе для получения кредитов)? Много это или мало? Какие «проблемы сельского хозяйства» эта помощь позволила решить? Ведь это не бухгалтерский отчет. Сумму 300 млрд. рублей надо встроить в систему координат с определенной шкалой — сообщив о помощи государства сельскому хозяйству в дореформенный советский период и в рыночной экономике США и ЕС. Иначе эта сумма ни о чем не говорит. А, например, график динамики инвестиций в сельское хозяйство РСФСР и РФ (см. рис. 18) позволяет взвесить величины.

Далее: «Очень много проблем сохраняется в здравоохранении, хотя за последние годы нам кое-что удалось там сделать. Ну, например, только за прошлый год программой «Родо-

вой сертификат» воспользовались 1600 тыс. женщин». Почему для характеристики того, что «удалось сделать» в здравоохранении, применен такой странный индикатор? «Родовой сертификат» — новый способ оформления рожениц, поступающих в роддом. Сама полезность этого способа не измерялась и не обсуждалась. Тот факт, что 1600 тыс. женщин лояльно выполнили новые формальности (а какие были альтернативы?), никак не говорит о достижениях в здравоохранении.

«Потребность в высокотехнологичной медицинской помощи сейчас удовлетворяется на 60%, хотя еще несколько лет назад такие услуги были доступны только каждому десятому гражданину нашей страны.

Каковы параметры, индикаторы и критерии, с помощью которых сделаны эти выводы? Речь идет об измерении сложного и плохо формализованного явления, в описании которого все понятия размыты — и вот, без всяких ссылок на методологию и методики объявляется точный результат — 60%. Он вызывает большие сомнения. В каких документах и в какой форме фиксируется потребность в медицинской помощи, которую медицинское учреждение не удовлетворяет по причине ее «недоступности»?

Не сказано, каким образом удалось «за несколько лет» поднять «удовлетворение потребности» с 10% до 60%? Откуда взялись в России все эти «высокие технологии» — оборудование, материалы, квалифицированные специалисты? Как могло общество всего этого не заметить?

Как объяснить, что на субъективном уровне не ощущается такого резкого улучшения здравоохранения? Напротив, нарастает ощущение прогрессирующего неблагополучия в массовом здравоохранении из-за его бюрократизации, нехватки средств и снижения квалификации и мотивации персонала.

«Правительство в сфере страховой медицины добивается прежде всего... четкого определения объемов финансового обеспечения госгарантий оказания бесплатной медицинской помощи на основе единых стандартов и подходов».

Что имеется в виду? Как может «госгарантия оказания бесплатной медицинской помощи» базироваться «на основе единых стандартов и подходов»? Медицинская **помощь** по

определению должна соответствовать конкретному заболеванию конкретного пациента. Судя по утверждению, Правительство озабочено не тем, чтобы врачи лечили болезнь, а чтобы они расходовали полагающийся «объем финансового обеспечения госгарантий». При этом теряет смысл само понятие здравоохранение. Разве охранение здоровья от болезни исходит из лимитов, выведенных на основе единых стандартов? Здравоохранение — система коммунальная, а не индивидуальный рацион услуг. Если бы каждый требовал положенную ему по единому стандарту сумму, то большинство тяжелобольных просто умерли бы.

Требуется разъяснение этого важного пункта, он звучит слишком угрожающе, тем более в свете следующего тезиса: «Это даст возможность оказывать медицинскую помощь людям в строгом соответствии с государственными стандартами».

Впервые объявлено о столь необычном намерении Правительства. Принцип здравоохранения — оказывать медицинскую помощь «в строгом соответствии с медицинскими показаниями». Этот принцип отвергается?

«Деятельность компаний в области здравоохранения и образования будет освобождена от налога на прибыль. Это касается как некоммерческих организаций, так и коммерческих структур». Как это понять? Всегда считалось, что некоммерческими называются организации, не извлекающие из своей деятельности прибыль.

Далее: «В 2009 году мы не только решали неотложные проблемы, но и не теряли времени для системных преобразований». Какие из проведенных в 2009 г. преобразований Правительство считает «системными»? Из всех перечисленных в Отчете дел выбрать системные преобразования очень непросто.

В ряде приведенных утверждений очень неопределенной является мера. Но в некоторых случаях нарушение меры столь значительно, что возникает несоизмеримость в структуре утверждения. Вот примеры таких случаев: «За 2008—2009 годы Фонд реформирования ЖКХ вложил 166 млрд. рублей в капитальный ремонт многоквартирных домов и расселение аварийного фонда. Отремонтированы дома, в которых проживает —

конечно, это была крупномасштабная работа, да она и продолжается—11 млн. 300 тысяч человек. В новые квартиры въехали либо оформляют документы на переселение 165 тысяч семей».

Утверждается, что на 166 млрд. рублей сделан капитальный ремонт многоквартирных домов, в которых проживают 11 млн. 300 тысяч человек. В среднем по России на 1 человека приходится около 20 м² жилья. Значит, сделан капитальный ремонт жилищного фонда площадью 226 млн. м². Выходит, стоимость ремонта 1 м² составила 735 руб. Между тем, согласно опубликованной официальной смете капитального ремонта на 2008 г., цена ремонта 1 м² в среднем по России составляла 19,5 тыс. руб. Это в 26,5 раза больше того, что затратил Фонд реформирования ЖКХ.

Даже если предположить, что кроме Фонда реформирования ЖКХ примерно такую же сумму в ремонт вложили региональные бюджеты (о чем в Отчете не сказано), все равно величина вложенных средств и реальная стоимость ремонта несоизмеримы между собой.

В Отчете уточняется: «В этом [2010] году на программы Фонда будет направлено 85 млрд. рублей. Это позволит провести капитальный ремонт в 26 тысячах многоквартирных домов площадью 60 млн. кв. метров и переселить из аварийного жилья еще несколько десятков тысяч человек».

Иными словами, и в 2010 г. стоимость капитального ремонта оказывается менее 1 тыс. руб. за 1 м² (поскольку на 85 млрд. руб. предполагается часть жителей аварийных домов, не поддающихся ремонту, расселить в новые квартиры). На 1 тысячу рублей трудно сделать и косметический ремонт 1 метра жилья, а капитальный ремонт включает в себя ремонт несущих конструкций, замену кровли и инженерных коммуникаций.

В этом разделе Отчета, видимо, есть какая-то нестыковка количественных данных.

Сходная несоизмеримость присутствует в утверждении, посвященном основным фондам здравоохранения. В Отчете сказано: «Сегодня более 30% всех лечебных учреждений страны находятся в аварийном или требующем капитального ремонта состоянии. И это несмотря на все то, что уже было сделано в рамках национального проекта. Многие поликлиники

и больницы не имеют достаточного оборудования для оказания медпомощи в соответствии с современными требованиями. Поэтому в течение двух ближайших лет мы выделим около 300 млрд. рублей на приведение всей сети здравоохранения страны в порядок».

Понятно, что 300 млрд. руб. — это сумма, которую Правительство посчитало возможным выделить на то, чтобы разрешить самые критические угрозы, возникшие из-за износа основных фондов. Но зачем говорить, что эти средства даны «на приведение всей сети здравоохранения страны в порядок»? Ведь масштаб проблемы и размер выделенных средств несоизмеримы. Чтобы определить масштаб проблемы, надо было бы сказать, сколько денег «недовложили» в сеть здравоохранения за 20 лет по сравнению с нормальными затратами на ее воспроизводство (на строительство, капитальный ремонт зданий и сооружений, на содержание и обновление приборов и оборудования).

В России около 50 тыс. больниц, поликлиник и других лечебных учреждений. 30% зданий (около 16 тыс.) надо сносить и капитально ремонтировать. Приборный парк надо закупать практически полностью, он изношен физически и морально до предела. 300 млрд. руб. — это в среднем по 6 млн. руб. на одну больницу или поликлинику. В Москве это стоимость однокомнатной квартиры. Можно ли на эти деньги привести в порядок здание и оборудование больницы? Так зачем создавать иллюзии! Гораздо важнее помочь обществу осознать суровую действительность, преодоление которой потребует от государства и населения больших, даже самоотверженных усилий.

Очень странной «количественно и качественно» представляется следующая инициатива Правительства в отношении «пожилых граждан»: «На лицевые счета пожилых граждан государство будет зачислять по одной тысяче рублей в год. Эти деньги могут быть использованы в качестве соплатежа за медицинскую страховку. А если в течение определенного периода времени необходимости обращаться к врачу не будет — средства будут зачисляться на пенсионный счет гражданина. Понятно, да? Гражданин имеет тысячу, обратился к врачу, значит от туда пошло софинансирование. Не захотел идти к врачу, нет необходимости, значит, эта тысяча пойдет на пенсионный счет».

Недоумение вызывает сама формулировка «соплатежа за медицинскую страховку». Что это такое? Каждый гражданин имеет полис медицинского страхования и никаких платежей за него не вносит. Разве он, обращаясь к врачу, совершает какой-то платеж, к которому теперь может присовокупить свою данную государством тысячу? Куда, в какое окошечко он эту тысячу протянет? А если он не захочет пойти к врачу, кому и как он докажет, что у него «нет необходимости»? И что это за «пенсионный счет», на который кто-то перечислит тысячу рублей и с которого старик может эту тысячу взять? У кого есть такие счета и как оттуда можно получить деньги?

Но главное возражение вызывает сама идея: вот тебе тысяча рублей, хочешь — лечись, хочешь — потратить на что хочешь. Эта идея принижает сам смысл социального здравоохранения как формы «коллективного спасения», она соблазняет людей тем, что деньги на медицину — **твои**, потратить их **на себя**. Здесь — высказанный пока неявно отказ от здравоохранения и сдвиг к покупке медицинских услуг. Это — ложная рыночная утопия, которая уничтожает великое достижение цивилизации и социального государства.

Если реализация этой утопии заходит далеко, право на здоровье остается только у очень небольшого богатого меньшинства. А строго говоря, **ни у кого**. На Западе богатые люди, заболев серьезно, обращаются к системе социального здравоохранения — сидят в очереди в поликлинике, ложатся в общую палату в больнице. Потому что только эта, организованная государством, коммунальная система обладает возможностью создать и содержать целостную научно-техническую, информационную и организационную основу современной медицины. Без этой основы за свою тысячу никто не получит никакой помощи, ему порекомендуют отвар медвежьего ушка. А основа создается, когда эту тысячу каждый отдает в общий котел, а не «тратит на себя». Если он здоровяк, на эти деньги покупают томограф, чтобы лечить его незнакомого соотечественника, а здоровяку дают уверенность, что в случае чего и на него не пожалеют миллион. А с такой уверенностью и чистой совестью и умирать легче.

Зачем все эти странные инициативы, зачем мучить старых людей неведомыми и небывалыми проблемами и расчетами?

Если есть возможность — увеличьте всем пенсию на 83 руб. 33 коп. в месяц, и дело с концом. Хочет — прикупит себе медвежьего ушка, хочет — выпьет с приятелем пару кружек пива.

В Отчете уделено существенное место доктрине инновационного развития. Сказано, в частности: «Посткризисное развитие экономики мы связываем, прежде всего, с технологическим обновлением. ... Прямо скажем, пока серьезного эффекта, к сожалению, не ощущаем».

Благие пожелания и надежды — это, вообще-то, не жанр Отчета. Здесь от Правительства ожидали объяснения того факта, что «пока серьезного эффекта не ощущаем». А ведь разговор идет с 2001 года. Вопрос к Правительству: от каких реальных мер ожидали ощутить «серьезный эффект»? Ведь научно-техническая политика устранена в России сознательно и кардинально. Это был конкретный и политически оформленный исторический выбор, о его пересмотре и речи нет. Чубайс в нанотехнологиях и Вексельберг в Силиконовой долине — это и есть символическое выражение доктрины инновационного развития.

Можно ли принять следующие причины, которыми Правительство объясняет в Отчете отсутствие реальных сдвигов к инновационному типу развития?

«Во-первых, не наработана правоприменительная практика. Есть проблемы с администрированием. Многие компании просто не научились пользоваться предоставленными льготами. И налоговая служба должна помочь бизнесу разобраться в налоговых новациях, а не преследовать за несущественные ошибки». Это — уход от фундаментальных причин. Они в том, что за 20 лет практически демонтирована вся отечественная система научно-технической деятельности, подавлена мотивация всех участников инновационного процесса, начиная с рабочих и студентов и кончая академиками и министрами. А дело сводят к налоговому законодательству!

Лейтмотивом Отчета стала надежда на то, что ослабление государственного контроля и надзора, увеличение для частного капитала масштаба и разнообразия свобод и льгот приведет к появлению дееспособного и ответственного предпринимателя. В методологическом плане это — глубокое заблуждение.

Эффективный и ответственный предприниматель — продукт большой системы социальных, культурных и экономических усилий государства и общества. Без этой системы уход государства приводит лишь к появлению хищного антисоциального и антинационального культурно-исторического типа, который начинает доминировать в элите. А этой системы «созидания ответственного предпринимателя» не сложилось, и, похоже, государство этим заниматься не собирается.

В Отчете сказано: «Зачем университетам каждые шесть лет получать лицензии? Собирать для этого пакет из 250 документов объемом 3 тысячи листов? ... Особо подчеркну: знаете, всегда возникает много вопросов — мы отменим то, отменим это, как бы хуже не было. Так мне кажется, что хуже просто некуда. Вспомните, как здесь в Москве рушились спортивные комплексы. Все правильно, все сертификаты есть, и бумажки все собрали, а крыша рухнула».

Вероятно, университетам продлевать каждые шесть лет лицензии действительно не нужно — это вопрос профессионального решения, и спорить не будем. Хотя заметим, что этот якобы очевидно нелепый порядок установлен именно Правительством — так каковы были доводы за введение этого порядка?

Но главное, это ощущение, будто «хуже просто некуда». Это ощущение служит основанием, чтобы «отменить то, отменить это». Мол, раз хуже быть не может, то, значит, будет лучше. Но это ошибочное ощущение. Хуже быть может, причем настолько, что наше воображение отказывается рисовать эти образы — оберегает наше сознание. Изменяя нынешнее состояние, Правительство обязано изложить доводы в пользу того, что «будет лучше». Вот, в Москве «все сертификаты есть, и бумажки все собрали, а крыша рухнула». Значит, надо отменить «сертификаты и все бумажки»? Нет, это было бы неразумно. Надо выяснить, почему чиновники выдают «липовые сертификаты», и устранить причины. Но все это — банальные рассуждения. Устранять причины — несравненно сложнее, чем отменить сертификаты, и Правительство идет именно по этому пути «экономии усилий».

Наконец, в Отчете Правительство напоминает всем о необходимости культивировать конкуренцию — магическое

средство возродить величие России. Председатель Правительства предупредил: «Напоминаю губернаторам, что региональные программы по развитию конкуренции должны быть подготовлены до 1 июня».

Вот это правильно! Программы по развитию конкуренции должны быть подготовлены именно к Международному Дню защиты детей!

В целом из двух Отчетов Правительства в кризисные 2008 и 2009 годы видно, что главная стратегия «борьбы с кризисом» заключается в распределении денег, которыми еще располагает государство. Это — продолжение прежней экономической политики. Основная часть утверждений Отчетов сводится к сообщению размера финансовых средств, которые Правительство направило в ту или иную сферу. Отчеты действительно носят характер бухгалтерского документа, в то время как Правительство должно отчитаться о результатах своего правления. Для этого нужны показатели не входов в систему, а выходов, которые характеризуются совсем другими индикаторами и оцениваются совсем другими критериями — не затрат, а эффекта.

Но кризис — особый тип бытия. Это — **болезнь** общества (хозяйства, государства). Как и при болезни человека, на этот период необходимо создать **особый тип жизнеустройства**, качественно отличный от жизнеустройства стабильного времени. При серьезной болезни человека меняется его образ жизни. Для защиты его организма применяются лекарства и процедуры, которые уничтожают болезнетворное начало или повышают защитные способности органов и тканей. Иногда необходимо временное замещение органов искусственными устройствами (почка, легкие). В крайних случаях производят хирургическое вмешательство, изменяя саму структуру организма путем ампутации или трансплантации.

Из этой аналогии следует, что защита от «болезни» кризиса не может быть достигнута просто раздачей тех средств, которые хозяйство получало в благополучное время. Распределение денег, которые бы заменили прежние прибыль, кредиты или зарплату, не лечит, как каша не лечит больного. Кризис требует создания новых социальных форм и ослабления или ликвидации тех социальных форм, которые провоцируют болезнь или усиливают болезнетворное начало.

Вспомним: все большие и успешно преодоленные кризисы — всегда они были периодом интенсивного социального конструирования и создания новых форм общественной организации. Так, программа выхода из Великой депрессии США вошла в историю как «кейнсианская революция», новый этап в социальной организации западного капитализма. «Реформы Эрхарда» в послевоенной Германии многое почерпнули из ордолиберализма, социального учения, соединившего либерализм с немецким государственным порядком. Что уж говорить о НЭПе как восстановлении страны после кризиса семи лет войны. Это общее правило: успешный выход из кризиса всегда сопряжен с глубоким обновлением социальной системы и, соответственно, технологического уклада. Но мы не видим никаких признаков такого поворота в России.

Другой недостаток Отчетов — умолчание о достижении гласно поставленных целей или о причинах невозможности их достичь. Так, 20 ноября 2008 года В.В. Путин сказал: «Сегодня нам необходимо решать вопрос кредитования отечественных компаний и предприятий — практически полностью за счет собственных финансовых ресурсов». Прошло полтора года — как обстоят дела с выполнением этой конкретной задачи? Российские корпорации снова набрали кредитов за рубежом. Значит, задача не решена. Почему?

Кризис 2008—2009 гг. — эпизод в большом и сложном процессе, который происходит в России и условно назван «переходным периодом». Рассказ о кризисе никак не исчерпывал задачи, которая стоит перед Отчетом Правительства. Сообщения об антикризисных мерах двух лет следовало встроить в контекст общего долговременного кризиса, который переживает Россия.

До сих пор, с 1992 года, власть не изложила ясно ни своих представлений о благой жизни, ни основных контуров того «образа будущего», к которому эта власть ведет Россию. Кризис, прервавший рутину нескончаемого «переходного периода», был поводом к тому, чтобы Правительство объяснило, каковы его главные функции вообще и в «переходный период» в частности. За какие стороны бытия России отвечает Правительство? Этого в Отчетах не было.

Не было в них и проведено разделение негативных процессов на два класса:

— процессы, порожденные целеполаганием 90-х годов, которых нынешнее государство пока не в состоянии остановить (как, например, деиндустриализации);

— процессы, порожденные целеполаганием периода 2000—2010 гг. (например, кредитный и потребительский бум).

Это разные системы, одинаково важные и во многом предопределяющие среднесрочное будущее.

Очевидная функция Правительства — предвидение угроз на кратко- и среднесрочный период (долгосрочные угрозы — предмет Посланий Президента). Эта функция не отражена в Отчетах. Изучив их, нельзя понять, как Правительство представляет себе «карту угроз» для России.

В целом, Правительство говорит о бытии России в категориях увеличения благ и выгод. На деле приоритетным для государства является обеспечение безопасности и предотвращение угроз (шире — минимизация ущерба). Тем более такая постановка задачи требуется в периоды кризисов и нестабильности.

Глава 20

ИЗЪЯНЫ МЕТОДОЛОГИИ:

МИФ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В СССР

Элита экономистов, которая разрабатывала доктрину реформ, сдвинулась от рационального к мифологическому сознанию. Это стало угрозой для всего народного хозяйства. Продуктом мифотворчества стал сам *рынок*, который предполагалось построить из обломков советского хозяйства.

Виднейший американский экономист Дж. Гэлбрейт, который на ранней стадии ознакомился с планами реформ, которые были приняты к исполнению в России в 1992 г., сказал откровенно: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть со-

чтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» [15].

Психическое отклонение клинического характера — вот как воспринимался замысел реформы в России крупными западными специалистами, не имеющими причин лгать! Но невозможно представить себе, чтобы масса образованных людей в 1989—1991 г. одобрила глубокую, катастрофическую реорганизацию всего народного хозяйства страны совсем без всяких аргументов. Однако аномалия в разработке и восприятии программы реформ, несомненно, имела место — аргументы реформаторов противоречили логике и здравому смыслу.

Их кредо в 80-е годы сводилось к следующему: *«Советская система хозяйства улучшению не подлежит. Она должна быть срочно ликвидирована путем слома, поскольку неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу»*.

В таком явном виде эта формула стала высказываться лишь после 1991 г., до этого люди, еще не увлеченные анти-советским миражом, в нее бы просто не поверили — настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг себя в 70 — 80-е годы. Однако после 1991 года уверенность, что советская экономика с начала 80-х годов катилась к катастрофе, стала превращаться в непререкаемую догму. В западной социальной философии этому явлению даже был присвоен термин: «ретроспективный детерминизм». Неизбежность, предсказанная задним числом!¹

А.Н. Яковлев в 2001 г. оправдывался задним числом: «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, — мы же стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два» [104].

---

¹ Американский советолог Стивен Коэн в большой статье анализирует аргументы всех вариантов концепции «смертельного кризиса» советской системы (начиная с НЭПа) и делает вывод: «У нас не осталось больше теоретических или концептуальных оснований утверждать, что советская система была неререформируемой и, значит, как стало принято говорить, «обреченной» с самого начала горбачевских реформ. На самом деле, если тщательно изучить те перемены, которые произошли в Советском Союзе в период «перестройки» — особенно в 1985—1990 годах, то есть до того, как кризисы дестабилизировали страну, — то окажется, что система была замечательно реформируемой» [105].

Заметим, что это утверждение А.Н. Яковлева, если его принимать всерьез, говорит о лживости горбачевской бригады реформаторов. В 1988 г. Яковлев публично заявлял прямо противоположное тому, что сказал в 2001 г., а именно: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления... Мы можем это сделать, **наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень**» (выделено мною. — *Автор*).

Если он говорил это в тот момент, когда Политбюро действительно считало, что «мы стояли перед катастрофой, прежде всего экономической», то он поступал как сознательный вредитель. Но, скорее всего, ничего подобного в 1988 г. в Политбюро не говорилось и признаков катастрофы Яковлев не видел.

21 апреля 2004 г. подобные откровения сделал в публичной лекции член одной из трех групп реформаторов-теоретиков, В. Найшуль. Он сказал: «Реформа — это всегда какой-то умственный продукт, и реформы 90-х годов, по крайней мере, в их экономической части — это умственный продукт группы, членом которой я был.

В конце 70-х годов не только наша группа, но и еще несколько толковых человек в Госплане знали, что страна находится в смертельном экономическом кризисе... Точка, в которой чувствуются все проблемы плановой экономики — это Госплан. Госплан лихорадило, лихорадило не как организацию, а как схему работы — Госплан все время пересчитывал собственные планы. Итак, в конце 70-х годов в Госплане ощущалось, что система находится в кризисе, из которого у нее, по всей видимости, нет выхода...

Выход был в децентрализации. Децентрализация — все с этим соглашались, но дальше надо было додумать. Может быть, потому что мы были математиками, людьми со свободной головой для логического анализа, ясно было, что отсюда следуют свободные цены. Если у нас свободные цены, то возникает вопрос о собственности... Мы получаем, что необходима частная собственность, а необходимость частной собственности предполагает приватизацию» [77].

Разберем аргументы Найшуля.

«Несколько толковых человек» считают, что «*страна находится в смертельном экономическом кризисе*».

Это мнение нетривиальное, однако видимых симптомов смертельной болезни Найшуль не называет. Рациональных доводов нет, хотя они необходимы, ибо множество других толковых людей вовсе не считали, что «*страна находится в смертельном экономическом кризисе*». Общепринятые показатели (динамика капиталовложений, рост производства, потребления и даже производительности труда) не предвещали не только смерти, но даже и тяжелого кризиса. Попробуйте сегодня найти тексты тех лет, в которых была бы внятно обоснована неминуемая гибель советской экономики.

«*Госплан лихорадило*». Причем лихорадило не как организацию, а как схему работы (?). Это заключалось в том, что «*Госплан все время пересчитывал собственные планы*».

Ну и что? В факте пересчета планов не видно признаков гибели. В меняющемся мире всегда приходится «пересчитывать собственные планы», и было бы странно, если бы Госплан этого не делал. Конечно, если прежние методы планирования не отвечали сложности объекта, можно предположить, что возникли симптомы *кризиса метода*, который разрешается посредством создания нового инструментария. Как из этого следует, что «*по всей видимости, нет выхода*»? Никак не следует, это просто глупое утверждение. И уж никак из сказанного не следует, что «*эта система не выживает*». Скорее всего, Найшуль придумал это задним числом — почитайте сегодня все статьи этих теоретиков, относящиеся к концу 70-х годов (включая статьи редактора журнала «Коммунист» Е. Гайдара).

Допустим, «несколько толковых человек» прозрели признак кризиса. Что делают в таком случае разумные люди? Ставят диагноз, составляют перечень альтернативных подходов к лечению, вырабатывают критерии выбора лучшего варианта и доказывают его преимущества. Но Найшуль пропускает все необходимые стадии работы и изрекает: «*Выход в децентрализации!*» Почему, откуда это следует? Ниоткуда, никакой логики в этом нет.

Что понимает Найшуль под «децентрализацией»? Вовсе не сокращение плановых воздействий на периферийную часть

хозяйства с сосредоточением усилий планирования на ядре экономики (ключевых отраслях и предприятий). Напротив, по его понятиям децентрализация — это уничтожение именно **ядра** экономической системы, а затем и *приватизация*. Это не реформа, а революционное уничтожение системы. Сначала без всяких оснований утверждают, что человеку грозит смертельная болезнь, а потом на этом основании его убивают.

А.Д. Сахаров, который в среде демократической интеллигенции считался «очень толковым человеком», писал в 1987 г.: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится — весь исторический опыт свидетельствует об обратном» [106].

Допустим, А.Д. Сахаров был неискушен в экономике. Но вот ретроспективный анализ экономического состояния СССР, обобщенный в статье экономиста из МГУ Л.Б. Резникова: «Исключительно важно подчеркнуть: *сложившаяся в первой половине 80-х годов в СССР экономическая ситуация, согласно мировым стандартам, в целом не была кризисной*. Падение темпов роста производства не переросло в спад последнего, а замедление подъема уровня благосостояния населения не отменяло самого факта его подъема» [107].

Отсутствие кризиса было зафиксировано не только в докладах ЦРУ, опубликованных позже, но и в открытых работах американских экономистов. Л.Б. Резников цитирует американских экономистов М. Элмана и В. Конторовича, специализирующихся на анализе советского хозяйства, авторов вступительной статьи к книге «Дезинтеграция советской экономической системы» (1992): «В начале 80-х годов как по мировым стандартам, так и в сравнении с советским прошлым дела... были не столь уж плохи».

Ухудшаться они стали именно под воздействием вносимых в ходе перестройки изменений. По данным тех же американских экономистов, «если в 1981—1985 гг. среднегодовой бюджетный дефицит составлял всего 18 млрд. руб., то в 1986—1989 гг. — уже 67 млрд. В 1960—1987 гг. в среднем за год выпускалось в обращение 2,2 млрд. руб., в 1988 г. — уже 12 млрд., в 1989 г.—18 млрд., а в 1990 г.—27 млрд. руб.».

В действительности никакого экономического кризиса в советском хозяйстве не было до тех пор, пока не была начата реформа, означавшая отход от принципов плановой экономики. С 1987 года экономика СССР шаг за шагом переставала быть советской.

Первым этапом реформы стало *разрушение финансовой системы и потребительского рынка*. В советском государстве действовала особая финансовая система из двух «контуров». В производстве общались *безналичные* (в известном смысле «фиктивные») деньги, количество которых определялось межотраслевым балансом и которые погашались взаимозачетами. По сути, в СССР отсутствовал финансовый капитал и ссудный процент (деньги не продавались). На рынке потребительских товаров обращались нормальные деньги, получаемые населением в виде зарплаты, пенсий и т.д. Их количество строго регулировалось в соответствии с массой наличных товаров и услуг. Такая система могла действовать при жестком запрете на смешение двух контуров (запрете на перевод безналичных денег в наличные).

Второй особенностью была принципиальная *неконвертируемость* рубля. Масштаб цен в СССР был совсем иным, нежели на мировом рынке, и рубль мог циркулировать лишь внутри страны (это была «квитанция», по которой каждый гражданин получал свои дивиденды от общенародной собственности — в форме низких цен). Поэтому контур *наличных* денег должен был быть строго закрыт по отношению к внешнему рынку государственной монополией внешней торговли.

«Закон о государственном предприятии» (1987 г.) вскрыл контур безналичных денег — было разрешено их превращение в наличные. Созданные тогда «центры научно-технического творчества молодежи» (ЦНТТМ) получили эксклюзивное право на обналичивание безналичных денег (ЦНТТМ называли «локомотивами инфляции»)¹.

Одновременно была отменена монополия внешней торговли. С 1 января 1987 г. право проводить экспортно-импортные операции было дано 20 министерствам и 70 крупным предпри-

---

¹ Например, один из первых коммерческих банков, «Менатеп», до превращения в банк назывался — ЦНТТМ «Менатеп» при Фрунзенском РК КПСС.

ятиям. Через год было ликвидировано Министерство внешней торговли СССР и учреждено Министерство внешнеэкономических связей СССР, которое теперь лишь «регистрировало предприятия, кооперативы и иные организации, ведущие экспортно-импортные операции». Законом 1990 г. право внешней торговли было предоставлено и местным Советам.

Согласно «Закону о кооперативах» (1988 г.), на предприятиях и при местных Советах возникла сеть кооперативов, занятых вывозом товаров за рубеж, что резко сократило их поступление на внутренний рынок. Многие товары при спекуляции давали выручку до 50 долларов на 1 рубль затрат и покупались у предприятий «на корню»¹. Некоторые изделия (например, алюминиевая посуда) превращались в удобный для перевозки лом и продавались как материал.

При плановой системе поддерживалось такое распределение прибыли предприятий (для примера взят 1985 г.): 58% вносится в бюджет государства, 38% оставляется предприятию, в том числе 15% идет в фонды экономического стимулирования (премии, надбавки и т.д.). В 1990 г. из прибыли предприятий в бюджет было внесено 45%, оставлено предприятиям 43%, в том числе в фонды экономического стимулирования 40%. Таким образом, были существенно сокращены взносы в бюджет, но в 2,7 раза увеличены выплаты персоналу и почти ничего не осталось на развитие предприятия (см. табл. 4).

Кроме того, предприятия получили свободу ценообразования и формирования ассортимента. Вот выдержка из записки отделов ЦК КПСС, которая обсуждалась на Политбюро ЦК КПСС 29 октября 1988 г.: «Выпуск новых товаров с более высокими розничными ценами сопровождается снятием с производства и «вымыванием» из ассортимента недорогих добротных товаров, пользующихся спросом... Выпуск товаров по более высоким ценам, обеспечивая прирост объема производства в стоимостном выражении, зачастую сопровождается

---

¹ Вот пример: зимой 1991 г. к премьер-министру В.С. Павлову обратилось правительство Турции с просьбой организовать по всей территории Турции сеть станций технического обслуживания советских цветных телевизоров, которых имелось уже более миллиона. Между тем, по официальным данным, из СССР в Турцию не было продано ни одного телевизора.

сокращением выпуска товаров в натуральном выражении... На ряде предприятий сокращение объемов производства в натуре достигает 20—25% и более.

По данным Госкомстата СССР, рентабельность товаров, реализуемых по договорным ценам, в 3 раза выше средней сложившейся и превышает 60% к себестоимости. По шелковым тканям она достигает 81%, бельевому трикотажу — 97% и чулочно-носочным изделиям — 104%».

Таблица 4. Распределение прибыли промышленных предприятий в СССР

	1985	1989
Получено прибыли — всего	100	100
внесено в бюджет	58	45
оставлено в распоряжении предприятия	38	43
в том числе отчислено в фонды экономического стимулирования	15	40

Произошел скачкообразный рост личных доходов вне всякой связи с производством. Ежегодный прирост денежных доходов населения в СССР составлял в 1981—1987 гг. в среднем 15,7 млрд. руб., а в 1988—1990 гг. составил 66,7 млрд. руб. В 1991 г. лишь за первое полугодие денежные доходы населения выросли на 95 млрд. руб. (при этом зарплата в производстве выросла всего на 36%).

Такой рост доходов при одновременном сокращении товарных запасов в торговле привел к краху потребительского рынка («товары сдуло с полок»). Были введены талоны на получение водки, сахара, ботинок. Был резко увеличен импорт. До 1989 г. СССР имел стабильное положительное сальдо во внешней торговле (в 1987 г. 7,4 млрд. руб.), а в 1990 г. было отрицательное сальдо в 10 млрд. руб.

Оттянуть развязку правительство пыталось за счет дефицита госбюджета, внутреннего долга и продажи валютных запасов. Дефицит госбюджета СССР составлял в 1985 г. 13,9 млрд. руб.; в 1990-м — 41,4; а лишь за 9 месяцев 1991-го — 89 млрд. (только за июнь 1991 г. он подскочил на 30 млрд.). В 1989 г. госбюджет РСФСР имел превышение доходов над расходами

в 3,9 млрд. руб., в 1990-м дефицит составил 29 млрд. руб., в 1991 г. 109,3 млрд. руб.

Государственный *внутренний* долг СССР возрастал следующим образом: 1985—142 млрд. руб. (18,2% ВВП); 1989 — 399 млрд. руб. (41,3% ВВП); 1990 — 566 млрд. руб. (56,6% ВВП); за 9 месяцев 1991 он составил 890 млрд. руб.

Золотой запас, который в начале перестройки составлял 2000 т., в 1991 г. упал до 200 т. *Внешний* долг, который практически отсутствовал в 1985 году, в 1991 г. составил около 120 млрд. долл.

В «Программе совместных действий кабинета министров СССР и правительств суверенных республик...» (10 июля 1991) было сказано: «Социально-экономическое положение в стране крайне обострилось. Спад производства охватил практически все отрасли народного хозяйства. В кризисном состоянии находится финансово-кредитная система. Дезорганизован потребительский рынок, повсеместно ощущается нехватка продовольствия, значительно ухудшились условия жизни населения. Кризисная обстановка требует принятия экстренных мер с тем, чтобы в течение года добиться *предотвращения разрушения народного хозяйства страны*».

Таким образом, **кризис был создан политическими решениями 1987—1990 годов** — эти решения и означали начало реформы. В открытую фазу кризис перешел в 1990 году. До этого никакого кризиса в СССР не было, и даже все крупные экономические кризисы мировой капиталистической системы с 1930 года советская экономика прошла без заметных негативных последствий.

Почему следует сегодня вернуться к этой проблеме? Есть несколько причин.

Первую можно отнести к суевериям. Чувствуется, что нельзя оставить позади обогатившее народное хозяйство СССР, такие вещи не прощаются.

Вторая причина — методологическая. В 1990-91 гг., когда был запущен миф о смертельном кризисе советской экономики, который якобы был очевиден «толковым людям» уже с конца 70-х годов, были попытки выяснить у этих людей, в ранге от младшего научного сотрудника до академика, како-

вы эмпирические индикаторы и критерии, которые позволяют им сделать такой важный вывод. Не приходилось слышать или читать разумных ответов на эти вопросы. Тогда это вызвало тревогу — что происходит с людьми? Но круговорот событий не оставил времени, чтобы заняться методологической проблемой. Однако она носит фундаментальный характер, и если в ней не разобраться, российское общество так и останется слепым, без рациональных инструментов оценки состояния народного хозяйства. Тогда слишком большая часть общества, особенно интеллигенции и, что еще важнее, правящего слоя, искренне поверили в миф. Но это недопустимо! Если слепой ведет слепого, оба упадут в яму.

На конференции в Давосе (январь 2009 г.) В.В. Путин высказался против усиления роли государства в экономике и так сослался на опыт СССР: «В Советском Союзе в прошлом веке роль государства была доведена до абсолюта. Что, в конце концов, привело к тотальной неконкурентоспособности нашей экономики, мы за это дорого заплатили. Этот урок нам дорого обошелся».

Это — клише, которым оправдывает свой провал Горбачев. Что значит «роль государства была доведена до абсолюта»? Как это измерено? Во многих отношениях роль государства замечалась гражданами до перестройки гораздо меньше, чем сегодня — все системы и институты работали «как бы сами собой». А сейчас месяца не проходит, чтобы государство не огорошило нас какой-нибудь странной инициативой или программой. Одна только идея «построить русскую Силиконовую долину» чего стоит.

И что значит «тотальная неконкурентоспособность нашей экономики»? Эта странная формула вызывает крайнее недоумение. Неужели советники В.В. Путина не рассказали ему, что в Советском Союзе была плановая экономика, то есть нечто вроде натурального хозяйства в масштабе страны? Это экономика, предназначенная не для извлечения прибыли на рынке, а для удовлетворения потребностей страны и народа. Другими словами, конкуренция на мировом рынке не играет в этой экономике существенной роли, а значит, категория конкурентоспособности, присущая рыночной экономике, к советскому хозяйству просто неприменима.

В качестве абстракции можно представить себе, как бы выглядели многие продукты советской экономики на гипотетическом свободном рынке. Оказывается, они были бы в высшей степени конкурентоспособны. Возьмем хотя бы автомат Калашникова, ракетно-ядерное оружие, космическую технику, нефть и газ, электрическую энергию, алюминий и минеральные удобрения, услуги транспорта. Не будем вспоминать о Великой Отечественной войне, которая была именно абсолютным экзаменом только-только поднимающейся советской экономики (сравните ее мысленно с нынешней экономикой Вексельберга и Дерипаски в условиях аналогичной войны). Но мы помним, какая драка поднялась между теневыми и преступными кликами за то, чтобы урвать куски советской «неконкурентоспособной» экономики при ее дележе в 90-е годы. Надо спросить Абрамовича, доволен ли он своим куском, не подвел ли он его на мировом рынке.

Интересно, кто из наших рыночных мыслителей посоветовал В.В. Путину вставить этот пассаж в его давосскую речь.

В Отчете Правительства перед Государственной думой 20 апреля 2010 г. В.В. Путин так сказал о советской экономике: «Действительно, мы много добились в советское время, и я далеко не отношусь к категории людей, которые все охаивают... Но факт остается фактом... Ну развалилась экономика, неэффективны эти методы управления экономикой!»

Несомненно, В.В. Путин верит в то, что советская экономика *развалилась*. Но ведь он, глава Правительства страны, которая унаследовала системы советской экономики и буквально *живет* с этого наследства, должен исследовать этот необычный феномен. Что значит «экономика развалилась»? Каковы эмпирические проявления этого процесса? Каковы его симптомы, позволяющие предвидеть зарождение этой странной аномалии?

Иными словами, В.В. Путин по своему должностному положению просто обязан ясно и достаточно полно обосновать свое утверждение. Тот факт, что депутаты кивают ему и молчат или аплодируют, за доказательство «теоремы Путина» принять нельзя. Можно предположить, что наши предварительные рассуждения помогут В.В. Путину найти убедительные свидетельства в пользу своего утверждения или отказаться от него и составить себе верное представление о советской экономике.

Причин развала СССР, достоинств и недостатков его хозяйства и социальной системы мы не касаемся — это другая тема, о ней особый разговор. Здесь речь идет о том, что включенный в образ мира миф, поддержанный СМИ, может стать «вирусом», разрушающим программы рационального мышления. Это проблема методологии.

Вспомним заявление А.Н. Яковлева о том, что, согласно статистике хозяйства перед перестройкой, «мы стояли перед экономической катастрофой». Это заявление, видимо, следует считать сознательной ложью академика от экономики. Скорее всего, он статистики не смотрел. Каждый может сегодня «взять статистику» и убедиться, что, главные экономические показатели середины 80-х годов никакой катастрофы не предвещали. Первые признаки кризиса обнаруживаются в 1990 г. В табл. 5 показаны массивные, базовые показатели, определяющие устойчивость экономической основы страны. Никто в этих показателях не сомневался и не сомневается.

Таблица 5. Основные экономические показатели СССР за 1980—1990 гг. (данные ЦСУ СССР)

	1980	1985	1986	1987	1988	1990
Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд. руб.	619	777	799	825	875	943
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд. руб.	1150	1569	1651	1731	1809	1902
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд. руб.	679	811	846	879	913	928
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд. руб.	188	209	220	219	222	225
Ввод в действие жилых домов, млн. кв. м	105	113	120	131	132	129
Мощность электростанций, млн. квт	267	315	322	332	339	341

Но таблица дает грубую, разрозненную картину. Приведем ряд показателей в динамике — натуральных величин или индексов их роста и падения.

Вот первый график — динамика рождаемости в РСФСР, выраженной суммарным коэффициентом рождаемости (рис. 23). Он показывает, сколько детей в среднем родила бы одна женщина за весь детородный период своей жизни, если бы сохранился постоянный уровень рождаемости данного года. В преддверии экономической катастрофы этот коэффициент, как правило, падает — рождаемость сокращается из-за предчувствия трудных времен. До 1988 г. этот показатель возрастал и достиг значения 2,2. Для городской страны это хороший показатель. Резкое его падение, переросшее в 90-е годы в демографическую катастрофу, наблюдается с начала реформы — с 1988 года. Эта демографическая катастрофа адекватна кризису, который поразил хозяйство, социальную сферу и культуру.

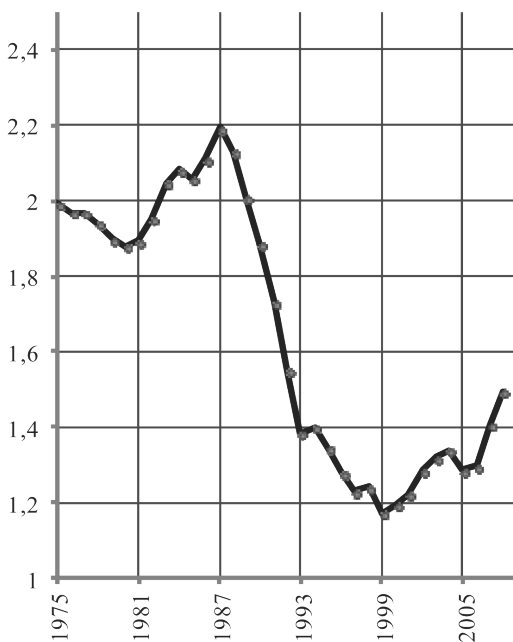

Рис. 23. Суммарный коэффициент рождаемости в России

Признаков кризиса *накануне перестройки* этот показатель не обнаруживает.

Вплоть до 1988 г. увеличивался и другой важный показатель — ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Он также стал снижаться с началом реформы (рис. 24).

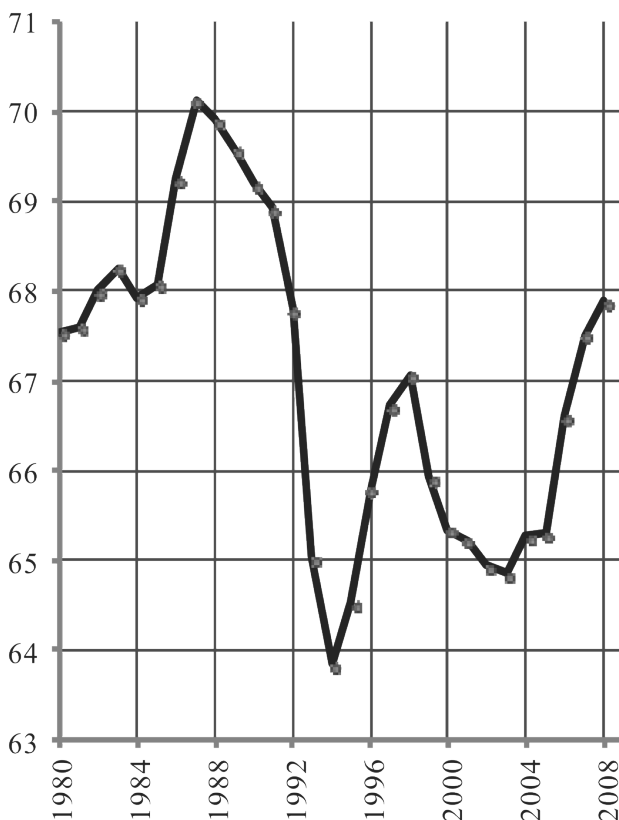

Рис. 24. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в СССР, лет

График на рис. 25 представляет динамику объема *капиталовложений* (инвестиций) в народное хозяйство СССР в сопоставимых ценах. Из графика видно, каков масштаб того хозяйства, которое было создано за 1960—1988 годы. Очень многие этого просто не представляли себе, живя «внутри» того времени.

Но для нас здесь важнее не величина экономики, а *вектор* процессов. При первых признаках кризиса форма кривой должна была бы резко измениться. Поскольку экономический эффект от инвестиций отложен на довольно длительный срок, при первых признаках кризиса средства для его смягчения всегда изымаются именно из инвестиций. Они могут «потерпеть», а цепной процесс кризиса надо блокировать в ранней стадии (это наглядно продемонстрировал и кризис в России начиная с 1991 года). Динамика инвестиций в СССР не обнаруживает никаких признаков кризиса, тем более катастрофы.

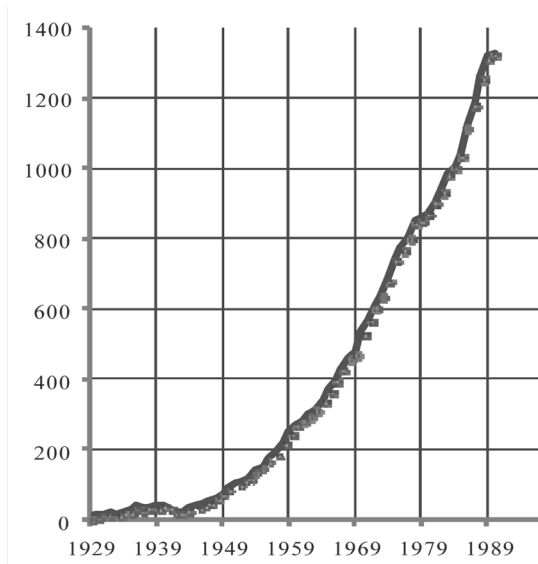

Рис. 25. Объем капитальных вложений по народному хозяйству СССР
(в сопоставимых ценах на 1 июля 1955 г.)

На рис. 26 показана динамика трех показателей с 1940 по 1990 год — индексов *инвестиций*, *национального дохода* и *розничного товарооборота* относительно уровня 1940 года. Они вместе характеризуют процессы расширенного воспроизводства хозяйства, производства средств для жизнеобеспечения и развития, а также динамику потребления домашних хозяйств (населения).

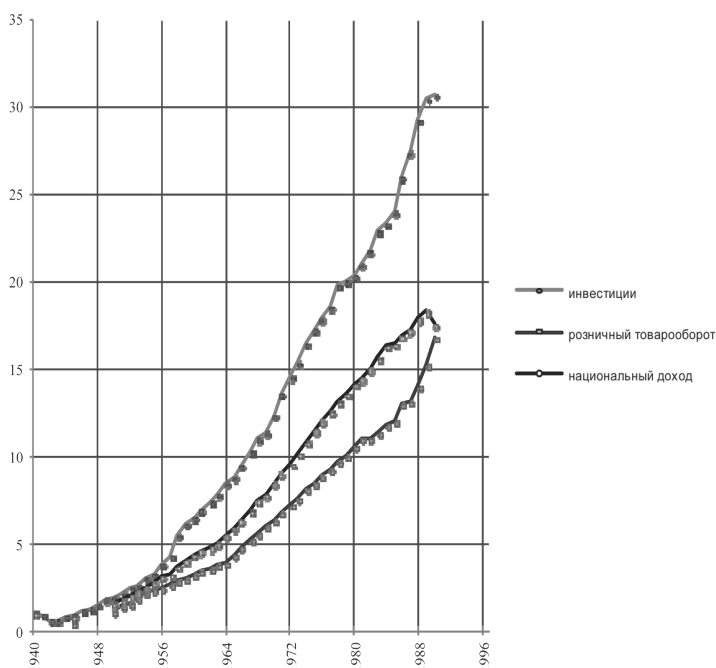

Рис. 26. Индексы инвестиций, национального дохода и розничного товарооборота в СССР, 1940 = 1

На графике видно, что после восстановительного периода, с 1956 года, неукоснительно выполнялся принцип плановой экономики — рост капиталовложений превышал рост объема производства, а последний — рост объема потребления. Между этими тремя величинами поддерживался баланс, определяе-

мый Госпланом. Этот баланс, который обеспечивал устойчивое развитие всей системы, нарушился в 1989—1990 гг. — тогда произошел ускоренный рост *потребления* при одновременном быстром спаде *производства*. Рост инвестиций остановился в 1990 г., после чего произошел глубокий длительный спад — уже в экономике Российской Федерации.

Итак, динамика инвестиций, производства и потребления признаков кризиса «накануне перестройки» не проявила. Напротив, при кризисе 90-х годов, который якобы пришлось организовать Е. Гайдару, чтобы спасти страну от катастрофы, мы наблюдаем резкое нарушение равновесия между инвестициями, производством и потреблением. Это нарушение привело к «проеданию» инвестиционных ресурсов и основных фондов, а значит, к блокированию развития (рис. 19).

На рис. 27 показана динамика валового объема промышленного и сельскохозяйственного производства СССР начиная с 1950 г., а также произведенного национального дохода (показателя, который употреблялся в статистике СССР до 1988 г. по аналогии с ВВП). Мы видим неуклонное развитие промышленности без каких бы то ни было признаков кризиса — вплоть до 1990 г.

Сельское хозяйство гораздо сложнее поддается интенсификации, но и здесь колебания показателя связаны с неустойчивостью природных условий, а не с гипотетическим кризисом — о катастрофе и речи нет. За 33 года объем сельскохозяйственного производства вырос **в три раза**. Это очень неплохо, если учесть, что только за 1990—1998 гг. объем сельскохозяйственного производства в России снизился **в два раза**, а за следующие 11 лет вышел только на уровень 1980 года. За двадцать лет реформ показатель упал на 25%.

Национальный доход, валовая продукция и капиталовложения — расчетные агрегированные показатели. Некоторые люди им не доверяют, хотя большие искажения в них внести непросто, т.к. все они взаимосвязаны и фальсификация легко обнаруживается. Но все же приведем несколько *натурных* показателей, на динамике которых катастрофический кризис должен был бы сказаться *неизбежно*.

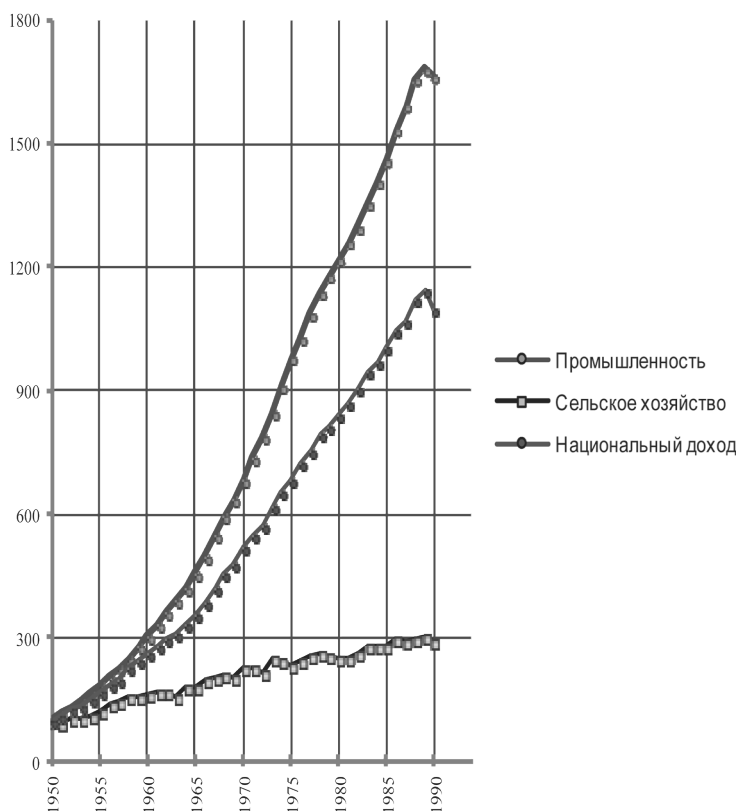

Рис. 27. Индексы производства национального дохода, валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в СССР (1950 = 100)

Вот один из важных для СССР и России показателей — добыча нефти и природного газа. На рис. 28 и 29 приведена динамика добычи нефти и природного газа — до 1990 г. в СССР, а затем в СНГ, в которое вошли все нефте- и газодобывающие республики.

Из последних рисунков можно сделать важные выводы, которые в годы перестройки и реформы были вытеснены из общественного сознания мифами, но которые необходимы, чтобы трезво оценивать процессы в хозяйственной сфере.

Первый вывод состоит в том, что современный нефтегазовый комплекс СССР и Российской Федерации *не унаследован* от Российской империи и даже от первых советских пятилеток. Он почти полностью создан за исторически кратчайший срок 1960—1980-е годы.

Одно это надежно показывает, что в период «накануне перестройки» никакого катастрофического кризиса в экономике СССР не было, ибо создание производственного комплекса такого масштаба (разведка и обустройство месторождений, создание обеспечивающих производств, строительство магистральных нефте- и газопроводов, распределительных и перерабатывающих систем) было делом *всего народного хозяйства*. Можем ли мы представить себе подобный научно-технический, инвестиционный и строительный проект такого масштаба в 90-е годы или в «эпоху Путина»?

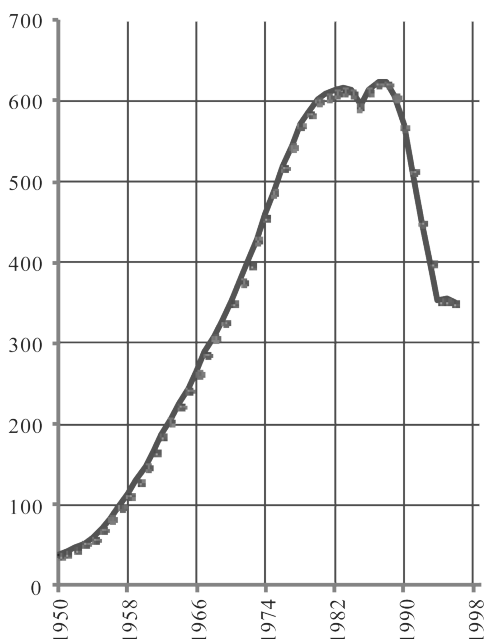

Рис. 28. Добыча нефти (включая газовый конденсат) в СССР и СНГ (во всех нефтедобывающих республиках СССР), млн. т

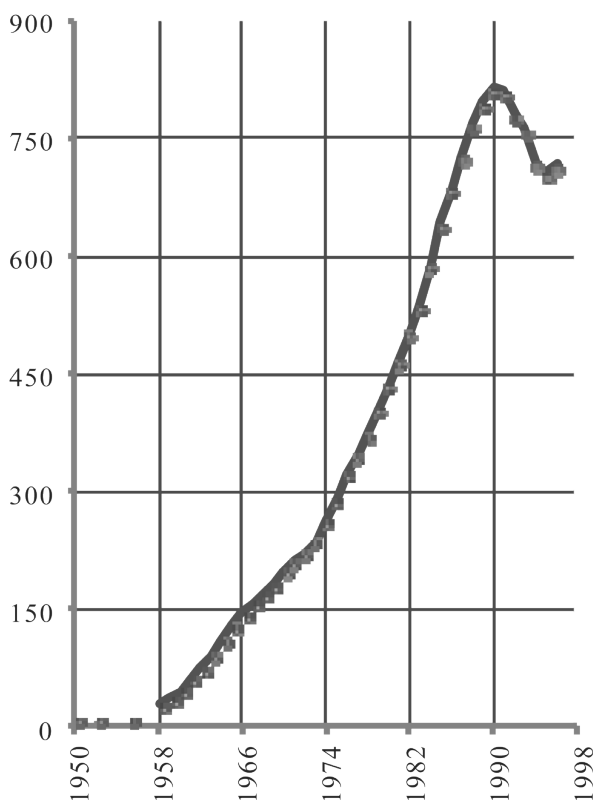

Рис. 29. Добыча газа в СССР и СНГ (во всех газодобывающих республиках СССР), млрд. м³

Второй вывод — отсутствие признаков кризиса в самой динамике *добычи нефти*, за исключением *стабилизации* добычи в 1984—1985 гг. годы как реакции на начавшееся падение мировых цен на нефть. Но стабилизация — это не «распад экономики». Если бы в целом народное хозяйство СССР приближалось к коллапсу, внутреннее потребление нефти, а значит и добычи, были бы резко снижены.

Третий вывод заключается в том, что начало реального кризиса есть именно следствие реформ, оно стало очевидным с 1991 года. Этого кризиса невозможно не видеть, но никакой связи с советской экономикой он уже не имеет. Он порожден политической катастрофой, которая ударила по хозяйству.

То же самое можно сказать и о другой системообразующей отрасли советской и российской экономики — производстве *электрической энергии*. Его динамика представлена на рис. 30. Она также не содержит никаких признаков кризиса в дореформенный период и обнаруживает явный резкий спад в 1991 году.

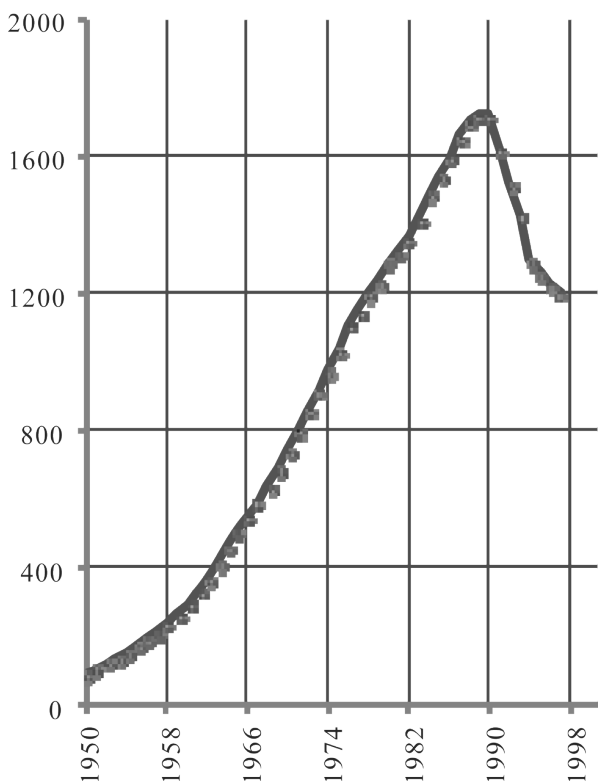

Рис. 30. Производство электроэнергии в СССР и СНГ, млрд. кВт-час

Важным индикатором состояния экономики служит и производство *цемента* как важнейшего условия для строительства (рис. 31). В его динамике наблюдаются небольшие колебания в 1979—1983 гг., но признаком тяжелого кризиса они служить никак не могут. И здесь кризисом надо считать резкий глубокий спад производства начиная с 1990 года.

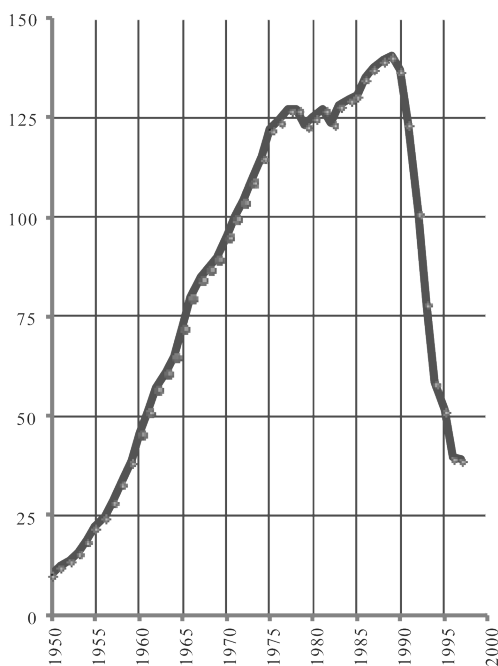

Рис. 31. Производство цемента в СССР и СНГ¹, млн. т

Что такое настоящий кризис, хорошо видно из динамики производства тракторов — массовой машины, обеспечить которой народное хозяйство такой страны, как СССР, может только отечественное производство. Его динамика представлена на рис. 32.

¹ Латвия, Литва и Эстония в 1990 г. производили 3,5% от объема производства цемента в СССР. При составлении графика производства цемента в СНГ мы этой величиной пренебрегаем.

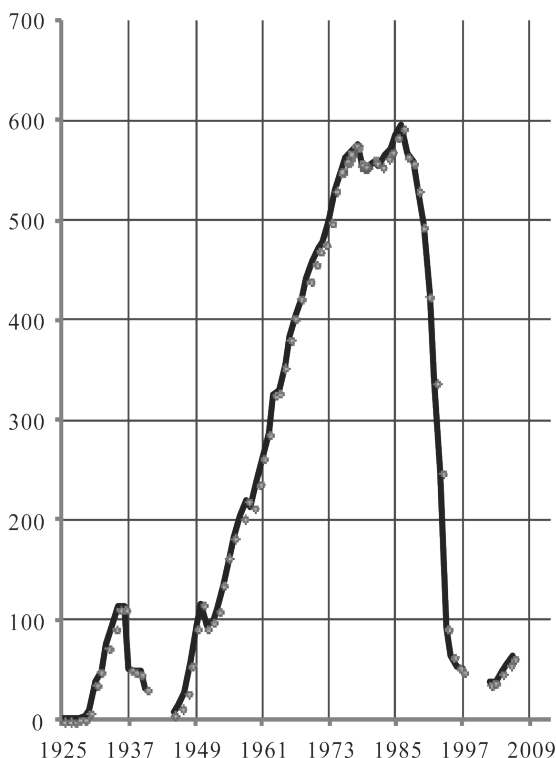

Рис. 32. Производство тракторов в СССР и СНГ (в 2003—2006 гг. без Казахстана и Узбекистана, которые в 1997 г. дали около 4 тыс. тракторов, а после 2000 г. производство было практически прекращено).

Можно было бы привести множество других показателей производства ключевых для всего хозяйства материалов и изделий — стали и удобрений, тканей и молока и пр. Все они имеют динамику производства, сходную с приведенными выше. Небольшие (2-3 года) задержки роста связаны с технологическим перевооружением или с управленческими реорганизациями, но не могут служить симптомами общего кризиса.

Здесь надо рассмотреть важную побочную ветвь обсуждаемого мифа. Она стала жить собственной жизнью и приоб-

рела актуальность в последнее время, уже в связи с нынешним финансовым кризисом. Суть ее в утверждении, будто «экономика СССР развалилась» потому, что она жила за счет экспорта нефти, а США «обрушили цены на нефть». Выдвигая такой тезис, любой экономист, историк или политик должен был бы сказать, какой *вес* имел экспорт нефти в жизнеобеспечении страны и что конкретно изменилось в массивных элементах хозяйства из-за снижения цен. Например, должен был бы сообщить, какова была доля экспорта нефти в ВВП или в Национальном доходе СССР. Эти данные можно получить в любом статистическом ежегоднике.

Вот на первый взгляд поразительный факт: образованные люди делают такие заявления, но даже не думают об обязанности аргументировать их конкретными данными. А сидящие в зале не менее образованные люди и не думают спросить у докладчиков этих данных. Это и говорит, что перед нами собрание, мыслящее в структуре мифа. Таких собраний лучше избегать, пытаться вернуть его в структуры рационального мышления обычно бесполезно, зато отношения с людьми испортить легко.

Вот выступление Андрея Ильича Фурсова 26 июня 2007 г. на Круглом столе Фонда исторической перспективы под председательством Н.А. Нарочницкой [108]. На «нефтяном мифе» он строит объяснение чуть ли не всей мировой истории в послевоенный период. Вчитаемся в выдержку из этого доклада:

«Начало этому было положено в середине 50-х, когда египетский лидер Гамаль Абдель Насер убедил Хрущева, что нужно рушить, ломать об колено реакционные арабские режимы и необходимо поэтому выбрасывать по дешевке нефть в огромных количествах. Но режимов сломали всего два, это Ирак и Ливия. Зато цены на нефть обрушили очень сильно. И в результате, например, немецко-японское чудо очень тесно связано с советским обрушением цен на нефть в 50-х — 60-х годах... Это стало результатом того, что Советский Союз решил крушить реакционные арабские режимы. Дальше мы подсели на нефтяную иглу, и началась мутация нашей ВПКовской модели в нечто другое, что и закончилось в конце 80-х годов крушением Советского Союза... К 1986 году, когда США обрушили цены на нефть, было проедено советское прошлое».

Можно фантазировать о том, как Насер убедил Хрущева, что нужно ломать об колено арабские режимы — никто этого проверить не может, а версия любопытная. Но чтобы СССР в 50-е годы мог «выбрасывать по дешевке нефть в огромных количествах», это вне рационального дискурса. А.И. Фурсову стоило взять с полки справочник и посмотреть, сколько нефти добывалось в то десятилетие в СССР.

В 1950 г. мировая добыча нефти составила 525 млн. т, а добыча в СССР 38 млн. т — 7% от мировой добычи. При такой добыче СССР мог «выбросить» на внешний рынок не более 1—2 млн. т, а это величина для мирового рынка ничтожная. Смешно говорить о том, чтобы она могла «обрушить цены». В 1960 г. на экспорт было отправлено 17,8 млн. т, что составило 12% добычи, и 2/3 экспорта было направлено в страны социалистического лагеря. А мировая добыча нефти составила уже 1 млрд. т.

Печально, что историки не знают, когда произошло становление современного нефтедобывающего комплекса в СССР. Но даже в 1980 г., когда нефтедобыча в СССР подошла к максимуму, экспорт из СССР минерального топлива и аналогичных ему товаров составлял лишь 5,4% всего мирового экспорта. Не мог ни Хрущев, ни даже Брежнев обрушить цены на мировом рынке. Ну можно ли после этого считать историю наукой? Такие экстравагантные гипотезы преподносятся как очевидный факт, не требующий объяснения. Вдумайтесь: «Режимов сломали всего два, это Ирак и Ливия. Зато цены на нефть обрушили очень сильно. И в результате немецко-японское чудо очень тесно связано с советским обрушением цен на нефть в 50—60-х годах»!

Теперь о том, будто «мы подсели на нефтяную иглу, что и закончилось в конце 80-х годов крушением Советского Союза». Таково состояние российского обществоведения: известный историк делает заявление, якобы раскрывающее причину краха СССР, и не приводит никакой меры, чтобы оценить «вес» этой причины! И такая структура рассуждения принимается сообществом без возражений. Это симптом тяжелого интеллектуального срыва.

А.И. Фурсов, строя свою концепцию на очень зыбких основаниях, не посмотрел даже простых обзоров нефтяного

рынка, иначе бы он привел конкретные данные. Но хотя бы на обзоры историков можно было бы сослаться. Вот, на конференции историков в МГУ в 2002 г. был заслушан доклад М.В. Славкиной «Развитие нефтегазового комплекса СССР в 60 — 80-е гг.: большие победы и упущенные возможности». Не будем говорить о выводах докладчика, они в струе «мэйнстрима», возьмем фактическую справку.

Она гласит: «По данным официальной статистики, экспорт нефти и нефтепродуктов вырос с 75,7 млн. т в 1965 г. до 193,5 млн. т в 1985 г. При этом экспорт в долларовую зону, по нашим оценкам, составил соответственно 36,6 и 80,7 млн. т... Зная среднемировые цены, мы можем дать приблизительную оценку доходов СССР от экспорта углеводородного сырья в долларовую зону. По произведенным нами математическим расчетам, эта цифра, составлявшая в 1965 г. порядка 0,67 млрд. долл., увеличилась к 1985 г. в 19,2 раза и составила 12,84 млрд. долл.».

Здесь надо заметить, что речь идет не только о сырой нефти, но и продуктах переработки, а это уже не сырье и имеет большую добавленную стоимость. Но главное доход. Накануне «обрушения цен» экспорт нефти и нефтепродуктов в долларовую зону принес СССР доход, равный 46 долларам на душу населения в год. Это называется «сесть на нефтяную иглу»! Даже в потере чувства меры надо знать меру.

А вот Российская Федерация в 2008 г. Экспорт нефти и нефтепродуктов составил 241 млрд. долларов, или 1697 долларов на душу населения (не будем уж говорить, как этот доход был разделен среди населения). Это в 37 раз больше, чем доход на душу населения в СССР. Это уже реально «сесть на нефтяную иглу». Здесь обрушение цен топит все хозяйство, а в СССР оно означало сокращение дохода с 46 долларов в год до 30. Это в масштабах экономики была малозаметная флуктуация.

Кстати, надо сказать, что СССР воспользовался очень высокими ценами на нефть довольно короткий срок — с 1979 по 1985 г. А потом цены вернулись к стабильным, но тоже весьма высоким уровням — около 20 долл. за баррель (после 4,6 долл. в 1973 г.).

Стоило бы посмотреть обзор, сделанный не историком, а специалистами по нефтяному рынку М.М. Судо и Э.Р. Казанковой, «Энергетические ресурсы. Нефть и природный газ. Век уходящий» в ежегоднике «Россия в окружающем мире. 1998». Здесь сказано: «В 1971—1975 гг. было экспортировано 250 млн. т нефти. В период с 1975 до конца 80-х годов СССР ежегодно экспортировал 100—115 млн. т нефти, из них 2% — в «развитые капстраны». Экспорт в «развитые капстраны» около 30 млн. т нефти в год не порождает крупного риска, который могут создать колебания цены со снижением на треть.

Трудно себе представить, как множество образованных людей объясняют сами себе механизм происходящей в экономике СССР катастрофы из-за снижения цен на товар, который продается в столь небольших количествах. Ведь с 1980 по 1988 г. экспорт, при всех колебаниях цен на нефть, надежно оплачивал импорт с положительным сальдо в 3—7 млрд. руб. — чего еще надо? При этом внутри страны стабильно росли инвестиции и уровень потребления материальных благ населением. Как тезис об автаркии советской экономики совмещается в одной голове с тезисом об «унизительной сырьевой зависимости»? Ведь это два взаимоисключающих суждения.

А.И. Фурсов рисует страшную картину классовой войны, которая якобы вспыхнула в СССР из-за снижения цен на нефть на Лондонской бирже: «Когда рухнули цены на нефть, встал вопрос: кто кого — номенклатура или средний класс? Номенклатура могла затянуть пояса потуже и вернуться на уровень потребления начала — середины 60-х годов... [Однако] номенклатура, с помощью иностранного капитала и криминалитета (великая криминальная революция 1988—1998 годов) сломала хребет советскому среднему классу... В ситуации, когда рухнули цены на нефть, средний класс оказался единственным источником, который можно было пустить под ножи и ограбить».

Что это? Почему? Зачем пояса потуже? Ведь ничего не изменилось вплоть до реформы — тот же шашлык, тот же коньяк и отдых в Крыму. Что можно было отнять у советского инженера или врача, если «пустить их под ножи»? Зачем ломать хребет среднему классу, если он и был социальной базой пере-

стройки! Кто устраивал овации и забрасывал цветами ораторов от номенклатуры — Горбачева и Яковлева, Заславскую и Аганбегяна, Шмелева и Юрия Афанасьева? Именно этот «средний класс». На средний класс не нужен нож!

Что за чертовщина, однако, мерещится нашим интеллектуалам! Какие художественные образы творит мифологическое сознание.

Из этой истории мифотворчества следует тяжелый вывод. Из сознания политиков и экономистов вытеснена *методологическая* компонента. В восприятии идущих в народном хозяйстве процессов рациональные оценки заменены идеологическими. Образованные люди выслушивают важнейшие, чреватые необратимыми последствиями утверждения политиков, но не требуют и не ожидают рациональной аргументации этих утверждений. Они принимают или отвергают их в зависимости от политических установок момента, а принятые оценки становятся у них стереотипами мышления. В годы перестройки поверили Горбачеву и Яковлеву, и в сознании запечатлен устойчивый штамп: СССР рухнул из-за смертельного экономического кризиса 70—80-х годов. За двадцать лет все эти люди, обладай они минимальной способностью к рефлексии, могли убедиться в ложности этого штампа, но этого не произошло. Навык критического анализа и рефлексии в отношении экономических процессов утрачены.

Это фундаментальная угроза для российской экономики.

Глава 21

ЭКСПЕРИМЕНТ В МЕТОДОЛОГИИ: «МОНЕТИЗАЦИЯ» ЛЬГОТ

Летом 2004 г. в Госдуме был принят, а в Совете Федерации утвержден закон, заменяющий предоставление льготным категориям граждан ряда благ в *натуральном* выражении денежными выплатами. Власть настояла на своем, большинство населения с этой акцией было несогласно. Возник социальный конфликт — как говорят, латентный, «дремлющий», хотя он и прорывался в отдельные демонстрации. Он выявил важ-

ную деформацию знания власти о России как цивилизации. Из нее было исключено традиционное знание, выработанное в культуре России, и неявное знание чиновников. При этом оказалось выхолощенным и рациональное знание, выраженное в аналитических материалах социологов.

Почему загорелся этот сыр-бор? Казалось бы, из-за гораздо более сильных ущемлений наши люди не волновались. Власть отнимала все сбережения, снижала доходы и в три, и в четыре раза — никаких протестов! А тут из-за мелочи столько шума, власти пришлось сильно потрудиться, чтобы найти десяток пенсионеров и ветеранов, которые перед телекамерами выразили бы глубокое удовлетворение тем, что получают «живые деньги» вместо каких-то там лекарств или бесплатного проезда.

Положение действительно странное: министры наперебой убеждают, что люди деньгами получают гораздо больше, что им это выгодно, что власть потратит на льготы намного больше, чем тратит сейчас — а люди упираются, не желают выгоды. С другой стороны, к чему бы такая забота о неразумных? Зачем на них тратиться — пусть бы себе и получали свои жалкие натуральные крохи, если считать не умеют. Зачем так стараться министрам, так радеть о темной массе?

В том-то и дело, что вопрос был поднят принципиальный, к деньгам и крохам он не сводится. Тут нашла коса на камень, столкнулись два мировоззрения, два взгляда на жизнь. Даже, можно сказать, два типа рациональности — и выявился не разрыв, а просто пропасть между властью и массой населения. Произошла «разведка боем» в гражданской цивилизационной войне внутри России. Войне пока что холодной. Даже удивительно, как это может проявиться в такой капле воды.

Говорят, что правительство задумало сэкономить на отказе от выдачи льгот натурой — заменит льготы небольшими деньгами, а их сожрет инфляция. Наверное, такое соображение было, но это вовсе не главное, из-за этого власть так бы не уперлась, нашла бы другой способ вытрясти карманы.

Главная цель иррациональна, она лежит в сфере идеалов — продавливать либеральную утопию, которая уже почти сдохла. Для этого необходимо «монетизировать» все стороны жизни, и на этом пути правительство взяло курс на последо-

вательный уход государства от обязательств, которые требуют реальных действий и реальных отношений с людьми.

Протолкнув свой закон, правительство плюнуло в душу большинству. Доноры Ижорского завода, сдававшие кровь бесплатно (и, кстати, *не получавшие* положенных льгот), пишут: «Мы с горечью и недоумением узнали, что доноров хотят лишить немногочисленных льгот. Кровь — бесценный дар. Донорство неоценимо в денежном выражении, и льготы — лишь некоторый стимул для участия людей в донорском движении. Это — знак признательности и благодарности этим людям со стороны государства... Неужели Россия хочет «прославиться» как первая страна, загубившая донорское движение?»

Как надо оскорбить людей, чтобы они такое написали! Сгоряча написали, наверняка не перестанут сдавать кровь, но в этих словах уже знак тяжелого отчуждения от власти — за то, что не хотела понять таких простых вещей. За то, что при помощи СМИ сознание людей расщепляют, их стравливают и соблазняют. Люди не могут возразить и поддакивают, а «сердце не лежит». Факт, что у большинства «сердце не лежит», поэтому такие усилия применяло правительство для уговоров.

Более того, пассивное сопротивление этой акции было удивительно единодушным. Это говорит о том, что она затронула что-то очень важное, какой-то нерв — людям больно, но объяснить внятно они не могут. Да и не обязаны. Но они запомнят, что правительство не пошло на диалог, не обратило внимания на вполне разумные доводы даже очень авторитетных людей.

Целый ряд авторов убедительно показывал, что конфликт власти с большой частью населения, вызванный монетизацией льгот, носит фундаментальный характер. Настаивая на своем, власть превратилась, в части своего образа, в *экзистенциального* врага большой доли народа, ибо она нанесла удар по устоям его представлений о справедливом бытии, а вовсе не по каким-то элементам материального благополучия. Государство попыталось уйти от выполнения вечного договора с народом — и его легитимность пошатнулась.

Акция эта была столь странной, что породила конспирологические трактовки. Обозреватель «RBC daily» М. Чернов

писал: «Не исключено, что за реформой по монетизации льгот и надеждой на стихийное возникновение народных протестов против этой реформы стоят одни и те же силы, основная цель которых — дестабилизация обстановки в стране и смещение режима президента Владимира Путина. Так, по словам опрошенных «RBC daily» экспертов, прошедшие в 2003—2004 гг. через Государственную думу либеральные реформы скорее всего были «продавлены» олигархами, и теперь те же самые группировки стоят, возможно, за организацией массовых протестов. Основная их цель — дестабилизация обстановки в стране и подготовка почвы для отстранения от власти президента Владимира Путина» [109].

Почему проблеме натуральных льгот придали такое значение в реформировании России? Потому, что монетизация любых натуральных повинностей или благ есть сильнейший механизм *атомизации* общества, перевода всех человеческих и социальных отношений на принципы *купли-продажи*.

Льготы — это механизм усложнения общества, повышения его разнообразия. Это знаки отличия, знаки заслуг человека перед обществом и государством. Они важны даже просто как напоминание о том, что существует доблесть и заслуга. Когда-то и в парикмахерской маленького поселка можно было увидеть вывеску «Герои Советского Союза обслуживаются вне очереди». Но ведь она висела не для героев, а для посетителей, чтобы они *помнили* о героях.

Монетизацией правительство стремилось стереть из памяти людей само понятие доблести и благодарности. Давно сказано: *«Не имеет ценности то, что имеет цену»*. Вот и нанесли удар по сокровенным культурным устоям российской цивилизации.

Обмен благами не через куплю-продажу («деньги-товар»), а в «натуре» — важнейший механизм связи людей в семьи, роды, народы. При таком обмене прозаическое благо наполняется сокровенным смыслом, его дарение и принятие приобретают литургическое значение. Человек дарит свою кровь царю, Отечеству, народу, а те потом дарят ему *льготу*. Именно эту систему *нерыночных* связей между людьми, а также между

людьми и государством стараются ликвидировать реформаторы. И это, похоже, — одна из их главных забот.

Уже на заре реформы это кредо так выразил Ю. Буйда в «Независимой газете»: «Антирыночность есть атрибут традиционного менталитета, связанного с «соборной» экономикой... Наша экономическая ублюдочность все еще позволяет более или менее эффективно эксплуатировать миф о неких общностях, объединенных кровью, почвой и судьбой, ибо единственно реальные связи пока в зачатке и обретут силу лишь в расчлененном, атомизированном обществе. Отвечая на вопрос о характере этих связей, этой чаемой силы, поэт Иосиф Бродский обошелся одним словом: «Деньги!»» [135].

Если убрать ругательства, то здесь важные вещи сказаны верно и чеканно — не должны мы быть связаны «кровью, почвой и судьбой», реформаторы и их любимые поэты нас расчленили и атомизируют, уничтожат нашу «соборную» экономику. Есть у них для этого чаемая сила — *деньги*.

Тут мы, конечно, затронули лишь верхушку проблемы. Если система льгот и вообще натуральных выплат действительно была бы уничтожена («монетизирована»), это нанесло бы обществу огромный урон, его даже трудно оценить.

Рассуждая о монетизации льгот, министры и губернаторы подменяли понятия, как будто и впрямь не понимали, о чем идет речь. Они представляли льготы ветеранам как разновидность *вспомоществования бедным*. Это, мол, благотворительность власти, она вправе заменить ее небольшими суммами денег — и нечего нос воротить, дареному коню в зубы не смотрят. Ну просто нарывались на то, чтобы ненависть у людей отложились глубоко и надолго.

Льготы нигде и никогда не являются подачкой на бедность. Льготы — заслуженное право, заработанное трудом или кровью. Власть дает их людям с благодарностью, *с поклоном*.

Когда проталкивали закон об отмене льгот, приводили как довод, что, мол, не все их используют — лучше всем дать по немножку денег. А представьте, что тем же ответит государству народ. Защищать родину — повинность мужчин. Повинность *натуральная*! Так ведь несправедливо — кровь-то свою проливают не все! Давайте лучше соберем со всех граждан по-

немногу денег и сунем в зубы этому государству, а натуральной крови проливать не будем. Дашь монетизацию повинностей! Но тем-то и отличается средний гражданин от министров, что такая идиотская мысль ему в голову не придет. Он знает, что далеко не все заменяется деньгами.

Блага натурой даются людям для того, чтобы они их потребили *сами* — и именно в данном им виде. Монетизация заведомо означает, что деньги уйдут «по другим статьям» и прежде всего на нужды близких. Выдача льгот натурой — выражение особого свойства традиционного общества, которое верно подмечено либеральными философами. Такое общество *приказывает жить*, в то время как либеральное общество дает *свободу умирать*. Потому-то вымирает либеральный Запад, а при либеральной реформе стали вымирать и русские.

Вот красноречивая льгота натурой — летчикам во время войны давали шоколад. И они не имели права поделиться им даже с голодающими детьми блокадного Ленинграда. Летчик был *обязан жить* — ради тех же детей. Когда ветерану дают нужное ему лекарство, он обязан его принять — и жить. А если ему вместо этого сунут в зубы сто рублей в месяц, он волен купить на них пару бутылок водки — и умереть. Он свободен и никому ничем не обязан. Копить эти деньги в ожидании болезни он уж точно не будет.

Говорили, льготы надо отнять у горожан потому, что сельские жители этими льготами мало пользуются. Ну так дайте сельским жителям те льготы, которые им нужны! Но ведь и у них отнимают — например, льготный тариф на электричество, на поставки угля. В крайнем случае, дайте им денежный эквивалент тех льгот, которыми пользуются горожане. Что за дикая мысль — ради справедливости ухудшить положение для всех!

Те, кто говорит, что льготы натурой несправедливы, т.к. ими не пользуются многие из тех, кто имеет на них право, или кривят душой, или впрямь не понимают простых вещей. Вот абсурдная, но верная аналогия. В городке пожарная команда, вокруг — деревни, по сотне домов. В среднем в каждой деревне в год по пожару. Пожарные мчатся на пожар, это обходится каждый раз, скажем, по 100 тыс. рублей. Это — натуральная льгота обывателям, они пожарным не платят. Но градоначальники

чальник велит эту льготу монетизировать — натурой давать несправедливо! У Сидорова дом сгорел — и ему отвалили 100 тыс. рублей в виде услуг пожарной команды. А Петрову-то обидно! Куда лучше ему получить эту льготу живыми деньгами — он так перед телекамерой и сказал. Так что дать каждому домохозяину его живые 1000 рублей в год, и пусть он в случае пожара расплачивается с пожарными. А они теперь будут на полном хозрасчете.

Разработчики закона проявили удивительную нечувствительность к фундаментальным категориям. Натуральные льготы — страховой фонд (*запас*), к которому прибегают в момент нужды. Ежемесячные денежные выплаты — *поток*. Закон заменяет фонд (запас) потоком, что является фундаментальным изменением системы. Эта сторона дела даже не обсуждалась.

Различие хорошо видно при рассмотрении льгот на покупку лекарств. Имея эту льготу в натуральном выражении, человек в случае нужды (заболевания или обострения болезни) идет и изымает свой фонд, свой запас. Каково же будет поведение человека, который ежемесячно получает эту льготу, превращенную в поток — в ежемесячную небольшую прибавку к пенсии? Месяц за месяцем он здоров, и в 99% случаев просто будет тратить эту прибавку в общем потоке своих скудных доходов, даже не задумываясь. И в момент заболевания или обострения болезни этот человек денег на лекарства иметь не будет.

Чтобы загодя превращать поток в запас, он должен был выработать в себе навыки и даже культуру *накопительства*, а для этого должно было пройти несколько поколений. Большинство населения России таких навыков и такой культуры не имеет. Поэтому о наличии фондов у нас заботилось государство, община, трудовой коллектив. Какая безответственность — лишить всего этого жителей России!

Заранее разделить страховой фонд поровну в деньгах между всеми — это значит не оказать помощи *никому*. Помощь голодающим из неприкосновенного запаса — это льгота, на которую имеют право все, но которой пользуются только те, кто в данный момент в ней нуждается. Что будет, если неприкосновенный запас перевести в деньги и заранее раздать их всем поровну?

А ведь нечто подобное и собираются сделать с той льготой, которой мы все недавно обладали — *здоровоохранением*. Тех денег, которые раньше выделяло на эту льготу государство, хватало всем больным. А теперь эти деньги хотят выдать каждому в виде фиксированной страховой суммы — и уже **никому** ее не хватит на лечение из тех, кто, не дай Бог, заболел. Льготы натурой потому и обходятся гораздо дешевле, чем «выплаты всем», что ими реально пользуются далеко не все, а только те, кому это необходимо.

Если бы монетизацию льгот проводили честно, давая всем реальное денежное возмещение натуральных благ, то это легло бы на госбюджет абсолютно непосильным грузом. И правительство выбрало наихудший вариант — и людей озлобило, и деньги растратило, и технические системы не поддержало.

Наконец, льготы натурой — исключительно экономная вещь и потому, что они «таятся в порах производства». Их замена деньгами уничтожает тот огромный эффект, который возникает при переплетении производства и быта (как в крестьянском дворе или на советском заводе). Заводы отапливали дома своих рабочих (и их соседей) отходами технологического тепла, заводские сварщики между делом ремонтировали в этих домах трубы и обустраивали детские площадки. Эти натуральные льготы рабочим выкраивались из лоскутков производственных мощностей. Перевод их на рыночную основу влетает в такую копеечку, что наши привыкшие к советским порядкам хозяйственники не раз за время реформы столбенели.

Хотели лишить пенсионеров бесплатного проезда. Каков был бы результат? Они бы ходили пешком или сидели дома. Автобус ходил бы, как и раньше. И никакой прибыли не получил бы автобусный парк от того, что не втиснется в автобус старик, не поблагодарит уступившего ему место мальчика и не проедет гордо и бесплатно — потому что он ветеран и заслужил такую льготу.

Но все это было бесполезно объяснять Зурабову с Жуковым. Им это говорили в течение года — ноль внимания. Видно, из каких-то высших сфер получили они приказ, которого нельзя было ослушаться.

**КОНЦЕПЦИЯ НОВОГО НАЛОГА НА ЖИЛЬЕ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ**

Рассмотрим один важный проект правительства, который, на мой взгляд, хорошо показывает ряд методологических изъянов, присущих мышлению многих современных политиков, чиновников и значительной части интеллигенции.

В мае 2010 г. в Интернете и СМИ («НГ», «РБК-daily», «Новая газета», «Ведомости», «Коммерсант») прошла серия публикаций о планах правительства по введению в России нового налога на недвижимость для физических лиц. Как сообщалось, этот план в начале мая был согласован Министерством экономического развития и Министерством финансов России.

Смысл реформы — заменить порядок налогообложения недвижимости, унаследованный от советского строя, на принятый в западном обществе порядок вычисления ставки налога исходя из рыночной стоимости объекта. В данном случае главным объектом является **жилье** — квартиры и дома, принадлежащие физическим лицам. Поскольку в таком жилье в настоящее время проживает подавляющее большинство населения России, эта налоговая реформа непосредственно касается интересов практически каждого гражданина¹.

До сих пор в России действует три налога на имущество: 79% сборов дает налог на имущество юридических лиц (он поступает в региональные бюджеты), налог на имущество физических лиц дает 2%, земельный налог — 19% (оба поступают в муниципальные бюджеты). Налогообложение жилья регулируется законом «О налогах на имущество физических лиц» от 09.12.1991 № 2003—1. В ст. 3. «Ставки налога» (в ред. закона от 17.07.1999 № 168-ФЗ) сказано, что ставки налога устанавливаются органами местного самоуправления в

---

¹ К настоящему моменту в России приватизировано более 80% жилищного фонда, а в крупных городах 95—98%.

зависимости от суммарной **инвентаризационной стоимости** в следующих пределах: при стоимости имущества до 300 тыс. рублей — до 0,1%, свыше 500 тыс. рублей — от 0,3 до 2,0%. Инвентаризационная стоимость домов, построенных в советское время, очень низка, даже ее регулярное повышение после 1991 г. не делает такое налогообложение обременительным¹.

Согласно доктрине реформ, в постсоветской России был взят курс на исчисление ставки налога не по инвентаризационной, а по рыночной стоимости. Об изменении принципа налога на жилье в России говорилось с середины 90-х гг. В 2000 году эта задача была поставлена правительством в практической плоскости. Обсуждение проблемы велось периодически в течение пятнадцати лет, с 1997 по 2005 год проводились эксперименты в Твери и Великом Новгороде (точнее, Тверь вышла из эксперимента — у городского бюджета на него не хватило средств). В конце января 2006 г. в Новгороде на выездном заседании «круглого стола», организованного Комитетом по бюджету Совета Федерации, были подведены итоги эксперимента.

В частности, был сделан такой вывод: «Учитывая, что еще толком не заработал новый земельный налог, сейчас трудно прогнозировать, когда дело дойдет до недвижимости в целом. Но понятно, что начинать нужно не с граждан: после «удачно проведенной» монетизации льгот переход к налогообложению недвижимости на основе ее рыночной стоимости станет последней каплей, поскольку увеличит налоговую нагрузку на население. На начальном этапе все-таки нужно не пытаться собрать по максимуму, а дать с помощью налога на недвижимость импульс росту производства, а значит, и росту доходов работников» [111].

Однако еще в ходе эксперимента в 2004 году Госдума приняла в первом чтении главу Налогового кодекса «Местный налог на недвижимость», основанную на новых принципах. В 2007 году был принят план-график введения нового по-

---

¹ Лишь в 2008—2009 гг. инвентаризационные переоценки стали приводить к скачкообразному повышению ставки налога (иногда сразу в 20 раз), и сайты, посвященные налоговому праву, наполнились жалобами и даже стенаниями «физических лиц» (см., например, Российский налоговый портал [110]).

рядка, но этот график не выполняется. Только сегодня встал вопрос о дальнейшем прохождении этого законопроекта. Заместитель директора департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Министерства финансов С. Разгулин так изложил предлагаемый порядок (в октябре 2008 г.):

Произойдет переход к налогообложению имущества исходя из его стоимости, приближенной к рыночной. Для физических лиц объектом налогообложения будут как жилые помещения, так и нежилые объекты, а также земельный участок, на котором расположены все эти здания. Все это имущество станет оцениваться как единый объект собственности. Налоговая база и кадастровая стоимость будут определяться на 1 января каждого года [112].

В конце 2008 г. были обсуждены и предварительные итоги проводимого в четырех регионах (Калужской, Кемеровской, Тверской областях и Татарстане) эксперимента по созданию региональных реестров объектов недвижимости и разработке системы массовой кадастровой оценки их стоимости — как подготовки к введению новой системы на всей территории России.

Для нашей темы важны такие выводы, сделанные на совещании представителей государственных ведомств и практиков рынка недвижимости в Институте экономики недвижимости (ИЭН) Высшей школы экономики в октябре 2008 г. (цитируем отчет о совещании):

— Первые результаты проведенного в четырех российских регионах эксперимента показали, что появление налога может иметь неоднозначные социально-экономические последствия.

— Сильная дифференциация по уровню и качеству развития территорий даже внутри регионов не позволяет задать единые параметры функционирования налога хотя бы на уровне субъекта федерации.

— Заменить существующие налоги новым без потерь для муниципальных бюджетов и без кратного увеличения налогового бремени для собственников представляется крайне сложной задачей... Экспериментальным путем доказано, что целевые установки относительно налога на недвижимость, сделанные в апреле этого года в Астрахани премьер-министром

Владимиром Путиным, для значительной части территорий страны являются взаимоисключающими¹.

— Участники эксперимента предлагают установить в федеральном законодательстве предельную налоговую ставку в размере 1% от стоимости зданий и сооружений, жилых и нежилых помещений; 0,3% — в отношении земельных участков сельскохозяйственного назначения, а также занятых жилищным фондом, садовыми и прочими используемыми личными хозяйствами участками.

Основанием для последнего вывода были такие данные. Проведенная в ходе эксперимента оценка стоимости недвижимости показала, что на нынешний уровень сбора земельного налога, например, шести сельским районам Калужской области можно выйти при ставке налога на недвижимость в размере 0,03% от кадастровой стоимости. Для большинства районов Тверской области ставка должна быть 0,1%, а для Татарстана — 0,3%. Если ставка налога не будет сильно различаться в разных муниципалитетах региона, то при ее уровне **в 0,1% от стоимости недвижимости** владельцам однокомнатной квартиры в Твери придется платить 11 тыс. руб., двухкомнатной—15 тыс., трехкомнатной—18 тыс. руб. в год. Это очень высокие размеры налога. Но если снизить ставку, то бедные сельские муниципалитеты лишатся последних средств к существованию.

Важную вещь сказала начальник Управления оценки недвижимости Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии С. Бондарчук. Оказывается, «налог на недвижимость первоначально позиционировался как налог на богатство». А теперь, по ее словам, «надо учесть, что более 20% плательщиков налога будут пенсионеры». Таким образом, Управление оценки недвижимости считает, что 80%

---

¹ Тогда В.В. Путин сказал: «Налоговые поступления в местные бюджеты, я очень на это рассчитываю, должны серьезным образом увеличиться». Он считал, что налог следует увеличивать для «тех, кто имеет дорогое имущество, большие участки земли, большие дома, дорогостоящие квартиры», а для «собственников скромного имущества, небольших квартир, небольших домов и земельных участков, садоводческих товариществ» необходимо предусмотреть «льготный режим». Но решить обе задачи для большинства сельских муниципальных районов, как раз больше всех нуждающихся в средствах, невозможно [112].

жителей России должны быть обложены **налогом на богатство**, и только в богатстве пенсионеров можно усомниться.

На этом совещании была дана и важная информация о техническом состоянии проблемы. По словам С. Бондарчук, огромное количество данных в БТИ не оцифровано, учет ведется по разным схемам, давая разный перечень данных о строениях, так что иногда невозможно понять, о чем идет речь. Отсутствует единый государственный источник информации о сделках на рынке недвижимости. К тому же «официальная регистрация сделок ведется не по реальным ценам, а по ценам, направленным на оптимизацию налогообложения» («объем большинства сделок укладывается в 1 млн. рублей»). Для разработчиков программы массовой оценки объектов источниками сведений о ценах на рынке примерно на 55% был Интернет и на 26% — другие СМИ, на 19% — базы риэлторских агентств. Как сказала С. Бондарчук, «когда не хватало рыночных данных, проводилась индивидуальная оценка некоторых объектов собственности», которая затем экстраполировалась на весь рынок.

Руководитель аналитического центра корпорации «Инком» Дм. Таганов добавил, что «единой методологии рыночной оценки объектов недвижимости нет. Каждая компания использует свою». Причем результаты можно легко корректировать в любую сторону. На примере 2008—2009 годов он наглядно доказал, что рыночная стоимость способна существенно меняться даже в течение одного года. Поэтому «приближенная к рыночной кадастровая стоимость» недвижимости неизбежно вызовет массу вопросов налогоплательщиков об ее обоснованности [112].

Из всего этого можно сделать вывод, что даже если бы сама идея перехода к налогу на жилье западного типа была заведомо плодотворной, степень подготовленности государства и общества к такому глубокому преобразованию социальной системы страны надо считать совершенно неудовлетворительной¹. Трудно поверить, что власть действительно пойдет на такой шаг. Но тогда непонятно, почему правительство поручает

---

¹ Вопрос о целесообразности перехода в России к западному типу этого налога гласно никогда не обсуждался ни в правительстве, ни в СМИ.

(или разрешает) чиновникам запускать такие пробные шары, которые потрясают общество.

Сообщается, что в III квартале 2010 года Минэкономразвития и «Росреестр» подготовят методику проведения массовой оценки недвижимости. До конца 2011 г. «Росреестр» оценит объекты капитального строительства на территории всей страны. До конца 2012 г. правительство внесет в Госдуму поправки в Налоговый кодекс. Новый порядок взимания налога планируется ввести в 2013 г.

Нет уверенности в том, что этот порядок будет действительно введен в действие, слишком уж большими рисками чревато это нововведение. Однако сама эта инициатива, ее исходные постулаты и аргументация являются, на мой взгляд, очень ценным методологическим материалом для обществоведения современной России. Именно *методологические* рассуждения составляют предмет данной главы.

Сначала рассмотрим побочные для методологии вопросы (хотя они важны с точки зрения социальной значимости этой реформы).

Прежде всего, удивляет тот факт, что во всех выступлениях экспертов и чиновников обходится простой вопрос, который буквально висит в воздухе: какую сумму предполагает собрать с населения правительство, вводя новый тип налога? Почему не называется это число? Ведь все исходные данные налицо, почему же не указать какую-то величину в «стандартных условиях», от которой можно было бы отталкиваться?

Вычислим эту величину по состоянию на 2008 г. сами. Весь жилищный фонд России в 2008 г. составлял 3,12 млрд. кв. м. Средняя по России цена 1 кв. метра на вторичном рынке жилья составляла 56,5 тыс. руб. Значит, введение налога на квартиры в размере 1% их рыночной стоимости означает изъятие у населения стоимости 31,2 млн. кв. метров. В ценах 2008 года это равно 1763 млрд. руб. в год (около 60 млрд. долларов). В состоянии ли население России ежегодно выплачивать сумму под 2 триллиона рублей? Почему же в заявлениях чиновников не называются реальные числа? Думаю, это говорит о недостатке «духа расчетливости» (*calculating spirit*), необходимого в управлении.

Что означает введение этого налога для обывателя?

В 2008 г. средняя зарплата после вычета подоходного налога составляла в Российской Федерации 15 тыс. руб. Средние величины тут, в принципе, не годятся, поскольку в 2008 г. 45% населения имело средний доход на душу менее 10 тыс. руб., а 65% — менее 15 тыс. руб. Но примем для простоты среднюю величину. В Российской Федерации в среднем доход равен численной зарплате после вычета подоходного налога.

Таким образом, за всю годовую зарплату средний гражданин Российской Федерации мог купить 3 кв. м среднего жилья. Рядовая квартира из 2 комнат площадью 60 кв. м стоит всей зарплате за 20 лет. Уже это показывает, что экономика жилищного хозяйства России не выполняет критериев подобия с ЖКХ стран Запада, у которых правительство собирается перенять порядок налогообложения (говорится, например: «в Германии налог на квартиру в среднем составляет 1,5%, в Дании—2,4%, а в некоторых штатах США доходит до 7% в год»). Это не лежит в русле нашей темы, но надо упомянуть как важный изъян методологии — переноса на российскую почву какой-то институт из иной системы, надо показать, что выполняются критерии подобия.

Перейдем от «России в целом» на уровень типичной семьи из трех человек, которая, взяв в долг все, что можно, у родственников и друзей, купила типичную квартиру площадью 60 кв. м, за которую будет расплачиваться всю жизнь. Когда эту семью уговаривали купить это «доступное жилье» и завести детей на благо России, ее не предупредили, что в 2013 г. она станет выплачивать каждый год по 1% стоимости квартиры в качестве налога. В среднем по России — это составит 33,9 тыс. руб., а в Москве 93 тыс. руб. в год.

Возможно ли это при зарплате 15 тыс. в месяц, особенно если из-за рождения ребенка работает только отец? В какое «более скромное жилье» должна переехать эта семья, чтобы выплачивать налог? Ведь если она переедет в картонный ящик, то отец (врач или инженер) не сможет заработать и свою скромную зарплату.

Очевидно, что средняя ставка налога в 1% рыночной стоимости для России **невозможна** — но ведь именно ее рекомен-

дует установить совещание «участников эксперимента и представителей государственных ведомств». Какова же логика их расчетов, каков прогноз социальных последствий реализации их рекомендации? И сообщество специалистов социально-гуманитарного профиля, и общество в целом имеют право (а строго говоря, обязаны) потребовать у правительства внятного изложения *методологических* оснований принятия решений по данной проблеме.

На мой взгляд, методологические основания доктрины введения нового порядка налогообложения недвижимости сомнительны — независимо от социальных последствий и экономической эффективности этого порядка. Конечно, если бы эта эффективность обещала быть высокой, а социальные последствия благотворными, то критический анализ методологии имел бы лишь познавательное значение и вряд ли побудил кого-то активно протестовать против нововведения. Но в данном конкретном случае, как представляется, методологическая ошибка таит в себе риски принципиального характера, что оправдывает усилия по обсуждению обоснованности доктрины.

Итак, предлагается ввести налог на жилье из расчета 1% его **рыночной стоимости**. Предполагается, что эта рыночная стоимость является измеримым *параметром*, который можно принять за мерило налогооблагаемой базы. Это *индикатор* ценности жилья как блага, ради сохранения которого гражданин будет согласен платить налог. Определение ставки налога подчиняется критериям справедливости и целесообразности, которые здесь не будем обсуждать.

В общем, при введении любого налога мера определяется разными способами. Власть, обладающая достаточной силой и легитимностью (авторитетом), может ввести налог *волевым* путем, исходя из критической необходимости (неважно, дает ли она при этом подданным или гражданам развернутые объяснения или просто уведомляет о своей воле). Если же власть желает убедить население в целесообразности налога с помощью рациональных аргументов, необходимо найти явную и надежную связь латентной величины блага, облагаемого налогом, с измеримым и ясным параметром (неважно, вводится ли эта мера в ходе общественного диалога или авторитарно).

В этом случае, в отличие от волевого решения, возникает опасность, что установленная властью мера будет воспринята населением как ложная (ошибочная или, что еще хуже, манипулятивная). Это происходит, когда связь между измеримым параметром и латентной величиной блага не имеет убедительного обоснования. Выбранный в качестве индикатора параметр не служит мерой того блага, которое оценивают с его помощью. Такое ложное обоснование налога приводит к большим издержкам и существенно подрывает легитимность власти. При этом даже неважно, «в какую сторону» искажает реальность измерительный инструмент. Вызывает возмущение сама его неадекватность¹.

Как обстоит дело в нашем случае?

Первым делом возникает вопрос, на каком основании за мерило берется рыночная стоимость того жилья, которое является предметом купли-продажи и аренды на рынке. Как ни странно, никаких объяснений для этого выбора не давали ни чиновники, ни привлеченные для работы над доктриной специалисты. Когда удавалось задать этот вопрос, отвечали: «Так делается во всем мире». Этого ответа принять невозможно. Ведь очевидно, что на жизни нескольких поколений *так не делалось* в России. В действительности так делается только в странах, где длительное воздействие рыночной экономики привело к формированию *рыночного общества*. Иными словами, где в товар и предмет купли-продажи превратились и те сущности, блага и отношения, которые в иных культурах купле-продаже не подлежат. Страны рыночного общества — отнюдь не весь мир. Для того чтобы применять в России социальные технологии, используемые в этих «рыночных» странах, требуется показать, что в отношении данной технологии выполняются критерии подобия.

Исторически сложившиеся в России и в рыночных обществах представления о недвижимости различались кардинально. Нагляднее всего это выражалось в отношениях к земле.

---

¹ При попытке «монетизации льгот» в 2005 г. утверждения о том, что она будет *выгодна* гражданам, вызвали возмущение не столько количественной мерой, сколько тем, что правительство игнорировало *несоизмеримость* денежной компенсации и качественной, ценностной стороны льгот.

Вплоть до реформы Столыпина практически вся земля находилась в казенной, общинной и феодальной собственности, а также в собственности монастырей. Свободной купли-продажи земли не было. Попытка провести приватизацию общинных земель, в общем, не увенчалась успехом. Соответственно, рыночная стоимость земли очевидно не могла служить индикатором для оценки участков — земля не имела товарной формы.

Приложение к земле рыночных индикаторов применялось колонизаторами с целью замаскировать явный произвол при изъятии недвижимости у населения колоний. Это — важная глава в истории Запада. Превращение в товар общинных земель начиная с XVII века, с экспроприации общинных земель в Ирландии Кромвелем, и последствия такого изменения были предметом интенсивных исследований экономистов, социологов и антропологов. Затем Локк исследовал эту проблему по заказу администрации колоний Северной Америки при организации рынка общинных земель индейских племен.

Когда европейцы вторглись на земли индейцев-скотоводов, для их захвата они применили старый принцип *res nullius* (право захвата «ничьей» земли). Но англичане, двигаясь по плодородным прериям, натолкнулись на племена земледельцев. Колониальные власти попытались опереться на трактат Томаса Мора «Утопия» (1516) — он пошел дальше принципа *res nullius* и определил, что колонисты имеют право силой отбирать у аборигенов землю и «депортировать» их, если их земледелие *менее продуктивно*, чем у колонистов. Эта идея стала позже в Англии знаменем, под которым вели «огораживание» и сгон крестьян с общинных земель. Испытав этот принцип на своих крестьянах, английские лорды провели экспроприацию большей части земли у ирландцев с колоссальной «экономической эффективностью». Чтобы делить отнятую землю между солдатами Кромвеля, пришлось разработать *теорию стоимости*.

В Америке превратить все эти заделы в стройную *теорию собственности* поручили Джону Локку. Локк дополнил трудовую теорию собственности новой идеей: труд, вложенный в землю, определяется в *цене на рынке земли*. Хороший урожай у индейцев не имеет значения — он обусловлен богат-

ной природой. Земля у индейцев не продается — вот главное! Она дается бесплатно или обменивается на ценности, «в тысячу раз меньшие, чем в Англии». Это значит, что индейцы в нее не вкладывали труда. А англичане вкладывали очень много труда — потому у них земля покупается и продается по высокой цене. Значит, землю у индейцев надо отобрать, потому что англичане своим трудом «улучшают» землю, а индейцы — нет. Так возникло новое право собственности: земля принадлежит *не тому, кто ее обрабатывает, а тому, кто ее изменяет* (увеличивает ее стоимость) [113].

Таким образом, к землям индейцев были приложены индикатор и критерий, которые были неприменимы из-за отсутствия у индейцев частной собственности и купли-продажи земли. Методологический подлог (или ошибка — неважно) помог легитимировать изъятие недвижимости у аборигенов и, фактически, их геноцид. Понятно, что речь идет о легитимности этой экспроприации в глазах колонистов, а не индейцев — легитимация была необходима, поскольку колонисты стремились строить правовое государство.

Это маленькое отступление делает логичным вопрос: сложилось ли в России, как общая норма, отношение к жилью как товару?

Вспомним, как формировался жилищный фонд России и, соответственно, его восприятие в массовом сознании. Вплоть до конца 20-х годов XX века 80% населения СССР жило в селах и деревнях. Жилье там практически полностью не покупалось, а *строилось для своей жизни*. В большой мере так же было и в городах. Это значит, что подавляющее большинство населения жило в домах, составлявших часть *натурального хозяйства*, а не рыночной экономики. Дом не рассматривался как товар, покинуть его, продать или бросить заставляли повороты судьбы, и это чаще всего было драмой.

В советское время очень небольшой рынок жилья дореволюционной России сузился еще больше. Городской жилищный фонд был собственностью государства и предоставлялся гражданам практически в вечное пользование. Отношение к дому как товару иссякло, смена квартиры, тем более с теневыми коммерческими сделками («доплата») было редким при-

ключением. Рынок жилья стал складываться лишь с середины 90-х годов.

На Западе, напротив, буржуазное общество формировалось через разрыв всяческих «оков», привязывающих человека к земле, деревне, общине. Свободный индивид становился неукорененным и подвижным. Крестьяне стогнялись с земли и превращались в пролетариев. В сельской местности они переселялись в коттеджи (т.е. мызы, хутора) и арендовали участки, в городе снимали жилье. Даже купив квартиру, они не привязывались к ней, двигаясь по стране согласно спросу и предложению на их рабочую силу.

Даже сегодня, когда самой массовой социальной группой стал «средний класс», 60% немцев живут на съемных квартирах. Понятие «родной дом» ушло из массового сознания. Жилье — ликвидная недвижимость, продажа которой определяется чисто рациональными соображениями и является рядовым событием. Жилищный фонд здесь реально есть часть *рыночной экономики*.

Если так, то применение для урегулирования жилищных отношений в России инструментов, созданных и применяемых на Западе, с необходимостью требует предварительно обосновать саму эту возможность. Инструменты рыночной экономики могут быть совершенно непригодны для применения в натуральном хозяйстве. Два этих экономических уклада описываются разными моделями, и внешне одинаковые категории имеют в них разные смыслы и по-разному измеряются.

Это — фундаментальное положение экономической теории. А.В. Чаянов, изучавший специфическую систему трудового крестьянского хозяйства (натуральное хозяйство, включенное в капиталистический рынок), предупреждал: «Экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущий

им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению.

Так, например, к экономической формации без категории цены, т.е. системе экономических единиц, по своей организации абсолютно натуральных и служащих исключительно удовлетворению собственных потребностей либо семьи, ведущей хозяйство, либо хозяйствующего коллектива, неприложима ни одна из перечисленных национально-экономических категорий в обычном смысле слова» [75, с. 117].

Это суждение А.В. Чаянова почти полностью соответствует нашему случаю. Жилищный фонд России существует в двух различных формациях. Большая его часть построена в советское время — дома «для себя» населения или колхозов в сельской местности, государственные и кооперативные в городе. После 1991 г. квартиры оформили в собственность граждан не через куплю-продажу, а политическим решением. Эта часть, говоря языком Чаянова, существует «в экономической формации без категории цены», она «по своей организации абсолютно натуральная и служит исключительно удовлетворению собственных потребностей семьи». Другая, очень небольшая часть жилья является предметом купли-продажи и циркулирует на рынке недвижимости. Но для первой части «все [рыночные] экономические категории теряют присущий им смысл и содержание и не поддаются даже количественному определению».

Строго говоря, рыночная цена квартир, ставших товаром, неприложима к квартирам, иммобилизованным в натуральном хозяйстве. Поэтому нет оснований брать эту рыночную цену за точку отсчета налога на квартиры, которые не продаются и «служат исключительно удовлетворению собственных потребностей семьи». Конечно, с помощью налога можно разрушить натуральную часть жилищного хозяйства, заставить жильцов продать свои квартиры или даже сделать их бездомными. Однако такая цель не была декларирована правительством в программе введения нового налога. Подобного рода незапланированные результаты, как правило, приводят к большим издержкам и обществу, и государство.

Можно также пренебречь методологической стороной дела и привязать ставку налога к рыночной цене квартир волевым путем, просто опираясь на политическую силу, но такой манипулятивный волюнтаризм гораздо хуже открытого.

В любом случае, и правительство, и его эксперты-экономисты должны были как-то аргументировать применение рыночных индикаторов к натуральному хозяйству. Ведь экономическая сущность объектов недвижимости в этих двух формациях различна, независимо от внешнего сходства физических сущностей¹.

Различие земли как объекта купли-продажи и земли, арендуемой крестьянином для удовлетворения собственных потребностей, подробно обсуждается А.В. Чаяновым. Он обращает внимание на такую кажущуюся аномалию: арендные цены, уплачиваемые крестьянами за землю, были в России значительно выше той чистой прибыли, которую с этих земель можно получить при их капиталистической эксплуатации. И это — общий в России случай. А ведь именно капиталистическая рента определяет цену земли на рынке.

А.В. Чаянов в книге «Теория крестьянского хозяйства» (1923) пишет: «Многочисленные исследования русских аренд и цен на землю установили теоретически выясненный нами случай в огромном количестве районов и с несомненной ясностью показали, что русский крестьянин перенаселенных губерний платил до войны аренду выше всего чистого дохода земледельческого предприятия» [75, с. 407].

Расхождения между доходом от хозяйства и арендной платой были очень велики. А.В. Чаянов приводит данные для 1904 г. по Воронежской губернии. В среднем по всей губернии арендная плата за десятину озимого клена составляла 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины озимого при экономичном посеве была 5,3 руб. В некоторых уездах разница была еще больше. Так, в Коротоякском уезде средняя арендная пла-

---

¹ Что касается жилья, Маркс специально замечает: «Только в потреблении продукт становится действительным продуктом. Например, дом, в котором не живут, не является действительным домом» [114]. Сказано витиевато, но для нас важна мысль, что дом, в котором живут, и дом, построенный на продажу — объекты разные.

та была 19,4 руб., а чистая доходность десятины 2,7 руб. Разница колоссальна—16,6 руб. с десятины, в семь (!) раз больше чистого дохода [75, с. 407].

Таким образом, первая методологическая проблема, которую, на наш взгляд, требовалось явным образом разрешить при обнародовании плана введения налога нового типа, состоит в обосновании *принципиальной правомерности* принятия за основу для исчисления налога на жилье в России цены жилой площади, циркулирующей на рынке.

Натуральное и рыночное ЖКХ — два пространства, различных экономически и культурно. Переток недвижимости и граждан из одного в другое идет с большим трудом и в малом масштабе (точнее, купленная на рынке «для жизни» квартира в большинстве случаев уходит с рынка и включается в «косную материю» натурального хозяйства).

Попытка получить разъяснения в Интернете [115] была безуспешной. Экономисты просто не понимали вопроса и отвечали: «Так делается во всем мире. Понятие «рыночная стоимость» все равно существует и ее надо как-то рассчитывать». Предложение разобрать методологические основания принятого «во всем мире» подхода для его применения в конкретных условиях России отвергалось, зачастую агрессивно.

Проблема принципиальной правомерности — методологическая, а не техническая. Она существует независимо от величины ошибки при переносе рыночной цены в натуральное хозяйство как инструмента измерения. Признание наличия этой проблемы важно даже в том случае, если при дальнейшем рассмотрении окажется, что этот *в принципе* неадекватный инструмент на практике пригоден, т.к. вносимое им искажение приемлемо мало. Вспомним, что в древности землемеры и строители владели методами измерения. Но важный шаг к науке сделали греки, которые стали *теоретизировать*. Вместо того, чтобы просто взять и измерить гипотенузу и катеты десятка треугольников и вывести эмпирическое правило, Пифагор разработал *теорему* — и доказал ее. У нас идет разговор именно о теореме налога на недвижимость.

Однако обсуждение показало, что большинство участников этого разговора отвергают саму проблему. Они принципи-

ально отказываются признавать различие между рыночным и натуральным хозяйством в жилищной сфере, отбрасывая *внеэкономические* факторы и ограничения. Многие искренне не понимают, о чем идет речь или даже не верят, что существуют методологические проблемы. Они готовы обсуждать *методику* оценки квартир «натурального сектора», но и здесь не видят никаких трудностей.

Получивший образование в Европе экономист (назовем его П.) пишет: «Если сегодня квартира не выставлена на продажу — это не значит, что завтра владелец не захочет или не сможет этого сделать. И значит, рыночная оценка к его квартире вполне применима... Можно построить эконометрическую модель. Тогда можно почти моментально получить оценку цены данной квартиры на основе данных об известных продажах других квартир. Такие упражнения делают студенты-второкурсники в российских ВУЗах».

Более того, само различие натурального и рыночного хозяйства многие экономисты, оказывается, считают фикцией. Ведь закон никому не запрещает продать его квартиру, значит, все они «уже на рынке». Один видный экономист (он участвовал в обсуждении под псевдонимом, и мы будем называть его М.) написал: «В установлении рыночной цены участвуют не только покупаемые и продаваемые квартиры — в ней молчаливо участвуют *потенциальные* покупатели и продавцы жилья, свидетельствующие самими фактами покупки/продажи *или отказа от таковой*, как именно относится рыночная цена с экономической эффективностью использования жилья для них лично. При этом замечательным свойством рынка является то, что какое бы решение человек ни принял в части купли или продажи, он это делает себе во благо по сравнению с альтернативами. Рынок поощряет эффективное использование ресурсов» (выделено мною — *Авт.*).

Нет смысла спорить об «эффективном использовании ресурсов», поскольку критерии эффективности различны в разных укладах. Судьба «недвижимости» затрагивает самые глубокие структуры этнического чувства, и *экономические* критерии здесь почти не играют роли. В 1996 г. не удалось ни за какие деньги выкупить землю у индейского племени в Чили

для постройки ГЭС. А летом 1993 г. наемными бандитами были полностью расстреляны два племени — одно в Бразилии, другое в Перу — по сходной причине. Во многих культурах живы запреты на продажу земли и дома.

Леви-Стросс пишет: «Именно в этом смысле надо интерпретировать отвращение к купле-продаже недвижимости, а не как непосредственное следствие экономических причин или коллективной собственности на землю. Когда, например, беднейшие индейские общины в Соединенных Штатах, едва насчитывающие несколько десятков семей, бунтуют против планов экспроприации, которая сопровождается компенсацией в сотни тысяч, а то и миллионы долларов, то это, по заявлениям самих заинтересованных в сделке деятелей, происходит потому, что жалкий клочок земли понимается ими как «мать», от которой нельзя ни избавляться, ни выгодно менять» [116, с. 301-302].

Здесь проходит размежевание российского общества. Культуролог Кирилл Дегтярев писал о предполагаемом налоге в Интернет-форуме: «Мне кажется, закон нарушает некие глубокие основания, фундаментальные права и потребности человека. Начнем с того, что человеку нужен СВОЙ дом. Если же он должен платить за право в нем жить и его могут оттуда выгнать, если у него упадут доходы, это уже не свой дом. И, тем более, не родной дом... Человек, которого при определенных обстоятельствах могут выгнать из дома — потенциальный бомж. Еще хуже, если у него формируется психология бомжа. Современное западное общество — это общество бомжей. Какой бы ни был там ВВП на душу населения...

Применение подобного закона автоматически означает включение гражданина и его жилья в рыночные отношения на рынке недвижимости, поскольку оплата налога по рыночной цене означает согласие гражданина на отношение к его жилью как к объекту купли-продажи по рыночной стоимости.

Для многих их дом не может иметь рыночной стоимости, поскольку является как бы родовым гнездом. Особенно это касается сельской местности. Да и для малых городов с индивидуальной застройкой, и даже отдельных районов крупных городов. В частности, многие индивидуальные дома после постройки освящаются попом, становятся как бы святы-

ней. И тем самым превращение их в товарную ценность становится покушением на православные ценности. Т.е. можно говорить об акции кошунства и о моральном ущербе, наносимом гражданам».

Таким образом, удержат дискуссию в рамках методологической проблемы не удалось, встал вопрос о *сущности* (цели) вводимого порядка налогообложения жилья. На поверхности лежат три цели: 1) пополнение бюджета путем всеобщих поборов (типа налога на дым); 2) уменьшение социального расслоения путем дополнительного налогообложения богатых; 3) территориальная дифференциация населения по имущественному признаку.

Станислав Покровский, видный мыслитель современной России, предположил наличие более фундаментальной цели — «мошеничество с планами, далеко выходящими за рамки сбора дополнительных налогов». Он пишет: «Сама система, которую выстраивают реформаторы, основана на том, чтобы связать общество отношениями, в которых каждый чих описывался бы в денежном выражении, требовал бы добывания денег с других членов общности, а государство превращалось бы в собирателя налога и распределителя средств с него для набора видов деятельности, без которых система рассыпается.

Слово «рынок» для этой системы — имя бога. Если не рыночная цена, то возникает вопрос о смысле, на основании которого собирается налог. А система изначально строится так, чтобы в ее существовании не было никакого смысла, кроме доминирования самой идеи рынка и потому увековечения господства тех, кто не имеет иных целей, кроме преумножения символов своего возвышенного положения — денег.

От них можно ожидать всего чего угодно. Я знаю, что идеологи этого образа жизни сейчас усиленно обсуждают вопрос о проституции как о важном секторе рынка услуг. Так что у них ума хватит и на введение налога на сексуальные отношения с женой по цене услуг проституток. Закон **принуждает** к переводу в разряд товаров то, что для людей товаром не является. Это можно сравнить с обложением каждой женщины налогом по рыночной оценке доходности промысла проститутки. Не можешь уплатить налог? Но у тебя же есть товар, который

ты можешь продать. Женился? Значит, ты получаешь услуги, имеющие рыночную стоимость».

Скорее всего, ничего такого чиновники правительства и экономисты, которые готовили доктрину налога, не думали. Но они приняли неолиберальную парадигму реформы, причем приняли некритически, привыкли к ней и теперь мыслят по канонам этой парадигмы и даже не замечают, что «говорят прозой», которая устарела уже в 90-е годы. Они не замечают, что их планы проникнуты социал-дарвинизмом, который немыслим на Западе, с которого они якобы берут пример.

М. пишет о том, как рынок «поощряет эффективное использование жилья»: «Занимая данную жилплощадь, пенсионерка отбирает у офисного работника возможность устроиться на работу или не простаивать в пробках, снижает эффективность экономики. Кому из двоих отдать приоритет — пенсионерке или офисному работнику? Рынок возлагает решение на них самих. Если старушка оценивает полезность квартиры выше, чем ее цена и выплачиваемый налог, то она квартиру не продает, а если ниже — то продает. Аналогично с офисным работником. Все добровольно, каждый поступает так, как выгодно ему и стране».

По этой логике, еще эффективнее — подвергнуть пенсионерку эвтаназии. Но не будем спорить о сущности, мы говорим о методологии. В данном случае вовсе не рынок «возлагает решение на них самих», а государство, которое устанавливает налог, задающий императив поведения «пенсионерки». Но дело в том, что большинство населения (и наша «пенсионерка») вовсе не «живет в рыночном обществе» и не принимает его критериев, а только пользуется рынком в ограниченных сферах своей жизни. М. считает возможным игнорировать систему ценностей, интересы и понимание выгоды этого большинства. Между тем мирное сосуществование двух разделенных частей общества возможно только до тех пор, пока большинству позволяют жить, пусть и в бедности. Но правительство раз за разом норовит перейти красную черту.

С. Покровский указывает на целый ряд возможных при новом налоге социальных коллизий. В частности, он пишет: «Можно говорить о дискриминации абсолютного большинства

населения, которое не собирается превращать жилье в товар, но которое может оказаться в ситуации законодательного принуждения к этому. Может легко быть предсказана ситуация взвинчивания рыночных цен на жилье в каких-то местностях — с целью принуждения людей к продаже жилья на основании их неспособности к уплате налога. При этом из-за лага времени между назначением налога и моментом продажи жилье может оказаться скупленным по смехотворно низкой цене».

Таким образом, первая методологическая ошибка концепции нового закона о налоге заключается в том, что она игнорирует важный факт: дома домам рознь. На рынке «движутся» *дома-товар* (вероятно, это 5—6% жилищного фонда), остальные закоснели в «натуральном хозяйстве». Они существуют для личного потребления («для жизни») людей и почти с ними срослись. Эти два множества различны не меньше, чем земля-товар и общинная земля в годы реформы Столыпина. Внешне земля одинакова, а политэкономически и социально — разная. И к общинной земле ошибочно применять инструменты меры (цену), действующие на рынке. Разумеется, и дома, составляющие часть натурального хозяйства, можно облагать налогами. Но при этом обоснование налога и принцип оценки налогооблагаемой базы должны явно исходить из признания характера объекта и понимания той ценности, которую представляет для обывателей дом¹.

На мой взгляд, из первой, фундаментальной ошибки концепции закона вытекает и вторая методологическая ошибка, связанная с *мерой*. Речь идет о методе определения «рыноч-

---

¹ Например, типичная «пенсионерка», которую ввел в свое рассуждение М., получила квартиру в центральном районе в 1970 г. бесплатно в вечное пользование за ее труд и выполнение гражданского долга. Квартира и окружающее пространство стало важной частью ее жизни и ее личной истории и воспоминаний. С помощью налога ее побуждают к «экономически прогрессивному» поступку — продаже этой квартиры и переезду в более дешевое жилье на окраине. Она, скорее всего, будет до последней возможности снижать свое потребление, уплачивая налог и отказываясь от продажи квартиры. Наконец, под угрозой голодной смерти или выселения она согласится на переезд. Это будет означать ее выпадение из всех социальных связей «по месту проживания» и из пространственных связей с «местом обитания». С большой вероятностью, эта травма быстро сведет ее в могилу без всякой эвтаназии.

ной стоимости» квартир, которые не выставляются на продажу, исходя из цены квартир-товара.

Фактическая сторона такова. На рынке недвижимости в год заключается 300 — 400 тыс. сделок купли-продажи. Их объектом является 1—1,3% жилищного фонда. При этом, как было сказано, большинство купленных квартир сразу же превращаются в «косную материю» натурального хозяйства, рынок для них служит просто заменой архаичного строительства «своими руками» (хотя многие жильцы «достраивают» сдаваемые без отделки квартиры своими руками). Почти весь жилищный фонд России и «товарные» квартиры, которые обращаются на рынке — это две совершенно разные системы. Как можно из цены одного объекта вывести цену совершенно другого объекта, не участвующего в купле-продаже? Это требуется объяснить, и объяснить, на мой взгляд, будет непросто.

Очевидно, что рыночную цену имеет только товар, который поступает на рынок. Выше уже говорилось, каким подлогом было изъятие земли у индейцев согласно «закону трудовой стоимости». Оценив по «рыночной стоимости» то, что не обращалось на рынке, колонизаторы занизили цену почти до нуля. У нас наоборот — цену вещи, которую мы и не собираемся продавать, завышают многократно. Определение «рыночной цены» жилищного фонда исходя из сделок с ничтожной долей квартир можно было бы даже считать крупномасштабным подлогом, но речь идет, конечно, о методологической ошибке. Строго говоря, это ошибка даже в рыночной парадигме.

Рынок жилья — это «поток», совсем иная категория, чем «фонд». «Поток» этот очень невелик по сравнению с «фондом». Колебания цены 1% жилья, составляющего «поток», не могут определять налог с «фонда». С 1998 по 2008 г. цены на рынке жилья в России выросли в 6 раз. И налог должен был бы вырасти? Почему? Квартира не изменилась, человек тоже.

Экономисты, которые поддерживают предложенный в концепции закона метод оценки, не видят здесь никакой методологической проблемы. Процитированный выше П. считает, что квартиры, ставшие объектом купли-продажи, и те, которые их хозяева не собираются продавать, совершенно аналогичны. Они пишет: «С аналогичностью все просто: район,

общая и жилая площадь, этаж, планировка, техническое состояние дома и квартиры и т.п. Зная эти характеристики, можно легко сравнить данную квартиру с теми, которые продаются на рынке, и определить ее цену».

Ему отвечают: «На каком основании цена квартиры соседа, который решил ее продать, вдруг начинает рассматриваться в качестве оценки моей квартиры, которую я не хочу продавать ни за ту же цену, ни за сравнимую? Для меня моя квартира вовсе не аналогична соседской и как раз отсутствие аналогии подтверждается тем, что сосед хочет продать, а я нет. Соответственно, оценка моей квартиры через цену соседской есть некая граничная (крайняя) величина, характеризующая ту сумму, которую я теоретически могу получить, если мне почему-то захочется лишиться собственного жилья».

П. этого аргумента не признает и повторяет постулат, согласно которому «в установлении рыночной цены участвуют не только покупаемые и продаваемые квартиры — в ней молчаливо участвуют *потенциальные* покупатели и продавцы жилья» (хотя проблема как раз в том, что подавляющее большинство населения именно не является «*потенциальными* покупателями и продавцами жилья»). На это ему отвечают: «Вы уверяете, что непродаваемое жилье присутствует на рынке. Это — абсурд. Если на земле 6 млрд. обладателей пары почек, а желают продать вторую почку 1 тысяча, то вы будете утверждать, что на рынке присутствуют 6 млрд. почек?!! То, что не продается, не может быть рыночным. Какова рыночная стоимость вашей совести, если Иуда оценил свою в 30 сребреников? Не обижайтесь. Я хочу, чтоб вы поняли, какую глупость вы написали».

Здесь мы видим резкий разрыв между когнитивной системой экономистов-рыночников и той части общества, которая мыслит в традиционных категориях, разделяющих *ценность* и *цену*. Этот разрыв — важная проблема всей доктрины реформирования России и порожденного ею кризиса.

Мы здесь не затрагиваем техническую сторону дела, о которой один участник дискуссии в Интернет-форуме, работник местной администрации, высказался так: «Никто и никогда не делал таких обоснований. На практике для определения разме-

ра финансирования чего-либо или налогообложения чего-либо всегда дается какое-нибудь уравнение, каждая из переменных которого вообще берется с потолка. Никто и никогда не считал себя обязанным обосновывать введение того или иного налога. Высокомерные граждане-налогоплательщики никогда не поднимали подобного вопроса. Исключение — НДС. Но его обосновывают ... величиной поступления в бюджет. Почти все величины берутся с потолка. А там, где могут возникнуть неприятные вопросы, утверждается или рекомендуется к применению методика с огромным перечнем величин, коэффициентов и порядком исчисления».

Учитывая эту реальность, мы все же считаем важным разобратся в методологических обоснованиях, в ходе мысли чиновников и законодателей, прямо влияющих на жизненные интересы и даже на судьбу большей части населения.

П. возмущился сравнению квартиры с почкой: «Я не рассматриваю продажу своих почек как гипотетически возможную при любой цене (если, не дай бог, не прижмет совсем смертельно), тогда как продажа моей собственности (жилья, машины, дачи...) — вполне возможна при наличии хорошего предложения». На это ему резонно отвечают: «Для большинства жителей нашей страны, в реальности, продажа их квартиры не рассматривается как гипотетически возможная (если, не дай бог не прижмет совсем смертельно)».

Конечно, эти аналогии — не аргумент. В сравнении почки с квартирой искажена мера, как и в сравнении переселения «пенсионерки» на окраину с эвтаназией. Но аналогии указывают на слабые места логики.

Некоторые участники диалога пробовали примирить позиции, просто исключив проблему несоизмеримости квартир «рыночного» и «натурального» сектора. Один коллега пишет: «Я полагаю, что «правдоподобность» или неправдоподобность показателя в данном случае не имеет большого значения, поэтому она тут особо никого не трогает. Сама по себе стоимость квартиры не является налогооблагаемой базой. Это некоторая условная величина, с которой предполагается взимать налоги. С таким же успехом в качестве такой величины можно принять площадь окон, количество замков на дверях или расстояние между габаритными огнями автомобиля».

Но дискуссия показала, что выбор условной величины как раз очень сильно «трогает» и довольно многих. Речь идет о том, что условная величина должна быть условной демонстративно, а «правдоподобность» тут вредна, поскольку воспринимается как подлог, имеющий целью вытеснить из сознания категорию ценности и заменить ее ценой.

Можно указать и на другой изъян меры, которая предлагается в концепции закона. Определение величины искажения меры — отдельный вопрос, он требует моделирования возможных ситуаций, но для начала надо зафиксировать наличие проблемы в принципе. В качестве *индикатора* ценности квартиры, которая и облагается налогом (латентной величины), предложено использовать *параметр*, который зависит от объекта измерения. Вот аналогия: в качестве индикатора температуры тела человека долго использовался объем ртути, содержащейся в баллончике термометра. Это было возможно потому, что в необходимом диапазоне температур коэффициент расширения ртути достаточно стабилен. Если бы он заметно зависел от температуры тела, измерение было бы невозможно. Так же нельзя измерять длину линейкой, длина которой меняется от приложения к измеряемому предмету или в зависимости от числа замеров. Это — элементарные общие правила подбора параметров и индикаторов для оценки латентных величин.

В нашем случае зависимость измеряемого параметра (цены квартир на рынке) от состояния изучаемого объекта (множества квартир) налицо. Цена, как известно, определяется спросом и предложением и даже *ожиданием* колебаний спроса и предложения. Значит, *в принципе*, латентную величину цены «не участвующих в рынке» квартир нельзя вычислить исходя из цены «участвующих». Превращение в товар всего 1—1,3% «не участвующих в рынке» квартир сразу удвоит предложение и обрушит цену. Поэтому индикатором цены «дремлющих» квартир актуальная цена продаваемых квартир не является.

Это хорошо иллюстрируется и поведением фондового рынка. Акции «Evraz Group» за ноябрь 2008 года потеряли 95,6% цены. Можно ли было исходя из цены акций «Evraz Group» установить стоимость металлургического завода, который акций не выпускал и на продажу себя не выставял? Это

было бы смешно. Но ведь и 99% жильцов России свои квартиры на продажу не выставляли (их «акций» не выпускали). Как же могут налоги на их квартиры вычисляться исходя из цен рынка?

Другой аналогией может служить рынок картин. За последние четыре века огромное число музеев и дворцов, интерьеры важных государственных и общественных зданий и салонов состоятельных любителей заполнились сотнями тысяч картин известных художников. Ничтожная доля таких картин превращена в товар, который покупается и продается на десятке аукционов. Цены этих картин баснословно велики. Можно ли, исходя из этих «рыночных» цен, установить налог в размере 1% на все подобные картины? Очевидно, что нельзя. И не потому, что музеи и частные владельцы такого налога не смогли бы заплатить. Такой налог не имел бы никаких объективных оснований. Ничтожная часть картин была бы выставлена владельцами на продажу — и весь этот «свободный рынок» в тот же день потерпел бы крах.

Мы отвлекаемся от того факта, что на нынешней стадии развития информационных технологий легко организуются сговоры групп дилеров и брокеров для «атак» на подобные рынки с целью воздействовать на цены без реального изменения предложения. Последние два года это красноречиво показали — и тут же без всяких объяснений объявляется о намерении использовать цену квартир как «объективный показатель», прилагаемый практически ко всему населению России. Это странно.

Настаивая на объективности «рыночной цены» для оценки всего массива квартир, независимо от их присутствия на рынке, П. пишет: «Скажите, пряник на прилавке имеет цену до момента физической передачи покупателю?» На это его оппонент отвечает уже грубо: «Вы называете себя экономистом, а говорите такие глупости, что можно подумать, Адам Смит еще не родился. Пряник имеет цену только в контексте знания, что такое-то количество пряников ежедневно продается. Если завтра все перестанут покупать пряники или, наоборот, кинутся скупать все пряники подряд, их цена либо упадет до нуля, либо взлетит до небес.

Да что там пряники. Цены квартир в Казахстане и Средней Азии в первой половине 90-х годов упали до смешных. Новая двухкомнатная квартира в Целинограде (нынешняя Астана) стоила столько же, сколько подержанный «Москвич-2141». Один знакомый кореец в Ташкенте скупил все квартиры на площадке, т.к. соседи уехали в Россию и Германию. А он был совсем не богач. Если хотя бы 1 процент квартиросъемщиков решит, что платить налог им нелегко и решит продать квартиры и купить поменьше-подешевле, цены на квартиры рухнут, как в Средней Азии в 90-х».

Можно ли игнорировать эти доводы?

Я предложил, в качестве мысленного эксперимента, ввести следующее ограничение, которое может заставить правительство задуматься и изменить выбор индикатора или внести серьезную коррекцию. Если налоговая служба утверждает, что «рыночная стоимость» моей квартиры равна 5 млн. руб., и требует с меня в качестве налога 1% этой суммы, она обязана, если я пожелаю, выкупить у меня эту квартиру именно за 5 млн. руб. Это и будет критерием достоверности ее оценки, за ошибочность которой должно платить государство.

В нынешнем виде налог будет отбрасывать от квартир массу людей, которые живут в бедности или в пограничном слое. Средняя величина дохода не показательна, поскольку система слишком гетерогенна. У 45% населения доход в 2008 г. составил менее 10 тыс. руб. 31% работающих получают на руки менее 8 тыс. руб. в месяц. После обязательных выплат у этой части граждан остается *прожиточный минимум*. У 6 млн. безработных не остается и этого! Что, если всю эту массу обяжут платить хотя бы по 3 тыс. руб. налога в месяц? Они будут съезжаться, а одну квартиру *сдавать государству*. Вы установили цену моей квартиры — заберите ее за эту цену и продавайте, за сколько хотите!

Сторонники этого налога, которые участвовали в дискуссии, отвергли это предложение с возмущением. Это понятно, можно с уверенностью сказать, что государство этого условия не примет — покупателей квартир и сейчас меньше, чем предложений. Значит, цена при таком порядке упадет, а значит, налог был сильно завышен. Значит, метод измерения налогообла-

гаемой базы был *неверен*. Так зачем порождать массовое возмущение людей такой мистификацией!

Лауреат Нобелевской премии физик О.Н. Хиншельвуд писал уже в конце 60-х годов: «В настоящее время существует опасность, что может возникнуть серьезная путаница в том, каким образом общество, находящееся под влиянием силы научного метода, но имеющее мало интуитивного чувства практики настоящего ученого, сможет установить критерии меры и количества для качественных вещей, к которым они неприложимы. Если количественные измерения действительно приложимы — очень хорошо. Однако все еще имеется искушение там, где это не может быть сделано, произвольно заменять хорошие, но субъективные критерии явно худшими только потому, что эти последние могут быть представлены в данных числовых измерений и рассматриваемы механически.

Стремление поступать подобным образом еще более возросло в связи с модой вводить информацию в вычислительные машины... В самом деле, если вы введете в машину разумное, то и получите разумный результат. Однако, к несчастью, если вы введете неразумное, то получите не имеющее смысла решение, которое будет еще менее разумным, так как не будет сразу распознано в качестве чепухи, каковой оно в действительности является...

Защитой ложного количественного подхода не будет также и то, что мы часто не знаем лучшего выбора. Если не известно, каким путем достичь правильного суждения, то лучше уж принять факт как таковой и не делать положение хуже, чем оно есть, путем *симуляции*. Я считаю, что замена трудных качественных суждений неадекватными механическими данными не является рационализацией или эффективностью или же беспристрастностью и объективностью, а просто представляет собой весьма печальное отсутствие ответственности» [117].

Выступления экспертов и чиновников, представлявших концепцию законопроекта, а затем и наша дискуссия в Интернете показала, что эти соображения О.Н. Хиншельвуда отвергаются как нечто несерьезное, почти достойное презрения. На мой взгляд, это говорит о том, что в нашей «рефлексирующей» среде происходит странный отход от норм рационально-

сти научного типа. Становится обычным равнодушие к различению *методологических* подходов к важным решениям, явно влияющим на дальнейший ход событий в России. В большей или меньшей мере это проявляется в отношении всех главных решений, но в случае налога на жилье представился хороший учебный материал, а его отбросили.

Надо вспомнить, что важным смыслом Научной революции XVII века был сдвиг от размышлений о *сущности* объекта исследования к *методологии* — к размышлению о методе познания, о познавательной возможности применяемых инструментов. В Лондонском королевском обществе, первой «невидимой коллегии» ученых, специально учились при обсуждении экспериментов спорить не о сущности явлений, а «всего лишь» о том, как применяются в данном эксперименте инструменты и методы. Таким образом, важнейшим продуктом деятельности научного сообщества являются не столько результаты конкретных исследований, а выработка самой способности заниматься наукой.

Можно сказать, что *результаты* — побочный продукт науки (см. [118]). Сравнительно недавно это казалось банальным правилом, которого молодым сотрудникам не требовалось даже объяснять, они усваивали его из практики общения в лаборатории. По мере продвижения реформы наука тихо уходит из сознания российской интеллигенции. Нас теперь ведет «звезда Полюнь» Саяно-Шушенской ГЭС.

Вместо заключения

САЯНО-ШУШЕНСКАЯ ГЭС И ОБРАЗ БУДУЩЕГО ЭКОНОМИКИ РОССИИ

17 августа 2009 года в России произошла крупная авария на Саяно-Шушенской ГЭС (СШГЭС). По своему масштабу и техническим характеристикам ее относят к *техногенным катастрофам*. И техническое сообщество, и общество в целом были потрясены *небывалым* характером катастрофы. Она приобрела символическое значение, как знак перехода страны в новое состояние.

Сейчас можно определенно сказать, что она — *продукт реформы*. Взятая в целом, как развивающаяся система, эта авария, ее вызревание и ее последующее осмысление, дают адекватный портрет российского общества, государства и экономики почти во всех их главных срезax. И общество, и государство *обязаны* в этот портрет вглядеться. Если они откажутся вглядеться или «промолчат», это будет сигналом для всех латентных угроз, родственных этой аварии: *путь в Россию свободен!*

До настоящего момента признаков такого самоанализа со стороны государства не наблюдается. Заявления высшего руководства непосредственно после аварии носили общий характер и были уклончивыми. Президент Д.А. Медведев сказал 24 августа 2009 года: «После того, что произошло на Саяно-Шушенской ГЭС, появилась масса апокалиптических комментариев и у нас в стране, и за границей, смысл которых сводится к тому, что все, «приплыли», это начало технологического конца России, «Чернобыль XXI века»... Мы с вами понимаем, что ... все это брехня. Правда здесь только в одном: наша страна очень сильно технологически отстала. Дело не в конкрет-

ной драматической катастрофе, а в том, что мы реально очень сильно отстаем. И если мы не преодолеем этот вызов, тогда действительно все те угрозы, о которых сейчас говорят, могут стать реальными» [119].

Это утверждение искажает проблему. Дело именно «в конкретной драматической катастрофе», а о «брехне и у нас в стране, и за границей» можно было и не говорить, это совсем другая тема. А если говорить о катастрофе, то она показала нечто совсем иное, нежели общий и известный факт, что «наша страна очень сильно *технологически* отстала». Как раз наоборот, она показала, что **наша страна очень сильно отстала от технологии**, которую унаследовала от СССР. Российская Федерация пока что обладает этой технологией, *живет на ней* и не имеет другой — а пользоваться этой технологией и управлять ею *уже не может*. Страна потеряла квалификацию — в широком смысле слова!

Это — провал фундаментальный и системный, а вовсе не только технологический. За двадцать лет реформ произошла такая деградация систем государственной власти и управления, социальных отношений, культуры и профессиональной этики, что все эти системы оказались неадекватны *техносфере* России — пусть даже действительно отсталой.

30 августа 2009 года Д.А. Медведев так уточнил свою мысль: «Нам нужно обязательно сделать из этой катастрофы очень серьезные выводы, касающиеся нашей текущей жизни и наших планов на будущее. Я имею в виду наши планы по модернизации страны. Я сейчас говорю не о причинах аварии» [120].

Но как же можно «сделать из этой катастрофы очень серьезные выводы», если «не говорить о причинах аварии»?

Конечно, разговор этот будет крайне тяжелым для власти. Можно сказать, что он станет для нее экзаменом. На заявление Президента от 24 августа через два дня на сайте «Эксперт» был такой комментарий: «**Перестаньте вести себя, как на оккупированной территории**. Причина катастрофы очень простая. Если хищнически эксплуатировать устаревающую технику, не ремонтировать, не обучать персонал, не платить деньги людям — и если последние 20 лет только грабили страну и не

создали ничего взамен — то оно рано или поздно начнет приходить в негодность. Олег Алферов» [121].

Но это — тоже искажающее проблему заявление. Ведь в данном случае в негодность пришла не материально-техническая часть ГЭС, а ее социальный уклад, созданный в ходе реформы.

И Чернобыль, и СШГЭС, и мириады небольших, но структурно сходных аварий — признак глубоких сдвигов в технической сфере России. Эти сдвиги порождены попыткой кардинального изменения всего жизнеустройства наших народов, включая их культуру и мировоззрение. А хозяйство — часть культуры. Здесь и кроются причины.

Начнем с того, что в энергетике России была принципиально изменена *цель деятельности*. Это изменение системное, от него нельзя укрыться инженеру, рабочему, директору ГЭС или Президенту Медведеву по отдельности — все они «прикованы к одной точке». И почти все они, включая Чубайса, слегка сопротивляются этим изменениям, стараются не падать в пропасть, а скользить. Но «верхи» сопротивляются именно слегка — так, чтобы скольжение не замедлялось.

Энергетические системы в любой индустриальной стране выполняют жизненно важную функцию и являются системами *государственной безопасности*. Их назначение — обеспечение потребностей и поддержание живучести страны, а не извлечение *выгоды*. В 2003 г. старый энергетик А.Б. Богданов написал в статье «Неопубликованные мысли ко Дню энергетика»: «С самого первого дня работы в энергетике нас учили и ставили наизусть отвечать на экзамене, что основной задачей энергетиков является *обеспечение надежного и бесперебойного снабжения потребителей электрической энергией*».

Но, поскольку теперь наш собственный опыт и разум поставлены под сомнение, А.Б. Богданов ссылается на Америку и пишет: «Вот, например, как говорят о главной задаче энергетиков в США: «Цель энергетики — предоставить услуги нашим клиентам и обществу в целом. Прибыль является второстепенным вопросом» (*Артур Хейли*. Перегрузка. М., 1978, с. 215)».

Реформа произвела фундаментальный переворот в российской энергетике — она сделала прибыль *первостепен-*

ным вопросом. Это и стало главной предпосылкой к аварии на СШГЭС. Изменился социальный уклад электростанций, организация труда, критерии распределения средств, профессиональные нормы, восприятие рисков и, шире, тип рациональности работников на всех уровнях иерархии.

Депутат А. Бурков, входивший в состав Парламентской комиссии по расследованию причин аварии, сказал: «Работа станции была подчинена главной задаче — извлечению прибыли. Поэтому и главной службой в системе «РусГидро» были финансисты и экономисты, под влиянием или, возможно, под давлением которых находились инженерные службы. По-другому сложно объяснить то, что срок жизни второго гидроагрегата по всем техническим параметрам практически истек, но при этом не была заказана новая турбина и даже не был разработан план мероприятий по дальнейшей безопасной эксплуатации турбины, которая выработала свой ресурс» [122].

Но дело не только в обращении «в новую веру», в повороте к поклонению мамоне. В России «переход от тоталитаризма к демократии» означал отключение очень многих охранительных механизмов, которые выработала культура и которые успешно поддерживал советский «тоталитаризм». Человек создал искусственный мир культуры, который ослабил или даже подавил животные инстинкты, в числе прочих — инстинкт сохранения и воспроизводства жизни. Как биологический вид, утративший этот инстинкт, человек выжил лишь благодаря миллиону лет тоталитаризма — беспрекословной власти Бога и его земных помазанников. Бог требовал: живи — или будешь вечно мучиться в аду. На земле правитель-тиран требовал: живи — или будешь страшно наказан (как враг племени, государства, народа).

«Демократическая революция» в СССР показала, что означает для человека отмена *обязанности жить*. В советское время эта обязанность воплощалась во множестве тиранических требований — мыть руки перед едой, делать прививки от тифа и кори, не тыкать вилкой в розетку и производить плановый капитальный ремонт жилых домов. Невыполнение этих требований влекло за собой наказание. Все эти требования были отменены, одно за другим, в годы реформы. Симво-

лическим действием государства стала ликвидация *Госстандарта*, который превращал главные конкретные требования в *законы*. Инерция культуры и воспитания еще в какой-то мере заставляет людей соблюдать нормы и запреты, но эта инерция иссякает.

Потрясение от катастрофы на СШГЭС заставляет нас оглянуться и начать разговор. Достаточно материала для него дают два заключения об аварии, подготовленные «Ростехнадзором» (3.10.2009) и депутатской комиссией Госдумы (25.12.2009). Но прежде чем перейти к ним, обратим внимание на установки и поведение «гражданского общества» и некоторых чиновников.

Вот, на следующий день после аварии бывший министр и видный идеолог реформ Евгений Ясин заявил: «Я уверен, истинная причина — в безалаберности и наплевательском отношении к строительным стандартам. В этом смысле можно, наверное, провести аналогию с Чернобылем» [123].

К строительным стандартам катастрофа на СШГЭС не имеет никакого отношения, авария произошла с *машиной* (гидроагрегатом). О проекте и состоянии гидротехнических сооружений СШГЭС — разговор совершенно особый, и суждение Ясина в нем смысла не имеет — вряд ли он отличает строительство здания (кажем, Чернобыльской АЭС) от строительства машины (реактора)¹.

Качество построенного в СССР оборудования было удостоверено Приказом РАО «ЕЭС России» от 13 декабря 2000 года, когда СШГЭС была формально введена в строй. У А.Б. Чубайса не было мотивов перехваливать советские машины. В Заключении к Акту приемки было отмечено: «Все энергетиче-

---

¹ Дискуссии о проекте плотины СШГЭС ведутся на языке специалистов. Широкой публике приходится полагаться на заключения экспертов. После аварии было проведено обследование состояния гидроузла и опубликован «Акт преддекларационного обследования СШГЭС и Майнского гидроузла. Хакасия, 20 сентября 2009». В нем говорится: «Общий вывод о техническом состоянии ГЭС и возможности их дальнейшей безопасной эксплуатации:

Гидротехнические сооружения Саяно-Шушенской ГЭС и Майнского гидроузла находятся в работоспособном состоянии... Гидротехнические сооружения и механическое оборудование ГЭС, за исключением конструкций здания ГЭС, перечисленных в п.1.14, находятся в работоспособном состоянии. Надежность и безопасность их эксплуатации обеспечиваются» [124].

ское высоковольтное оборудование и другая аппаратура изготовлены отечественной промышленностью. На СШГЭС такое оборудование, как гидротурбины, гидрогенераторы, являются головными агрегатами и находятся на уровне лучших мировых образцов, а по некоторым электромеханическим параметрам превосходят их» [125].

«Акт технического расследования причин аварии» «Ростехнадзора» напряженно ждали полтора месяца. Как только он был опубликован, в него стали вчитываться множество людей — и сразу обмениваться впечатлениями¹. Содержание Акта вызвало тяжелое чувство. Комиссия явно уходила от главных вопросов или топила их в массе неважных частностей. Странно было и то, что расследование причин аварии было поручено «Ростехнадзору» — заинтересованной организации, несущей ответственность за те нарушения, которые и привели к аварии. К тому же в составе этой комиссии 19 из 29 членов — чиновники «Ростехнадзора».

В одном из отзывов на этот Акт сказано: «Российская техническая интеллигенция оказалась несколько шокирована небрежностью, с которой был подготовлен акт расследования. В наиболее четкой и ясной форме критическое отношение к акту «Ростехнадзора» сформулировал глава Института энергетической политики, бывший замминистра энергетики Владимир Милов, который напомнил, что «Ростехнадзор» — заинтересованное лицо, которое уполномочено осуществлять постоянный контроль за безопасностью эксплуатации и функционирования промышленных объектов.

«По нормальной логике, такого рода акт должен был бы содержать краткое описание произошедших событий, методологию и логику проверки, основные версии аварии, отрабатывавшиеся при проверке, внятные выводы, — утвержда-

---

¹ Первое, что вызвало гнетущее чувство — поразительное количество ошибок, как будто его писал малограмотный человек. Но главное, вид документа вызвал подозрение — а читали ли его те, кто подписал этот Акт? Ведь это 29 человек высокого ранга! Не может быть, чтобы все они были столь малограмотны! А если все читали данный им на подпись текст документа, то как они могли не исправить грубые ошибки? Им был совершенно безразличен документ, который они подписывали?

ет Владимир Милов. — Попробуйте найти в акте что-нибудь из этого» [62].

Здесь мы рассмотрим только те выводы Акта, которые касаются социальной проблематики и указывают на угрозы экономике России. Итак, состояние гидроагрегата (ГА-2) непосредственно перед аварией описано в п. 4.4: «Амплитуда вибрации подшипника крышки турбины ГА-2 с 08 час. 00 мин. до 08 час. 13 мин. увеличилась на 240 мкм (с 600 до 840 мкм при максимальном значении до 160 мкм)».

Представляя Акт «Ростехнадзора», его глава Н.Г. Куткин сказал, что авария длилась всего 7 секунд. За это время снизу на генератор и крышку стала действовать «подъемная сила» величиной 4,7—6 тыс. т. Она за доли секунды выросла до 20 тыс. т, сорвала крышку и «выстрелила» генератором ввысь [126].

Как возникла эта подъемная сила? Ведь это — небывалое явление, а в Акте о нем вообще *не сказано ни слова*, как будто речь идет о каком-то банальном событии. Одно это повергло в недоумение тысячи технически образованных читателей. Ведь в норме «небывалые явления» вытеснены из техносферы массой предохранительных механизмов — технических, культурных, административных. Но раз уж они прорываются через эти заслоны, каждый такой случай представляет собой огромную ценность, оплаченную разрушениями и человеческими жизнями. Аварии и катастрофы — один из важнейших источников знания о техносфере, а техносфера — важнейшая часть хозяйства страны. Как же можно пройти мимо, не заострить внимания на таком явлении!

В научном обзоре в сентябре сказано: «Вырывание крышки турбины и выталкивание гидроагрегата вверх не были предусмотрены ни в каких проектных аварийных сценариях. Подобная авария казалась совершенно невероятной, и специалисты в большинстве вряд ли бы поверили в ее возможность, если бы она не произошла» [127].

Такая же ситуация возникла в результате Чернобыльской катастрофы. Тогда изучавшая ее «комиссия Легасова» собрала большой массив информации, в котором было много «сгустков нового знания», обещавшего важные прорывы во многих областях науки. Новые представления о техногенных рис-

ках и необычном поведении систем «человек — машина», еще весьма предварительные, вызвали жгучий интерес во всем мире. Западные университеты и инженерные общества зазывали к себе для лекций и бесед любого советского ученого, хоть немного знакомого с материалами этой комиссии¹. Какой контраст с материалами нынешних комиссий! А ведь Интернет открывает исключительные возможности для мобилизации коллективного разума.

В Интернете на сайте гидроэнергетиков 14 октября появились критические комментарии к Акту. Возможно, эти комментарии ошибочны. Но они высказаны в среде специалистов, и было бы естественно для комиссии «Ростехнадзора» дать по ним разъяснения. Иначе зачем вообще было публиковать Акт? После его публикации прошло много времени, но никаких объяснений от членов комиссии по поводу конкретных замечаний не последовало. Нет объяснения необычного феномена, но нет и признания, что перед нами — проблема, требующая глубокого исследования. Комиссия выбрала худший вариант — умолчание.

Говоря о причинах аварии, будем совмещать данные Акта «Ростехнадзора» (далее Акт) [125] и «Доклада Парламентской Комиссии по расследованию аварии на Саяно-Шушенской ГЭС» (далее Доклад) [128]. Хорошим сжатым докладом об аварии можно считать и «Особое мнение» члена Парламентской Комиссии, депутата Госдумы С.Г. Левченко [129].

Выберем из этих документов главные условия, которые сделали возможной аварию, а потом и непосредственно привели к ее возникновению.

С.Г. Левченко пишет: «Авария, произошедшая на Саяно-Шушенской ГЭС имени П.С. Непорожного 17 августа 2009 года, расследование причин этой аварии показали, что состояние дел на этой ГЭС и причины, приведшие к аварии, не являются ни исключительными и характерными только для этой ГЭС, ни результатом стечения негативных обстоятельств,

---

¹ Эти материалы действительно содержали ценные наблюдения, касающиеся не только технических систем, но и антропологии, культурологии и социологии. Они не были систематизированы и введены в оборот потому, что резко противоречили всей доктрине начавшейся в СССР реформы.

а системным событием. Вследствие проводимых все последние годы реформ в энергетике отрасль подошла к критическому состоянию. Авария на СШГЭС и другие аварии, произошедшие и происходящие в последнее время, подтверждают вывод о том, что наступил кризис системы управления энергетикой, созданной в результате реформ. ... В Уставах новых энергокомпаний утверждена одна цель: получение прибыли. Ответственность Советов Директоров и Исполнительных органов за ненадежность электроснабжения национальных потребителей полностью отсутствует...

При практически выработанном нормативном сроке эксплуатации гидротурбин, станция находится в усиленном режиме эксплуатации: выработка электроэнергии нередко превышает проектную. То есть задания по выработке электроэнергии и многократному постоянному изменению нагрузки от Системного оператора не учитывали фактическое состояние оборудования» [129].

Каковы были конкретные изменения в состоянии СШГЭС, вызванные «сменой цели производственной деятельности» и создавшие предпосылки для аварии?

Самым очевидным стало резкое сокращение инвестиций, вплоть до изъятия из отрасли амортизационных отчислений на обновление основных фондов. С.Г. Левченко пишет: «На протяжении длительного периода (более 15 лет) энергетическая отрасль страны испытывала хронический дефицит инвестиций. В период экономического спада 90-х годов прошлого века кратное снижение вводов мощности электростанций (в три раза) и электрических сетей (почти в пять раз), а также резкое сокращение объемов регуляторных ремонтных работ (почти в четыре раза) привели к росту степени износа основных фондов» [129].

О степени износа оборудования СШГЭС было хорошо известно верховной власти. Счетная палата России предупреждала об этом за два года до аварии. Руководитель Счетной палаты Сергей Степашин сказал корреспонденту агентства «Интерфакс» 8 сентября 2009 г.: «Два года назад была проверена Счетной палатой Саяно-Шушенская ГЭС, где мы указали, что там 85% технологического износа. Было направлено представление в правительство и письмо в Генеральную прокуратуру.

Ответ был следующий: это акционерное общество, вот за счет акционеров пусть они там все и восстанавливают... Это — к вопросу о реформе электроэнергетики и так называемом государственном подходе к этой теме» [130].

Председатель Комитета Госдумы по энергетике Ю. Липатов заявил: «До наступления аварии 2-й гидроагрегат СШГЭС эксплуатировался 29 лет и 10 месяцев (срок эксплуатации заводом-изготовителем определен 30 лет). Остальные гидроагрегаты станции имели такой же срок службы, гидроагрегаты Красноярской ГЭС существенно старше, и эта ситуация характерна для гидроэнергетики в целом» [128].

Он добавил, что безопасная эксплуатация гидроагрегатов, исчерпавших свой проектный ресурс, возможна «только при квалифицированной эксплуатации и своевременном и качественном проведении ремонтных и профилактических работ». Но именно это оказалось невозможно обеспечить в нынешних условиях. Прежде всего, в результате развала отечественного машиностроения.

С.Г. Левченко пишет: «Проведенные реформы привели к тому, что:

— отечественная промышленность не выпускает необходимого оборудования, отвечающего современным требованиям надежного и экономичного ведения режимов... В настоящее время большой перечень оборудования и приборов для электроэнергетики у нас в стране не выпускается и каждая из привлеченных к ремонту и модернизации организация рассматривает одной ей известный перечень поставщиков импортного оборудования и без согласования с автором проекта и заводом-изготовителем заказывает и устанавливает оборудование;

— проектные институты, проектировавшие крупнейшие в мире электростанции, строившиеся на территории нашей страны и за рубежом, после проведенных реформ в экономике и приватизации утратили свой потенциал, а некоторые перешли в собственность иностранных компаний и утратили связь с объектами отечественной энергетики...;

— разрушена система профессионально-технических училищ, готовивших кадры для электроэнергетики» [129].

Второй фактор, который резко снизил качество эксплуатации и содержания технических систем в России — принципиальная установка реформы на расчленение сложившейся в СССР структурно-функциональной конфигурации предприятий. Эффективным инструментом «перехода к рынку» считалась замена системы *технологических* функций, которая служила «скелетом» советского предприятия, на систему *коммерческих трансакций*, совершаемых между независимыми «хозяйствующими субъектами». Технологическое взаимодействие заменялось мириадами контрактов и финансовыми потоками (что, кстати, позволяло уводить в тень значительную часть этих «потоков»). За первые пять лет реформы (1992—1996 гг.) число предприятий в промышленности России выросло в 5,8 раза. Поскольку новых заводов построено не было, этот рост означал расчленение предприятий — в среднем почти на 6 частей каждое.

В частности, в энергетике в отдельные предприятия были выделены ремонтные службы. Для больших машин, подобных турбинам и генераторам СШГЭС, разделение функций эксплуатации и ремонта имело крайне негативный эффект.

С.Г. Левченко пишет: «Реализация Стратегии РАО «ЕЭС России» на 2003—2008 гг. привела к выводу ремонтного персонала из штатного расписания объектов электроэнергетики и не сопровождалась внесением в договоры (на ремонт и обслуживание) требований о регулярном контроле за техническим состоянием оборудования» [129].

Эта акция сыграла настолько очевидную роль в создании предпосылок аварии, что в Акте «Ростехнадзора» в п. 7. «События (лица), предшествующие и способствующие возникновению аварии» сказано:

— В.Ю. Синюгин, замминистра энергетики РФ, «находясь на должности заместителя председателя правления РАО «ЕЭС России», осуществлял решения по выводу ремонтного персонала из штатного расписания ГЭС, не обеспечив внесение в договора ремонта и обслуживания требований о регулярном контроле технического состояния основного оборудования...

— В.А. Стафиевский, в 1983—2006 гг. главный инженер СШГЭС, «участвовал в выводе ремонтного персонала из штатного расписания, не обеспечив соблюдение требований о регулярном контроле технического состояния основного оборудования СШГЭС».

Этим людям вменяются в вину действия, **прямо предусмотренные** в Стратегии реформирования РАО «ЕЭС России». Но РАО ЕЭС — государственная корпорация. Решение о ее реформировании принималось на высшем уровне. С.Г. Левченко пишет: «Совет директоров ОАО РАО «ЕЭС России» состоял из 15 членов, 10 из которых являлись представителями государства и действовали на основе директив, выданных Правительством РФ. Следовательно, все решения по реорганизации ОАО РАО «ЕЭС России» были одобрены государством и принимались под его контролем» [129].

Очевидно, что в условиях переходного периода и тем более кризиса особую роль в техносфере приобретают государственные контролирующие органы. Рынок не может обеспечить безопасность, его идол — прибыль. Это — общеизвестная истина. Как можно было именно в этих условиях упразднить Госстандарт и государственные стандарты, обладающие силой закона! Общество имеет право спросить у В.В. Путина, из каких соображений было принято такое решение? Почему решили заменить ГОСТы корпоративными регламентами, за которые никто не отвечает? Подумать только: **«за время существования РАО «ЕЭС России» не велся мониторинг отказов энергетического оборудования»!**

С.Г. Левченко пишет: «Установлена дата окончания переходного периода реформирования [РАО ЕЭС]—1 июля 2008 года. Но и в настоящее время необходимый пакет технических регламентов для надежного функционирования электроэнергетики отсутствует, а с июня 2010 года перестанут действовать ГОСТы. В отсутствие общегосударственной нормативной базы отдельные субъекты электроэнергетики вынуждены создавать собственные инструкции, которые носят информационно-справочный, в лучшем случае рекомендательный характер» [129].

Теперь Акт «Ростехнадзора» констатирует:

«Комиссия обращает внимание на то, что переход ОАО «ГидроОГК» (ОАО «Русгидро») на Стандарты, разработанные РАО «ЕЭС России», не обеспечил на должном уровне безопасную эксплуатацию ГЭС.

Совместным приказом ОАО «ГидроОГК» и ОАО «УК ГидроОГК» от 06.09.2006 ... отменен ряд нормативных документов, действующих ранее и обеспечивающих безопасность работы ГЭС... Вместе с тем Стандарт РАО «ЕЭС России» «Методики оценки технического состояния основного оборудования гидроэлектростанций» не предусматривал все необходимые требования для стабильной и безопасной работы оборудования на ГЭС...

— Б.Ф. Вайнзихер (2005—2008 гг. технический директор ОАО РАО «ЕЭС России») «отвечал за введение в действие стандартов РАО «ЕЭС», ... не обеспечивших на должном уровне безопасную эксплуатацию СШГЭС».

— И.Х. Юсуфов, «находясь на посту министра энергетики РФ (в 2001—2004 гг.), не создал механизмов реального государственного контроля и надзора за безопасной эксплуатацией объектов энергетики, в том числе включенных в состав РАО «ЕЭС России», ... не обеспечил разработку и принятие основ государственной политики в области безопасной эксплуатации объектов энергетики, способствовал передаче контрольных функций от государства эксплуатирующим организациям без принятия решений о повышении их ответственности за энергетическую безопасность Российской Федерации» [125].

Сегодня Правительство просто обязано подвергнуть анализу прошлые решения и дать им оценку уже с учетом их последствий. Если те решения и сегодня будут признаны правильными, придется гласно отвергнуть выводы Акта «Ростехнадзора». *Они несовместимы между собой.*

Неприемлемое качество ремонта отмечается обеими комиссиями. В Докладе сказано: «Второй гидроагрегат проходил средний ремонт в апреле [2009 г.]. О «качестве» ремонта говорит величина вибрации основного подшипника, которая за 4 месяца после ремонта возросла в 4 раза и во столько же раз превысила допустимый уровень. Зная об этом, руководство станции не вывело агрегат в повторный ремонт» [128].

Приводим график:

Изменение показаний датчика радиальных вибраций ТПНБ подшипника турбины при мощностях 500-600 МВт

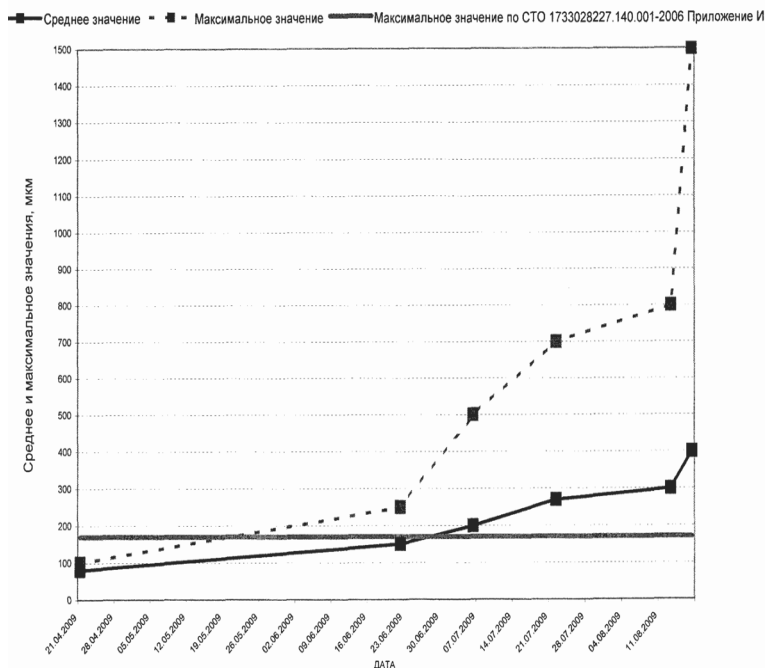

Рис. 33. Вибрация подшипника турбины второго гидроагрегата СШГЭС с момента окончания ремонта до аварии [125]

Из графика видно, что максимальные значения вибрации превысили *допустимый уровень* в мае — через месяц после ремонта, а средние значения пересекли «красную черту» в июне. Уже 7 июля вибрация временно превышала допустимый уровень в три раза!

Как сказано в Акте, согласно Инструкции по эксплуатации гидроагрегатов Саяно-Шушенской ГЭС «гидроагрегат должен быть разгружен или остановлен в срок, определяемый главным инженером гидроэлектростанции, при внезапном увеличении вибрации крышки турбины и верхней крестовины аг-

регата более 0,16 мм». Это должно было быть сделано уже в начале мая.

Казалось бы, вот что должна выявить и объяснить обществу Парламентская комиссия — каков был ход мысли руководства крупнейшей в России ГЭС, когда они с оценкой «хорошо» принимали из ремонта разбалансированную машину, а затем преступно ее эксплуатировали, ведя дело к практически неминуемой катастрофе. Ведь эти люди принадлежат к высшему эшелону хозяйственных руководителей России! Тип их знаний, разума и совести несовместим с жизнью России. Так скажите, Госдума, Правительство, Президент, как выбираться из этого состояния? Ведь это вашими словами и делами страна в него погружена!

Поведение технических специалистов СШГЭС показывает, что за время реформы произошло рассогласование всей системы технического регулирования в России, начиная с уровня верховной власти вплоть до оператора на предприятии. Реформа вырвала предприятие из системного контекста и привела к тому, что оно стало «говорить» только на языке основной целевой функции предприятия в рыночной экономике — получения прибыли. Ст. Бир, разрабатывая кибернетическую модель жизнеспособной фирмы, подчеркивал, что предприятие с необходимостью должно включать в себя элементы, «говорящие» на другом языке, нежели язык основной целевой функции. В противном случае фирма утрачивает связь с системами высшего порядка и саморазрушается. Это — вывод из эмпирических наблюдений, получивший теоретическое оформление в кибернетике [131].

Мы помним, что в советское время предприятие говорило на нескольких «языках», которые не зависели от его главной функции — производства (как писал Ст. Бир, «управляющая система представляет собой машину, предназначенную для отображения одной картины мира на другую»). Так, в общий системный контекст страны предприятие было включено через партийную организацию, которая подчинялась критериям, автономным по отношению к производству. Через отдел техники безопасности предприятие замыкалось на Гостехнадзор, через профком — на систему охраны труда и социальной защиты

и т.д. Любой работник имел доступ к нескольким каналам, по которым он мог послать в директивные для предприятия органы сигнал о нарушении какого-то ограничения, наложенного на деятельность предприятия этими органами.

В этих условиях грубое нарушение какого-то регламента создавало для управляющих реальный и значительный риск. Существовало три регулярных форума (партийное, профсоюзное и производственное собрание), на которых нарушения предавались гласности и фиксировались в протоколе. Предотвратить такие выступления было нелегко. Если дирекция на них не реагировала, в коллективе всегда находился особо принципиальный человек (обычно из ветеранов труда), который писал в Комитет народного контроля. По команде оттуда приходил проверяющий, и это создавало для дирекции и партбюро неприятные проблемы. Это был реально действующий доступный для работников механизм. Многомесячная работа гидроагрегата с вибрацией, превышающей допустимый уровень, была бы совершенно невозможна, если только все контролирующие инстанции не договорились бы между собой и не санкционировали (негласно) подобное нарушение. Но такой сговор можно представить себе только для какого-то чрезвычайного периода типа войны, да и то с трудом.

Гидроагрегаты СШГЭС — уникальные машины. Они работают в сложной системе сооружений, потоков огромных масс воды с высокими скоростями и колоссальной энергией, точных движений тысячетонных масс металла и высокой разностью электрических потенциалов. Знание об этих машинах не может быть полностью формализовано в инструкциях и описаниях, большая его часть хранится как «неявное знание» в памяти людей, которые проектировали, строили и «доводили до ума» эти машины — коллективном разуме НИИ, КБ и заводов. Поэтому обе комиссии важной предпосылкой аварии считают тот поразительный факт, что дирекция СШГЭС разорвала договор с предприятием-изготовителем, представители которого последние 15 лет не появлялись на ГЭС¹.

---

¹ Согласно высказываниям членов Парламентской комиссии, после создания в 1993 году ОАО «Саяно-Шушенская ГЭС» практически прекратился

В Акте сказано о необходимости технического сопровождения работы СШГЭС специалистами предприятия-изготовителя: «В соответствии с требованиями п. 3.3.9 ПТЭЭСиСРФ [«Правила технической эксплуатации электрических станций и сетей Российской Федерации»] значение всех параметров, определяющих условия пуска гидроагрегата и режим его работы, должны быть установлены на основании данных заводов-изготовителей и специальных натуральных испытаний». Надо подчеркнуть слова *всех параметров*, определяющих режим работы.

Руководство СШГЭС нарушило это требование, внося конструктивные изменения в гидроагрегат и меняя параметры режима работы без согласования с заводами-изготовителями. Эти действия представляются неразумными, вплоть до абсурдного. Вот что следовало бы расследовать Парламентской комиссии — что произошло с мышлением топ-менеджмента «РусГидро»? Как с этим обстоит дело в других крупных компаниях России?

С.Г. Левченко пишет: «В период рабочего проектирования и строительства СШГЭС (1971—2000 гг.) Институт «Ленгидропроект» являлся генеральным проектировщиком, неся ответственность за все проектные решения. После 2000 года руководство станции прекратило договорные отношения с ОАО «Ленгидропроект», как с генпроектировщиком. Работы по реконструкции и модернизации оборудования и сооружений стали выполняться силами дирекции СШГЭС с привлечением субподрядных организаций, в том числе «НПФ Ракурс», «ЭКРО» и «Промавтоматика»... На СШГЭС в большинстве случаев по инициативе дирекции принимались решения по изменению структуры, состава АСУ ТП, датчиков, механизмов, технологических алгоритмов и других технических изменений...

В 2006—2008 гг. были введены в опытную эксплуатацию, а затем и в промышленную подсистемы группового регулирования активной мощности, напряжения и реактивной мощно-

---

надзор за работой гидроагрегатов со стороны института «Ленгидропроект», а также авторский надзор за работой и ремонтом агрегатов со стороны завода-изготовителя. Это подтвердила и пресс-атташе ОАО «Силовые машины» М. Алеева [125].

сти, но алгоритм воздействия на гидроагрегат этими подсистемами не согласовывался с заводом-изготовителем гидротурбин — ОАО «Силовые машины» [129].

Депутат А. Бурков, входящий в состав Парламентской комиссии, сказал: «Вся автоматика на Саяно-Шушенской ГЭС устанавливалась компаниями «Ракурс» и «Промавтоматика», которые работали «без учета мнения производителей турбин и проектировщиков» [128].

Производимые изменения явно подчинялись критерию «экономической эффективности», т.е. максимизации прибыли. Ограничения, задаваемые соображениями безопасности, просто отбрасывались.

В статье с «места событий» говорится: «По требованию менеджмента компании программисты «Ракурса» вкупе с «Промавтоматикой» не только разработали так называемую автоматизированную систему управления, но и крепко поработали над удешевлением эксплуатации СШГЭС. В ходе «автоматизации» исчезли дежурные ВБ [верхнего бьефа] и вся система аварийного энергообеспечения. Не вникая в физику процесса, «Ракурс» и «Промавтоматика» установили систему практически независимого управления лопаток ГА-2, не обеспечив алгоритмами снижение вибрации. Исходно система управления лопатками ГА-2 строилась с применением не микроэлектроники, а тросовых связей.

Дежурные ВБ — 5 женщин — уволены менеджментом с помощью «Ракурса» и «Промавтоматики». Закрывать затворы некому. Автоматика разрушается раньше, чем разрушен даже сам ГА-2, т.к. автоматика перестала работать через 1,5 сек.

Это техника. Если брать психические причины, то они давно озвучены на «Эхе Москвы» — менеджмент ну никак не соответствует уровню объекта управления» [68].

Обратимся теперь к мнению двух видных специалистов энергетики, которые указывают на фундаментальную предпосылку к аварии — изменение общей хозяйственной ситуации, в которой приходится работать машинам, созданным для работы в иной, советской системе.

Корреспондент так излагает объяснения, которые дал бывший главный инженер СШГЭС В.А. Стафиевский: «Во времена

СССР особой нужды маневрировать мощностями ГЭС в широком диапазоне не было, так как потребление мощности благодаря работающей промышленности было относительно равномерным и необходимости резко повышать и понижать нагрузку турбин, а значит, заходить в опасную зону для поддержания нормативных сетевых показателей мощности (частоты, напряжения) приходилось не так часто. В 1990—2000-х все изменилось. Частота регулирования покрытия пиковых мощностей и, наоборот, резкого падения нагрузок из-за изменения структуры потребления резко увеличилась. Режим маневрирования ГЭС, в том числе Саяно-Шушенской, изменился.

В 2000-х годах на изменение режима работы СШГЭС повлияло «назначение» станции наряду с Братской ГЭС на роль главного регулятора мощности в единой энергосистеме Сибири. До этого, по словам Валентина Стафиевского, использовались четыре-пять электростанций, режим работы которых менялся по команде системного оператора в ручном режиме. Для сетевого регулирования использовалась и вторая по мощности в стране Красноярская ГЭС, которая находится в центре узла нагрузок, и она чаще решала регулировочные задачи, чем СШГЭС. Но Красноярская принадлежит теперь одной из структур «Базового элемента», и договориться с ними системному оператору, видимо, сложнее, чем командовать двумя станциями» [132].

Другой комментарий дал член комиссии «Ростехнадзор» Ю.К. Петреня¹. Вот выдержки из его беседы с корреспондентом, который спросил о факте отсутствия гаек на нескольких шпильках, крепящих крышку гидроагрегата: «Последний средний ремонт выполнялся в течение трех месяцев с января по март 2009 года... На момент послеремонтного пуска гайки

---

¹ Доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой энергомашиностроения СПбГПУ профессор Ю.К. Петреня — один из самых авторитетных специалистов в области гидроэлектроэнергетики. Он многолетний директор Центрального котлотурбинного института (НПО ЦКТИ им. Ползунова), ведущего в своей области. Ю.К. Петреня является также заместителем генерального директора и техническим директором «Силовых машин», чьи филиалы — «Ленинградский металлический завод» и «Электросила» — в свое время изготовили основное оборудование для СШГЭС.

были на месте все. Невероятно и то, что какой-нибудь никем не замеченный злоумышленник скрутил их — хотя бы потому, что для этого нужно приложить усилие в 1200 килограммов, так что тут без специального ключа не обойдешься.

— Вы ведете к тому, что гайки еще в марте были, а потом их вибрация, грубо говоря, раскрутила, и они слетели?

— Я клоню именно к этому. Двадцать девять с половиной лет это оборудование работало. И ни разу с ним ничего подобного не происходило. Несмотря на напряженный режим первых десяти лет... И вдруг за последние три с половиной месяца работы произошло что-то совершенно аномальное. Что показал ЦНИИТмаш? Что есть всего две шпильки из 49, которые исследовали, у которых есть ступенька на так называемом усталостном изломе... Из этого можно сделать предположение, что к 2000 году из 80 шпилек только на двух были признаки неких повреждений. А на момент аварии уже 90 процентов шпилек имеют усталостные разрушения...

Это значит, что в период с марта по август при эксплуатации гидроагрегата произошло снижение уровня затяга, которое может быть связано только с самопроизвольным отвинчиванием гаек в этот период. Чего не наблюдалось за предыдущие двадцать девять лет работы и никогда не наблюдалось при эксплуатации аналогичных агрегатов.

Дело в том, что, когда гидроагрегат работает в проектных режимах при обычном уровне частот вибрации 0,7 — 4,6 герца, гайка диаметром 80 миллиметров колебания крышки не чувствует в принципе. Чтобы гайка начала свинчиваться, должны быть такие частотные колебания, которые начинают оказывать влияние с учетом диаметра шпильки, по крайней мере, десятки-сотни герц, а это совершенно несвойственная, нехарактерная вибрация, которой в течение двадцати девяти с половиной лет не было...

Состояние оборудования изменилось всего за три с половиной месяца. Причем на самом оборудовании ничего не менялось. В этот период в эксплуатацию был введен ГРАРМ и выбран второй гидроагрегат в качестве приоритетного при регулировании, больше ничего не изменилось.

— Для чего вводили эту систему?

— В советское время благодаря трехсменному режиму работы предприятий, тому, что все заводы работали, обеспечивалось более равномерное потребление электрической мощности, поэтому нагрузка на ГЭС не менялась так быстро и неритмичности в графике работы станций было намного меньше. Но все изменилось, и режим потребления стал намного более дерганным» [132].

Таким образом, агрегаты СШГЭС оказались непригодными к новым требованиям. Для выполнения задач, которые на них были возложены в иной хозяйственной системе, было необходимо произвести специальные исследования и важные изменения в режимах работы и в управлении технологическим процессом. Это можно было сделать только совместно с конструкторами и производителями гидроагрегатов. Вводить машины в работу следовало очень осторожно, с постоянным множественным контролем, усиленным по сравнению с тем, который применялся в «штатных» советских условиях. Требовалось и усиление средств защиты.

Произошло совершенно противоположное — были отключены или ликвидированы даже минимальные средства защиты и контроля. В Акте сказано: «Система непрерывного виброконтроля, установленного на гидроагрегате № 2 в 2009 г., не была введена в эксплуатацию и не учитывалась оперативным персоналом и руководством станции при принятии решений. В период с 21.04.2009 по 17.08.2009 наблюдался рост показаний вибрации турбинного подшипника гидроагрегата № 2, примерно в 4 раза» [125].

Какое несчастье для России — такое отношение сильных мира сего к сложным, зачастую очень хрупким системам! Как много они успели разрушить походя, даже без злого умысла и без всякой выгоды для себя. Как много молодых и образованных людей оказались заражены от них этой странной духовной болезнью. Какие надо найти слова, чтобы вернуть им чуткость и способность охватывать мыслями или интуицией сложные и подвижные взаимосвязи вещей и явлений? Кто может сказать им эти слова? Или изменения необратимы?

В.В. Путин и Д.А. Медведев говорят о модернизации и о переходе к инновационному пути развития — и в то же время заверяют, что «курс реформ неизменен». Это взаимоисключающие утверждения. Все давно видят, и это подтверждается раз за разом, что курс реформ фатально, почти мистическим образом снижает профессиональную квалификацию и ответственность управляющих — как культурного типа. Реформа толкнула Россию в коридор, в котором не возникает рационального буржуа, пусть бы он был скрягой и жестоким эксплуататором. Размножается и занимает верхние уровни иерархии бессовестный стяжатель, презирующий труд и тружеников. Вот что должна была бы объяснить Парламентская комиссия.

С.Г. Левченко добавляет: «Крупные предприятия энергетики превратились в коммерческие структуры, абсолютно не способные к самоконтролю... Авария на СШГЭС стала следствием общего для многих структур управления падения технологической и социальной дисциплины, пренебрежения к правилам безопасности, безответственности в выполнении своих служебных обязанностей. На СШГЭС это выразилось в неоправданно быстрой (массовой в масштабах предприятия) сменяемости основных технических руководителей. В результате: у начальника службы мониторинга оборудования стаж работы на этом рабочем месте — два месяца; у начальника производственно-технической службы — два месяца; у исполняющего обязанности начальника штаба гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций — 19 дней; у начальника службы технологических систем управления — три месяца» [129].

Как сообщает РИА «Новости», Парламентская комиссия по расследованию причин катастрофы на СШГЭС считает, что работники станции имели достаточно времени для того, чтобы предотвратить аварию. «Мы считаем так, что если бы в течение последних 13 минут работы гидроагрегата и объявления повышенной вибрации был бы отключен агрегат, то никакой бы аварии не было», — сказал Липатов в интервью агентству. Акт фиксирует: «В этой ситуации с целью обеспечения безопасной эксплуатации главный инженер СШГЭС (находившийся на станции с 06.35 17.08.2009 г.) должен был принять решение об остановке ГА-2 и исследовании причин вибрации.

Вместо этого ГА-2 оставался приоритетным при регулировании мощности» [125].

Так объясните, почему квалифицированные инженеры вместе с главным инженером СШГЭС смотрели на гибнущий гидроагрегат и не решились на его аварийную остановку! Где в Акте и Докладе объяснительные записки этих инженеров? Ведь перед нами катастрофа не столько техническая, сколько культурная и социальная. Система производственных отношений, созданная на крупных предприятиях, примером которых и служит СШГЭС, способна отключить у высокообразованных, опытных людей разум, профессиональную этику и даже инстинкт самосохранения.

Вот — чрезвычайный пункт нашей национальной повестки дня.

Примечания

1. Эмсден А., Интрилигейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Л. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики. — Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996.

2. Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис. 2003.

3. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003.

4. Яковлев А.Н. «Поиск». 1992, № 7.

5. Ельцин Б. Записки президента. М.: «Огонек», 1994. С. 300.

6. Путин В.В. Россия. — Российская газета. 1999, 31 декабря.

7. Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир-экономика, 1500-2010. — «Свободная мысль». 1996, № 5.

8. Петраков Н., Перламутров В. Россия — зона экономической катастрофы. — Вопросы экономики. 1996, № 3.

9. Коэн С. И это называется реформой? — «Независимая газета», 1998, 27 авг.

10. Филиппов П.С. «Элита России о настоящем и будущем страны. Книга 1». М.: ИСИ РАН. 4 января 1994 г. Интервьюер — Лапина Г.П.

11. Шмелев Н. Новые тревоги и надежды. — «Новый мир». 1988, № 4.

12. Шмелев Н. «Известия». 1989, 30 октября.

13. Заславская Т.И. Россия в поисках будущего. — СОЦИС, 1996, № 3.

14. Кордонский С. Социальная реальность современной России. — www.POLIT.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html.

15. Гэлбрейт Дж. «Известия», 31 янв. 1990.

16. Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из Утопии. — <http://www.kreml.org/opinions/152681586>.

17. Медведев Д. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации — <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

18. Путин В.В. Выступление на открытии Всемирного экономического форума в Давосе. — <http://www.premier.gov.ru/visits/world/6095/events/3221/>.
19. Иноземцев В.Л. Парадоксы постиндустриальной экономики // Финансист. 2000, № 4 (<http://www.postindustrial.net/doc/magazines/article66.doc>).
20. Бауман З. Возвышение и упадок труда. — СОЦИС. 2004, № 5.
21. Шмелев Н.П. Экономические перспективы России. — СОЦИС. 1995, № 3.
22. Ципко А. «Освобождение духа». М.: Политиздат. 1991. С. 345.
23. Гроппо Б. Как быть с «темным» историческим прошлым. — <http://www.polit.ru/lectures/2005/02/25/groppo.html>.
24. Лацис О. Общественные науки и современность. 1994, № 6.
25. Aganbegyan A. La perestroika económica: una revolución en marcha. Barcelona: Grijalbo, 1989. P. 77.
26. Заславская Т.И. Перестройка и социализм. — Постигение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс. 1989. С. 217-240.
27. Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990, с. 585.
28. Коровицына Н.С. Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2003.
29. Симонян Р.Х. Страны Балтии: этносоциальные особенности и общие черты. — СОЦИС. 2003, № 1.
30. Панарин А. Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006.
31. Джордж Ф. После 1984. Перспективы лучшего мира. — В кн. Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986.
32. Медведев Д.А. Россия, вперед! — <http://kremlin.ru/transcripts/5413>.
33. Путин В.В. Отчет Правительства перед Госдумой 6 апреля 2009 г. — <http://www.rg.ru/2009/04/06/putin-duma.html>.
34. Российская газета. 14.01.2009.
35. Буайе Р., Э. Бруссо, А. Кайе, О. Фавро. К созданию институциональной политической экономии. — Экономическая социология. 2008, т. 9, № 3 (http://ecsoc.hse.ru/data/190/589/1234/1ecsoc_t9_n3.pdf).
36. Латынина Ю. Атавизм социальной справедливости. Век XX и мир. 1992, № 5.
37. Пчелинцев О.С. Двенадцать лет преобразования экономики России: правильно ли был поставлен диагноз? // Пробл. прогнозирования. 2003, № 3.

38. *Гайдар Е.* Богатые и бедные. Становление и кризис системы социальной защиты в современном мире. Статья первая — «Вестник Европы», № 10, 2004.

39. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Пет-роград. 1917.

40. *Зубова Л.Г.* Социальное расслоение в России — «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». ВЦИОМ. 1995, № 3.

41. *Алексеева Л.С.* Бездомные как объект социальной дискредита-ции. СОЦИС. 2003, № 9.

42. *Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация населения. СО-ЦИС. 2004, № 4.

43. *Арбатов Г.* «Независимая газета», 13. 03. 1992.

44. *Сурков В.* Национализация будущего. «Эксперт» №43 (537)/20 ноября 2006.

45. *Гражданкин А.И.* — <http://safety.moy.su/news/materialy.../2009—10—19>.

46. *Н.Н. Иванец, Е.А. Кошкина, В.В. Киржанова, Н.И. Павловская.* Де-мографические последствия роста наркомании и алкоголизма. — В кн. Рос-сия: предпосылки преодоления системного кризиса. М.: ИСПИРАН. 2007.

47. *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс. 2002.

48. *Романов Н.* Сонька на скорую руку — Литературная газета. № 20 (6120) 16—22 мая 2007 г. (http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg202007/Polosy/10_1.htm).

49. *Медведев Д.А.* Интервью немецкому журналу «Шпигель» 7 но-ября 2009 г. -(<http://kremlin.ru/news/5929>).

50. *Мишин Г.* Необходим закон о борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти//Уголовное право. 2002. № 7.

51. *Голик Ю.В., Коробеев А.И.* Преступность — планетарная про-блема. СПб.: Юридический центр. 2006.

52. «Московский комсомолец». 23.09.1998.

53. «Пришло время вновь заняться дефолтом 1998 года». Росбалт, <http://www.rosbalt.ru/>, 04.06.2008. Госдума РФ. *Мониторинг СМИ.* 5 июня 2008 г.

54. *Куртуа С.* и др. Черная книга коммунизма. М.: Три века исто-рии. 2001.

55. Шмелев Н., Попов В. На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: Изд-во Агентства печати Новости. 1989. С. 140—143.

56. Беляков А.А. Стратегические проекты России в условиях кризиса. — «Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование». 2009, т. 2, вып. 3.

57. «Тарифы поставки электрической энергии на оптовый рынок на 2008 г.» — <http://www.irkutskenergo.ru/gi/2381>.

58. <http://www.rian.ru/economy/20091003/187398587.html>.

59. <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/main.asp?id=57697>.

60. Обзор и анализ аварий и других нарушений в работе на электростанциях и в электрических сетях энергосистем за 1983 г. — М.: СПО Союзтехэнерго, 1984. Вып. 1, с. 66. (ru.wikipedia.org/.../Нурекская_ГЭС).

61. Гайсина Л. Авария на Нурке не была засекречена. [http:// www.centrasia.ru/newsA.php?st=1256446860](http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1256446860).

62. Ростехнадзор запутался в шпильках Саяно-Шушенской ГЭС. - http://fedpress.ru/federal/econom/tek/id_156975.html, 6 октября 2009.

63. Буровский А.М. После человека. — «Постчеловек». М.: Алгоритм, 2008, с. 208.

64. Иноземцев В. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века. — «Постчеловечество». М.: Алгоритм, 2007, с. 71.

65. Столяров А.М. Розовое и голубое. — «Постчеловек». М.: Алгоритм, 2008, с. 26, 31.

66. Динамика социально-экономического положения населения России (по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. 1992-2006 гг.»). // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. 2008. Вып. 2. С. 74.

67. Шмелев Н.П. «Московская среда», № 4, 2003.

68. RUH. Обобщающая статья об аварии на СШГ: негодная автоматика, вибрации, шпильки, полет + обзор действий персонала. — <http://energyfuture.ru/ssg30>.

69. Тумакова И., Тепляков С. Основатель energyfuture.ru Алексей Абакумов дает интервью «Известиям» по вопросу причины аварии на СШГ. — http://energyfuture.ru/ssg_izv 22 сент. 2009.

70. <http://www.duma.gov.ru/>, 25.12.2009.

71. Science and engineering indicators 2006. Vol. 1, Ch. 7. Цит. в: «Научковедение». 2007, № 3. М.: ИНИОН.

72. Новиков А.И. Мещанство и мещане. Л.: Лениздат. 1983.

73. Патрушев В. Жизнь горожанина (1965—1998). М.: Academia. 2001.

74. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭ СО РАН. 2001.

75. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. — В сб. А.В.Чаянов. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.

76. Найшуль В.А. Проблема создания рынка в СССР. — В кн. «Постижение. Перестройка: гласность, демократия, социализм». М.: Прогресс. 1989. С. 441-454.

77. Найшуль В.А. Откуда суть пошли реформаторы — bilingua.org.ru/lectures/2004/04/21/vaucher.html.

78. Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991.

79. Батыгин Г.С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук. — В кн. «Социальные науки в постсоветской России». М.: Академический проект, 2005.

80. Кульков В.М. Формирование смешанной экономики в России: есть ли шансы? — Шансы российской экономики. Вып. 2 (1997). С. 90-98.

81. Шаги перестройки. Радикальная экономическая реформа. Истоки, проблемы, решения. М.: Высшая школа (100 000 экз.). 1990. С. 504.

82. Давыдов А.А. Оптимальный уровень безработицы в СССР. — СОЦИС. 1990, № 12.

83. Яременко Ю.В. Правильно ли поставлен диагноз? // Экономические науки, 1991, №1.

84. www.i-stroy.ru/docu/government/17381.html 29 января 2009.

85. Вестник СОЮЗАГРОМАШ. 2005, № 1.

86. «Деловая Москва», 17.07.2000.

87. Шкель Т. Ломать и строить. Государство начнет масштабный капремонт ветхого жилья. — «Российская газета», № 4390 от 16 июня 2007 г. (<http://www.rg.ru/2007/06/16/zhkh.htm>).

88. Отчет о проверке эффективности и целевого использования государственных капитальных вложений за 2003-2004 годы, выделенных на реализацию подпрограммы «Переселение граждан Российской Федерации из ветхого и аварийного жилищного фонда», входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище» — www.ach.gov.ru/bulletins/2005/arch12/04.

89. www.zkh.murmansk.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=

90. Кара-Мурза С. и Телегин С. Царь-Холод, или Почему вымерзает Россия. М.: Алгоритм-книга. 2003.

91. *Адамович А.* Мы — шестидесятники. М.: Советский писатель 1991.
92. *Горбачев М.* Декабрь-91. Моя позиция. М.: Изд-во «Новости» 1992.
93. *Воронцов В.А.* В коридорах безвластия. Премьеры Ельцина. М.: Академический проект. 2006, с. 17.
94. *Фигнер С.* Олигарх-губернатор все же лучше генерал-губернатора. «Новая газета», 2005, № 29.
95. *Милосердов В.* АПК: проблемы старые и новые — Шаги перестройки. Радикальная экономическая реформа. Истоки, проблемы, решения. М.: Высшая школа. 1990. С. 541.
96. *Горбачев М.* Демократизация — суть перестройки, суть социализма // «Правда», 1988, 13 янв.
97. <http://ru.euronews.net/2009/11/05/mikhail-gorbachev-former-ussr-president-perestroika-won-but-politically-i-lost/>.
98. *Шмелев Н.П.* Экономика и здравый смысл. — «Знамя». 1988, № 7.
99. *Латухина К., Шкель Т.* Проверка слуха. «Российская газета». 2009, № 5041 (217), 18 ноября 2009 г.
100. *Бирман И.* Взгляд на российскую экономику с Запада. — «Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития». М.: Интерпракс. 1994. С. 44-46.
101. *Визгунова Ю.И.* Безработица в Латинской Америке в условиях неолиберальных реформ. — СОЦИС. 2004, № 8.
102. *Соколовский Д.* «А если гайки одинаковые ввест...» — «Двигатель», 2006, № 4 (<http://engine.aviaport.ru/issues/46/page28.htm>).
103. *Гельман М.* «Промышленные ведомости», 01.12.2008 г.
104. *Яковлев А.Н.* «Литературная газета», № 41, 10—16 октября 2001 г.
105. *Коэн Ст.* Можно ли было реформировать советскую систему. — Свободная мысль -XXI, 2005, №1.
106. *А. Сахаров.* «Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления». Л., 1990. С. 66
107. *Л.Б.Резников.* Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе. — «Российский экономический журнал», 2001, № 4.
108. http://www.perspektivy.info/table/kakaja_elita_nuzhna_rossii_2007-06-26.htm.
109. *Чернов М.* В России готовится госпереговор? — www.rbcdaily.ru/news/policy/index.shtml, 14.01.2005.
110. <http://www.taxpravo.ru/news/fns/article21439641249247522307346133017256>.

111. Аккерман Е. Эксперимент удался. Начнем сначала // «Экономика и жизнь». 2006, № 6. — <http://www.eg-online.ru/article/84700/>.
112. Эксперимент доказал социально-экономическую опасность налога на недвижимость. — <http://exposaw.ru/552>.
113. Wood E.M. El Imperio del Capital. Barcelona: El viejo topo. 2003.
114. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг. Соч., т. 12, с. 717.
115. www.vif2ne/nvz/forum.
116. Levi-Strauss C. Antropología estructural: Mito, sociedad, humanidades. México: Siglo XXI Eds. 1990.
117. Хиниельвуд О.Н. Качественное и количественное. — В кн. «Философские проблемы современной химии», М.: «Прогресс». 1971, с. 21-32.
118. Менцин Ю.Л. Дилетанты, революционеры и ученые // Вопросы истории естествознания и техники. 1995, № 3.
119. <http://www.kremlin.ru/transcripts/5274>.
120. <http://www.kremlin.ru/news/5314>.
121. <http://www.expert.ru/news/2009/08/26/rtnavaria/comments/>.
122. <http://www.spravedlivo.ru/news/aneWS/10370.php>.
123. «Ведомости», 18.08.2009, №153 (2423). -<http://old.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/08/18/210158>.
124. Акт преддекларационного обследования СШГЭС и Майнского гидроузла. Хакасия, 20 сентября 2009. — <http://energyfuture.ru/akt-preddeklaracionnogo-obsledovaniya-sshges-i-majnskogo-gidrouzla>.
125. Акт технического расследования причин аварии, произошедшей 17 августа 2009 года в филиале Открытого Акционерного Общества «РусГидро» — «Саяно-Шушенская ГЭС имени П.С. Непорожного». 2009. — <http://www.gosnadzor.ru/news/news.html>.
126. <http://www.vesti.ru/videos?vid=245327>.
127. <http://trv.nauchnik.ru/36N.pdf>.
128. <http://www.duma.gov.ru/>, 25.12.2009.
129. Особое мнение С. Левченко к Докладу по результатам расследования обстоятельств на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 года. — http://www.kprfnsk.ru/inform/news/7417_levchenko/.
130. http://infox.ru/business/company/2009/09/08/SP_vlasti_otmahnulli.phtml.
131. Бур. Ст. Кибернетика и управление производством. М.: Наука. 1965.

132. Эксперт: Технический директор «Силовых машин» об Акте аварии на СШГ. — <http://energyfuture.ru/ekspert-texnicheskij-direktor-silovykh-mashin-ob-akte-avarii-na-sshg>.

133. «Голос Родины», 1995, № 22.

134. <http://www.minregion.ru/WorkItems/NewsItem.aspx?PageID=276&NewsID=159>

135. «Независимая газета», 1992, 10.06.

136. *Захаров А.Н., Староверов В.В.* Проблемность сельского предпринимательства. — В кн. «Социальные проблемы российского села. Книга II». М.: ИСПИРАН, 2009. С. 245-293.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
--------------------	---

Раздел I. Мировоззрение

Глава 1. Угроза для хозяйства: утрата способности предвидеть угрозы	8
Глава 2. Хозяйство как часть национальной культуры	14
Глава 3. Подрыв рациональности	21
Глава 4. Отказ от государственного патернализма	49
Глава 5. Реформа хозяйства: отход от справедливости	59
Глава 6. Антисоветизм идеологии реформ	70
Глава 7. Рынок, культура и преступность	81
Глава 8. Мировоззренческий срыв: деградация функции сохранения	99

Раздел II. Стратегические программы реформы: общие угрозы

Глава 9. Демонтаж народа	109
Глава 10. Угроза разрушения институциональных матриц России	134
Глава 11. Приватизация промышленности	141
Глава 12. Аграрная реформа	151
Глава 13. Преобразование системы потребностей	164
Глава 14. Институциональная матрица России — жилищный фонд	175

Раздел III. Снижение качества управления хозяйством

Глава 15. Деградация системы управления	189
Глава 16. Угроза для хозяйства России: деградация функции целеполагания	204
Глава 17. Иррациональное целеполагание: деиндустриализация России	219
Глава 18. Деградация функции контроля	226
Глава 19. Кризис и качество методологического оснащения хозяйственной политики	233
Глава 20. Изъяны методологии: миф об экономическом кризисе в СССР	256
Глава 21. Эксперимент в методологии: «монетизация» льгот . .	283
Глава 22. Концепция нового налога на жилье: методологические соображения	291
Вместо заключения. Саяно-Шушенская ГЭС и образ будущего экономики России	319
Примечания	342

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
МАНИПУЛЯЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
Стратегия разрухи

*Редактор О.В. Селин, художник Б.Б. Протопопов,
верстка А.А. Кувшинников, корректор Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм–Издат»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-izdat@mail.ru

Сдано в набор 31.05.11. Подписано в печать 28.07.11.
Формат 84х108 1/32. Бумага тип. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Печ. л. 11. Тираж 3000 экз. Заказ №